
ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

НАЧАЛА И КОНЦЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Т. V

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Пред. 1950

Типографія Товарищества
„ЕКАТЕРИНГОФСКОЕ ПЕЧ. ДѢЛО“.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Екатерингофскій пр. 10—19

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

330
31

НАЧАЛА и КОНЦЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Оглавленіе.

	стран.
Предисловіе	V*
Творчество изъ ничего	1
Пророческій даръ	69
Похвала Глупости	92
Предпослѣднія слова	124

Предисловіе.

Какъ это ни покажется на первый взглядъ страннымъ, но несомнѣнно, что самой характерной для человѣка чертой является боязнь правды. Всегда — съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество научилось думать—къ правдѣ относились подозрительно, одни—скрыто, другіе—открыто. И обыкновенно тѣ, которые на словахъ являлись наиболѣе горячими поборниками истины, на дѣлѣ болѣе всего боялись ея. Пожалуй, не будетъ даже преувеличеніемъ сказать, что только тѣ, которые бранили истину, хоть до нѣкоторой степени рѣшались приближаться къ ней. Но въ общемъ, повторяю, среди людей уже съ древнихъ временъ укоренилась прочная вѣра, что истина страшна и что ея нужно всячески избѣгать. Ее сравнивали съ головой Медузы, окруженной змѣями, и говорили, что всякій, взглянувшій на нее, обращается въ камень. Или съ солнцемъ—

постоянно глядѣть на которое значитъ рисковать потерять зрѣніе. Этимъ, вѣроятно, объясняется сложившееся уже давно и тоже непонятное, даже загадочное мнѣніе, что люди добровольно не ищутъ истины и что только подчиняясь необходимости или непреодолимому категорическому императиву они перестаютъ себя обманывать и рѣшаются прямо взглянуть въ лицо правдѣ. «Ты не долженъ лгать», ежеминутно повторяетъ себѣ ученый изслѣдователь и тѣмъ не менѣе не можетъ побѣдить въ себѣ инстинктивнаго страха и лжетъ, лжетъ, лжетъ. Не изъ соображеній мелкой личной выгоды въ родѣ того, что primum vivere deinde philosophari — такого рода случаи насъ здѣсь совсѣмъ не занимаютъ. Ученый изслѣдователь лжетъ, руководясь высшими соображеніями, подчиняясь велѣніямъ своей совѣсти. Ему кажется, что если онъ начнетъ говорить правду, если правда станетъ извѣстной людямъ, то жизнь на землѣ станетъ совершенно невозможной. Такое сужденіе вы услышите отъ представителей самыхъ различныхъ міровоззрѣній, отъ людей, которые не смогутъ сговориться ни по одному другому вопросу.

Съ одной стороны, Нитше и Оскаръ Уайльдъ прославляли ложь, съ другой стороны, всѣ представители возникшихъ послѣ Канта безчисленныхъ теорій познанія предлагаютъ вмѣсто истины

разнаго рода суррогаты ея въ видѣ общеобязательныхъ сужденій, т.-е. ту же ложь. Оскаръ Уайльдъ и Ницше, съ одной стороны, современные неокантіанцы (а вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ противники вплоть до позитивистовъ и матеріалистовъ) съ другой, въ той или иной формѣ, скрыто или открыто, проповѣдуютъ ложь, безъ которой, по ихъ мнѣнію, жизнь невозможна. Если мы присмотримся внимательнѣе къ современнымъ религіознымъ людямъ, мы убѣдимся, что и они большей частью боятся истины и избѣгаютъ ея и потому вѣрятъ. Оттого обыкновенно и выходитъ, что люди вѣрятъ въ то, чему ихъ съ дѣтства учили, съ чѣмъ они болѣе или менѣе свыклись. Родившійся въ католичествѣ, если онъ будетъ вѣрить, то непремѣнно въ единую святую католическую церковь, родившійся въ протестантствѣ признаетъ только христіанство лютерова истолкованія, магометанинъ по рожденію будетъ крѣпко держаться Аллаха и Магомета. Случаи искренняго обращенія бываютъ только среди дикарей. Образованные же люди знаютъ, что безъ вѣры страшно и потому ищутъ вѣры quand-même, болѣе озабоченные необходимостью увѣровать, чѣмъ желаніемъ найти религіозную истину. Естественно является вопросъ: да точно ли это убѣжденіе человѣка правильно? Точно ли правда на самомъ дѣлѣ такъ страшна

и вредна? Широкое распространеніе этого мнѣнія никоимъ образомъ не можетъ служить само по себѣ доказательствомъ его истинности. Какіе только предразсудки не получали широкаго распространенія!..

Я отнюдь, однако, не хочу оспаривать пользы и практическаго значенія лжи. Уайльдъ, Нитше и нѣмецкіе гносеологи по-своему правы: ложь полезна, даже очень полезна. Но я рѣшительно не вижу необходимости ставить дилемму: либо ложь, либо истина. Пусть ложь процвѣтаетъ и пусть даже гносеологи воспѣваютъ ее, какъ единую возможную, какъ самую лучшую и высокую истину — развѣ это можетъ служить возраженіемъ противъ настоящей истины?! Людямъ кажется, что если выпустить истину, она тотчасъ же сожретъ ложь, подобно тому какъ нѣкогда тощія библейскія коровы сожрали толстыхъ. И вотъ я считаю своей пріятной обязанностью заявить здѣсь, что эти опасенія очень преувеличены и ровно ни на чемъ не основаны. Несмотря на то, что истины постоянно бродятъ по свѣту, толстая ложь по-прежнему продолжаетъ процвѣтать, благоденствовать и приносить всѣ тѣ «пользы», которыхъ люди отъ нея такъ жадно требуютъ. Истина рѣшительно не имѣетъ тѣхъ силъ, которыя нужны, чтобъ истребить ложь. Можетъ быть, истина вовсе съ ложью и

не враждуетъ, можетъ быть, она сама и породила ее на свѣтъ? Послѣднее предположеніе далеко не такъ невѣроятно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза...

Впрочемъ—не въ этомъ суть. Главное, идеалистамъ не о чемъ безпокоиться: ихъ прочный союзъ съ ложью обезпечиваетъ обѣимъ договорившимся сторонамъ всевозможныя выгоды и на очень долгое время, in saecula saeculorum. А потому нѣтъ большой бѣды, если иной разъ и истина рѣшится выглянуть на свѣтъ божій. Она, правда, не сулитъ непосредственныхъ выгодъ. Но могу сообщить, что искатели истины далеко не такъ наивны и безкорыстны, какъ думаютъ въ своей близорукости идеалисты, и что въ своихъ стремленіяхъ они отнюдь не руководятся однѣми «чистыми» идеями. Если они и подставляютъ свои головы подъ удары—вспомнимъ хотя бы о Чеховѣ, чтобъ взять въ примѣръ писателя, о которомъ говорится въ настоящемъ сборникѣ — то, право, не изъ преданности и благоговѣнія къ дубинѣ. Мнѣ уже однажды пришлось указать, что разбитая голова часто является первой страницей исторіи развитія генія. Мнѣ, конечно, не повѣрили—особенно идеалисты, которые твердо знаютъ (идеалисты вообще очень многое очень твердо знаютъ), что разбитая голова есть разбитая голова и только. Я бы могъ

сослаться въ подтвержденіе моего мнѣнія на трудъ извѣстнаго психолога Джемса: The varieties of religious experience, но въ предисловіи нужно быть краткимъ. Кто хочетъ, пусть самъ прочтетъ эту во многихъ отношеніяхъ прямотаки замѣчательную книгу. Джемсъ американецъ, человѣкъ практическій и очень довѣряющій здравому смыслу. И тѣмъ не менѣе чуть ли не вся книга посвящена похвалѣ глупости. Когда невѣжественный и не умный человѣкъ вступаетъ въ союзъ съ глупостью, въ этомъ мало интереснаго. Но когда очень умный и ученый человѣкъ открыто ищетъ правды у глупости, даже у безумія — такое зрѣлище уже заслуживаетъ вниманія и даже особаго вниманія.

Пора кончать. Скажу только еще два слова по поводу заглавія сборника. «Начала и концы», иными словами все, только не середина. Середина не нужна не потому, что она сама по себѣ ни на что не годится. Въ мірѣ вообще всякая вещь на что-нибудь да годится. Но середина обманываетъ, ибо у нея есть собственныя начала и собственные концы, и она кажется похожей на все. А въ этомъ званіи, которое она охотно на себя принимаетъ и о которомъ для нея такъ упорно хлопочутъ всякаго рода благочестивые люди, изъ числа тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь выше — она уже не можетъ притязать на при-

знаніе. Всякаго рода самозванство вызываетъ протестъ и озлобленіе даже и тогда, когда ему, какъ въ данномъ случаѣ, присущъ элементъ комическаго. Середина не есть все, не есть даже большая часть всего: сколько бы теорій познанія ни написали нѣмцы—мы имъ не повѣримъ. Мы будемъ идти къ началамъ, будемъ идти къ концамъ — хотя почти навѣрное знаемъ, что не дойдемъ ни до начала, ни до конца. И будемъ утверждать, что истина, въ послѣднемъ счетѣ, можетъ быть нужнѣе самой лучшей лжи—хотя, конечно мы не знаемъ и, вѣрно, никогда послѣдней истины не узнаемъ. Уже и то хорошо, что всѣ, выдуманные людьми суррогаты истины—не истина!..

Есть многое на небѣ и землѣ, что и не снилось учености даже ученѣйшихъ...

Л. Ш.

Saanen (Швейцарія)
$^{8}/_{21}$ августа 1908 г.

Творчество изъ ничего.

(А. П. Чеховъ).

Résigne-toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute.

Ch. Baudelaire.

I.

Чеховъ умеръ — теперь можно о немъ свободно говорить. Ибо говорить о художникѣ — значитъ выявлять, обнаруживать скрывающуюся въ его произведеніяхъ «тенденцію», а продѣлывать такую операцію надъ живымъ человѣкомъ далеко не всегда позволительно. Вѣдь была же какая-нибудь причина, заставлявшая его таиться и, разумѣется, причина серьезная, важная. Мнѣ кажется, многіе это чувствовали, и отчасти потому у насъ до сихъ поръ нѣтъ настоящей оцѣнки Чехова. Разбирая его произведенія, критики до сихъ поръ ограничивались общими мѣстами и избитыми фразами. Знали, конечно,

что это дурно: но все лучше, чѣмъ выпытывать правду у живого человѣка. Одинъ Н. К. Михайловскій попробовалъ ближе подойти къ источнику творчества Чехова, и, какъ извѣстно, съ испугомъ, даже съ отвращеніемъ отшатнулся отъ него. Тутъ, между прочимъ, покойный критикъ могъ лишній разъ убѣдиться въ фантастичности такъ называемой теоріи искусства ради искусства. У каждаго художника есть своя опредѣленная задача, свое жизненное дѣло, которому онъ отдаетъ всѣ силы. Тенденція смѣшна, когда она разсчитываетъ замѣнить собою дарованіе, прикрыть безпомощность и отсутствіе содержанія, когда она заимствуется на вѣру изъ запаса ходкихъ въ данную минуту идей. «Я защищаю идеалы—стало быть всѣ должны мнѣ сочувствовать» — въ литературѣ такого рода претензіи высказываются сплошь и рядомъ—и знаменитый споръ о свободномъ искусствѣ, повидимому, держался только на двоякомъ смыслѣ употреблявшагося противниками слова «тенденція». Одни хотѣли думать, что благородство направленія спасаетъ писателя, другіе боялись, что тенденція закабалитъ ихъ на службу чуждымъ имъ задачамъ. Очевидно, обѣ стороны напрасно волновались: никогда готовыя идеи не прибавятъ дарованія посредственности, и, наоборотъ, оригинальный писатель во что бы то ни стало

поставитъ себѣ собственную задачу. У Чехова было свое дѣло, хотя нѣкоторые критики и говорили о томъ, что онъ былъ служителемъ чистаго искусства и даже сравнивали его съ беззаботно порхающей птичкой. Чтобы въ двухъ словахъ опредѣлить его тенденцію, я скажу: Чеховъ былъ пѣвцомъ безнадежности. Упорно, уныло, однообразно въ теченіе всей своей почти 25-лѣтней литературной дѣятельности Чеховъ только одно и дѣлалъ: тѣми или иными способами убивалъ человѣческія надежды. Въ этомъ, на мой взглядъ, сущность его творчества. Объ этомъ до сихъ поръ мало говорили — и по причинамъ, вполнѣ понятнымъ: вѣдь то, что дѣлалъ Чеховъ, на обыкновенномъ языкѣ называется преступленіемъ и подлежитъ суровѣйшей карѣ. Но, какъ казнить талантливаго человѣка? Даже у Михайловскаго, показавшаго на своемъ вѣку не одинъ примѣръ безпощадной суровости, не поднялась рука на Чехова. Онъ предостерегалъ читателей, указывалъ на «недобрые огоньки», подмѣченные имъ въ глазахъ Чехова. Но дальше этого онъ не шелъ: огромный талантъ Чехова подкупилъ ригористически строгаго критика. Можетъ быть, впрочемъ, не послѣднюю роль въ относительной мягкости приговора Михайловскаго сыграло и его собственное положеніе въ литературѣ. Тридцать лѣтъ подъ рядъ молодое

поколѣніе слушало его, и слово его было закономъ. Но потомъ всѣмъ надоѣло вѣчно повторять: Аристидъ справедливъ, Аристидъ правъ. Молодое поколѣніе захотѣло жить и говорить посвоему, и, въ концѣ концовъ, стараго учителя подвергли остракизму. Въ литературѣ существуетъ тотъ же обычай, что и у жителей Огненной Земли: молодые, подростая, убиваютъ и съѣдаютъ стариковъ. Михайловскій отбивался, сколько могъ, но онъ уже не чувствовалъ той твердости убѣжденія, которая выростаетъ изъ сознанія своего права. Внутренно онъ какъ будто чувствовалъ, что правы молодые—не тѣмъ, конечно, что они знаютъ истину: какую истину знали экономическіе матеріалисты! а тѣмъ, что они молоды, что у нихъ жизнь впереди. Восходящее свѣтило всегда свѣтитъ ярче заходящаго, и старики должны добровольно отдавать себя на съѣденіе молодымъ. Михайловскій, повторяю, это чувствовалъ, и это, быть можетъ, отнимало у него прежнюю увѣренность и твердость въ сужденіяхъ. Онъ, правда, попрежнему, какъ мать Гетевской Гретхенъ, не принималъ попадавшихся ему случайно богатыхъ даровъ, не посовѣтовавшись предварительно со своимъ духовникомъ. Даръ Чехова онъ тоже носилъ къ пастору и, очевидно, онъ тамъ былъ заподозрѣнъ и отвергнутъ—но идти противъ общественнаго мнѣнія у

Михайловскаго уже не было смѣлости. Молодое поколѣніе цѣнило въ Чеховѣ талантъ, огромный талантъ, и ясно было, что оно отъ него не отречется. Что́ оставалось Михайловскому? Онъ пробовалъ, говорю, предостерегать. Но его никто не слушалъ, и Чеховъ сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей.

А межъ тѣмъ справедливый Аристидъ и на этотъ разъ былъ правъ, какъ онъ былъ правъ, когда предостерегалъ противъ Достоевскаго: теперь Чехова нѣтъ, объ этомъ уже можно говорить. Возьмите разсказы Чехова — каждый порознь или, еще лучше, всѣ вмѣстѣ: посмотрите его за работой. Онъ постоянно точно въ засадѣ сидитъ, высматривая и подстерегая человѣческія надежды. И будьте спокойны за него: ни одной изъ нихъ онъ не просмотритъ, ни одна изъ нихъ не избѣжитъ своей участи. Искусство, наука, любовь, вдохновеніе, идеалы, будущее—переберите всѣ слова, которыми современное и прошлое человѣчество утѣшало или развлекало себя—стоитъ Чехову къ нимъ прикоснуться, и они мгновенно блекнутъ, вянутъ и умираютъ. И самъ Чеховъ на нашихъ глазахъ блекнулъ, вянулъ и умиралъ — не умирало въ немъ только его удивительное искусство однимъ прикосновеніемъ, даже дыханіемъ, взглядомъ убивать все, чѣмъ живутъ и гордятся люди.

Болѣе того, въ этомъ искусствѣ онъ постоянно совершенствовался и дошелъ до виртуозности, до которой не доходилъ никто изъ его соперниковъ въ европейской литературѣ. Я безъ колебанія ставлю его́ далеко впереди Мопассана. Мопассану часто приходилось дѣлать напряженія, чтобъ справиться со своей жертвой. Отъ Мопассана сплошь и рядомъ жертва уходила хоть помятой и изломанной, но живой. Въ рукахъ Чехова все умирало.

II.

Нужно напомнить, хотя всѣ это знаютъ, что въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ менѣе всего похожъ на того Чехова, къ которому мы привыкли въ послѣдніе годы. Молодой Чеховъ веселъ, беззаботенъ, и, пожалуй, даже похожъ на порхающую птичку. Свои работы онъ печатаетъ въ юмористическихъ журналахъ. Но уже въ 1888 — 1889 годахъ, когда ему было всего 27, 28 лѣтъ, появились двѣ его вещи: разсказъ «Скучная Исторія» и драма «Ивановъ», которыми положено начало новому творчеству. Очевидно, въ немъ произошелъ внезапный и рѣзкій переломъ, цѣликомъ отразившійся и въ его произведеніяхъ. Обстоятельной біографіи Чехова мы еще не имѣемъ, да вѣроятно и имѣть не будемъ,

по той причинѣ, что обстоятельныхъ біографій не бываетъ — я, по крайней мѣрѣ, не могу назвать ни одной. Обыкновенно, въ жизнеописаніяхъ намъ разсказываютъ все, кромѣ того, что важно было бы узнать. Можетъ быть, когда-нибудь выяснится съ мельчайшими подробностями, у какого портного шилъ себѣ платье Чеховъ, но навѣрное мы никогда не узнаемъ, что произошло съ Чеховымъ за то время, которое протекло между окончаніемъ его разсказа «Степь» и появленіемъ первой драмы. Если хотимъ знать, нужно положиться на его произведенія и собственную догадливость.

«Ивановъ» и «Скучная Исторія» представляются мнѣ вещами, носящими наиболѣе автобіографическій характеръ. Въ нихъ почти каждая строчка рыдаетъ—и трудно предположить, чтобы такъ рыдать могъ человѣкъ, только глядя на чужое горе. И видно, что горе новое, нежданное, точно съ неба свалившееся. Оно есть, оно всегда будетъ, а что съ нимъ дѣлать—неизвѣстно.

Въ «Ивановѣ» главный герой сравниваетъ себя съ надорвавшимся рабочимъ. Я думаю, что мы не ошибемся, если приложимъ это сравненіе и къ автору драмы. Чеховъ надорвался, въ этомъ почти не можетъ быть сомнѣнія. И надорвался не отъ тяжелой, большой работы, не великій непосильный подвигъ сломилъ его, а такъ, пу-

стой, незначительный случай: упалъ, споткнувшись, поскользнулся. И вотъ безсмысленный, глупый, невидный почти случай, и нѣтъ прежняго Чехова, веселаго и радостнаго, нѣтъ смѣшныхъ разсказовъ для «Будильника», а есть угрюмый, хмурый человѣкъ, «преступникъ», пугающій своими словами даже опытныхъ и бывалыхъ людей.

При желаніи легко отдѣлаться и отъ Чехова и отъ его творчества. Въ нашемъ языкѣ есть два волшебныхъ слова: «патологическій» и его собратъ «ненормальный». Разъ Чеховъ надорвался, мы имѣемъ совершенно законное, освященное наукой и всѣми традиціями право не считаться съ нимъ, въ особенности, если онъ уже умеръ и, стало быть, не можетъ быть обиженнымъ нашимъ пренебреженіемъ. Это при желаніи отдѣлаться отъ Чехова. Но если такого желанія почему-либо нѣтъ, слова «ненормальный» и «патологическій» на васъ не произведутъ никакого дѣйствія. Можетъ быть, вы пойдете дальше и попытаетесь найти въ Чеховскихъ переживаніяхъ критеріумъ наиболѣе незыблемыхъ истинъ и предпосылокъ нашего познанія. Третьяго выхода нѣтъ: нужно, либо отвергнуть Чехова, либо стать его соучастникомъ.

Въ «Скучной Исторіи» герой — старый профессоръ; въ «Ивановѣ» — герой молодой помѣ-

щикъ. И, однако, тема въ обоихъ произведеніяхъ одна и та же. Профессоръ надорвался и этимъ отрѣзалъ себя и отъ своей прошлой жизни, и отъ возможности принимать дѣятельное участіе въ человѣческихъ интересахъ; Ивановъ тоже надорвался и сталъ лишнимъ, ненужнымъ человѣкомъ. Если бы жизнь была такъ устроена, что одновременно съ утратой здоровья, силъ и способностей наступала и смерть, старый профессоръ и молодой Ивановъ не могли бы просуществовать и часу. Для слѣпого ясно: оба они разбиты и для жизни не годятся. Но по непонятнымъ для насъ причинамъ мудрая природа не озаботилась о такого рода совпаденіи. сплошь и рядомъ человѣкъ продолжаетъ жить послѣ того, когда онъ совершенно утратилъ способность брать отъ жизни то, въ чемъ мы привыкли видѣть ея сущность и смыслъ. И еще поразительнѣе: у разбитаго человѣка обыкновенно отнимается все, кромѣ способности сознавать и чувствовать свое положеніе. Если угодно—мыслительныя способности въ такихъ случаяхъ большей частью утончаются, обостряются, выростаютъ до колоссальныхъ размѣровъ. Нерѣдко средній посредственный, банальный человѣкъ, попавъ въ исключительное положеніе Иванова или стараго профессора, измѣняется до неузнаваемости. Въ немъ появляются признаки дарованія, таланта,

даже геніальности. Ницше поставилъ когда-то такой вопросъ: можетъ ли оселъ быть трагическимъ? Онъ оставилъ его безъ отвѣта, но за него отвѣтилъ гр. Толстой въ «Смерти Ивана Ильича». Иванъ Ильичъ, какъ видно изъ сдѣланнаго Толстымъ описанія его жизни, посредственная, обыкновенная натура, одна изъ тѣхъ, которыя проходятъ свой путь, избѣгая всего труднаго и проблематическаго, озабоченныя исключительно спокойствіемъ и пріятностью земного существованія. И вотъ чуть только пахнуло на него холодомъ трагедіи—онъ весь преобразился. Иванъ Ильичъ и его послѣдніе дни захватываютъ насъ не меньше, чѣмъ исторія Сократа или Паскаля.

Замѣчу кстати—и это я считаю чрезвычайно важнымъ — что въ творчествѣ своемъ Чеховъ находился подъ вліяніемъ Толстого и въ особенности подъ вліяніемъ его послѣднихъ произведеній. Это важно въ виду того, что такимъ образомъ часть «вины» Чехова падаетъ на великаго писателя земли русской. Мнѣ представляется, что если бы не было «Смерти Ивана Ильича»—не было бы ни «Скучной исторіи», ни «Иванова», ни многихъ другихъ замѣчательныхъ произведеній Чехова. Это менѣе всего, однако, значитъ, что Чеховъ заимствовалъ хоть одно слово у своего великаго предшественника. У Че-

хова было достаточно собственнаго матеріала, и въ этомъ смыслѣ онъ въ помощи не нуждался. Но едва ли молодой писатель рѣшился бы предстать за свой собственный страхъ предъ людьми съ тѣми мыслями, которыя составляютъ содержаніе «Скучной исторіи». Толстой, когда писалъ «Смерть Ивана Ильича», имѣлъ за собой «Войну и Миръ», «Анну Каренину» и прочно установившуюся репутацію первокласснаго художника. Ему все было позволено. Чеховъ же былъ молодымъ человѣкомъ, весь литературный багажъ котораго сводился къ нѣсколькимъ десяткамъ мелкихъ разсказовъ, пріютившихся на страницахъ мало извѣстныхъ и не пользовавшихся вліяніемъ періодическихъ изданій. Если бы Толстой не проложилъ пути, если бы Толстой своимъ примѣромъ не показалъ, что въ литературѣ разрѣшается говорить правду, говорить что угодно, Чехову пришлось бы, можетъ быть, долго бороться съ собой, прежде чѣмъ онъ рѣшился бы на публичную исповѣдь, хотя бы въ формѣ разсказовъ. Да и послѣ Толстого какую ужасную борьбу пришлось выдержать Чехову съ общественнымъ мнѣніемъ! «Зачѣмъ онъ пишетъ свои ужасные разсказы и драмы?»—спрашивали себя всѣ.—«Зачѣмъ писатель систематически подбираетъ для своихъ героевъ такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ и абсолютно не можетъ быть

никакого выхода? Что можно сказать старому профессору и его воспитанницѣ, Катѣ, въ отвѣтъ на ихъ нескончаемыя жалобы?» То-есть. въ сущности есть что̀ сказать: въ литературѣ съ давнихъ временъ заготовленъ большой и разнообразный запасъ всякаго рода общихъ идей и міровоззрѣній, метафизическихъ и позитивныхъ, о которыхъ учителя вспоминаютъ каждый разъ, какъ только начинаютъ раздаваться слишкомъ требовательные и неспокойные человѣческіе голоса. Но въ томъ-то и дѣло, что Чеховъ, будучи самъ писателемъ и образованнымъ человѣкомъ, заранѣе, впередъ отвергъ всевозможныя утѣшенія, метафизическія и позитивныя. Даже у Толстого, тоже не слишкомъ цѣнившаго философскія системы, вы не встрѣчаете такого рѣзко выраженнаго отвращенія ко всякаго рода міровоззрѣніямъ и идеямъ, какъ у Чехова. Онъ хорошо знаетъ, что міровоззрѣнія полагается чтить и уважать, свою неспособность преклоняться предъ тѣмъ, что считается образованными людьми святыней, онъ считаетъ своимъ недостаткомъ, съ которымъ нужно всѣми силами бороться. Онъ даже и борется съ нимъ всѣми силами, но безуспѣшно. Борьба не только ни къ чему не приводитъ, но, наоборотъ, чѣмъ дольше живетъ Чеховъ, тѣмъ больше ослабѣваетъ надъ нимъ власть высокихъ словъ—вопреки собствен-

ному разуму и сознательной волѣ. Подъ конецъ онъ совершенно эмансипируется отъ всякаго рода идей и даже теряетъ представленіе о связи жизненныхъ событій. Въ этомъ самая значительная и оригинальная черта его творчества. Забѣгая нѣсколько впередъ, я уже здѣсь укажу на его комедію «Чайку», въ которой, наперекоръ всѣмъ литературнымъ принципамъ, основой дѣйствія является не логическое развитіе страстей, не неизбѣжная связь между предыдущимъ и послѣдующимъ, а голый, демонстративно ничѣмъ не прикрытый случай. Читая драму, иной разъ кажется, что предъ тобой номеръ газеты съ безконечнымъ рядомъ faits divers, нагроможденныхъ другъ на друга безъ всякаго порядка и заранѣе обдуманнаго плана. Во всемъ и вездѣ царитъ самодержавный случай, на этотъ разъ дерзко бросающій вызовъ всѣмъ міровоззрѣніямъ. Въ этомъ, говорю, наибольшая оригинальность Чехова и—странно подумать—источникъ его мучительнѣйшихъ переживаній. Онъ не хотѣлъ оригинальности, онъ дѣлалъ нечеловѣческія напряженія, чтобы быть, какъ всѣ—но отъ судьбы не уйдешь! Сколько людей, особенно среди писателей, изъ кожи лѣзутъ, чтобъ быть не похожими на другихъ и все-таки не могутъ освободиться отъ шаблона—а вотъ Чеховъ противъ воли сталъ своеобразнымъ! Очевидно, что

условіемъ своеобразности является не готовность во что бы то ни стало высказывать непринятыя сужденія. Самая новая и смѣлая мысль можетъ оказаться и часто оказывается пошлой и скучной. Чтобы стать оригинальнымъ, нужно не выдумать мысль, а совершить дѣло, трудное и болѣзненное. И такъ какъ люди бѣгутъ труда и страданій, то обыкновенно дѣйствительно новое рождается въ человѣкѣ противъ его воли.

III.

«Съ совершившимся фактомъ мириться нельзя, не мириться тоже нельзя, а середины нѣтъ». «Дѣйствовать» при такихъ условіяхъ невозможно, стало быть, остается «упасть на полъ, кричать и биться головой объ полъ» *). Такъ говоритъ Чеховъ объ одномъ изъ своихъ героевъ, но могъ бы сказать обо всѣхъ безъ исключенія. Заботами автора они поставлены въ такое положеніе, что имъ остается только одно: упасть на полъ и колотиться головой о стѣну. Со страннымъ загадочнымъ упорствомъ они отвергаютъ всѣ принятые способы спасенія. Николай Степановичъ, старый профессоръ («Скучная исторія»)

*) Т. VI, стр 196

могъ бы попытаться забыться или утѣшиться воспоминаніями изъ своего прошлаго. Но воспоминанія только раздражаютъ его. Онъ былъ выдающимся ученымъ—теперь работа валится изъ его рукъ. Онъ умѣлъ два часа подрядъ на лекціи удерживать вниманіе аудиторіи, теперь его не хватаетъ и на четверть часа У него были друзья и товарищи, онъ любилъ своихъ учениковъ и помощниковъ, свою жену, своихъ дѣтей, теперь ему ровно ни до кого нѣтъ дѣла. Если люди и возбуждаютъ въ немъ какія-либо чувства, то развѣ только ненависть, злобу и зависть. Онъ долженъ признаться себѣ въ этомъ съ той правдивостью, которая неизвѣстно почему, зачѣмъ и откуда пришла къ нему на смѣну прежняго, свойственнаго всѣмъ умнымъ и нормальнымъ людямъ дипломатическаго искусства видѣть и говорить лишь то, что способствуетъ добрымъ человѣческимъ отношеніямъ и здоровымъ внутреннимъ настроеніямъ. Все, о чемъ онъ теперь думаетъ, все, что онъ видитъ—только отравляетъ ему и другимъ тѣ небольшія радости, которыми красится человѣческая жизнь. Онъ чувствуетъ съ ясностью, которой не достигалъ никогда въ лучшіе дни и часы своихъ прежнихъ теоретическихъ изысканій, что онъ сталъ преступникомъ — ничего не преступивъ. Все, что онъ прежде дѣлалъ, было хорошо, нужно, полезно.

Онъ разсказываетъ о своемъ прошломъ, и вы видите, что онъ всегда былъ правъ и могъ бы разрѣшить самому суровому судьѣ во всякое время дня и ночи придти къ нему — провѣрить не только дѣла его, но и помыслы. А теперь не только посторонній осудилъ бы его—онъ самъ себя осуждаетъ. Онъ откровенно признается, что весь сотканъ изъ зависти и ненависти. «Самое лучшее и святое право королей,—говоритъ онъ,— это право помилованія. И я всегда чувствовалъ себя королемъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво... Но теперь я уже не король. Во мнѣ происходитъ нѣчто такое, что прилично только рабамъ: въ головѣ моей день и ночь бродятъ злыя мысли, а въ душѣ свили себѣ гнѣздо чувства, какихъ я не зналъ раньше. Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь. Я сталъ не въ мѣру строгъ, требователенъ, раздражителенъ, нелюбезенъ, подозрителенъ... Что это значитъ? Если новыя мысли и новыя чувства произошли отъ перемѣны убѣжденій, то откуда могла взяться такая перемѣна? Развѣ міръ сталъ хуже, а я лучше, или раньше я былъ слѣпъ и равнодушенъ? Если же эта перемѣна произошла отъ общаго упадка физическихъ и умственныхъ силъ—я вѣдь боленъ и каждый день теряю въ вѣсѣ, то положеніе мое жалко: значитъ, мои но-

выя мысли ненормальны, нездоровы, я долженъ стыдиться ихъ и считать ничтожными»...

Такой вопросъ ставитъ старый, умирающій профессоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и Чеховъ. Что лучше? Быть ли королемъ, или старой, завистливой, злой «жабой», какъ онъ называетъ себя въ другомъ мѣстѣ? Вопросъ оригинальный, спору нѣтъ. Вы чувствуете въ приведенныхъ словахъ, чего стоила Чехову его оригинальность — и съ какой великой радостью, въ ту минуту, когда для него выяснялась его «новая» точка зрѣнія, отдалъ бы онъ всѣ свои оригинальныя мысли за самую обыкновенную, банальную способность доброжелательства. Для него сомнѣній нѣтъ, его образъ мыслей жалокъ, отвратителенъ, постыденъ. Его настроенія ему такъ же противны, какъ и его наружность, которую онъ описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я изображаю изъ себя человѣка 62 лѣтъ, съ лысой головой, съ вставленными зубами и съ неизлѣчимымъ тикомъ. Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тусклъ и безобразенъ я самъ. Голова и руки у меня трясутся отъ слабости; шея, какъ у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса, грудь впалая, спина узкая. Когда я говорю или читаю, ротъ у меня кривится въ сторону; когда улыбаюсь, все лицо покрывается старческими, мертвенными морщинами». Хороша

фигура? Хороши настроенія? Поглядѣть со стороны на такого урода, и въ сердцѣ самаго добраго и сострадательнаго человѣка невольно шевельнется жестокая мысль: поскорѣе добить, уничтожить эту жалкую и отвратительную гадину, или, если нельзя въ силу существующихъ законовъ прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ — то по крайней мѣрѣ припрятать его подальше отъ человѣческихъ глазъ, куда нибудь въ тюрьму, въ больницу, въ сумасшедшій домъ: пріемы борьбы, разрѣшаемые не только законодательствомъ, но, если не ошибаюсь, и вѣчной моралью. Но тутъ вы наталкиваетесь на особый видъ сопротивленія. Физическихъ силъ для борьбы съ тюремщиками, палачами, больничными служителями и моралистами у стараго профессора нѣтъ: его и малый ребенокъ свалитъ. Убѣжденія и просьбы—онъ знаетъ это—не помогутъ. И онъ пускается на отчаянное средство: страшнымъ, дикимъ, раздирающимъ душу голосомъ онъ начинаетъ кричать на весь міръ о какихъ то правахъ своихъ. «Мнѣ хочется прокричать не своимъ голосомъ, что меня, знаменитаго человѣка, судьба приговорила къ смертной казни, что черезъ какихъ-нибудь полгода здѣсь, въ аудиторіи, будетъ хозяйничать другой. Я хочу прокричать, что я отравленъ; новыя мысли, которыхъ я не зналъ раньше, отравили

послѣдніе дни моей жизни и продолжаютъ жалить мой мозгъ, какъ москиты. И въ то время мое положеніе представляется мнѣ такимъ ужаснымъ, что мнѣ хочется, чтобы всѣ мои слушатели ужаснулись, вскочили съ мѣстъ и въ паническомъ страхѣ, съ отчаяннымъ крикомъ, бросились къ выходу». Доводы профессора едва ли на кого-нибудь подѣйствуютъ—да я и не знаю, есть ли въ приведенныхъ словахъ доводы. Но этотъ ужасающій, нечеловѣческій стонъ! Представьте себѣ картину: лысый, безобразный старикъ, съ трясущимися руками, съ искривленнымъ ртомъ, съ высохшей шеей, съ обезумѣвшими отъ страха глазами, валяется, какъ звѣрь на землѣ, и вопитъ, вопитъ, вопитъ!.. Чего ему нужно?! Онъ прожилъ длинную, интересную жизнь, теперь осталось бы только красиво закончить ее, возможно тихо, спокойно и торжественно распростившись съ земнымъ существованіемъ. Но онъ рветъ и мечетъ, призываетъ къ суду чуть ли не всю вселенную и судорожно цѣпляется за оставшіеся ему дни. А Чеховъ? Что дѣлаетъ Чеховъ? Вмѣсто того, чтобы равнодушно пройти мимо, онъ беретъ сторону чудовищнаго урода, онъ посвящаетъ десятки страницъ его «душевнымъ переживаніямъ» и постепенно доводитъ читателя до того, что, вмѣсто естественнаго и законнаго чувства негодованія,

въ его сердцѣ зарождаются ненужныя и опасныя симпатіи къ разлагающемуся и гніющему существованію. Вѣдь помочь профессору нельзя— это знаетъ всякій. А если нельзя помочь, то, стало быть, нужно забыть: это прописная истина. Какая польза, какой смыслъ можетъ быть въ безконечномъ расписываніи, гр. Толстой сказалъ бы размазываніи, невыносимыхъ мукъ агоніи, неизбѣжно приводящей къ смерти?

Если бы «новыя» мысли и чувства профессора блистали красотой, благородствомъ, самоотверженностью — тогда дѣло иное: читатель могъ бы кой-чему поучиться. Но, какъ видно изъ разсказа Чехова, всѣ эти качества принадлежали старымъ мыслямъ его героя. Теперь, съ началомъ болѣзни, въ немъ зародилось непобѣдимое отвращеніе ко всему, что̀ хотя издалека напоминаетъ высокія чувства Когда его воспитанница, Катя, обращается къ нему за совѣтомъ что̀ дѣлать — онъ, знаменитый ученый, другъ Пирогова, Кавелина и Некрасова, воспитавшій столько поколѣній молодежи, не знаетъ, что̀ сказать ей. Безсмысленно перебираетъ онъ въ своей памяти цѣлый рядъ хорошихъ словъ — но они потеряли для него всякое значеніе. Что̀ отвѣтить ей?—спрашиваетъ онъ себя. «Легко сказать—трудись или раздай свое имущество̀ бѣднымъ или познай самого себя и потому, что легко сказать,

я не знаю, что отвѣтить». Катя, еще молодая, здоровая и красивая женщина, стараніями Чехова попала, какъ и профессоръ, въ мышеловку, изъ которой человѣческими силами не вырваться. И съ тѣхъ поръ, какъ она познала безнадежность, она завоевала всѣ симпатіи автора. Пока человѣкъ пристроенъ къ какому-нибудь дѣлу, пока человѣкъ имѣетъ хоть что-нибудь впереди себя— Чеховъ къ нему совершенно равнодушенъ. Если и описываетъ его, то обыкновенно наскоро и въ небрежно ироническомъ тонѣ. А вотъ когда онъ запутается, да такъ запутается, что никакими средствами его не выпутаешь — тогда Чеховъ начинаетъ оживляться. Тогда у него являются краски, энергія, подъемъ творческихъ силъ, вдохновеніе. Въ этомъ, можетъ быть, секретъ его политическаго индифферентизма. Несмотря на все свое недовѣріе къ проектамъ лучшаго будущаго, Чеховъ, какъ и Достоевскій, очевидно, не былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что общественныя реформы и наука безсильны. Какъ ни труденъ соціальный вопросъ, но все же онъ можетъ быть разрѣшимъ. Можетъ, когда-нибудь людямъ и суждено хорошо устроиться на землѣ, такъ, чтобы и жить, и умирать безъ мукъ, и что дальше этого идеала человѣчество не можетъ идти; можетъ быть, авторы толстыхъ трактатовъ о прогрессѣ угадываютъ и прозрѣваютъ что-то. Но

именно потому ихъ дѣло чуждо Чехову. Его сначала инстинктивно, а потомъ и сознательно влекло къ неразрѣшимымъ по существу проблемамъ, въ родѣ той, которая изображена въ «Скучной Исторіи»; въ наличности безсиліе, инвалидство, впереди неизбѣжная смерть, и никакихъ надеждъ хоть сколько-нибудь измѣнить положеніе. Такое влеченіе, все равно инстинктивное или сознательное, явно противорѣчитъ требованіямъ здраваго разсудка и нормальной воли. Но отъ Чехова, отъ надорвавшагося человѣка, нельзя ожидать ничего другого. О безнадежности всякій знаетъ или слыхалъ. Сплошь и рядомъ на нашихъ глазахъ разыгрываются ужасныя, невыносимыя трагедіи и еслибы каждый погибающій, по примѣру Николая Степановича, по поводу своей гибели подымалъ такую ужасную тревогу, жизнь обратилась бы въ кромѣшный адъ, Николай Степановичъ обязанъ не выкрикивать о своихъ мукахъ на весь міръ, а озаботиться о томъ, чтобы возможно меньше безпокоить людей. И Чеховъ обязанъ былъ бы всячески помогать ему въ этомъ почтенномъ дѣлѣ. Мало ли скучныхъ исторій на свѣтѣ — всѣхъ не перечтешь! Особенно такого рода исторіи, какъ та, о которой разсказываетъ Чеховъ—ихъ бы слѣдовало съ особеннымъ стараніемъ припрятывать какъ можно дальше отъ человѣческихъ взоровъ. Вѣдь здѣсь мы имѣемъ

дѣло съ разложеніемъ живого организма. Что бы сказали человѣку, который воспротивился бы преданію землѣ труповъ, который сталъ бы выкапывать изъ могилъ разлагающіяся и гніющія тѣла, хотя бы на томъ основаніи, вѣрнѣе подъ тѣмъ предлогомъ, что это тѣла близкихъ ему, даже знаменитыхъ, прославленныхъ, геніальныхъ людей?! Такое занятіе въ нормальномъ, здоровомъ духѣ не можетъ вызвать ничего, кромѣ отвращенія и страха. Въ старину колдуны, кудесники, волхвы, по народному повѣрью, водились съ мертвецами и находили въ этомъ страшномъ занятіи что-то въ родѣ удовлетворенія или даже настоящее удовлетвореніе. Но они обыкновенно прятались отъ людей въ лѣса и пещеры, уходили въ пустыни и горы, чтобъ тамъ въ одиночествѣ предаваться своимъ противоестественнымъ склонностямъ. И если случайно удавалось обнаружить ихъ дѣла, здоровые люди отвѣчали имъ кострами, висѣлицами, пытками. То, что называется зломъ, худшій видъ зла обыкновенно имѣлъ своимъ источникомъ и началомъ интересъ и вкусъ въ мертвечинѣ. Человѣкъ прощалъ всякое преступленіе—жестокость, насиліе, убійство, но никогда онъ не прощалъ безкорыстной любви и исканія тайны смерти. Въ этомъ смыслѣ свободная отъ предразсудковъ современность немного дальше зашла, чѣмъ средневѣ-

ковье. Можетъ быть, разница лишь въ томъ, что мы, занятые практическими дѣлами, утратили естественное чутье добра и зла. Мы теоретически даже убѣждены, что колдуновъ и волхвовъ въ наше время не бываетъ и быть не можетъ. Наша увѣренность и безпечность въ этомъ отношеніи доходила до того, что почти всѣ даже въ Достоевскомъ видѣли только художника и публициста и серьезно спорили съ нимъ о томъ, нужны ли русскому народу розги и брать ли намъ Константинополь.

Одинъ Михайловскій смутно догадывался, въ чемъ тутъ дѣло, и называлъ автора «Карамазовыхъ» кладоискателемъ. Я говорю смутно догадывался, ибо мнѣ представляется, что это замѣчаніе было сдѣлано покойнымъ критикомъ отчасти въ иносказательномъ, какъ будто даже въ шутливомъ тонѣ. А межъ тѣмъ никто изъ другихъ критиковъ Достоевскаго не обмолвился даже случайно болѣе мѣткимъ словомъ. И Чеховъ былъ кладоискателемъ, волхвомъ, кудесникомъ, заклинателемъ. Этимъ объясняется его исключительное пристрастіе къ смерти, разложенію, гніенію, къ безнадежности.

Не одинъ Чеховъ, конечно, бралъ сюжетомъ для своихъ произведеній смерть. Но дѣло не въ сюжетѣ, а въ томъ, какъ сюжетъ трактуется. Чеховъ понимаетъ это: «Во всѣхъ мысляхъ,

чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, — разсказываетъ онъ, — нѣтъ чего-то общаго, что́ связало бы все въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, литературѣ, ученикахъ, даже во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, богомъ живого человѣка. А разъ нѣтъ этого, значитъ нѣтъ ничего. При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья». Въ приведенныхъ словахъ выражается одна изъ самыхъ «новыхъ» мыслей Чехова—ею же опредѣляется и все послѣдующее творчество его. Выражена она въ скромной, покаянной формѣ — человѣкъ признается въ неспособности подчинить свои мысли высшей идеѣ, и въ такой неспособности видитъ свою слабость. И этого было достаточно, чтобы до нѣкоторой степени отвести отъ него громы критики и суда общественнаго мнѣнія. Кающихся грѣшниковъ мы охотно прощаемъ! Совершенно напрасная снисходительность: недостаточно признать себя виновнымъ, чтобъ искупить свою

вину. Что изъ того, что Чеховъ посыпалъ пепломъ главу и публично призналъ себя «виноватымъ», если внутренно онъ остался неизмѣннымъ? Если въ то время, когда онъ на словахъ признавалъ общую идею богомъ (правда, съ маленькой буквы), онъ ровно ничего не сдѣлалъ для нея. На словахъ воскуриваетъ ѳиміамъ «богу», на дѣлѣ проклинаетъ его. Прежде, до болѣзни «міровоззрѣніе» приносило ему радость, теперь— разлетѣлось въ клочья! Не естественно ли поставить вопросъ: да приносило ли ему «міро воззрѣніе» когда бы то ни было радость? Можетъ быть, радости имѣли свой собственный, автономный источникъ; а міровоззрѣніе приглашалось только въ качествѣ свадебнаго генерала, для внѣшней торжественности, и никогда никакой существенной роли не играло? Чеховъ обстоятельно разсказываетъ о томъ, какія радости ему приносили научныя работы, занятія съ учениками, семья, хорошій обѣдъ и такъ далѣе. При всемъ этомъ присутствовало и міровоззрѣніе съ идеей, и не только не мѣшало, но какъ будто бы украшало жизнь. Такъ что казалось, что ради идеи и работаешь, и семью создаешь, и обѣдаешь. А теперь, когда приходится ради идеи бездѣйствовать, мучиться, не спать по ночамъ, съ отвращеніемъ глотать постылые куски— міровоззрѣніе разлетѣлось въ клочья! Выходитъ,

стало быть, что міровоззрѣніе съ обѣдомъ годится, обѣдъ безъ міровоззрѣнія тоже годится (это доказательства не требуетъ), а міровоззрѣніе an und für sich не имѣетъ никакой цѣны... Въ этомъ сущность приведенныхъ словъ Чехова. Онъ съ ужасомъ признаетъ въ себѣ присутствіе такой «новой» мысли. Ему кажется, что это только онъ такой слабый и ничтожный человѣкъ, что всѣхъ другихъ—хлѣбомъ не корми, только подавай идеи и міровоззрѣнія... Такъ оно собственно и выходитъ, если повѣрить тому, что люди въ книгахъ разсказываютъ... Чеховъ всячески бичуетъ, мучаетъ и терзаетъ себя, но дѣла измѣнить не можетъ. Хуже того. Міровоззрѣнія и идеи, къ которымъ очень многіе относятся довольно равнодушно—въ сущности другого отношенія эти невинныя вещи и не заслуживаютъ—становятся для Чехова предметомъ тяжелой, неумолимой и безпощадной ненависти. Онъ не умѣетъ сразу освободиться отъ власти идей, и потому начинаетъ долгую, упорную и медленную, я бы сказалъ, партизанскую войну съ поработившими его тиранами. Борьба его въ общемъ и въ отдѣльныхъ эпизодахъ представляетъ большой захватывающій интересъ именно вслѣдствіе того, что еще до сихъ поръ наиболѣе видные представители литературы убѣждены, что идеямъ присуща чудодѣйственная сила. Чѣмъ занимается

большинство писателей? Строятъ міровоззрѣнія— и полагаютъ при этомъ, что занимаются необыкновенно важнымъ, священнымъ дѣломъ! Чеховъ оскорбилъ очень многихъ дѣятелей литературы. Если его все-таки относительно щадили, то это произошло, во-первыхъ, оттого, что онъ былъ очень остороженъ, и воевалъ съ такимъ видомъ, какъ-будто приносилъ дань врагу, а во-вторыхъ, таланту многое прощается.

IV.

Содержаніе «Скучной исторіи», такимъ образомъ, сводится къ тому, про профессоръ, дѣлясь своими «новыми» мыслями, въ сущности заявляетъ, что онъ не находитъ возможнымъ признать надъ собой власть «идеи» и добросовѣстно выполнить то, что люди называютъ высшей цѣлью и въ служеній чему принято видѣть назначеніе, святое назначеніе человѣка. «Пусть меня судитъ Богъ, — у меня не хватаетъ мужества поступить по совѣсти» *),—вотъ единственный отвѣтъ, который находитъ въ своей душѣ Чеховъ на всѣ требованія «міровоззрѣнія». И такое отношеніе къ міровоззрѣнію становится второй природой Чехова. Міровоззрѣніе требуетъ,

*) учная исторія,

человѣкъ признаетъ справедливость требованій, и методически не исполняетъ ни одного изъ нихъ. Причемъ признаніе справедливости требованій постепенно идетъ на убыль. Въ «Скучной Исторіи» идея еще судитъ человѣка и терзаетъ его съ той безпощадностью, которая свойственна всему неживому и неодухотворенному. Точно заноза, впившаяся въ живое тѣло, чуждая и враждебная организму, идея безжалостно выполняетъ свою высокую миссію — до тѣхъ поръ, пока у человѣка не созрѣваетъ твердая рѣшимость вырвать ее изъ себя, какъ бы болѣзненна ни была эта трудная операція. Уже въ «Ивановѣ» роль идеи мѣняется. Уже не она преслѣдуетъ Чехова, а Чеховъ преслѣдуетъ ее самыми отборными насмѣшками и презрѣніемъ. Голосъ живой природы беретъ верхъ надъ наносными культурными привычками. Правда, борьба еще продолжается, если угодно, даже ведется съ перемѣннымъ счастьемъ. Но прежней покорности нѣтъ. Все больше и больше Чеховъ эмансипируется отъ прежнихъ предразсудковъ и идетъ — куда? На этотъ вопросъ онъ едва ли умѣлъ бы отвѣтить. Но онъ предпочитаетъ оставаться безъ всякаго отвѣта, чѣмъ принять какой бы то ни было изъ традиціонныхъ отвѣтовъ. «Мнѣ отлично извѣстно, что проживу я еще не больше полугода; казалось бы, меня теперь должны бы

больше всего занимать вопросы о загробныхъ потемкахъ и о тѣхъ видѣніяхъ, которыя посѣтятъ мой замогильный сонъ. Но почему-то душа моя не хочетъ знать этихъ вопросовъ, хотя умъ сознаетъ всю ихъ важность». Умъ снова, въ противоположность тому, что́ было раньше, почтительно выталкивается за дверь, и его права передаются «душѣ», темному, неясному стремленію, которому Чеховъ теперь, когда онъ стоитъ предъ роковой чертой, отдѣляющей человѣка отъ вѣчной тайны, инстинктивно довѣряетъ больше, чѣмъ свѣтлому, ясному сознанію, напередъ предопредѣляющему даже замогильныя перспективы. Научная философія возмутится? Чеховъ подкапывается подъ незыблемѣйшіе ея устои? Но вѣдь Чеховъ надорвавшійся, ненормальный человѣкъ. Его можно не слушать, но разъ, что вы уже рѣшились его выслушать, нужно напередъ быть ко всему готовымъ. Нормальный человѣкъ, если онъ даже метафизикъ самаго крайняго, заоблачнаго толка, всегда пригоняетъ свои теоріи къ нуждамъ минуты; онъ разрушаетъ лишь затѣмъ, чтобы потомъ вновь строить изъ прежняго матеріала. Оттого у него никогда не бываетъ недостатка въ матеріалѣ. Покорный основному человѣческому закону, уже давно отмѣченному и формулированному мудрецами, онъ ограничивается и довольствуется скромной ролью

искателя формъ. Изъ желѣза, которое онъ находитъ въ природѣ готовымъ, онъ выковываетъ мечъ или плугъ, копье или серпъ. Мысль творить изъ ничего едва ли даже приходитъ ему въ голову. Чеховскіе же герои, люди ненормальные par excellence, поставлены въ противоестественную, а потому страшную, необходимость творить изъ ничего. Предъ ними всегда безнадежность, безысходность, абсолютная невозможность какого бы то ни было дѣла. А межъ тѣмъ они живутъ, не умираютъ...

Тутъ является любопытный и необыкновенно важный вопросъ. Я сказалъ, что противно человѣческой натурѣ творить изъ ничего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ природа часто отнимаетъ у человѣка готовый матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительно требуетъ отъ него творчества. Значитъ ли это, что природа противорѣчитъ самой себѣ? Что она извращаетъ свои созданья? Не правильнѣе ли допустить, что понятіе объ извращеніи имѣетъ чисто человѣческое происхожденіе? Можетъ быть, природа гораздо экономнѣе и мудрѣе нашихъ мудрецовъ и, можетъ быть, мы узнали бы гораздо больше, если бы, взамѣнъ того, чтобъ дѣлить людей на лишнихъ и нелишнихъ, полезныхъ и вредныхъ, добрыхъ и злыхъ, мы, подавивъ въ себѣ на время склонность къ субъективной оцѣнкѣ, попытались бы довѣрчивѣй от-

нестись къ ея твореніямъ? А то сейчасъ «недобрые огоньки», кладоискатель, кудесникъ, колдунъ—и воздвигается между людьми стѣна, которую не только логическими доводами, но и пушками не разобьешь. Я мало надѣюсь, что приведенное соображеніе покажется убѣдительнымъ для тѣхъ, кто привыкъ охранять норму. Да, вѣроятно, и не нужно, чтобы сгладилось живущее межъ людьми представленіе о принципіальной противоположности добра и зла, какъ не нужно, чтобы молодые рождались съ жизненнымъ опытомъ взрослыхъ, чтобъ исчезли съ лица земли румянецъ и черныя кудри. Во всякомъ случаѣ это невозможно. Много тысячелѣтій насчитываетъ міръ, много народовъ жило и умирало на землѣ, но, насколько мы знаемъ по сохранившимся книгамъ и преданіямъ, споръ добра со зломъ никогда не прекращался. И всегда было такъ, что добро не боялось дневного свѣта, что добрые жили общественной, объединенной жизнью, а зло пряталось во мракѣ, и злые всегда были одинокими. Иначе и быть не можетъ.

Чеховскіе герои всѣ боятся свѣта, чеховскіе герои — одиноки. Они стыдятся своей безнадежности и знаютъ, что люди имъ не могутъ помочь. Они идутъ куда-то, можетъ быть, и впередъ, но никого за собой не зовутъ. У нихъ

все отнято, и они все должны создать. Вѣроятно, отсюда то нескрываемое презрѣніе, съ которымъ они относятся къ наиболѣе цѣннымъ продуктамъ обыкновеннаго человѣческаго творчества. О чемъ бы вы ни заговорили съ Чеховскимъ героемъ, у него на все одинъ отвѣтъ: меня никто не можетъ ничему научить. Вы предлагаете ему новое міровоззрѣніе, но онъ съ первыхъ словъ вашихъ уже чувствуетъ, что все оно сводится къ попыткѣ на новый манеръ переложить старые кирпичи и камни, и нетерпѣливо, часто грубо, отворачивается отъ васъ. Чеховъ крайне осторожный писатель. Онъ боится общественнаго мнѣнія и считается съ нимъ. И все-таки, какую нескрываемую брезгливость проявляетъ онъ къ принятымъ идеямъ и міровоззрѣніямъ. Въ «Скучной Исторіи» онъ, по крайней мѣрѣ, сохраняетъ внѣшне почтительный тонъ и позу. Впослѣдствіи онъ бросаетъ всякія предосторожности и, вмѣсто того, чтобы упрекать себя въ неспособности покориться общей идеѣ, открыто возмущается и даже высмѣиваетъ ее. Уже въ «Ивановѣ» это выражено въ достаточной степени — не даромъ эта драма въ свое время вызвала такую бурю негодованія. Ивановъ, какъ я уже говорилъ, покончeнный человѣкъ. Все, что можетъ сдѣлать съ нимъ художникъ—это прилично похоронить его, т.-е. похвалить его про-

шлое, пожалѣть о настоящемъ и, затѣмъ, чтобы смягчить безотрадное впечатлѣніе, производимое смертью—пригласить на похороны общую идею. Можно вспомнить о міровыхъ задачахъ человѣчества въ какой-либо изъ безчисленныхъ готовыхъ формъ — и трудный, казавшійся неразрѣшеннымъ, случай устраненъ. На ряду съ умирающимъ Ивановымъ слѣдовало бы нарисовать свѣтлую, молодую, многообѣщающую жизнь, и впечатлѣніе смерти и разрушенія потеряло бы всю свою остроту и горечь. Но Чеховъ поступаетъ прямо обратно: вмѣсто того, чтобы дать молодости и идеѣ власть надъ разрушеніемъ и смертью, какъ то дѣлалось во всѣхъ философскихъ системахъ и во многихъ художественныхъ произведеніяхъ, онъ демонстративно дѣлаетъ центромъ всѣхъ событій ни на что негодную развалину Иванова. На ряду съ Ивановымъ есть молодыя жизни, идеѣ тоже данъ свой представитель. Но молодая Саша, прелестная и обаятельная дѣвушка, всей душой полюбившая разбитаго героя, не только не спасаетъ своего возлюбленнаго, но сама гибнетъ подъ бременемъ непосильной задачи. А идея? Достаточно вспомнить только фигуру доктора Львова, которому Чеховъ довѣрилъ отвѣтственную роль представителя всемогущей властительницы, и вы сразу поймете, что онъ считаетъ себя не подданнымъ и данникомъ

ея, а злѣйшимъ врагомъ Стоитъ доктору Львову разинуть ротъ, и всѣ дѣйствующія лица, точно сговорившись, наперерывъ самымъ оскорбительнымъ образомъ торопятся оборвать его—насмѣшками, угрозами, чуть ли не подзатыльниками. А между тѣмъ, юный докторъ исполняетъ свои обязанности представителя великой державы не менѣе умѣло и добросовѣстно, чѣмъ его предшественники — Стародумы и другіе почтенные герои старинной драмы. Онъ вступается за обиженныхъ, хочетъ возстановить попранныя права, возмущается неправдой и т. д. Развѣ онъ вышелъ за предѣлы своихъ полномочій? Нѣтъ, конечно. Но тамъ, гдѣ царствуютъ Ивановы и безнадежность, нѣтъ и не можетъ быть мѣста для идеи.

Вмѣстѣ жить имъ невозможно. И на глазахъ у изумленнаго читателя, привыкшаго думать, что всѣ царства могутъ пасть и погибнуть, и что лишь мощь царства идеи несокрушима in saecula saeculorum—происходитъ неслыханное зрѣлище: идея свергается съ трона безпомощнымъ, разбитымъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ! Чего только ни говорилъ Ивановъ! Уже съ перваго дѣйствія онъ выпаливаетъ такую тираду и не передъ первымъ встрѣчнымъ, а передъ олицетворенной идеей — Стародумомъ-Львовымъ: «Я имѣю право вамъ совѣтовать. Не женитесь вы

ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны. Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ рациональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе». Докторъ Львовъ, представитель всемогущей, самодержавной идеи, чувствуетъ, что его повелительница оскорблена въ своихъ державныхъ правахъ, что терпѣть подобныя оскорбленія значитъ фактически отказаться отъ суверенитета. Вѣдь Ивановъ былъ и долженъ оставаться вассаломъ. Какъ повернулся у него языкъ совѣтовать, какъ смѣлъ онъ возвысить голосъ тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ благоговѣйно слушать и безмолвно, безропотно повиноваться?! Вѣдь это бунтъ! Львовъ пытается выпрямиться во весь ростъ и съ достоинствомъ отвѣтить дерзкому мятежнику. Но у него ничего не выходитъ. Дрожащимъ, нетвердымъ голосомъ онъ бормочетъ привычныя слова, которыя еще такъ недавно имѣли всепобѣждающую силу. Но

они не оказываютъ обычнаго дѣйствія. Ихъ сила ушла. Куда? Львовъ даже и признаться себѣ не смѣетъ: къ Иванову. И это уже ни для кого больше не тайна. Какихъ бы подлостей и гадостей ни надѣлалъ Ивановъ — а Чеховъ не скупится въ этомъ смыслѣ, и въ послужномъ спискѣ его героя значатся всевозможныя преступленія, вплоть до почти сознательнаго убійства преданной ему женщины — все же предъ нимъ, а не передъ Львовымъ склоняется общественное мнѣніе. Ивановъ—духъ разрушенія, грубый, рѣзкій, безжалостный, ни передъ чѣмъ не останавливающійся. А слово «подлецъ», которое съ мучительнымъ усиліемъ вырываетъ изъ себя и посылаетъ ему докторъ, къ нему не пристаетъ. Онъ какъ-то правъ, своей особенной, никому непонятной, но безспорной, если вѣрить Чехову, правотой. Саша, молодое, чуткое, даровитое существо, идетъ къ нему поклониться, равнодушно минуя фигуру честнаго Стародума-Львова. Вся драма на этомъ построена. Ивановъ, правда, подъ конецъ стрѣляется — и это, если угодно, можетъ дать формальное основаніе думать, что окончательная побѣда все-таки осталась за Львовымъ. И Чеховъ хорошо сдѣлалъ, что такъ закончилъ пьесу — не затягивать же ее до безконечности. А досказать исторію Иванова дѣло не легкое. Чеховъ потомъ еще 15 лѣтъ писалъ,

все досказывалъ недосказанное, а все-таки пришлось оборвать, не дойдя до конца...

Тотъ, кто вздумалъ бы обращенныя Ивановымъ къ Львову слова истолковывать въ томъ смыслѣ, что Чеховъ, подобно Толстому времени «Войны и Мира», видѣлъ въ обыденномъ устройствѣ жизни свой «идеалъ», плохо понялъ бы автора. Чеховъ только оборонялся противъ «идеи» и говорилъ ей самое обидное, что приходило въ голову. Ибо что можетъ быть обиднѣе для идеи, чѣмъ выслушивать похвалу обыденности?! Но при случаѣ Чеховъ умѣлъ не менѣе ядовито обрисовать и обыденность. Къ примѣру хотя бы разсказъ «Учитель словесности». Учитель совсѣмъ живетъ по преподанному Ивановымъ рецепту. И служба, и жена Манюся — не еврейка, не психопатка, не синій чулокъ,—и домъ раковина и т. д., и все это не мѣшаетъ Чехову полегоньку да помаленьку загнать бѣднаго учителя въ обычную западню-мышеловку, довести его до такого состоянія, что остается только «упасть на полъ, кричать и биться головой о полъ». У Чехова «идеала» не было, даже идеала обыденности, который съ такимъ неподражаемымъ, несравненнымъ мастерствомъ воспѣлъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ графъ Толстой. Идеалъ предполагаетъ подчиненіе, добровольный отказъ отъ своихъ правъ на независимость, свободу и

силу — такого рода требованія, даже намеки на такого рода требованія возбуждали въ Чеховѣ всю силу отвращенія и омерзѣнія, на которыя только онъ былъ способенъ...

V.

Итакъ, настоящій, единственный герой Чехова—это безнадежный человѣкъ. «Дѣлать» такому человѣку въ жизни абсолютно нечего—развѣ колотиться головой о камни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой человѣкъ невыносимъ для окружающихъ. Онъ всюду вноситъ смерть и разрушеніе. Онъ самъ это знаетъ, но не въ силахъ сторониться отъ людей. Онъ всей душой стремится вырваться изъ своего ужаснаго положенія. Больше всего его влечетъ къ свѣжимъ, молодымъ, нетронутымъ существамъ: онъ надѣется съ ихъ помощью вернуть свое утраченное право на жизнь. Напрасная надежда! Начало разрушенія всегда оказывается всепобѣждающимъ, и чеховскій герой, въ концѣ концовъ, остается предоставленнымъ самому себѣ. У него ничего нѣтъ, онъ все долженъ создать самъ. И вотъ «творчество изъ ничего», вѣрнѣе, возможность творчества изъ ничего—единственная проблема, которая способна занять и вдохновить Чехова. Когда онъ обобралъ своего героя

до послѣдней нитки, когда герою остается только колотиться головой о стѣну, Чеховъ начинаетъ чувствовать нѣчто въ родѣ удовлетворенія, въ его потухшихъ глазахъ зажигается странный огонь, недаромъ показавшійся Михайловскому недобрымъ. Творчество изъ ничего! Не выходитъ ли эта задача за предѣлы человѣческихъ силъ, человѣческихъ правъ? Для Михайловскаго, очевидно, не было двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ... Что до самого Чехова, то если бы ему предложили этотъ вопросъ въ такой умышленно рѣзкой формулировкѣ, — онъ, вѣроятно, не умѣлъ бы на него отвѣтить, хотя постоянно имѣлъ съ нимъ дѣло или, лучше сказать, потому что постоянно имѣлъ съ нимъ дѣло. Можно, не боясь ошибиться, сказать, что тѣ люди, которые безъ колебаній отвѣчаютъ на него въ томъ или иномъ смыслѣ, никогда близко не подходили къ нему, да и вообще ко всѣмъ такъ называемымъ послѣднимъ вопросамъ бытія. Колебаніе — необходимый составной элементъ въ сужденіяхъ человѣка, котораго судьба подводила къ роковымъ задачамъ. Какъ дрожала рука у Чехова, когда онъ дописывалъ заключительныя строки своей «Скучной исторіи»! Воспитанница профессора,—самое близкое и дорогое ему, но такое же надорванное, потерявшее надежды, хотя еще молодое, существо — пріѣхала къ нему за

совѣтомъ въ Харьковъ. И вотъ между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

— «Николай Степановичъ! — говоритъ она, блѣднѣя и сжимая на груди руки. — Николай Степановичъ! Я не могу дольше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога, скажите скорѣй, сію минуту, что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?

— Что же я могу сказать? — недоумѣваю я.—Ничего я не могу.

— Говорите, умоляю васъ! — продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Клянусь вамъ, что я не могу дольше такъ жить. Силъ моихъ нѣтъ!

Она падаетъ на стулъ и начинаетъ рыдать. Она закинула назадъ голову, ломаетъ руки, топочетъ ногами; шляпка ея свалилась съ головы и болтается на резинкѣ, прическа растрепалась.

— Помогите мнѣ, помогите! —умоляетъ она.— Не могу я дольше!

— Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя,— говорю я.

— Помогите!—рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее.—Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ. Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же, что мнѣ дѣлать?

— По совѣсти, Катя, не знаю.

Я растерялся, сконфузился, тронутъ рыданьями Кати и едва стою на ногахъ.

— Давай, Катя, завтракать,—говорю я, натянуто улыбаясь.—Будетъ плакать!

И тотчасъ же прибавляю упавшимъ голосомъ:

— Меня скоро не станетъ, Катя...

— Хоть одно слово, хоть одно слово!—плачетъ она, протягивая ко мнѣ руки...»

Но этого слова не нашлось у профессора. Онъ переводитъ разговоръ на погоду, Харьковъ и прочія безразличныя вещи. Катя встаетъ и, не глядя на него, протягиваетъ ему руку. «Мнѣ хочется спросить, кончаетъ онъ свой разсказъ: значитъ, на похоронахъ у меня не будешь? Но она не глядитъ на меня, рука у нея холодная, словно чужая... Я молча провожаю ее до дверей. Вотъ она вышла отъ меня, идетъ по длинному коридору, не оглядываясь. Она знаетъ, что я гляжу ей вслѣдъ и, вѣроятно, на поворотѣ оглянется. Нѣтъ, не оглянулась. Черное платье въ послѣдній разъ мелькнуло, затихли шаги... Прощай, мое сокровище!»... «Не знаю», только этими словами умѣетъ отвѣтить на вопросъ Кати умный, образованный, долго жившій, всю жизнь свою бывшій учителемъ Николай Степановичъ! Во всемъ его огромномъ опытѣ прошлыхъ лѣтъ не находится ни одного пріема, правила или со-

вѣта, который бы хоть сколько-нибудь соотвѣтствовалъ дикой несообразности новыхъ условій его собственнаго и Катинаго существованія. Катя не можетъ больше такъ жить, но и онъ самъ не можетъ дольше выносить своей отвратительной и позорной безпомощности. Они оба — онъ старый, она молодая — оба всей душой хотѣли бы поддержать другъ друга, и оба ничего не умѣютъ придумать, На ея «что мнѣ дѣлать» онъ отвѣчаетъ: «меня скоро не станетъ», т.-е. вопросомъ же, на его «меня скоро не станетъ» она отвѣчаетъ безумнымъ рыданіемъ, ломаніемъ рукъ и нелѣпымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ. Лучше было бы ни о чемъ не спрашивать, не начинать «душевнаго», откровеннаго разговора. Но они еще въ этомъ не дали себѣ отчета. Въ ихъ прежней жизни разговоръ облегчалъ, откровенныя признанія сближали. Теперь, наоборотъ: послѣ такого свиданія люди уже не въ состояніи выносить другъ друга. Катя уходитъ отъ стараго профессора, отъ своего пріемнаго, отъ своего родного отца и друга съ сознаніемъ, что онъ ей сталъ чужимъ. Она даже, уходя, не обернулась къ нему. Оба почувствовали, что имъ осталось только колотиться головой объ стѣну. Въ этомъ занятіи каждый дѣйствуетъ за свой страхъ, и объ утѣшающемъ единеніи душъ уже нельзя мечтать...

VI.

Чеховъ зналъ, до чего онъ договорился въ «Скучной Исторіи» и въ «Ивановѣ». Нѣкоторые критики тоже знали и поставили ему это на видъ. Не берусь сказать, что̀ именно—боязнь ли общественнаго мнѣнія, или ужасъ предъ сдѣланными открытіями, или то и другое вмѣстѣ, но, очевидно, у Чехова былъ моментъ, когда онъ рѣшился во что бы то ни стало покинуть занятую имъ позицію и повернуть назадъ. Плодомъ такого рѣшенія была «Палата № 6». Въ этомъ разсказѣ дѣйствующимъ лицомъ является все тотъ же, знакомый намъ, Чеховскій человѣкъ, докторъ. И обстановка довольно привычная, хотя нѣсколько измѣненная. Въ жизни доктора ничего особеннаго не произошло. Онъ попалъ въ провинціальную дыру и, постепенно, все сторонясь отъ людей и жизни, дошелъ до состоянія совершенной безвольности, которая въ его представленіи стала идеаломъ человѣческаго существованія. Онъ ко всему равнодушенъ, начиная со своей больницы, въ которой онъ почти не бываетъ, гдѣ царствуетъ пьяный и грубый фельдшеръ, гдѣ обираютъ, залѣчиваютъ больныхъ.

Въ психіатрическомъ отдѣленіи хозяйничаетъ сторожъ изъ отставныхъ солдатъ, справляю-

щійся кулаками съ неспокойными паціентами. Доктору—все равно, точно онъ живетъ гдѣ-то далеко, въ иномъ мірѣ, и не понимаетъ того, что происходитъ на его глазахъ. Случайно попадаетъ онъ въ психіатрическое отдѣленіе и вступаетъ въ бесѣду съ однимъ изъ больныхъ. Больной жалуется ему на порядки, точнѣе, на отвратительные безпорядки въ отдѣленіи. Докторъ спокойно выслушиваетъ его слова, но реагируетъ на нихъ не дѣломъ, а словами же. Онъ пытается доказать своему сумасшедшему собесѣднику, что внѣшнія условія не могутъ на насъ имѣть никакого вліянія. Сумасшедшій не соглашается, говоритъ ему дерзости, представляетъ возраженія, въ которыхъ, какъ въ мысляхъ многихъ помѣшанныхъ, на ряду съ безсмысленными утвержденіями встрѣчаются очень глубокія замѣчанія. Даже, пожалуй, первыхъ очень мало, такъ что по разговору и не догадаешься, что имѣешь дѣло съ больнымъ. Докторъ въ восторгѣ отъ своего новаго знакомства, но пальцемъ о палецъ не ударитъ, чтобъ облегчить чѣмъ-нибудь его. Теперь, какъ и прежде, несчастный находится во власти сторожа, который, при малѣйшемъ неповиновеніи, бьетъ его. Больной, докторъ, окружающіе, вся обстановка больницы и квартиры доктора описаны съ удивительнымъ талантомъ. Все настраиваетъ къ абсо-

лютному несопротивленію и фаталистическому равнодушію: пусть пьянствуютъ, дерутся, грабятъ, насильничаютъ — все равно, такъ, видно, предопредѣлено на высшемъ совѣтѣ природы. Исповѣдуемая докторомъ философія бездѣйствія точно подсказана и нашептана неизмѣнными законами человѣческаго существованія. Кажется, нѣтъ силъ вырваться изъ ея власти. До сихъ поръ все болѣе или менѣе въ Чеховскомъ стилѣ. Но конецъ—совсѣмъ иного рода. Докторъ самъ, благодаря интригамъ своего коллеги, попадаетъ въ психіатрическое отдѣленіе больницы въ качествѣ паціента. Его лишаютъ свободы, запираютъ въ больничномъ флигелѣ и даже бьютъ, бьетъ тотъ самый сторожъ, съ которымъ онъ училъ мириться своего сумасшедшаго собесѣдника и на глазахъ у этого собесѣдника. Докторъ мгновенно пробуждается точно отъ сна. Въ немъ является жажда борьбы, протеста. Правда, онъ тутъ же умираетъ, но идея все таки торжествуетъ. Критика могла считать себя вполнѣ удовлетворенной — Чеховъ открыто покаялся и отрекся отъ теоріи непротивленія. И, кажется «Палату № 6» въ свое время очень сочувственно приняли. Кстати прибавимъ, что докторъ умираетъ очень красиво: въ послѣднія минуты видитъ стадо оленей и т. п.

И въ самомъ дѣлѣ, построеніе разсказа не

оставляетъ сомнѣнія. Чеховъ хотѣлъ уступить и уступилъ. Онъ почувствовалъ невыносимость безнадежности, невозможность творчества изъ ничего. Колотиться головой о камни, вѣчно колотиться головой о камни это такъ ужасно, что лучше уже вернуться къ идеализму. Оправдалась дивная русская поговорка: отъ сумы и отъ тюрьмы не зарекайся. Чеховъ примкнулъ къ сонму русскихъ писателей и сталъ воспѣвать идею. Но—не надолго! Ближайшій по времени разсказъ его «Дуэль» носитъ уже иной характеръ. Развязка въ немъ тоже какъ будто бы идеалистическая, но только какъ будто бы. Главный герой Лаевскій—«паразитъ», какъ всѣ Чеховскіе герои. Онъ ничего не дѣлаетъ и ничего дѣлать не умѣетъ, даже не хочетъ, живетъ на половину на чужой счетъ, входитъ въ долги, соблазняетъ женщинъ и т. д. Положеніе его невыносимое. Живетъ съ чужой женой, которая опостылѣла ему, какъ и собственная особа, но отъ которой онъ не умѣетъ избавиться,вѣчно нуждается и кругомъ въ долгахъ, знакомые его не любятъ и презираютъ. Онъ всегда такъ чувствуетъ себя, что готовъ бѣжать, безъ оглядки, все равно куда, лишь бы уйти съ того мѣста, гдѣ онъ сейчасъ живетъ. И его незаконная жена приблизительно въ такомъ же, если не болѣе ужасномъ, состояніи. Неизвѣстно зачѣмъ, безъ любви,

даже безъ влеченія она отдается первому встрѣчному пошляку. Потомъ ей кажется, что ее съ ногъ до головы облили грязью, и эта грязь такъ пристала къ ней, что не смоешь даже цѣлымъ океаномъ воды. И вотъ такая парочка живетъ на свѣтѣ, въ глухомъ городкѣ Кавказа и естественно привлекаетъ вниманіе Чехова. Тема интересная, что и говорить: два облитыхъ грязью человѣка, не выносящихъ ни себя, ни другихъ...

Для контраста Чеховъ сталкиваетъ Лаевскаго съ зоологомъ фонъ-Кореномъ, пріѣхавшимъ въ приморскій городъ по важному, всѣми признаваемому важнымъ, дѣлу изучать эмбріологію медузы. Фонъ-Коренъ, какъ видно по фамиліи, изъ нѣмцевъ, стало быть нарочито, здоровый и нормальный, чистый человѣкъ, потомокъ Гончаровскаго Штольца, прямая противоположность Лаевскому, въ свою очередь состоящему въ близкомъ родствѣ со старикомъ Обломовымъ. Но у Гончарова противоставленіе Обломову Штольца имѣло совсѣмъ иной характеръ и смыслъ, чѣмъ у Чехова. Романистъ 40-хъ годовъ надѣялся, что сближеніе съ западной культурой обновитъ и воскреситъ Россію. И самъ Обломовъ изображенъ не совсѣмъ еще безнадежнымъ человѣкомъ. Онъ только лѣнивъ, неподвиженъ, непредпріимчивъ. Кажется, проснись онъ—онъ деся-

токъ Штольцевъ за поясъ заткнетъ. Иное дѣло Лаевскій. Этотъ уже проснулся, давно проснулся—но его пробужденіе не принесло съ собой добра... «Природы онъ не любитъ, Бога у него нѣтъ, всѣ довѣрчивыя дѣвочки, которыхъ онъ зналъ, сгублены имъ или его сверстниками, въ родномъ саду своемъ онъ за всю жизнь не посадилъ ни одного деревца и не выростилъ ни одной травки, а, живя среди живыхъ, не спасъ ни одной мухи, а только разрушалъ, губилъ и лгалъ, лгалъ». Добродушный увалень Обломовъ выродился въ отвратительную и страшную гадину. А чистый Штольцъ живъ и остался въ своихъ потомкахъ чистымъ! Только съ новыми Обломовыми онъ уже иначе разговариваетъ. Фонъ-Коренъ называетъ Лаевскаго негодяемъ и мерзавцемъ и требуетъ къ нему примѣненія самыхъ строгихъ каръ. Помирить Корена съ Лаевскимъ невозможно. Чѣмъ чаще имъ приходится сталкиваться межъ собой, тѣмъ глубже, неумолимѣй и безпощаднѣй они ненавидятъ другъ друга. Вмѣстѣ жить имъ на землѣ нельзя. Одно изъ двухъ: либо нормальный фонъ-Коренъ, либо вырожденецъ декадентъ Лаевскій. При чемъ вся внѣшняя, матеріальная сила на сторонѣ фонъ-Корена, конечно. Онъ всегда правъ, всегда побѣждаетъ, всегда торжествуетъ и въ поступкахъ своихъ и въ теоріяхъ. Любопытная вещь:

Чеховъ непримиримый врагъ всякаго рода философіи. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ его произведеніяхъ не философствуетъ, а если философствуетъ, то обыкновенно неудачно, смѣшно, слабо, неубѣдительно. Исключеніе представляетъ фонъ-Коренъ, типическій представитель позитивно-матеріалистическаго направленія. Его слова дышатъ силой, убѣжденіемъ. Въ нихъ есть даже паѳосъ и максимумъ логической послѣдовательности. Въ разсказахъ Чехова много героевъ матеріалистовъ, но съ оттѣнкомъ скрытаго идеализма, по выработанному въ 60-хъ годахъ шаблону. Такихъ Чеховъ держитъ въ черномъ тѣлѣ и высмѣиваетъ. Идеализмъ во всѣхъ видахъ, явный и тайный, вызывалъ въ Чеховѣ чувство невыносимой горечи. Ему легче было выслушивать безпощадныя угрозы прямолинейнаго матеріализма, чѣмъ принимать худосочныя утѣшенія гуманизирующаго идеализма. Есть въ мірѣ какая-то непобѣдимая сила, давящая и уродующая человѣка—это ясно до осязаемости. Малѣйшая неосторожность, и самый великій, какъ и самый малый, становится ея жертвой. Обманывать себя можно только до тѣхъ поръ, пока знаешь о ней только по наслышкѣ. Но кто однажды побывалъ въ желѣзныхъ лапахъ необходимости, тотъ навсегда утратилъ вкусъ въ идеалистическимъ самообольщеніямъ. Онъ уже не уменьшаетъ — онъ

скорѣй склоненъ преувеличивать силу врага. А чистый, послѣдовательный матеріализмъ, который проповѣдуетъ фонъ-Коренъ, наиболѣе полно выражаетъ нашу зависимость отъ стихійныхъ силъ природы. Фонъ-Коренъ говоритъ, точно молотомъ бьетъ, и каждый его ударъ попадаетъ не въ Лаевскаго, а въ Чехова, въ самыя больныя мѣста его. Онъ даетъ Корену все больше и больше силъ, онъ самъ подставляетъ себя подъ его удары. Зачѣмъ? Почему? А вотъ подите же! Можетъ быть, жила въ Чеховѣ тайная надежда, что самоистязаніе для него единственный путь къ новой жизни? Онъ этого намъ не сказалъ. Можетъ, и самъ не зналъ, а можетъ быть, боялся оскорбить позитивистическій идеализмъ, такъ безраздѣльно властвующій въ современной литературѣ. Онъ не смѣлъ еще выступать противъ европейскаго общественнаго мнѣнія – вѣдь наши философскія міровоззрѣнія не нами выдуманы, а занесены къ намъ изъ Европы! И, чтобы не спорить съ людьми, онъ придумалъ для своего страшнаго разсказа шаблонную, утѣшительную развязку. Въ концѣ разсказа Лаевскій «исправляется», женится на своей любовницѣ, бросаетъ безпутную жизнь и начинаетъ старательно переписывать бумаги, чтобъ уплатить долги. Нормальные люди могутъ быть вполнѣ удовлетворены, ибо нормальные люди въ баснѣ

читаютъ только послѣднія строчки—мораль, а мораль «Дуэли» самая здоровая: Лаевскій исправился и сталъ бумаги переписывать. Правда, можетъ показаться, что такого рода конецъ больше похожъ на насмѣшку надъ моралью, но нормальные люди не слишкомъ проницательные психологи; они боятся двойственности и съ присущей имъ «искренностью» всѣ слова писателя принимаютъ за чистую монету. Въ добрый часъ!

VII.

Единственная философія, съ которой серьезно считался и потому серьезно боролся Чеховъ— былъ позитивистическій матеріализмъ. Именно позитивистическій, т.-е. ограниченный, не претендующій на теоретическую законченность. Всѣмъ существомъ своимъ Чеховъ чувствовалъ страшную зависимость живого человѣка отъ невидимыхъ, но властныхъ и явно бездушныхъ законовъ природы, а вѣдь матеріализмъ, въ особенности научный матеріализмъ, сдержанный, не гоняющійся за послѣднимъ словомъ и логической закругленностью, цѣликомъ сводится къ обрисовкѣ внѣшнихъ условій нашего существованія. Ежедневный, ежечасный, даже ежеминутный опытъ убѣждаетъ насъ, что одинокій слабый человѣкъ, сталкиваясь съ законами при-

роды, постоянно долженъ приспособляться и уступать, уступать, уступать. Нельзя старому профессору вернуть свою молодость, нельзя надорвавшемуся Иванову скрѣпить себя, нельзя Лаевскому отмыть облѣпившую его грязь и т. д. безъ конца рядъ неумолимыхъ, чисто матеріалистическихъ нельзя, противъ которыхъ человѣческій геній не умѣетъ выставить ничего, кромѣ покорности или забвенія. Résigne-toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute—иныхъ словъ мы не найдемъ предъ лицомъ картинъ, развернувшихся въ чеховскихъ произведеніяхъ. Покорность внѣшняя, а подъ ней затаенная, тяжелая, злобная ненависть къ невѣдомому врагу. Сонъ, забвеніе только кажущіеся — ибо развѣ спитъ, развѣ забывается человѣкъ, который свой сонъ называетъ sommeil de brute? Но какъ быть иначе? Бурные протесты, которыми наполнена «Скучная исторія», потребность излить наружу накопившееся негодованіе скоро начинаютъ казаться ненужными и даже оскорбительными для человѣческаго достоинства. Послѣдняя протестующая пьеса Чехова — «Дядя Ваня». Дядя Ваня, какъ старый профессоръ, какъ Ивановъ, бьетъ въ набатъ, поднимаетъ неслыханную тревогу по поводу своей загубленной жизни. Тоже не своимъ голосомъ онъ вопитъ на всю сцену: пропала жизнь, пропала жизнь, — точно и въ самомъ

дѣлѣ кто-нибудь изъ окружающихъ его людей, кто-нибудь во всемъ мірѣ можетъ быть въ отвѣтѣ по поводу его бѣды. Ему мало крика и воплей. Онъ осыпаетъ оскорбленіями родную мать. Какъ безумный, безъ всякой цѣли, безъ всякой нужды онъ начинаетъ палить изъ револьвера въ своего воображаемаго врага, жалкаго и несчастнаго старика, отца некрасивой Сони. Собственнаго голоса ему мало, и онъ прибѣгаетъ къ револьверу. Онъ готовъ былъ бы палить изъ всѣхъ пушекъ, какія есть на свѣтѣ, бить во всѣ барабаны, звонить во всѣ колокола. Ему кажется, что всѣ люди, весь міръ спитъ, что нужно разбудить ближнихъ. Онъ готовъ на какую угодно нелѣпость, ибо разумнаго выхода для него нѣтъ, а сразу признаться, что нѣтъ выхода – на это ни одинъ человѣкъ не способенъ. И начинается Чеховская исторія: примириться невозможно, не примириться тоже невозможно, остается колотиться головой о стѣну. Самъ дядя Ваня продѣлываетъ это открыто, на людяхъ, но какъ потомъ больно ему вспоминать о своей невоздержанной откровенности! Когда всѣ разъѣзжаются послѣ безсмысленной и мучительной сцены, дядя Ваня понимаетъ, что молчать нужно было, что нельзя признаваться никому, даже самому близкому человѣку въ извѣстныхъ вещахъ. Постороній глазъ не выноситъ зрѣ-

лища безнадежности. «Проворонилъ жизнь» — пеняй на себя: ты уже больше не человѣкъ, все человѣческое тебѣ чуждо. И ближніе для тебя уже не ближніе, а чужіе. Ты не въ правѣ ни помогать другимъ, ни ждать отъ другихъ помощи. Твой удѣлъ абсолютное одиночество. Понемногу Чеховъ убѣждается въ этой «истинѣ»: дядя Ваня послѣдній опытъ шумнаго, публичнаго протеста, вызывающей «деклараціи правъ». Даже и въ этой пьесѣ неистовствуетъ одинъ дядя Ваня—хотя въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть и докторъ Астровъ, и бѣдная Соня, которые тоже въ правѣ были бы бушевать и даже изъ пушекъ палить. Но они молчатъ. Они даже повторяютъ какія-то хорошія, ангельскія слова на тему о счастливомъ будущемъ человѣчества— иначе выражаясь, они удвоенно молчатъ, ибо въ устахъ такихъ людей «хорошія слова» обозначаютъ совершенную оторванность отъ міра; они ушли отъ всѣхъ и никого къ себѣ не подпускаютъ. Хорошими словами они, какъ китайской стѣной, оградили себя отъ любопытства и любознательности ближнихъ. Снаружи они похожи на всѣхъ— значитъ внутренней ихъ жизни никто коснуться не смѣетъ...

Какой смыслъ, какое значеніе этой напряженной внутренней работы покончившихъ людей? Чеховъ, вѣроятно, на этотъ вопросъ отвѣтилъ

бы тѣми же словами, какими Николай Степановичъ отвѣчалъ на вопросы Кати: «не знаю». Больше бы онъ ничего не прибавилъ. Но эта жизнь, больше похожая на смерть, чѣмъ на жизнь — она одна только привлекала и занимала его. Оттого и рѣчь его изъ году въ годъ становилась тише и медлительнѣе. Среди нашихъ писателей — Чеховъ тишайшій писатель. Вся энергія героевъ его произведеній направлена вовнутрь, а не наружу. Они ничего видимаго не создаютъ, хуже того — они все видимое разрушаютъ своей внѣшней пассивностью и бездѣйствіемъ. «Положительный мыслитель» въ родѣ фонъ-Корена безъ колебанія клеймитъ ихъ страшными словами, тѣмъ болѣе довольный собой и своей справедливостью, чѣмъ больше энергіи вкладываетъ онъ въ свои выраженія. «Мерзавцы, подлецы, вырождающіеся, макаки» и т д., чего только ни придумалъ фонъ-Коренъ по поводу Лаевскихъ! Явный положительный мыслитель хочетъ принудить Лаевскаго переписывать бумаги. Неявные положительные мыслители, т.-е. идеалисты и метафизики, бранныхъ словъ не употребляютъ. Зато они заживо хоронятъ чеховскихъ героевъ на своихъ идеалистическихъ кладбищахъ, именуемыхъ міровоззрѣніями. Самъ же Чеховъ отъ «разрѣшенія вопроса» воздерживается съ настойчивостью, которой большин-

ство критиковъ, вѣроятно, желало бы лучшей участи, и продолжаетъ свои длинные, безконечно длинные разсказы о людяхъ, о жизни людей, которымъ нечего терять — точно въ мірѣ только и было интереснаго, что это кошмарное висѣніе между жизнью и смертью. О чемъ говоритъ оно намъ? О жизни, о смерти? Опять нужно отвѣтить «не знаю», тѣми словами, которыя возбуждаютъ наибольшее отвращеніе положительныхъ мыслителей, но которыя загадочнымъ образомъ являются постояннымъ элементомъ въ сужденіяхъ чеховскихъ людей. Оттого имъ такъ близка враждебная имъ матеріалистическая философія. Въ ней нѣтъ отвѣта, обязывающаго къ радостной покорности. Она бьетъ, уничтожаетъ человѣка — но она не называетъ себя разумной, не требуетъ себѣ благодарности, ей ничего не нужно, ибо она бездушна и безсловесна. Ее можно признавать и вмѣстѣ ненавидѣть. Удастся справиться съ ней человѣку — онъ правъ; не удастся—vae victis. Какъ отрадно звучитъ голосъ откровенной безпощадности неодушевленной, безличной, равнодушной природы сравнительно съ лицемѣрно сладкими напѣвами идеалистическихъ, человѣческихъ міровоззрѣній! А затѣмъ, и это самое главное, съ природой все-таки возможна борьба! И въ борьбѣ съ природой всѣ средства разрѣшаются. Въ борьбѣ

съ природой человѣкъ всегда остается человѣкомъ и, стало быть, правымъ, что̀ бы онъ ни предпринялъ для своего спасенія. Даже, если бы онъ отказался признать основной принципъ мірозданія—неуничтожимость матеріи и энергіи, законъ инерціи и т. д. Ибо самая коллоссальная мертвая сила должна служить человѣку, кто станетъ оспаривать это? Иное дѣло «міровоззрѣніе»! Прежде, чѣмъ изречь слово, оно ставитъ неоспоримое требованіе: человѣкъ долженъ служить идеѣ. И это требованіе считается мало того, что само собою разумѣющимся—еще необыкновенно возвышеннымъ. Удивительно ли, что въ выборѣ между идеализмомъ и матеріализмомъ Чеховъ склонился на сторону послѣдняго—сильнаго, но честнаго противника? Съ идеализмомъ можно бороться только презрѣніемъ, и въ этомъ смыслѣ сочиненія Чехова не оставляютъ ничего желать. Какъ бороться съ матеріализмомъ? И можно ли его побѣдить? Можетъ быть читателю покажутся странными пріемы Чехова, но, очевидно, онъ пришелъ къ убѣжденію, что есть только одно средство борьбы, къ которому прибѣгали уже древніе пророки: колотиться головой о стѣну. Безъ грома, безъ пальбы, безъ набата, одиноко и молчаливо, вдали отъ ближнихъ, своихъ и чужихъ, собрать всѣ силы отчаянія для безсмысленной и давно осужден-

ной наукой и здравымъ смысломъ попытки. Но развѣ отъ Чехова вы въ правѣ были ждать санкціи научной методологіи? Наука отняла у него все: онъ осужденъ на творчество изъ ничего, т.-е. на такое дѣло, на которое нормальный человѣкъ, пользующійся только нормальными пріемами, абсолютно неспособенъ. Чтобы сдѣлать невозможное, нужно прежде всего отказаться отъ рутиныхъ пріемовъ Какъ бы упорно мы ни продолжали научныя изысканія, они не дадутъ намъ жизненнаго эликсира. Вѣдь наука съ того и начала, что отбросила, какъ принципіально недостижимое, стремленіе къ человѣческому всемогуществу: ея́ методы таковы, что успѣхи въ однѣхъ областяхъ исключаютъ даже исканія въ другихъ. Иначе говоря, научная методологія опредѣляется характеромъ задачъ, поставляемыхъ себѣ наукой. И дѣйствительно, ни одна изъ ея задачъ не можетъ быть достигнута колоченіемъ головой о стѣну. Этотъ, хотя и не новый методъ (повторяю, его уже знали, имъ пользовались пророки) для Чехова и его героевъ обѣщаетъ больше, чѣмъ всѣ индукціи и дедукціи (къ слову сказать, тоже не выдуманныя наукой, а существующія съ основанія міра). Онъ подсказываетъ человѣку таинственнымъ инстинктомъ и каждый разъ, когда въ немъ является надобность, онъ является на сцену. А что наука

осуждаетъ его, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Онъ въ свою очередь осуждаетъ науку.

VIII.

Теперь, можетъ быть, станетъ понятнымъ дальнѣйшее развитіе и направленіе Чеховскаго творчества, и то характерное для него и неповторяющееся у другихъ сочетаніе «трезваго» матеріализма съ фанатическимъ упорствомъ въ исканіи новыхъ, всегда окольныхъ и проблематическихъ путей. Онъ, какъ Гамлетъ, хочетъ подвести подъ своего противника «подкопъ аршиномъ глубже», чтобы разомъ взорвать на воздухъ и инженера, и его строеніе.. Терпѣніе и выдержка его при этой тяжелой, подземной работѣ прямо изумительны и для многихъ невыносимы. Вездѣ тьма, ни одного луча, ни одной искры, а Чеховъ идетъ впередъ медленно, едва-едва подвигаясь. Неопытный, нетерпѣливый взоръ, можетъ быть, совсѣмъ и не замѣтитъ движенія. Да, пожалуй, и самъ Чеховъ не знаетъ навѣрное, подвигается ли онъ впередъ или топчется на одномъ мѣстѣ. Разсчитывать впередъ нельзя. Нельзя даже и надѣяться. Человѣкъ вступилъ въ ту полосу своего существованія. когда разумъ, загадывающій впередъ и ободряющій, отказываетъ въ своихъ услугахъ. Нѣтъ воз-

можности составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о происходящемъ. Все принимаетъ фантастически безсмысленную окраску. Всему вѣришь и не вѣришь. Въ «Черномъ Монахѣ» Чеховъ разсказываетъ о новой дѣйствительности и такимъ тономъ, какъ будто самъ недоумѣваетъ, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается фантасмагорія. Черный монахъ влечетъ молодого ученаго куда-то въ таинственную даль, гдѣ должны осуществиться лучшія мечты человѣчества. Окружающіе люди называютъ монаха галлюцинаціей и борются съ нимъ медицинскими средствами — бромомъ, усиленнымъ питаніемъ, молокомъ. Самъ Ковринъ не знаетъ, кто правъ. Когда онъ бесѣдуетъ съ монахомъ, ему кажется, что правъ монахъ, когда онъ видитъ предъ собой рыдающую жену и серьезныя, встревоженныя лица докторовъ, онъ признается, что находится во власти навязчивыхъ идей, ведущихъ его прямымъ путемъ къ помѣшательству. Побѣждаетъ въ концѣ концовъ черный монахъ, Ковринъ не въ силахъ выносить окружающую его обыденность, разрываетъ съ женой и ея родными, которые ему кажутся палачами, и идетъ куда-то, но не приходитъ на нашихъ глазахъ никуда. Подъ конецъ разсказа онъ умираетъ, чтобъ дать автору право поставить точку. Это всегда такъ бываетъ: когда авторъ не знаетъ,

что дѣлать съ героемъ, онъ убиваетъ его. Вѣроятно, рано или поздно этотъ пріемъ будетъ оставленъ. Вѣроятно, въ будущемъ писатели убѣдятъ себя и публику, что всякаго рода искусственныя закругленія—вещь совершенно ненужная. Истощился матеріалъ—оборви повѣствованіе, хотя бы на полусловѣ. Чеховъ иногда такъ и дѣлалъ—но только иногда. Большей же частью онъ предпочиталъ, во исполненіе традиціонныхъ требованій, давать читателямъ развязку. Этотъ пріемъ не такъ безразличенъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, ибо онъ вводитъ въ заблужденіе. Взять хотя бы «Чернаго Монаха». Смерть героя является какъ бы указаніемъ, что всякая ненормальность, по мнѣнію Чехова, ведетъ обязательно черезъ нелѣпую жизнь къ нелѣпой смерти. Межъ тѣмъ едва ли Чеховъ былъ твердо въ этомъ убѣжденъ. Повидимому, онъ чего-то ждалъ отъ ненормальности и оттого удѣлялъ такъ много вниманія выбитымъ изъ колеи людямъ. Къ прочнымъ, опредѣленнымъ заключеніямъ онъ, правда, не пришелъ—несмотря на все напряженіе творчества. Онъ убѣдился, что выхода изъ запутаннаго лабиринта нѣтъ, что лабиринтъ, неопредѣленныя блужданія, вѣчныя колебанія и шатанія, безпричинное горе, безпричинныя радости, словомъ, все, чего такъ боятся и избѣгаютъ нормальные люди, стало сущностью

его жизни. Объ этомъ и только объ этомъ нужно разсказывать. Не мы выдумали нормальную жизнь, не мы выдумали ненормальную жизнь. Почему же только первую считаютъ настоящей дѣйствительностью?.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ для Чехова, а потому и замѣчательныхъ его произведеній должна считаться его драма «Чайка». Въ ней съ наибольшей полнотой получило свое выраженіе истинное отношеніе художника къ жизни Здѣсь всѣ дѣйствующія лица либо слѣпыя, боящіяся сдвинуться съ мѣста, чтобъ не потерять дорогу домой, либо полусумасшедшія, рвущіяся и мятущіяся неизвѣстно куда и зачѣмъ. Знаменитая артистка Аркадьина словно зубами вцѣпилась въ свои семьдесятъ тысячъ, свою славу и послѣдняго любовника. Тригоринъ—тоже извѣстный писатель, изо дня въ день пишетъ, пишетъ, пишетъ, не зная, для чего и зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Люди читаютъ и хвалятъ его произведенія, и онъ не принадлежитъ себѣ; онъ, какъ перевозчикъ Марко въ сказкѣ, не покладая рукъ работаетъ, переѣзжая и перевозя пассажировъ съ берега на берегъ. И рѣка, и лодка, и пассажиры до смерти надоѣли—но какъ отъ нихъ избавиться? Бросить весла первому встрѣчному — это рѣшеніе такъ просто, но за нимъ, какъ въ сказкѣ, нужно идти на небо. Не только

Тригоринъ, всѣ не слишкомъ молодые люди въ сочиненіяхъ Чехова напоминаютъ перевозчика Марко. Ихъ дѣло имъ явно не нужно, но они, точно загипнотизированные, не могутъ вырваться изъ власти чуждой имъ силы. Однообразный, ровный, унылый ритмъ жизни усыпилъ ихъ сознаніе и волю. Чеховъ повсюду подчеркиваетъ эту странную и загадочную черту человѣческой жизни. У него люди всегда говорятъ, всегда думаютъ, всегда дѣлаютъ одно и то же. Тотъ строитъ дома по разъ выдуманному шаблону («Моя Жизнь»), другой съ утра до вечера разъѣзжаетъ по визитамъ, собирая рубли («Іонычъ»), третій скупаетъ дома («Три года»). Даже языкъ дѣйствующихъ лицъ умышленно однообразенъ по поговоркѣ—заладила сорока Якова, твердитъ про всякова. Кто неизмѣнно, при случаѣ и безъ случая, твердитъ «недурственно», кто «хамство» и т. д Всѣ однообразны до одурѣнія и всѣ боятся нарушить это одуряющее однообразіе, точно въ немъ таится источникъ необычайныхъ радостей. Прочтите монологъ Тригорина: «...давайте говорить... Будемъ говорить о моей прекрасной жизни... Ну-съ, съ чего начать? (подумавъ немного). Бываютъ насильственныя представленія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ, и у меня есть такая своя луна. День и ночь одолѣваетъ меня одна

неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ. Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую. Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что это за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ каждое мгновенье помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Пахнетъ геліотропомъ. Скорѣй мотаю на усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или удить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться — анъ нѣтъ: въ головѣ уже ворочается тяжелое, чугунное ядро—новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо спѣшить писать и опять писать. И такъ всегда, всегда и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то, я обираю пыль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу ихъ корни. Развѣ я не сумасшедшій? Развѣ мои

близкіе и знакомые держатъ себя со мной, какъ со здоровымъ? «Что пишете? Чѣмъ насъ подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мнѣ кажется, что это вниманіе знакомыхъ, похвалы, восхищеніе, все это обманъ, меня обкрадываютъ, какъ больного, и я иногда боюсь, что вотъ-вотъ подкрадутся ко мнѣ, схватятъ и повезутъ, какъ Поприщина, въ сумасшедшій домъ». Зачѣмъ же все это? Брось весла и начни другую жизнь. Нельзя—пока съ неба не придетъ отвѣтъ, Тригоринъ не броситъ веселъ, не начнетъ новой жизни. О новой жизни у Чехова говорятъ только молодые, очень молодые и неопытные люди. Имъ все грезится счастье, обновленіе, свѣтъ, радости. Они летятъ, очертя голову, на огонь и сгораютъ, какъ сгораютъ неразумныя бабочки. Въ «Чайкѣ» Нина Зарѣчная и Треплевъ. въ другихъ произведеніяхъ другіе герои, женщины и мужчины. Всѣ чего-то ищутъ, къ чему-то стремятся, но всѣ дѣлаютъ не то, что нужно. Всѣ живутъ врозь, каждый цѣликомъ поглощенъ своею жизнью и равнодушенъ къ жизни другихъ. И странная судьба Чеховскихъ героевъ: они напрягаютъ до послѣдней степени возможности свои внутреннія силы, но внѣшнихъ результатовъ не получается никакихъ. Всѣ они жалки. Женщина нюхаетъ табакъ, неряшливо

одѣта, не причесана, неинтересна. Мужчина раздражается, брюзжитъ, пьетъ водку, надоѣдаетъ окружающимъ. Говорятъ некстати, дѣйствуютъ некстати. Приспособить къ себѣ внѣшній міръ не умѣютъ, я готовъ сказать, не хотятъ. Матерія и энергія сочетаются по собственнымъ законамъ — люди живутъ по собственнымъ, какъ будто бы матеріи и энергіи совсѣмъ и не было. Въ этомъ отношеніи Чеховская интеллигенція ничѣмъ не отличается отъ неграмотныхъ мужиковъ и полуграмотныхъ мѣщанъ. Въ усадьбѣ живутъ такъ же, какъ и въ оврагѣ, какъ и въ деревнѣ. Никто не вѣритъ, что, измѣнивъ внѣшнія условія, можно измѣнить и свою судьбу. Вездѣ царитъ, хотя и не сознанное, но глубокое и неискоренимое убѣжденіе, что воля должна быть направлена къ цѣлямъ, ничего общаго съ устроеніемъ человѣчества не имѣющимъ. Хуже — устроеніе кажется врагомъ воли, врагомъ человѣка. Нужно портить, грызть, уничтожать, разрушать. Спокойно обдумывать, предугадывать будущее — нельзя! Нужно колотиться, безъ конца колотиться головой о стѣну. Къ чему это приведетъ? И приведетъ ли къ чему-нибудь? Конецъ это или начало? Можно видѣть въ этомъ залогъ новаго, нечеловѣческаго творчества, творчества изъ ничего? «Не знаю», отвѣтилъ ста-

рый профессоръ рыдающей Катѣ. Не знаю,— отвѣчалъ Чеховъ всѣмъ рыдающимъ и замученнымъ людямъ. Этими—и только этими словами можно закончить статью о Чеховѣ. Résigne-toi, mon coeur, dors ton sommeil de brute.

Пророческій даръ.

(Къ 25-лѣтію смерти Ѳ. М. Достоевскаго).

I.

Владиміръ Соловьевъ называлъ Достоевскаго пророкомъ, даже пророкомъ Божіимъ. Вслѣдъ за Соловьевымъ, часто, впрочемъ, совершенно отъ него независимо, очень многіе смотрѣли на Достоевскаго, какъ на человѣка, предъ которымъ лежали открытыми книги человѣческихъ судебъ. И это не только послѣ его смерти, но даже еще при жизни. Повидимому и самъ Достоевскій, если и не считалъ себя пророкомъ (для этого онъ былъ слишкомъ проницателенъ), то, во всякомъ случаѣ, полагалъ, что всѣмъ людямъ слѣдуетъ видѣть въ немъ пророка. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и тонъ «дневника писателя», и вопросы, которыхъ онъ тамъ обыкновенно касался. Дневникъ писателя сталъ появляться съ 1873 года, т.-е. по возвращеніи

Достоевскаго изъ-за границы, и, стало быть, совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, который біографы называютъ «самымъ свѣтлымъ» Достоевскій—счастливый семьянинъ, обезпеченный человѣкъ, знаменитый писатель, авторъ цѣлаго ряда всѣми замѣченныхъ романовъ — «Записокъ изъ мертваго дома», «Идіота», «Бѣсовъ». Все, что нужно, вѣрнѣе, можно взять отъ жизни—взято. Помните разсужденія Толстого въ «Исповѣди»? Ну, я буду такимъ знаменитымъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Гете, Шекспиръ, наконецъ,—«а что же дальше»? И въ самомъ дѣлѣ трудно стать писателемъ, болѣе знаменитымъ, чѣмъ Шекспиръ — да если бы и удалось, то этимъ неизбѣжный вопросъ—«что же дальше?»—нисколько бы не былъ устраненъ. Въ писательской дѣятельности замѣчательнаго писателя рано или поздно наступаетъ моментъ, когда дальнѣйшее совершенствованіе оказывается невозможнымъ. Какъ быть замѣчательнѣе самого себя на литературномъ поприщѣ? Если хочешь двигаться, приходится волей-неволей переходить въ другую плоскость. Такъ, повидимому, всегда начинается пророчество у писателей. По общему признанію, пророкъ больше, чѣмъ писатель, а отъ общихъ мнѣній геніальность далеко не всегда застраховываетъ. Даже такіе недовѣрчивые люди, какъ Толстой и Достоевскій — люди, готовые

всегда и во всемъ сомнѣваться — не разъ становились жертвами предразсудковъ. Отъ нихъ ждали пророческихъ словъ, и они шли навстрѣчу желаніямъ людей. Достоевскій еще охотнѣе, чѣмъ Толстой. Причемъ оба предсказывали очень неумѣло: они обѣщали одно, а выходило совсѣмъ другое. Толстой, напримѣръ, давно уже обѣщалъ, что люди скоро очнутся, бросятъ свою братоубійственную войну и начнутъ жить, какъ слѣдуетъ истиннымъ христіанамъ, исполняя евангельскую заповѣдь любви. Толстой предсказывалъ и проповѣдывалъ, люди читали его, какъ не читали, кажется, ни одного писателя, а старыхъ своихъ привычекъ и вкусовъ не мѣняли. За послѣднее десятилѣтіе Толстому пришлось быть свидѣтелемъ цѣлаго ряда ужасныхъ, ожесточеннѣйшихъ войнъ. А наша теперешняя революція, съ вооруженными возстаніями, висѣлицами, разстрѣлами, бомбами, революція, пришедшая на смѣну кровопролитнѣйшей дальневосточной войнѣ!

И это — въ Россіи, въ странѣ, гдѣ родился, жилъ, училъ и предсказывалъ Толстой, гдѣ милліоны людей искренно считаютъ его величайшимъ геніемъ! Даже въ собственной семьѣ Толстой не умѣлъ произвести желательнаго переворота: одинъ сынъ его служитъ офицеромъ, другой пишетъ въ «Новомъ Времени» въ такомъ

тонѣ, точно онъ сынъ Суворина, а не Толстого... Гдѣ же пророческій даръ? Отчего такой замѣчательный человѣкъ, какъ Толстой, ничего угадать не умѣетъ, оказывается столь близорукимъ въ жизни? «Что будетъ завтра?»—Завтра я сотворю чудеса, сказалъ волхвъ древнему русскому князю. Въ отвѣтъ князь, вынувъ мечъ, отрубилъ волхву голову, и волновавшаяся толпа, вѣрившая волхву-прорицателю, успокоилась и разошлась. Исторія всегда отсѣкаетъ головы пророческимъ предсказаніямъ, и тѣмъ не менѣе толпа гонится за прорицателями. Маловѣрная, она ищетъ знаменія, ибо ей хочется чуда. Но развѣ способность предсказывать служитъ доказательствомъ чудотворной силы? Можно предсказать солнечное затменіе, комету, но, вѣдь, это кажется чудомъ только темному человѣку. Просвѣщенный же умъ твердо знаетъ, что тамъ именно, гдѣ возможно предсказаніе, чуда нѣтъ, ибо возможность предсказанія, предугадыванія предполагаетъ строгую закономѣрность. Слѣдотельно, пророкомъ окажется не тотъ, кто наиболѣе одаренъ духовно, не тотъ, кто хочетъ властвовать надъ міромъ и повелѣвать законами. не волхвъ, не кудесникъ, не художникъ, не мятежный геній, а тотъ, кто, впередъ покорившись дѣйствительности и ея законамъ, обрекъ себя на механическій трудъ подсчета и разсчета.

Бисмаркъ умѣлъ предсказать величіе Пруссіи и Германіи, да не только Бисмаркъ, а заурядный нѣмецкій политикъ, для котораго все сводится къ «Deutschland, Deutschland über alles», могъ угадать на много лѣтъ впередъ, а вотъ Достоевскій и Толстой ничего угадать не умѣли. У Достоевскаго это еще замѣтнѣе, чѣмъ у Толстого, потому что онъ чаще пытался угадывать: его дневникъ наполовину состоитъ изъ несбывшихся прорицаній. Поэтому же онъ сплошь и рядомъ компрометировалъ свое пророческое дарованіе.

II.

Можетъ быть, кому-либо покажется неумѣстнымъ, что въ статьѣ, посвященной 25-лѣтію смерти писателя, я вспоминаю о его ошибкахъ и заблужденіяхъ. Но такой упрекъ едва ли справедливъ. Извѣстнаго рода недостатки въ замѣчательномъ человѣкѣ не менѣе характерны и важны, чѣмъ его достоинства.

Достоевскій не былъ Бисмаркомъ, да развѣ это такъ уже дурно, развѣ объ этомъ жалѣть приходится? А затѣмъ еще вотъ что: для писателей типа Толстого и Достоевскаго ихъ общественно-политическія идеи не имѣютъ ровно никакого реальнаго значенія. Они знаютъ, что ихъ никто не слушаетъ. Что бы они ни говорили,

все равно исторія и политическая жизнь пойдутъ собственнымъ путемъ, ибо не ихъ книги и статьи направляютъ событія. Вѣроятно, этимъ объясняется ихъ необыкновенная рѣшительность въ сужденіяхъ. Если бы Толстой могъ думать, что достаточно ему потребовать въ статьѣ, чтобы «солдаты, городовые, судьи, министры» и всѣ прочіе, столь ненавистные ему охранители общественнаго спокойствія (да кому, кстати, милы они!) были распущены, чтобы убійцамъ и разбойникамъ были раскрыты двери тюремъ,—кто знаетъ, оказался ли бы онъ достаточно твердымъ и непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ принять на себя всю отвѣтственность за послѣдствія предлагаемыхъ имъ мѣръ. Но онъ знаетъ навѣрное, что его не послушаютъ, и потому спокойно проповѣдуетъ анархію. Достоевскому съ его проповѣдью пришлось сыграть роль совсѣмъ иную, но тоже, такъ сказать, платоническую. Совершенно, вѣроятно, неожиданно для самого себя онъ оказался пѣвцомъ не «идеальной» политики, а тѣхъ реалистическихъ задачъ, которыя поставляли себѣ всегда правительства въ тѣхъ странахъ, гдѣ судьбами народовъ распоряжались немногія личности. Если послушать Достоевскаго, можно подумать, что онъ изобрѣтаетъ идеи, которыя правительство должно принять къ руководству и осуществле-

нію. Но немного вниманія, и вы убѣдитесь, что Достоевскій не изобрѣлъ рѣшительно ни одной самобытной политической идеи. Все, что у него было по этой части, онъ, безъ провѣрки даже, заимствовалъ у славянофиловъ, которые въ свою очередь являлись самобытными лишь въ той мѣрѣ, въ какой они безъ посторонней помощи переводили съ нѣмецкаго и французскаго «Russland, Russland über alles» — даже размѣръ стиха не испорченъ замѣной одного слова. Но, что́ особенно важно,—и славянофилы со своимъ русско-нѣмецкимъ прославленіемъ національности, и вторившій имъ Достоевскій никого изъ имѣющихъ власть ровно ничему не учили и не научили. Наше правительство само знало все, что́ ему нужно было знать, безъ славянофиловъ и безъ Достоевскаго: еще съ незапамятныхъ временъ шло оно именно тѣмъ путемъ, который такъ страстно воспѣвали его теоретики. Такъ что послѣднимъ ничего больше не оставалось, какъ воздавать хвалу имѣющимъ власть и защищать русскую государственную политику противъ оппозиціонно-настроеннаго общественнаго мнѣнія. Самодержавіе, православіе, народность— все это до такой степени прочно держалось въ Россіи, что въ семидесятыхъ годахъ, когда Достоевскій началъ проповѣдовать, нисколько въ поддержкѣ не нуждалось. Да, вѣдь, и вообще

власть, какъ извѣстно, никогда серьезно не разсчитываетъ на поддержку литературы. Она, между прочимъ, требуетъ, чтобъ и музы приносили ей дань, благородно формулируя свои требованія словами: благословенъ союзъ меча и лиры. Бывало, что музы и не отказывали ей — иногда искренно, иногда потому, что, какъ писалъ Гейне, въ Россіи желѣзныя кандалы особенно непріятно носить въ виду большихъ морозовъ. Но, во всякомъ случаѣ, музамъ предоставлялось только воспѣвать мечъ, а отнюдь не направлять его (союзы всякіе бываютъ!), и вотъ Достоевскій, при всей независимости своей натуры, все же оказался въ роли пѣвца русскаго правительства. Т. е. онъ угадывалъ тайныя желанія власти и, затѣмъ, по поводу ихъ вспоминалъ всѣ «прекрасныя и высокія» слова, которыя успѣлъ накопить за свои долголѣтнія странствованія. Напримѣръ: правительство жадными глазами глядѣло на Востокъ (тогда еще ближній) — Достоевскій начинаетъ доказывать, что намъ необходимъ Константинополь и пророчествовать, что Константинополь скоро будетъ нашимъ. «Доказательство» Достоевскаго, конечно, чисто «нравственнаго характера»,—на то онъ писатель: только изъ Константинополя, говорилъ онъ, можемъ мы провести чисто русскую всечеловѣческую идею. Разумѣется, что

наше правительство, хотя у насъ Бисмарковъ и не было, отлично понимало цѣну нравственнымъ доказательствамъ и основаннымъ на нихъ предсказаніямъ и предпочло бы вмѣсто нихъ имѣть нѣсколько хорошо подготовленныхъ дивизій и усовершенствованныя орудія. Для реальныхъ политиковъ одинъ солдатъ и не то, что пушка, а ружье старой системы, больше значатъ, чѣмъ самая лучшая философско-нравственная концепція. Но они все же не гонятъ отъ себя кроткихъ пѣвцовъ, если пѣвцы знаютъ свои шестки. Достоевскій согласился на эту роль, ибо она все-таки давала ему возможность проявлять свой строптивый характеръ въ борьбѣ съ либеральной литературой. Онъ воспѣвалъ, протестовалъ, говорилъ несообразности, даже хуже, чѣмъ несообразности. Напримѣръ, предлагалъ всѣмъ славянскимъ народностямъ объединиться подъ эгидой Россіи, увѣряя, что такимъ только образомъ за ними будетъ обезпечена полная независимость, право культурнаго самоопредѣленія и т. д. Это предъ лицомъ милліоновъ живущихъ въ Россіи славянъ-поляковъ. И еще: «Московскія Вѣдомости» высказали мысль, что хорошо было бы, если бы крымскіе татары эмигрировали въ Турцію, ибо тогда можно было бы заселить крымскій полуостровъ русскими.

Достоевскій съ восторгомъ подхватываетъ

самобытную идею. Дѣйствительно, говоритъ онъ, по политическимъ, государственнымъ и инымъ подобнаго рода соображеніямъ (не знаю, какъ другіе, но когда я слышу изъ устъ Достоевскаго такія слова, какъ «государственный», «политическій» и т. п., мнѣ безудержно хочется хохотать) татаръ необходимо вытѣснить и на ихъ земляхъ поселить русскихъ. Когда «Московскія Вѣдомости» проектируютъ такую мѣру — дѣло понятное. Но Достоевскій! Достоевскій, который называлъ себя христіаниномъ, который такъ горячо проповѣдовалъ любовь къ ближнему, самоуниженіе, самоотреченіе, который «училъ», что Россія должна «служить народамъ»—какъ могла улыбнуться ему такая хищническая мысль?! А между тѣмъ, почти всѣ его политическія идеи отзываются хищничествомъ: захватить, захватить и еще захватить... Соотвѣтственно нуждѣ, онъ то выражаетъ надежду на дружбу Германіи, то грозитъ ей, то доказываетъ, что Англія въ насъ нуждается, то утверждаетъ, что мы и безъ Англіи проживемъ — совсѣмъ, какъ передовикъ изъ благонамѣренной провинціальной газеты И во всѣхъ этихъ смѣшныхъ и вѣчно противорѣчивыхъ утвержденіяхъ чувствуется лишь одно: Достоевскій въ политикѣ ничего, рѣшительно ничего не понимаетъ и, сверхъ того, ему до политики никакого дѣла нѣтъ. Онъ

принужденъ итти на буксирѣ вслѣдъ за другими, ничтожными по сравненію съ нимъ людьми, и ничего,—идетъ. Даже самолюбіе—у него вѣдь было колоссальное, единственное въ своемъ родѣ самолюбіе, какъ и прилично всечеловѣку — при этомъ нисколько не страдаетъ. Главное, что люди ждали отъ него пророчества, что слѣдующій за чиномъ великаго писателя есть чинъ пророка, что убѣжденный тонъ и громкій голосъ есть признаки пророческаго дарованія. Говорить громко Достоевскій умѣлъ, умѣлъ и говорить тономъ человѣка, знающаго тайну, власть имѣющаго: подполье выучиваетъ. Все это пригодилось. Люди приняли придворнаго пѣвца существующаго порядка за вдохновителя думъ, за властителя отдаленнѣйшихъ судебъ Россіи. И съ Достоевскаго этого было достаточно. Достоевскому это даже было необходимо. Онъ зналъ, конечно, что онъ не пророкъ, но онъ зналъ, что пророковъ на землѣ не было, а которые были, не имѣли на это бо́льшаго права, чѣмъ онъ.

III.

Позволю себѣ напомнить читателю письмо Л. Н. Толстого къ Л. Л. Толстому, недавно опубликованное послѣднимъ въ газетахъ. Оно представляется очень интереснымъ—опять-таки не съ

точки зрѣнія практическаго человѣка, которому нужно разрѣшить вопросъ дня,—съ этой точки зрѣнія Толстой, Достоевскій и имъ подобные совсѣмъ ни на что не нужны—но вѣдь не о единомъ хлѣбѣ будетъ сытъ человѣкъ.

Даже сейчасъ, въ страшное время, переживаемое нами—если хотите, то сейчасъ, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ, когда бы то ни было — нельзя читать только однѣ газеты и думать лишь объ ужасныхъ сюрпризахъ, подготовляемыхъ намъ завтрашнимъ днемъ. У каждаго между чтеніемъ газетъ и партійныхъ программъ остается часъ досуга, хотя бы не днемъ, когда шумъ событій и текущій трудъ отвлекаютъ, а глубокой ночью, когда все, что можно было—уже сдѣлано, все, что нужно было—уже сказано. Тогда прилетаютъ старыя, спугнутые «дѣлами» мысли и вопросы. И въ тысячный разъ возвращаешься къ загадкѣ человѣческаго генія, человѣческаго величія. Насколько и въ какихъ областяхъ геній знаетъ и можетъ больше, чѣмъ обыкновенные люди?

И тогда письмо Толстого, которое днемъ возбуждало только негодованіе и раздраженіе—вѣдь въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно, развѣ не возмутительно, что въ великомъ столкновеніи враждующихъ межъ собой въ Россіи силъ онъ не умѣетъ отличить правой отъ неправой и всѣхъ борющихся клеймитъ общимъ именемъ

безбожниковъ!—кажется инымъ. Днемъ, говорю я, это точно обидно, днемъ хотѣлось бы, чтобъ Толстой былъ съ нами и за насъ, ибо вѣдь мы убѣждены, что мы, только мы одни, ищемъ правды, знаемъ правду, а что враги наши злонамѣренно или по заблужденію защищаютъ зло и неправду. Но это днемъ. Ночью же—дѣло иное. Вспоминаешь, что и Гете просмотрѣлъ, просто не замѣтилъ великой французской революціи. Правда, онъ былъ нѣмцемъ и жилъ далеко отъ Парижа, а Толстой живетъ вблизи Москвы, гдѣ разстрѣливали, рѣзали, сжигали мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Какъ же онъ просмотрѣлъ эти ужасы? А онъ несомнѣнно просмотрѣлъ Москву и все, что было до Москвы. Происходящія событія не кажутся ему значительными, выходящими изъ ряда вонъ. Для него значительно только то, къ чему онъ, Толстой, приложилъ руку: все, что внѣ его и помимо его происходитъ, для него не существуетъ. Такова великая прерогатива великихъ людей. И знаете что? Иногда мнѣ кажется—или, можетъ быть, мнѣ только хочется, чтобъ казалось—будто въ этой прерогативѣ есть глубокое, сокровенное значеніе.

Когда нѣтъ силъ слушать дальше безконечныя повѣсти объ ужасныхъ звѣрствахъ, уже совершившихся и предвосхищать воображеніемъ, все, что ждетъ еще насъ впереди—вспоминаешь

Толстого и его равнодушіе. Не въ нашей, человѣческой, власти вернуть дѣтямъ убитыхъ отцовъ и матерей, матерямъ и отцамъ—убитыхъ дѣтей. Не въ нашей власти даже отомстить убійцамъ—да не всякаго месть примиритъ съ потерей. И пробуешь думать не по логикѣ, пробуешь искать оправданія ужасамъ, тамъ, гдѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Что, если, спрашиваешь себя, Толстой и Гете оттого не видѣли революціи и не болѣли ея муками, что они видѣли нѣчто иное, можетъ быть, болѣе нужное и важное? Вѣдь это — люди величайшаго духа! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ на небѣ и землѣ есть вещи, которыя не снились нашей учености?..

Теперь можно вернуться къ Достоевскому и его «идеямъ», можно безбоязненно называть ихъ тѣми именами, которыхъ онѣ заслуживаютъ. Ибо хотя Достоевскій и геніальный писатель, но это не значитъ, что мы должны забывать о нашихъ насущныхъ нуждахъ. Ночь имѣетъ свои права, а день—свои. Достоевскій хотѣлъ быть пророкомъ, хотѣлъ, чтобы его слушали и кричали ему вслѣдъ «Осанна», ибо, повторяю, онъ полагалъ, что если когда-либо кому-либо кричали осанна, то нѣтъ никакого основанія отказывать ему, Достоевскому, въ этой чести. Вотъ причина, почему въ 70-хъ годахъ онъ выступаетъ въ но-

вой роли проповѣдника христіанства и даже не христіанства, а православія.

Обращаю еще разъ вниманіе на то, далеко не случайное, обстоятельство, что проповѣдь совпала съ самымъ «свѣтлымъ періодомъ» его жизни. Прежній бездомный кочевникъ, бѣднякъ, не знавшій, гдѣ преклонить голову, обзавелся семьей, собственнымъ домомъ, даже деньгами (жена прикапливала). Неудачникъ сталъ знаменитостью. Каторжникъ — полноправнымъ гражданиномъ. Подполье, куда еще недавно и навсегда, какъ можно было думать, загнала его судьба, кажется старой фантасмагоріей, никогда не бывшей дѣйствительностью. Тамъ, въ каторгѣ и подпольѣ, родилась и долго жила великая жажда Бога, тамъ была великая борьба, борьба на жизнь и на смерть, тамъ впервые производились тѣ новые и страшные опыты, которые сроднили Достоевскаго со всѣмъ, что есть на землѣ мятущагося и неспокойнаго. То, что пишетъ Достоевскій въ послѣдніе годы своей жизни (не только «Дневникъ писателя», но и «Братья Карамазовы»), имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку тамъ отражается прошлое Достоевскаго. Новаго дальнѣйшаго шага онъ уже не сдѣлалъ. Какъ былъ, такъ и остался наканунѣ великой истины. Но прежде этого было ему мало, онъ жаждалъ дальнѣйшаго, а теперь онъ

не хочетъ бороться и не умѣетъ объяснить ни себѣ, ни другимъ, что собственно съ нимъ происходитъ. Онъ продолжаетъ симулировать борьбу—да, сверхъ того, онъ какъ будто бы окончательно побѣдилъ и требуетъ, чтобъ побѣда была признана общественнымъ мнѣніемъ. Ему хочется думать, что канунъ уже прошелъ, что наступилъ настоящій день. А каторги и подполья, напоминающихъ, что день не насталъ, уже нѣтъ. Налицо всѣ данныя для полной иллюзіи побѣды—подбери только слова и проповѣдуй! Достоевскій ухватился за православіе. Почему не за христіанство? Да потому, что христіанство не для того, у кого домъ, семья, достатокъ, слава, отечество. Христосъ говорилъ: все покинь и слѣдуй за мной. А Достоевскій боится уединенія, онъ хочетъ быть пророкомъ для людей, современныхъ, осѣдлыхъ людей, для которыхъ христіанство въ его чистомъ видѣ, неприспособленномъ къ условіямъ культурнаго, государственнаго существованія, не годится. Ну, какъ христіанину брать Константинополь, выселять изъ Крыма татаръ, переводить всѣхъ славянъ на положеніе поляковъ и т. д. и т. д.—всѣхъ проектовъ Достоевскаго и «М. В.» не перечислишь. И вотъ прежде, чѣмъ признать Евангеліе—нужно истолковать его...

Какъ это ни странно, но приходится признать, что въ литературѣ мы не встрѣчаемъ никого,

кто бы принималъ Евангеліе цѣликомъ, безъ истолкованій. Кому нужно брать Константинополь по Евангелію, кому оправдать существующій порядокъ, кому возвысить себя или унизить врага — и каждый считаетъ себя въ правѣ урѣзывать или даже дополнять текстъ Писанія. Разумѣется, здѣсь я имѣю въ виду лишь тѣхъ, кто на словахъ, по крайней мѣрѣ, признаетъ Божественное происхожденіе Новаго Завѣта. Ибо тотъ, кто видитъ въ Евангеліи лишь одну изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ книгъ своей библіотеки—тотъ, конечно, въ правѣ производить надъ нимъ какія угодно критическія операціи.

Но вотъ вамъ Толстой, Достоевскій, Вл. Соловьевъ. У насъ существуетъ мнѣніе, особенно поддержанное и развитое новѣйшей критикой, что только Толстой раціонализировалъ христіанство, Достоевскій же и Соловьевъ принимали его во всей его мистической полнотѣ, не давая разуму права отдѣлять въ Евангеліи истину отъ лжи. Я нахожу это мнѣніе ошибочнымъ. Именно Достоевскій и Соловьевъ боялись признать Евангеліе источникомъ познанія и гораздо болѣе довѣряли собственному разуму и житейскому опыту, чѣмъ словамъ Христа. Если былъ у насъ человѣкъ, который хотя отчасти рискнулъ принять загадочныя и явно опасныя слова евангельскихъ заповѣдей—то это Левъ Толстой. Сейчасъ объяснюсь.

Толстой, говорятъ намъ, пытался въ своихъ заграничныхъ сочиненіяхъ объяснить понятнымъ для человѣческаго ума способомъ евангельскія чудеса. Достоевскій же и Соловьевъ охотно принимали на вѣру необъяснимое. Но обыкновенно евангельскія чудеса привлекаютъ къ себѣ наименѣе вѣрующихъ людей. Ибо повторить чудеса—невозможно, а разъ такъ, то, стало быть, тутъ достаточно наружной вѣры, т.-е. одного словеснаго утвержденія. Говоритъ человѣкъ, что вѣритъ въ чудеса—репутація религіозности сдѣлана, для себя и для другихъ. А для остальной части Евангелія остается «толкованіе». Напримѣръ, о непротивленіи злу. Нечего говорить, что ученіе о непротивленіи злу есть самое страшное, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое ирраціональное и загадочное изъ всего, что мы читаемъ въ Евангеліи. Все наше разумное существо возмущается при мысли, что злодѣю оставляется полная матеріальная свобода для совершенія его злодѣйскихъ дѣлъ. Какъ позволить разбойнику на твоихъ глазахъ убить неповиннаго ребенка и не обнажить меча?! Кто въ правѣ, кто могъ заповѣдать такое возмутительное предписаніе? Это повторяетъ и Соловьевъ, и Достоевскій, одинъ въ тайной, другой въ открытой полемикѣ противъ Толстого. И такъ какъ все-таки въ Евангеліи прямо сказано «не противься злому», то оба

они, вѣрующіе въ чудеса, вдругъ вспоминаютъ о разумѣ и обращаются къ его свидѣтельству— зная, что разумъ, конечно, безусловно отвергнетъ какой бы то ни было смыслъ въ заповѣди. Иначе говоря, они повторяютъ о Христѣ слова сомнѣвавшихся евреевъ: кто Онъ такой, что говоритъ, какъ власть имѣющій? Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву своего сына. Аврамъ, хотя его разумъ, человѣческій разумъ, отказывался признать понятный смыслъ въ жестокомъ приказаніи, все-таки приготовился поступить по слову Божію и не пытался хитроумнымъ толкованіемъ снять съ себя тяжелую, нечеловѣческую обязанность. Достоевскій же и Соловьевъ, какъ только требованія Христа не встрѣчаютъ оправданія въ ихъ разумѣ, отказываются исполнять ихъ. А говорятъ, что вѣруютъ и въ воскресеніе Лазаря, и въ излѣченіе паралитиковъ, и во все прочее, о чемъ повѣствуютъ апостолы. Почему же ихъ вѣра оканчивается какъ разъ тамъ, гдѣ она начинаетъ обязывать? Почему вдругъ понадобился разумъ, тогда какъ о Достоевскомъ мы доподлинно знаемъ, что въ свое время онъ затѣмъ именно и пришелъ къ Евангелію, чтобъ освободиться отъ власти разума? Но то было время подполья — а теперь наступилъ свѣтлый періодъ его жизни. Соловьевъ же подполья никогда, видно и не

зналъ. Только Толстой смѣло и рѣшительно пробуетъ испытать не въ мысляхъ только, а отчасти и въ жизни истинность христіанскаго ученія. Безумно не противиться злу съ человѣческой точки зрѣнія—онъ это также хорошо знаетъ, какъ Достоевскій, Соловьевъ и всѣ прочіе многочисленные его оппоненты. Но въ Евангеліи онъ именно ищетъ божественнаго безумія – ибо человѣческій разумъ его не удовлетворяетъ. Толстой сталъ слѣдовать Евангелію въ тотъ совсѣмъ не свѣтлый періодъ своей жизни, когда его преслѣдовали образы Ивана Ильича и Позднышева. Тутъ вѣра въ чудеса, абстрактная, оторванная отъ жизни — ни къ чему. Нужно ради вѣры отдать все, что есть у тебя самаго дорогого—сына на закланіе. Кто Онъ такой, что говорилъ, какъ власть имѣющій? Нельзя нынѣ провѣрить, точно ли Онъ воскресилъ Лазаря и насытилъ нѣсколькими хлѣбами тысячную толпу. Но, исполнивъ безъ колебанія Его заповѣди, можно узнать, далъ ли Онъ намъ истину... Такъ было у Толстого и онъ обратился къ Евангелію, единственному и подлинному источнику христіанства. Достоевскій же обратился къ славянофиламъ и ихъ религіозно-государственнымъ ученіямъ. Непремѣнно православіе, а не католичество, не лютеранство и даже не просто христіанство. И затѣмъ—самобытная идея: Russland, Russland über

alles. Толстой не умѣлъ ничего предсказать въ исторіи, но вѣдь онъ почти явно и не вмѣшивается въ историческую жизнь. Для него наша дѣйствительность не существуетъ: онъ весь сосредоточился въ загадкѣ, заданной Богомъ Аврааму. Достоевскій же хотѣлъ во что бы то ни стало предсказывать, постоянно предсказывалъ и постоянно ошибался. Константинополя мы не взяли, славянъ не объединили, и даже татары до сихъ поръ живутъ въ Крыму. Онъ пугалъ насъ, что въ Европѣ прольются рѣки крови изъза классовой борьбы, а у насъ, благодаря нашей русской всечеловѣческой идеѣ, не только мирно разрѣшатся наши внутренніе вопросы, но еще найдется новое, неслыханное доселѣ слово, которымъ мы спасемъ несчастную Европу. Прошло четверть вѣка. Въ Европѣ пока ничего не случилось. Мы же захлебываемся, буквально захлебываемся въ крови. У насъ душатъ не только инородцевъ, славянъ и неславянъ, у насъ терзаютъ своего же брата несчастнаго, изголодавшагося, ничего не понимающаго русскаго мужика. Въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, разстрѣливали женщинъ, дѣтей и стариковъ. Гдѣ же русскій всечеловѣкъ, о которомъ пророчествовалъ Достоевскій въ Пушкинской рѣчи? Гдѣ любовь, гдѣ христіанскія заповѣди? Мы видимъ одну «государственность», изъ-за которой боро-

лись и западные народы — но боролись менѣе жестокими и антикультурными средствами. Россіи опять придется учиться у Запада, какъ уже не разъ приходилось учиться... И Достоевскій гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бы не пытался пророчествовать.

Впрочемъ, не бѣда, если онъ и пророчествовалъ. Отъ всей души и теперь я радъ, что хоть подъ конецъ жизни отдохнулъ онъ отъ своей каторги. Я глубоко убѣжденъ, что если бы даже до послѣднихъ дней своихъ онъ оставался въ подпольѣ, все равно «разрѣшенія» волновавшихъ его вопросовъ онъ не добился бы. Какъ бы много душевной энергіи ни вложилъ въ свое дѣло человѣкъ, онъ все же останется «наканунѣ» истины и не найдетъ нужной ему разгадки. Таковъ человѣческій законъ. А проповѣдь Достоевскаго вреда не принесла. Его слушали тѣ, которые все равно бы шли на Константинополь, душили бы поляковъ и уготовляли бы страданія, столь необходимыя мужицкой душѣ. Если Достоевскій и далъ имъ свою санкцію, то этимъ, въ сущности, ничего имъ не прибавилъ. Они въ литературной санкціи не нуждаются, совершенно правильно разсуждая, что въ практическихъ вопросахъ рѣшающее значеніе имѣютъ не печатные листки, а штыки и пушки...

Все, что было у него разсказать, Достоев-

скій разсказалъ намъ въ своихъ романахъ, которые и теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, притягиваютъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому нужно выпытывать отъ жизни ея тайны. А чинъ пророка, за которымъ онъ такъ гнался, полагая, что имѣлъ на него право, былъ ему совсѣмъ не къ лицу. Пророками бываютъ Бисмарки, они же и канцлерами бываютъ, т.-е. первыми въ деревнѣ, первыми въ Римѣ... Достоевскимъ же суждено вѣчное «наканунѣ»?! Снова попробуемъ пренебречь логикой, на этотъ разъ, быть можетъ, не только логикой и сказать: да будетъ такъ...

Похвала Глупости.

(По поводу книги Николая Бердяева Sub specie aeternitatis).

Den Leib möcht ich noch haben
Den Leib so zart und jung;
Die Seele könnt ihr begraben,
Hab'selber Seele genug.
H. Heine.

I.

Не въ насмѣшку, какъ это сдѣлалъ въ старину знаменитый Эразмъ Роттердамскій, а искренно и отъ всей души начинаю я свое похвальное слово глупости. И въ этомъ новая книга Бердяева во многомъ поможетъ мнѣ. Онъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, назвать ее, по примѣру своего давно умершаго коллеги, похвалой глупости, ибо задача ея — вызовъ здравому смыслу. Правда, въ ней собраны статьи за шесть лѣтъ, такъ что, собственно говоря, полнаго единства задачи нѣтъ и быть не можетъ. Шесть лѣтъ

огромный срокъ и даже не только такой писатель, какъ Бердяевъ, но и всякій другой въ большей или меньшей степени измѣняется за столь продолжительное время. Книга начинается давно написанной статьей «Борьба за идеализмъ», въ которой авторъ держится еще строго кантовской точки зрѣнія, какъ извѣстно, допускающей и здравый смыслъ и всѣ сопутствующія ему добродѣтели. Затѣмъ постепенно авторъ эволюціонируетъ и въ концѣ книги уже открыто объявляетъ войну здравому смыслу, противупоставляя ему, однако, не Глупость, какъ то дѣлается обыкновенно, а Большой Разумъ. Конечно, можно и такъ выразиться, можно Глупость назвать Большимъ Разумомъ и это, если угодно, имѣетъ свой глубокій смыслъ, точнѣе—глубокую ядовитость. Ибо, что̀ можетъ быть обиднѣй и унизительнѣй для здраваго смысла, чѣмъ присвоеніе Глупости почетнаго титула Большого Разума? Вѣдь до сихъ поръ здравый смыслъ считался отцомъ и ближайшимъ другомъ всякихъ разумовъ, большихъ и малыхъ. Теперь же Бердяевъ, пренебрегая родословными и исторически сложившейся геральдикой, возводитъ «противоположность здраваго смысла», т.-е. Глупость, въ санъ Большого Разума. Несомнѣнно великая дерзость, но Бердяевъ—писатель дерзкій по преимуществу, и въ этомъ, по моему мнѣнію, его лучшее качество.

Я сказалъ бы, что въ его дерзости—его дарованіе, его философскій и литературный талантъ. Какъ только она покидаетъ его, изсякаетъ источникъ его вдохновенія, ему нечего сказать, онъ перестаетъ быть самимъ собою. Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Вернемся къ его эволюціи, вѣрнѣе, къ эволюціи его идей.

Я уже указалъ, что Бердяевъ, какъ и всякій думающій человѣкъ, за шесть лѣтъ много разъ мѣнялъ свои убѣжденія или свои идеи. Философскія, конечно. Въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ онъ проявляетъ несравнено бо́льшую устойчивость и постоянство. Онъ былъ и остался демократомъ и даже, кажется, соціалистомъ. Это любопытно. Отчего люди гораздо легче мѣняютъ свои философскія убѣжденія, чѣмъ политическія? Такая же сравнительная прочность политическихъ убѣжденій наблюдается и у другихъ писателей, продѣлавшихъ вмѣстѣ съ Бердяевымъ эволюцію отъ марксизма черезъ идеализмъ къ мистицизму и даже къ положительной религіи. Напр., хотя бы Булгаковъ. Если бы онъ проявилъ ту же быстроту въ смѣнѣ политическихъ убѣжденій, быть бы ему теперь либо въ черносотенникахъ, либо въ максималистахъ, т.-е. гдѣ-нибудь на послѣдней окраинѣ политическаго поля. Но онъ, какъ былъ, такъ и остался, вмѣстѣ съ Бердяевымъ, и демократомъ,

и соціалистомъ. Правда, онъ уже не благоговѣетъ предъ Марксомъ, — но лишь въ области теоріи. Въ практическихъ вопросахъ онъ остался вѣрнымъ себѣ, такъ что существовавшій въ представленіи публики неразрывный nexus idearum между православіемъ и реакціонерствомъ, долженъ считаться отнынѣ окончательно разорваннымъ [1]). Теперь много, — даже среди молодежи, учениковъ Булгакова, — такихъ, которые вмѣстѣ со своимъ учителемъ пекутся о православной церкви и все-таки не воспѣваютъ ни земскихъ начальниковъ съ розгами, ни военно-полевыхъ судовъ, ни неограниченной власти министровъ. Чѣмъ же объясняется непостоянство философскихъ убѣжденій у людей въ политическомъ отношеніи стойкихъ и непоколебимыхъ? Ясно, что не характеромъ. Ибо нельзя же одновременно имѣть и стойкій и измѣнчивый характеръ.

Оставлю пока вопросъ безъ отвѣта, но обращу вниманіе читателя на другую особенность идейнаго развитія Бердяева (тоже и Булгакова).

[1]) См. недавно вышедшую книгу Булгакова „Краткій Очеркъ Политической Экономіи“. Въ ней проводится очень либеральная точка зрѣнія, нисколько не уступающая другимъ либеральнымъ точкамъ зрѣнія. Въ обыкновенныхъ политическихъ экономіяхъ гуманные взгляды (о возмутительности крѣпостного права, гаремовъ, ростовщичества, эксплоатаціи рабочихъ и т. д.) обосновываются на морали, у Булгакова — на религіи. Въ этомъ вся разница.

Какъ только онъ покидаетъ какой-либо строй идей ради новаго, онъ уже въ своемъ прежнемъ идейномъ богатствѣ не находитъ ничего достойнаго вниманія. Все — старье, ветошь, ни къ чему не нужное. Напримѣръ, экономическій матеріализмъ. Когда-то (въ своей первой книгѣ) Бердяевъ восторгался имъ, правда, не въ его чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ кантіанствомъ, и считалъ, что въ немъ всѣ истины. Теперь онъ уже въ немъ не видитъ ни одной истины. Я и ставлю вопросъ—разрѣшается ли философу такая безумная расточительность? Вѣдь того и гляди, у матеріалистовъ были хоть крупицы истины?! Неужели пренебрегать ими? Или впослѣдствіи, когда пришлось снова сниматься съ мѣста и покидать старика Канта, Бердяевъ все бросилъ, ничего не подобралъ, словно бы его тяготила всякая поклажа, и налегкѣ помчался къ метафизикѣ, заранѣе увѣренный, что онъ найдетъ у нея и тучныя стада, и огромныя поля, — словомъ, все, что нужно человѣку для пропитанія. Потомъ бросилъ метафизику и ринулся въ глубину религіозныхъ откровеній. На страницахъ «Вопросовъ Жизни» предъ читателемъ развернулась исторія обращенія Бердяева изъ метафизика въ вѣрующаго христіанина. Обращеніе въ особенности поражающее своей порывистостью. Даже для Бердяева слишкомъ скоро.

Онъ сталъ христіаниномъ прежде, чѣмъ выучился четко выговаривать всѣ слова символа вѣры. Метаморфоза, очевидно, произошла за порогомъ сознанія. Въ своей статьѣ «О новомъ религіозномъ сознаніи», въ которой онъ впервые начинаетъ говорить о Христѣ, богочеловѣкѣ, человѣкобогѣ и т. п., онъ обрывается, заикается, словомъ, обнаруживаетъ всѣ признаки того, что попалъ въ чуждую и незнакомую ему область, гдѣ приходится двигаться наугадъ и ощупью. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что всѣ наши писатели, пришедшіе къ христіанству путемъ эволюціи, никакъ не могутъ научиться по настоящему выговаривать святыя слова. Даже Мережковскій, вотъ уже сколько лѣтъ упражняющійся на богословскія темы, не дошелъ до сихъ поръ до сколько-нибудь значительной виртоузности, несмотря на свое несомнѣнное литературное дарованіе. Настоящаго тона нѣтъ. Въ родѣ того, какъ человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ изучившій новый языкъ. Всегда узнаешь въ немъ иностранца. То же и Булгаковъ. Онъ оригинально рѣшилъ трудную задачу и съ первыхъ же статей сталъ выговаривать слово Христосъ тѣмъ же тономъ, которымъ прежде произносилъ слово Марксъ. И все-таки Булгаковъ, несмотря на все преимущество простоты и естественности манеры

(ибо ее не пришлось мѣнять) не удовлетворяетъ чуткаго слуха. Въ этомъ отношеніи ихъ всѣхъ далеко превосходитъ Розановъ, хотя, какъ извѣстно, онъ въ Христа не вѣритъ и Евангелія не признаетъ. Но онъ съ дѣтства былъ воспитанъ въ правилахъ благочестія, не зналъ увлеченій дарвинизма и марксизма, и сохранилъ себя нетронутымъ. Я думаю, что ни Мережковскій, ни Булгаковъ, ни Бердяевъ никогда не сравнятся съ Розановымъ. Булгаковъ, видно, это чувствуетъ и отъ религіозныхъ исканій переходитъ къ вопросамъ церкви, къ церковной политикѣ. Здѣсь, пожалуй, онъ будетъ на своемъ мѣстѣ. Политика, вопросы общественнаго устройства—старое, близкое, родное дѣло.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ многое... Прежде всего, что идейная эволюція, которая въ старину продѣлывалась такъ трудно и съ такой чрезвычайной медленностью, а теперь проходитъ съ такой легкостью и быстротой, вовсе не знаменуетъ собой глубокихъ внутреннихъ измѣненій. Булгаковъ, когда былъ марксистомъ, былъ такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какъ и теперь. Бердяевъ кантіанецъ или метафизикъ, Мережковскій нитшіанецъ или христіанинъ — съ внутренней стороны разницы нѣтъ. Cuculus non facit monachum. И вообще, видно, старики ошибались, когда думали, что философскія идеи нужно такъ

тщательно оберегать отъ ржи и моли и всегда держать въ сухомъ мѣстѣ, чтобъ не испортились. Политическія убѣжденія дѣло другое. Въ политикѣ перемѣнилъ убѣжденія, мѣняй друзей и враговъ: стрѣляй въ тѣхъ, кого вчера защищалъ грудью, и наоборотъ. Тутъ призадумаешься. Ну, а перейти отъ кантіанства къ гегеліанству и даже, horribile dictu—къ матеріализму, что̀ кому отъ этого сдѣлается? Я даже не вижу никакихъ основаній для человѣка, который хорошо знаетъ нѣсколько философскихъ системъ, непремѣнно эволюціонировать отъ одной къ другой. Дозволительно, смотря по обстоятельствамъ, вѣрить то въ одну, то въ другую. Даже въ теченіе дня перемѣнить двѣ-три. Утромъ быть убѣжденнымъ гегеліанцемъ, днемъ держаться прочно Платона, а вечеромъ... бываютъ такіе вечера, что и въ Спинозу увѣруешь: такой неизмѣнной покажется наша natura naturata. Трудно только добровольно согласиться, что за добродѣтель не слѣдуетъ никакой награды. Слѣдовало бы, по правдѣ сказать, даже очень бы слѣдовало. Но разъ Deus sive natura sive substantia такъ устроенъ, что и самъ не можетъ никакъ измѣнить своей природы — ничего не подѣлаешь, поневолѣ примиришься и постараешься утѣшиться созерцаніемъ міра sub specie aeternitatis.

II.

Впрочемъ, Бердяевъ, хотя и заимствовалъ заглавіе для своей книги у Спинозы, отнюдь не стоитъ на точкѣ зрѣнія Спинозы, и я тоже сейчасъ, хотя теперь и вечеръ, вѣрнѣе глубокая ночь, менѣе всего расположенъ къ спинозизму. Мы оба сходимся въ одномъ. Мы ненавидимъ всякаго рода ratio и противоставляемъ ему— Бердяевъ—Большой Разумъ, я—Глупость. Аргумента въ защиту своего термина мнѣ можно, кажется, не представлять, и это тѣмъ удобнѣе, что у меня, собственно говоря, и никакихъ особенныхъ аргументовъ нѣтъ. Просто не люблю торжественныхъ словъ въ родѣ Большого Разума, метафизики, сверхчувственности, мистицизма. Если это недостатокъ—то снисходительный читатель, навѣрное, проститъ. Тѣмъ болѣе, что въ настоящей статьѣ за торжественными словами дѣло не станетъ. Бердяевъ, въ противоположность мнѣ, ихъ очень любитъ и въ цитатахъ изъ его книги ихъ найдется не мало. Итакъ, посмотримъ, что можетъ сдѣлать и сказать самъ Бердяевъ во славу Глупости (пишу Глупость съ большой буквы по примѣру Бердяева, который Большой Разумъ такъ пишетъ). Лучшей въ этомъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ статьей его является статья

«К. Леонтьевъ, философъ реакціонной романтики». Леонтьева у насъ даже и по слухамъ не знаютъ, а кто знаетъ, можетъ только два слова сказать о немъ: сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника»—стало быть, реакціонеръ. Между тѣмъ уже по цитатѣ изъ его сочиненій, приведенной Бердяевымъ въ эпиграфѣ къ своей статьѣ, сразу видно, что мы имѣемъ дѣло съ личностью незаурядной, замѣчательной. Судите сами. Леонтьевъ говоритъ: «не ужасно ли и не обидно ли было думать, что Моисей всходилъ на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели свои пуническія войны, что геніальный красавецъ Александръ въ пернатомъ какомъ-нибудь шлемѣ переходилъ Граникъ и бился подъ Арабеллами, что апостолы проповѣдовали, мученики страдали, поэты пѣли, живописцы писали и рыцари блистали на турнирахъ для того только, чтобы французскій, нѣмецкій или русскій буржуа въ безобразной и комической своей одеждѣ благодушествовалъ бы индивидуально или коллективно на развалинахъ всего этого прошлаго величія». И еще: «надо подморозить хоть немножко Россію, чтобъ она не гнила». Уже по приведеннымъ словамъ сразу видно, что мы имѣемъ дѣло съ духомъ смѣлымъ, своеобразнымъ, независимымъ. Или еще примѣръ: «именно эстетику-то

приличествуетъ во времена неподвижности быть за движеніе, во времена распущенности за строгость; художнику прилично быть либераломъ при господствѣ рабства, ему слѣдуетъ быть аристократомъ по тенденціи при демагогіи, немножко libre penseur'омъ («немножко» вѣроятно для цензуры и редактора) при лицемѣрномъ ханжествѣ, набожнымъ при безбожіи». Такого рода откровенность даже въ наше время, когда прежняя внутренняя цензура почти совсѣмъ отмѣнена, не часто встрѣтишь. Самъ Бердяевъ, открывшій для русскаго читателя Леонтьева и съ радостью и уваженіемъ отмѣчающій независимость его мысли, въ концѣ концовъ подвергаетъ его сужденія догматической критикѣ. Преданіе, традиція тяготѣетъ надъ нимъ, и примѣръ Леонтьева, при всей своей соблазнительности, кажется ему слишкомъ рискованнымъ и опаснымъ, благодаря чему какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ подмѣчается у него странная двойственность. Сердцемъ онъ сочувствуетъ Леонтьеву, радуется державной свободѣ его души, гибкости и легкости его мысли, но умъ, вѣрнѣе умы, малый, средній и большой, всѣ возстаютъ противъ бѣднаго сердца со своими категорическими императивами. «Ты не долженъ въ своихъ сужденіяхъ считаться ни съ чѣмъ, кромѣ единой и вѣчной истины», кричатъ они властными голосами, и

Бердяевъ, недавно на минуту насладившійся вмѣстѣ съ Леонтьевымъ прелестью общенія съ легкомысленной, капризной, но изящной и очаровательной Глупостью, послушно возвращается на свое мѣсто и отрекается и отъ себя, и отъ Леонтьева. Чудесно начатая статья кончается проектомъ соглашенія между Глупостью и здравымъ смысломъ, соглашенія, при которомъ всѣ выгоды на сторонѣ послѣдняго. Бердяевъ никакъ не можетъ окончательно повѣрить, что Глупость имѣетъ свои законныя, не подлежащія ни контролю, ни ограниченію права. Она прекрасна, спору нѣтъ, здравый смыслъ до смерти надоѣлъ и скученъ, какъ старая ханжа, но все же повиноваться нужно ему, а Леонтьевъ подлежитъ укрощенію. И всѣ почти статьи Бердяева написаны по тому же плану, что статья о Леонтьевѣ. Синтезъ ли тутъ замѣшанъ (вѣрнѣе всего, что Синтезъ) или что́ иное—не могу точно сказать. Начинаетъ, обыкновенно, Бердяевъ съ того, что набросится на здравый смыслъ, кричитъ, бранитъ его, съ грязью смѣшиваетъ, топаетъ ногами. Бѣдный здравый смыслъ, совершенно не привыкшій къ такому обращенію (мнѣ кажется, что никто изъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ свысока и пренебрежительно разговаривать со здравымъ смысломъ, какъ Бердяевъ), дрожитъ, теряется, не знаетъ съ испугу,

что сказать въ свое оправданіе. Онъ не можетъ вынести такого къ себѣ отношенія; до сихъ поръ обыкновенно кричали и топали ногами, когда разговаривали съ Глупостью. Но подъ конецъ статьи Бердяевъ обязательно смягчается и вновь возвращаетъ здравому смыслу если не всѣ, то хоть часть исторически признанныхъ за нимъ правъ. Поэтому, его книга можетъ быть интересна и полезна для людей разнообразныхъ вкусовъ. Кому нравится здравый смыслъ, тотъ пусть обращаетъ преимущественное вниманіе на заключительныя страницы статей, кто любитъ Глупость—пусть читаетъ главнымъ образомъ начала: жалѣть не будетъ. Мнѣ, какъ я уже признался, больше по сердцу Глупость. Не то, чтобъ я былъ увѣренъ въ ея окончательной побѣдѣ надъ здравымъ смысломъ. Увѣренности такой у меня нѣтъ. Но вѣдь не возбраняется иногда и идеализировать жизнь, т.-е. вѣрить тому, чего не бываетъ и не вѣрить тому, что бываетъ. Есть даже идеалистическія философскія направленія. Многіе люди постоянно и систематически вѣрятъ въ несуществующее и никогда не вѣрятъ въ дѣйствительность. Я позволяю себѣ иногда роскошь добровольнаго заблужденія и съ истиннымъ наслажденіемъ перечитываю тѣ мѣста книги Бердяева, въ которыхъ приводятся его собственныя или чужія глупости, и вѣрю имъ,

вѣрю, хотя бы они тысячу разъ противорѣчили всякой несомнѣнности и очевидности. Онъ, напримѣръ, говоритъ: «мистическій реализмъ ведетъ не къ статическому догматизму, а къ догматизму динамическому (подчеркнулъ я), всегда двигающемуся, творческому безъ границъ, прозрѣвающему и преображающему. Живая и реальная мистика всегда должна что-нибудь открывать, что-нибудь утверждать, должна опыты производить и разсказывать объ испытанномъ и увидѣнномъ, она догматична во имя движенія, чтобы движеніе дѣйствительно было, чтобы въ движеніи что-нибудь происходило». Т.-е. адогматическій догматизмъ, или догматическій адогматизмъ, такъ называемое contradictio in adjecto: движущійся покой, деревянное желѣзо и т. д. Я спрашиваю, какой еще писатель имѣетъ дерзновеніе такъ открыто противорѣчить законамъ логики и такъ мало о логикѣ (томъ-же здравомъ смыслѣ) заботиться?! И это уже въ самомъ началѣ книги, въ предисловіи! Мнѣ только ужасно жаль, что Бердяевъ употребляетъ такъ много незнакомыхъ публикѣ иностранныхъ терминовъ. Благодаря этому смыслъ его рѣчей для большинства теменъ. Пожалуй, найдется не мало читателей, которые, пробѣжавши приведенныя строки, вовсе и не оцѣнятъ ихъ по достоинству. Подумаютъ, что это обык-

новенная ученость, трудная для пониманія именно потому, что очень строго придерживается логики и боится согрѣшить предъ закономъ противорѣчія. А теперь не угодно ли отрывокъ изъ послѣсловія: «Никакая наука не можетъ доказать, что въ мірѣ невозможно чудо, что Христосъ не воскресъ, что природа Божества не раскрывается въ мистическомъ опытѣ,—все это просто внѣ науки, у науки нѣтъ словъ, которыя выразили бы не только что-либо положительное въ этой области, но хоть и что-либо отрицательное. Положительная наука можетъ только сказать: по законамъ природы, открываемымъ физикой, химіей, физіологіей и прочими дисциплинами, Христосъ не могъ воскреснуть, но въ этомъ она только сходится съ религіей, которая тоже говоритъ, что Христосъ воскресъ не по законамъ природы, а преодолѣвъ необходимость, побѣдивъ законъ тлѣнія, что воскресеніе Его есть таинственный мистическій актъ, къ которому мы пріобщаемся только въ религіозной жизни». Наука, положимъ, говоритъ не такъ, но до науки намъ сейчасъ дѣла нѣтъ. У Бердяева же получается, что законы природы и существуютъ, и не существуютъ. Ибо чудеса не только возможны, но даже и происходили въ дѣйствительности на глазахъ у людей. Бердяевъ вспоминаетъ только о воскресеніи Христа. А воскрешеніе Лазаря, излѣченіе слѣ-

пыхъ и паралитиковъ, а пятитысячная толпа, насытившаяся двумя хлѣбами и пятью рыбами и т. д.? Все это извѣстно намъ изъ того-же источника, изъ котораго мы знаемъ о воскресеніи Христа. Стало быть, въ свое время нарушеніе законовъ природы было столь же обыкновеннымъ явленіемъ какъ въ настоящее время ихъ ненарушимость. И, стало быть, либо положеніе науки, что законы природы ненарушимы, вопреки логикѣ, сосуществуетъ съ противоположнымъ положеніемъ, что законы природы могутъ быть нарушаемы, либо оно прямо ложно. Это заключеніе, особенно близкое и дорогое мнѣ, такъ же близко и дорого сердцу Бердяева. Онъ его формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «быть можетъ, логическіе законы, которые держатъ насъ въ тискахъ, это лишь болѣзнь бытія, дефектъ самаго бытія». Зачѣмъ только «быть можетъ»? Прямо бы догматъ: логическіе законы есть только болѣзнь бытія и отсюда выводъ: такъ какъ логика для насъ необязательна, то, стало быть, законы природы одновременно и существуютъ и не существуютъ. Такъ было бы лучше.

Впервые мысль о томъ, что законы природы и существуютъ и не существуютъ – мысль, проходящая черезъ всю вторую половину книги Бердяева, высказана съ особенной ясностью въ

статьѣ «О новомъ религіозномъ сознаніи», посвященной Мережковскому.

Повидимому самая мысль возникла у него отчасти подъ вліяніемъ Мережковскаго. Повидимому Бердяевъ считаетъ себя многимъ обязаннымъ этому послѣднему и не находитъ нужнымъ скрывать этого обстоятельства. Темы Мережковскаго онъ считаетъ геніальными и усваиваетъ не только темы, но и любимыя слова и выраженія Мережковскаго (Ипостась пишетъ съ прописной ижицы). Бердяевъ говоритъ: «Мережковскій понялъ, что исходъ изъ религіозной двойственности, изъ противоположности двухъ безднъ—неба и земли, духа и плоти, языческой прелести міра и христіанскаго отреченія отъ міра, что исходъ этого не въ одномъ изъ Двухъ, а въ Третьемъ: въ Трехъ. Въ этомъ его огромная заслуга, огромное значеніе для современнаго религіознаго движенія. Мука его, родная намъ мука, въ вѣчной опасности смѣшенія, подмѣны въ двоящемся ликѣ Христа и Антихриста, въ вѣчномъ ужасѣ, что поклонишься не Богу Истинному, что отвергнешь одно изъ Лицъ Божества, одну изъ безднъ, не противный Богу, а лишь противоположный, и столь же Божественный полюсъ религіознаго сознанія». Я лично не раздѣляю сужденій ни Мережковскаго, ни Бердяева. Я даже не полагаю, что такъ поставленный вопросъ о небѣ и

землѣ межетъ имѣть большой интересъ. Я нахожу, что Мережковскій, заимствовавшій и постановку вопроса и его разрѣшеніе главнымъ образомъ у Достоевскаго, ложно понялъ этого послѣдняго. Основной человѣческій вопросъ есть отнюдь не вопросъ моральный. Если сочиненія Достоевскаго въ этомъ смыслѣ недостаточно ясны и допускаютъ различныя толкованія, то это лишь потому, что Достоевскій, какъ и всякій человѣкъ новаго слова и новаго дѣла, не умѣлъ и не рѣшался быть всегда только самимъ собой. Онъ пользовался многими старыми словами. И, такъ какъ старое понятнѣе новаго, то за старое и ухватились. Теологія Достоевскаго есть принятое имъ готовое наслѣдіе. Такъ что въ сущности Мережковскій черезъ голову Достоевскаго получилъ богатства, хранившіяся до него въ старинныхъ сокровищницахъ европейской культуры. То же, что принадлежало собственно Достоевскому, было признано Мережковскимъ лишь на минуту— и потомъ предано забвенію. Бердяевъ въ этомъ слѣдуетъ примѣру Мережковскаго. Правда, что Бердяевъ не всегда и не во всемъ соглашается съ Мережковскимъ, часто споритъ съ нимъ и иногда даже посылаетъ ему несправедливые упреки. Напримѣръ, онъ говоритъ: «у него (у Мережковскаго) часто не хватаетъ художественнаго дара для творчества образовъ и мыслительнаго

дара для творчества философскихъ концепцій». Если я правильно понимаю Бердяева, то въ этихъ словахъ онъ высказываетъ общераспространенное мнѣніе о Мережковскомъ. Всѣ говорятъ о Мережковскомъ (о Минскомъ тоже), что онъ холодный головной писатель. Т.-е. всѣмъ бы хотѣлось, чтобъ Мережковскій и Минскій, прежде чѣмъ говорить о крестныхъ страданіяхъ, повисѣли бы съ часикъ сами на крестахъ. Иначе будто бы нельзя довѣрять ихъ освѣдомленности. Какая дикость, некультурность! Изъ-за новаго образа, изъ-за новой концепціи добровольно на крестъ идти! И Бердяевъ, свой же братъ писатель повторяетъ такія вещи!

Это я, впрочемъ, только къ слову замѣтилъ, тѣмъ болѣе, что все равно ни Мережковскій, ни Минскій не поддадутся соблазну. Ибо знаютъ, что если уже выбирать, то лучше, чтобъ страдали книги, чѣмъ ихъ авторы. И, затѣмъ, все, что нужно узнать для составленій философскихъ концепцій, можно добыть болѣе простымъ и менѣе рискованнымъ путемъ. Самъ же Бердяевъ пишетъ про Мережковскаго: «онъ видѣлъ жизнь, смыслъ ея въ греческой трагедіи, въ смерти боговъ языческихъ и рожденіи Бога христіанскаго, въ эпохѣ возрожденія съ ея великимъ искусствомъ, въ воскресеніи древнихъ боговъ, въ таинственныхъ индивидуальностяхъ Юліана

Отступника и Леонардо-да Винчи, въ Петрѣ Великомъ, Пушкинѣ, Л. Толстомъ и Достоевскомъ. Это романтическая черта въ Мережковскомъ — отвращеніе къ мелкимъ масштабамъ современности и благоговѣйное уваженіе къ большимъ масштабамъ мірового прошлаго. Мережковскій переживалъ опытъ былыхъ великихъ временъ, хотѣлъ разгадать какую-то тайну, заглянувъ въ душу такихъ огромныхъ людей, какъ Юліанъ, Леонардо и Петръ, такъ какъ тайна ихъ казалась ему вселенской». Все это вѣрно, Мережковскій дѣйствительно очень начитанный человѣкъ и вложилъ много труда и усилій въ свое дѣло, а все-таки вопросъ о Духѣ и Плоти, о Небѣ и Землѣ, въ томъ видѣ, какъ его поставилъ и разрѣшилъ Мережковскій, вовсе не есть столь кардинальный вопросъ. Не было нужды дѣлать столь огромное напряженіе, писать и читать такъ много книгъ, чтобъ доказать святость Плоти и Духа, Неба и Земли. Ибо даже послѣ того, какъ удалось доказать въ такой степени, въ какой это, по мнѣнію Бердяева, удалось Мережковскому — главный-то, основной вопросъ остается все же открытымъ. И духъ святъ, и плоть свята, — но гдѣ же ручательство, что освященное нами свято также и предъ лицомъ вѣчности? А что, если тотъ же Спиноза, который всю жизнь искалъ вѣчности, правъ и Deus sive natura sive substan-

tia, не знающій ни добра, ни зла, ни радостей, ни страданія, ни святости, ни порочности, словомъ, стоящій внѣ человѣческихъ цѣлей — если онъ, такой богъ, былъ началомъ и источникомъ жизни? И если созерцать жизнь sub specie aeternitatis значитъ видѣть въ ней то, что видѣлъ блѣдный голландскій отшельникъ? У Достоевскаго на эту тему много разсказано.

III.

Такого вопроса Бердяевъ никогда себѣ не ставилъ и ставить не хочетъ. Основная его предпосылка (и даже не предпосылка, а нѣчто гораздо болѣе прочное, какъ увидимъ ниже), исходное предположеніе: то, что ему нужно, онъ всегда найдетъ. Много онъ разсказываетъ о своихъ сомнѣніяхъ и о томъ, какъ онъ преодолѣвалъ ихъ. Но вся книга его говоритъ о томъ, что его сомнѣнія никогда не могли сдвинуть съ мѣста заложеннаго въ глубинѣ его души гранита вѣры. Онъ сомнѣвался въ томъ, кто правъ Фихте или Гегель, Кантъ или Марксъ, Михайловскій или Мережковскій, но онъ всегда былъ убѣжденъ, что на чьей бы сторонѣ ни оказалась правота, она все же будетъ имѣть успокоительный, отвѣчающій человѣческимъ желаніямъ характеръ. Въ этомъ отношеніи онъ сохранилъ старыя традиціи русской

литературы. Въ своей статьѣ: «Н. К. Михайловскій и Б. Н. Чичеринъ» онъ пишетъ: «со смертью Михайловскаго какъ бы сошла со сцены цѣлая эпоха въ исторіи нашей интеллигенціи, оторвалась отъ насъ дорогая по воспоминаніямъ частица нашего существа, нашей интеллигентской природы. И каждый русскій интеллигентъ долженъ живо чувствовать эту смерть и долженъ задуматься на могилѣ Н. К. надъ своимъ историческимъ прошлымъ и надъ своими обязанностями предъ будущимъ. Когда-то въ дни ранней юности всѣ мы зачитывались Михайловскимъ, онъ будилъ нашу юную мысль, ставилъ вопросы, давалъ направленіе нашей проснувшейся жаждѣ общественной правды. Потомъ мы ушли отъ нашего первоначальнаго учителя, переросли его, но бьемся и до сихъ поръ надъ поставленными имъ проблемами, такъ тѣсно сближавшими философію и жизнь. Это очень характерно: Михайловскій никогда не былъ философомъ по способу рѣшенія различныхъ вопросовъ и по недостатку философской эрудиціи, но безпокоили его всю жизнь именно философскіе вопросы и у порога его сознанія уже поднимался бунтъ противъ ограниченности позитивизма. Въ этомъ онъ былъ типическимъ русскимъ интеллигентомъ, полнымъ философскихъ настроеній, но лишеннымъ философской школы и связаннымъ предразсудками

позитивизма. Мы любили и любимъ Михайловскаго за ту духовную жажду, которая такъ рѣзко отличаетъ русскую интеллигенцію отъ мѣщанства интеллигенціи европейской». Я думаю, что духовная связь и родство съ Михайловскимъ какъ Бердяева, такъ и другихъ современныхъ русскихъ писателей (всей той группы, которая дала тонъ и направленіе «Проблемамъ Идеализма» и «Вопросамъ жизни») гораздо тѣснѣе и прочнѣе. Михайловскій не зналъ нѣмецкій философіи и смѣшивалъ трансцендентное съ трансцендентальнымъ. Михайловскій не любилъ метафизики. Это, конечно, такъ. Но, вѣдь это, право, дѣло вкуса и при другихъ обстоятельствахъ поколѣнію 90-хъ годовъ вовсе не было бы и надобности ополчаться противъ стараго учителя. И, пожалуй слова «мы переросли его» менѣе всего подходятъ. Именно возрастомъ-то молодые писатели не старше Михайловскаго. Они пріобщились европейской культурѣ, читаютъ Платона, интересуются Леонардо-да-Винчи, Ботичелли, заглядываютъ въ священное писаніе, но молодостью, молодой вѣрой запечатлѣны всѣ ихъ дѣла и помыслы. Вотъ этотъ гранитъ, который не могутъ сдвинуть съ мѣста никакія бури и сомнѣнія — онъ былъ у Михайловскаго, онъ есть и въ Бердяевѣ и во всѣхъ его товарищахъ по литературѣ. Если бы Бердяевъ хотѣлъ со всей полнотой выразить

смыслъ и значеніе своей духовной близости съ Михайловскимъ, ему бы слѣдовало процитировать знаменитый отрывокъ изъ предисловія къ полному собранію сочиненій Михайловскаго. Хотя онъ всѣмъ извѣстенъ, но я привожу его цѣликомъ для характеристики не Михайловскаго, а Бердяева. «Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій... Я никогда не могъ повѣрить, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, въ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя». Правда-истина живетъ въ мирѣ и согласіи съ правдой-справедливостью, иначе говоря, существуетъ нравственный міропорядокъ, вполнѣ соотвѣтствующій человѣческимъ понятіямъ о должномъ и недолжномъ, желательномъ и нежелательномъ. При томъ Бердяевъ, какъ и Михайловскій, какъ и предшественники Михайловскаго въ русской литературѣ, не удовлетворяются позиціей идеалистовъ. Идеалисты изъ нѣмцевъ, какъ извѣстно, утвердивъ понятіе о долж-

номъ, складываютъ руки. Имъ все равно уже затѣмъ, осуществляется ли въ мірѣ это должное, или остается жить только въ ихъ головахъ. Михайловскій, а за нимъ Бердяевъ такого рода отвлеченностью не удовлетворяются. Имъ подавай должное, которое осуществляется, если не сейчасъ на глазахъ и не здѣсь на землѣ, то хоть позже и подальше, но непремѣнно осуществляется. Не нѣмцы же мы въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь. Пусть попытается кто-нибудь хоть на минуту, хоть въ видѣ предположенія вырвать у Михайловскаго или Бердяева допущеніе, что объективная истина сама по себѣ, а справедливость — сама по себѣ. Впередъ говорю: даромъ время потратитъ. Поэтому я продолжаю настаивать, что Бердяевъ, какъ и Мережковскій, и Булгаковъ только по недоразумѣнію считаютъ себя продолжателями дѣла Достоевскаго. Когда Достоевскій висѣлъ на крестѣ, онъ усомнился во всемъ и до конца усомнился. Его книги выиграли отъ этого въ напряженности—но его «философская концепція» потеряла всю сладость, свойственную такъ называемому синтезу. Разумѣется, изъ того что Достоевскій подъ пыткой отрекся отъ сладости, нисколько не слѣдуетъ, что Бердяеву, Мережковскому или Булгакову полагается пить уксусъ, смѣшанный съ желчью. Я хотѣлъ только установить фактъ, что никогда еще сомнѣнію не уда-

лось подкопаться подъ непоколебимый гранитъ вѣры Бердяева въ торжество добра и что въ этомъ отношеніи онъ не уступаетъ Михайловскому и имѣетъ всѣ преимущества предъ Достоевскимъ, не выдержавшимъ испытанія. И это не психологическая догадка, а фактъ. Откуда я его добылъ — не скажу, но, чтобъ успокоить скептическаго читателя, сообщу, что добылъ его отнюдь не путемъ мистическаго откровенія, а общепризнаннымъ эмпирическимъ путемъ.

При всемъ томъ, Бердяевъ все-таки имѣетъ (уже въ противоположность Михайловскому) вкусъ къ Глупости, и это обстоятельство кажется мнѣ чрезвычайно отраднымъ. Если даже такіе прочные, гранитные люди пресытились здравымъ смысломъ и хоть для развлеченія начинаютъ искать общества Глупости—значитъ можно еще кой на что надѣяться. Правда, основаніе не гранитное. Но по нынѣшнимъ временамъ и того будетъ достаточно.

IV.

Du choc des opinions jaillit la vérité говорятъ французы. Я этого не думаю. По мнѣ, мнѣнія могутъ себѣ сталкиваться сколько имъ угодно, этимъ истины не выманишь. Она слишкомъ умна и отнюдь не выскакиваетъ при всякомъ

шумѣ: ее и болѣе тонкими ухищреніями не поймаешь. Обычное послѣдствіе столкновенія мнѣній—столкновеніе людей. Но все-таки, такъ какъ въ книгѣ Бердяева, о которой я пишу, помѣщена статья «Трагедія и обыденность», посвященная мнѣ, то я считаю себя обязаннымъ отвѣтить на представленныя имъ возраженія. Мнѣ въ сущности не столько даже возражать придется, сколько выяснять недоразумѣнія. Бердяевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ со мной соглашается, приводитъ обыкновенно мои слова и подкрѣпляетъ ихъ собственными соображеніями. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ хочетъ спорить, онъ уже не цитируетъ меня и даже не возражаетъ собственно мнѣ, а возстаетъ противъ тѣхъ или иныхъ философскихъ воззрѣній, къ послѣдователямъ которыхъ онъ меня причисляетъ — по причинамъ мнѣ рѣшительно неизвѣстнымъ. По поводу моей книги «Апоѳеозъ безпочвенности» онъ причисляетъ меня къ скептикамъ, за «философію трагедіи» къ пессимистамъ, и затѣмъ начинаетъ доказывать несостоятельность скептицизма и пессимизма. Между прочимъ и другіе критики приписываютъ мнѣ тѣ же грѣхи. Хочу воспользоваться случаемъ и заявить (спорить, вѣдь, тутъ не приходится), что когда я впервые услышалъ, что меня окрестили скептикомъ и пессимистомъ, я просто протиралъ

глаза отъ удивленія. Правда, я не выражаю солидарности съ существующими философскими системами и смѣюсь надъ ихъ самоувѣренной торжественностью побѣдителей Но, господа, развѣ это значитъ быть скептикомъ? Правда и то, что я не считаю нашъ міръ самымъ лучшимъ изъ возможныхъ міровъ. Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что онъ могъ быть лучшимъ. Т.-е. собственно говоря, внѣшній міръ мнѣ очень нравится. Я люблю и день, и раннее утро, и сумерки, и глубокую ночь. Чудесны высокія, снѣжныя горы и зеленыя долины. А какъ хороши безлюдныя, каменистыя пустыни въ Альпахъ! Даже зимняя мятель и безконечный осенній дождь имѣютъ свою прелесть!.. Словомъ, во внѣшнемъ мірѣ мнѣ все или почти все нравится (сейчасъ вотъ даже не могу припомнить, что въ немъ есть дурного). Только человѣка обидѣла природа. Ему бы слѣдовало быть умнѣй, красивѣй, добрѣе, даровитѣй, богаче... Неужели желать этого значитъ рисковать, что тебѣ пришьютъ ярлыкъ пессимиста?! Или, ежели не увѣруешь ни въ одну изъ существующихъ великихъ философскихъ системъ, то попадешь въ скептики? Вѣдь изъ того, что до сихъ поръ истина не открыта, никакъ не слѣдуетъ, что ее никогда не откроютъ. И тѣмъ менѣе, что истины совсѣмъ нѣтъ. Или тотъ человѣкъ, который ждетъ

истины и не называетъ истиной первое встрѣчное заблужденіе, есть скептикъ? Я склоненъ думать обратное. По мнѣ, именно скептики, люди въ глубинѣ души убѣжденные въ томъ, что нечего искать, ибо все равно ничего не найдешь, такіе-то люди охотнѣе всего фанатически поддерживаютъ однажды усвоенную систему. Затѣмъ, если Бердяеву дозволено каждые полгода мѣнять убѣжденіе и, если, судя по приведенному выше опредѣленію подвижнаго догматизма, онъ собирается начать ихъ мѣнять каждые полмѣсяца, то почему мнѣ ихъ не мѣнять еще чаще? Это уже, такъ сказать, дѣло темперамента. Бердяевъ скоръ, а я еще скорѣе. Онъ уже во многія философіи вѣрилъ, а я уже вѣрилъ во всѣ и такъ привыкъ мѣнять ихъ, что теперь, какъ я уже говорилъ, иной разъ за одинъ день сколько ихъ перемѣнишь! Это не скептицизмъ, а подвижной, адогматическій догматизмъ. Какъ видитъ читатель, выраженіе пришлось мнѣ по вкусу. Прежде я говорилъ просто догматизмъ, теперь всегда буду говорить адогматическій догматизмъ. Въ погонѣ за другими глупостями я эту просмотрѣлъ. Спасибо Бердяеву. Уже не забуду.

Второе — Бердяевъ, возражая мнѣ, ловитъ меня на словѣ: «на этомъ мѣстѣ, говоритъ онъ, я ловлю автора «Апоѳеоза». Что такое свободная мысль, что такое мысль? Это уже нѣкото-

рая предпосылка, вѣдь всякая мысль есть уже результатъ переработки переживаній, опыта тѣмъ убійственнымъ инструментомъ, который мы называемъ разумомъ, въ ней уже обязательно есть послѣдовательность». Что правда — то правда. Поймалъ. Только зачѣмъ ловить было? И развѣ такъ книги читаютъ? По прочтеніи книги нужно забыть не только всѣ слова, но и всѣ мысли автора, и только помнить его лицо. Вѣдь слова и мысли только несовершенныя средства общенія. Нельзя душу ни сфотографировать, ни нарисовать, ну, и обращаться къ слову. Давно извѣстно, что мысль изреченная есть — ложь. А Бердяевъ ловитъ меня. Вмѣсто того, чтобы по человѣчеству, сознавая, какъ невозможно найти адекватныя выраженія, придти мнѣ на помощь и догадаться, онъ мнѣ въ колеса палку вставляетъ. Совсѣмъ не по-товарищески.

Этимъ, кажется, исчерпываются всѣ возраженія Бердяева. Т.-е., по правдѣ сказать, есть у него еще одно, хотя мимоходомъ сдѣланное, но очень существенное и важное. Его я однако касаться не буду, такъ какъ не умѣю на него отвѣтить, а признаться въ этомъ не хочу. Пусть ужъ лучше никто ничего не знаетъ.

Въ заключеніе отъ всей душѣ привѣтствую книгу Бердяева и воспѣтую въ ней Глупость. Бердяевъ несомнѣнно человѣкъ очень дарови-

тый и въ нашей литературѣ найдутся немногіе, которые владѣли бы его искусствомъ опорачивать здравый смыслъ и возвеличивать Глупость. Одно только нехорошо Бердяевъ часто повторяетъ общепринятыя, распространенныя, привычныя, такъ сказать, глупости. Это, по моему, безцѣльно. Вѣдь привычныя глупости какъ двѣ капли воды похожи на умныя вещи. Такъ стоитъ ли съ ними возиться? Всегда слѣдуетъ стараться выдумывать совершенно новыя глупости, а, если это не удается, то откапывать хоть и бывшія въ употребленіи, но мало кому извѣстныя или забытыя, словомъ непривычныя Воспѣть, напримѣръ, Одина, рыжебородаго Тора, нашего Перуна или хотя бы Магомета! Вотъ какъ Гете послѣ поѣздки въ Константинополь. Шлегель говорилъ про него, что онъ изъ язычества обратился въ магометанство.

Еще одно замѣчаніе. Въ послѣсловіи своемъ Бердяевъ черезчуръ уже поноситъ эмпирическій міръ. Называетъ его коростой. Въ увлеченіи спора часто случается съ человѣкомъ то же, что случилось съ двумя дѣвицами, игравшими въ шахматы. Забрали одна у другой королей и продолжали играть дальше. Нападая на позитивистовъ, Бердяевъ отказался отъ эмпирическаго міра. Неужели все о душѣ, да о душѣ хлопотать?! А тѣло? Не знаю, заразилъ ли меня

Леонтьевъ духомъ противорѣчія, но мнѣ хочется сказать вмѣстѣ съ Гейне: die Seele könnt ihr begraben, hab' selber Seele genug.

Предпослѣдкія слова.

I.

De omnibus dubitandum. Теперь уже среди философовъ осталось мало правовѣрныхъ гегеліанцевъ, но Гегель все еще продолжаетъ владѣть умами нашихъ современниковъ. Нѣкоторыя идеи его теперь, пожалуй, пустили болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ эпоху расцвѣта гегеліанства. Напримѣръ мысль, что исторія есть раскрытіе идеи въ дѣйствительности или выражаясь кратко и въ терминахъ, болѣе близкихъ современному уму, идея прогресса. Попробуйте переубѣдить въ этомъ пунктѣ образованнаго человѣка: навѣрное потерпите пораженіе. Но — de omnibus dubitandum — иначе говоря, въ тѣхъ случаяхъ, когда убѣжденіе особенно крѣпко и непоколебимо, сомнѣніе и призвано исполнить великую свою миссію. А потому, хочешь не хочешь, приходится сдѣлать допущеніе, что такъ называемый

прогрессъ, т.-е. развитіе человѣчества во времени—есть фикція. Хотя у насъ есть безпроволочный телеграфъ, радій и все прочее, но все же мы стоимъ не выше древнихъ римлянъ или грековъ. Допускаете? Въ такомъ случаѣ еще одинъ шагъ: хотя у насъ есть безпроволочный телеграфъ и всѣ прочія блага цивилизаціи, а все же мы стоимъ не выше краснокожихъ и чернокожихъ дикарей. Вы протестуете—но принципъ обязываетъ: начали сомнѣваться, такъ уже нечего пятиться.

Въ свой чередъ я долженъ признаться, что мысль о духовномъ совершенствѣ дикарей явилась у меня, когда недавно, впервые послѣ многихъ лѣтъ, я случайно пересматривалъ сочиненія Тайлора, Леббока и Спенсера. Они до такой степени увѣренно говорятъ о преимуществахъ нашей душевной организаціи и такъ искренно презираютъ нравственное убожество дикарей. что я поневолѣ подумалъ: не кроется ли именно здѣсь, гдѣ всѣ такъ увѣрены, что никто никогда не провѣряетъ, источникъ заблужденія? Es ist höchste Zeit вспомнить Декарта и его правило! И какъ только я началъ сомнѣваться—вся моя прежняя увѣренность (вѣдь я, конечно, всецѣло раздѣлялъ мнѣніе англійскихъ антропологовъ) была такова... Мнѣ стало казаться, что дикари въ самомъ дѣлѣ выше и значительнѣе нашихъ

ученыхъ и не только матеріалистовъ, какъ думаетъ проф. Паульсенъ, но также идеалистовъ, метафизиковъ, мистиковъ и даже вѣрующихъ миссіонеровъ (искренно вѣрующихъ, а не искателей наживы и приключеній), которыхъ Европа высылаетъ въ другія части свѣта для просвѣщенія отсталыхъ братьевъ. Мнѣ показалось, что обычныя у дикарей долговыя сдѣлки съ условіемъ оплаты ихъ въ загробномъ мірѣ имѣютъ глубочайшій смыслъ. Я уже не говорю о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ! Спенсеръ видитъ въ этомъ варварство, какъ и полагается образованному европейцу. Я тоже вижу варварство, ибо я тоже европеецъ и тоже учился наукамъ. Но я глубоко завидую ихъ варварству и проклинаю свою культурность, загнавшую меня вмѣстѣ съ вѣрующими миссіонерами, философами идеалистами, позитивистами и матеріалистами, въ тѣсные предѣлы душнаго и постылаго постигаемаго міра. Мы можемъ писать книги о безсмертіи души, но наши жены не пойдутъ за нами въ иной міръ, а предпочтутъ влачить свою вдовью долю здѣсь на землѣ. Наша нравственность, основанная на религіи, запрещаетъ намъ торопиться къ вѣчности. И такъ во всемъ. Мы предполагаемъ, въ лучшемъ случаѣ по маниловски мечтаемъ, но жизнь наша протекаетъ внѣ нашихъ предположеній и ме-

чтаній. Кой-кто принимаетъ еще церковныя обязанности — какъ бы они ни были странны, и серьезно воображаетъ, что такимъ способомъ онъ соприкасается мірамъ инымъ. Дальше обрядностей никто ни шагу. Кантъ умеръ 80 лѣтъ отъ роду, если бы не холера, Гегель прожилъ бы сто лѣтъ, а у дикарей—у дикарей молодые убиваютъ стариковъ и... не договариваю, чтобъ не оскорблять слуха чувствительныхъ людей. Снова напоминаю Декарта и его правило и спрашиваю: кто правъ, дикари или мы? И если правы дикари, то есть ли исторія раскрытіе идеи? И прогрессъ во времени (т.-е. развитіе отъ прошлаго къ настоящему и будущему) не есть ли чистѣйшее заблужденіе? Можетъ быть, и даже вѣроятнѣе всего, и есть развитіе, но направленіе этого развитія есть линія перпендикулярная къ линіи времени. Основаніемъ же перпендикуляра можетъ быть любая человѣческая личность. Да проститъ мнѣ Богъ и читатель неясность послѣднихъ словъ. Надѣюсь, что она въ нѣкоторой степени искупается ясностью предыдушаго изложенія.

II.

Самоотреченіе и mania grandiosa. Нужно думать, что ничего вѣрнаго ни о самоотреченіи, ни о маніи величія сказать не удастся, хотя

каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ кой что и о первомъ, и о второй. Но, какъ извѣстно, невозможность разрѣшить вопросъ никогда еще не удерживала людей отъ размышленій. Скорѣе наоборотъ наиболѣе заманчивые для насъ вопросы это тѣ, на которые нѣтъ настоящаго, обязательнаго для всѣхъ отвѣта. Я надѣюсь, что рано или поздно философія получитъ, въ противоположность наукѣ, такое опредѣленіе: (философія есть ученіе о ни для кого не обязательныхъ истинахъ.) Этимъ разъ навсегда будетъ устраненъ столь часто посылаемый ей упрекъ, что собственно философія сводится къ ряду взаимно опровергающихъ мнѣній. Это — вѣрно, но за это ее хвалить, а не упрекать надо, въ этомъ нѣтъ ничего дурного, въ этомъ есть много, очень много хорошаго. А вотъ, что у науки есть общеобязательныя сужденія — это дурно, мучительно дурно. Вѣдь всякая обязательность только стѣсненіе. Временно можно согласиться на стѣсненіе, надѣть корсетъ, вериги, временно можно на что угодно согласиться. Но кто добровольно признаетъ надъ собой вѣчный законъ? Даже у спокойнаго и яснаго Спинозы мнѣ слышится порой глубокій вздохъ. И я думаю, что это онъ вздыхаетъ по свободѣ — онъ, растратившій всю свою жизнь, весь свой геній на прославленіе необходимости... Послѣ

такого предисловія можно уже говорить что угодно.

Мнѣ кажется, что и самоотреченіе, и mania grandiosa, какъ, повидимому, мало они ни похожи другъ на друга, могутъ быть наблюдаемы послѣдовательно, даже одновременно въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Аскетъ, отказавшійся отъ жизни, смиряющійся предъ всѣми и сумасшедшій (вродѣ Ницше или Достоевскаго), утверждающій, что онъ есть свѣточъ, соль земли, первый во всемъ мірѣ или даже во всей вселенной, и тотъ, и другой приходятъ къ своему безумію (надѣюсь, нѣтъ надобности доказывать, что самоотреченіе, какъ и манія величія, есть видъ безумія) при условіяхъ, большей частью тождественныхъ. Міръ не удовлетворяетъ человѣка, и онъ начинаетъ искать лучшаго. Всякія же серьезныя исканія приводятъ человѣка на одинокіе пути, а одинокіе пути, какъ извѣстно, кончаются китайской стѣной, роковымъ образомъ полагающей предѣлъ человѣческой пытливости. И вотъ возникаетъ задача: воспротивиться року и такъ или иначе перебраться черезъ стѣну, преодолѣвъ либо законъ непроницаемости, либо столь же непреоборимый законъ тяготѣнія. Иначе говоря, обратиться либо въ безконечно малую, либо въ безконечно большую величину. Первый способъ и есть самоотреченіе: мнѣ ничего не нужно, я

самъ ничтожество, я безконечно малъ и, стало быть, могу пройти черезъ безконечно малыя поры стѣны.

Второй способъ — mania grandiosa. Я безконечно силенъ, безконечно великъ, я все могу, могу разбросать стѣну, могу перешагнуть черезъ нее, хотя бы она была выше всѣхъ горъ земныхъ и до сихъ поръ отпугивала даже самыхъ могучихъ и самыхъ смѣлыхъ. Таково, вѣроятно, начало двухъ загадочнѣйшихъ и величайшихъ душевныхъ превращеній. Нѣтъ ни одной религіи, въ которой бы съ большей или меньшей ясностью не отпечатлѣлись бы слѣды описанныхъ выше пріемовъ борьбы человѣка съ ограниченностью его силъ. Въ аскетическихъ религіяхъ преобладаетъ тенденція къ самоотреченію: буддизмъ прославляетъ полное уничтоженіе личности и идеаломъ считаетъ нирвану. Древніе греки мечтали о титанахъ и герояхъ. Евреи считаютъ себя избраннымъ народомъ и ждутъ Мессіи. Что касается евангелія,—то трудно сказать, какому способу борьбы здѣсь отдается предпочтеніе. Съ одной стороны—великія чудеса: воскрешеніе мертвыхъ, исцѣленіе больныхъ, власть надъ вѣтрами и моремъ, съ другой стороны: блаженны нищіе духомъ, Сынъ Божій, который будетъ нѣкогда сидѣть одесную силы, теперь живетъ въ обществѣ мытарей, нищихъ, блуд-

ницъ и служитъ имъ. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, обѣщаніе низвергнуть враговъ къ подножію ногъ и въ геенну огненную, вѣчная пытка за хулу на Духа Святого — и на-ряду съ этимъ заповѣдь величайшаго смиренія и любви къ врагамъ: ударившему по одной щекѣ повелѣвается подставить другую. Евангеліе все сплошь пропитано противорѣчіями, не внѣшними, не историческими и фактическими, а внутренними, противорѣчіями въ настроеніяхъ, въ «идеалахъ». какъ выразился бы современный человѣкъ. Что возносится въ одной главѣ, какъ высшая задача, то низводится въ другой, какъ недостойное дѣло. Нѣтъ ничего удивительнаго, что самыя противоположныя ученія нашли себѣ оправданіе въ этой небольшой, наполовину состоящей изъ повтореній книгѣ. Христіанами называли себя и инквизиторы, и іезуиты, и древніе подвижники, христіанами называютъ себя и современные протестанты, и наши русскіе сектанты. Въ большей или меньшей степени всѣ правы, даже, пожалуй, и протестанты. Въ евангеліи скрещиваются столь противоположныя теченія, что люди, въ особенности люди большой дороги, умѣющіе двигаться лишь въ одномъ направленіи и подъ однимъ, всѣмъ видимымъ знаменемъ, люди, привыкшіе вѣрить въ единство разума и непререкаемость логическихъ законовъ, никогда

не могли охватить цѣликомъ евангельскаго ученія и всегда стремились придать словамъ и дѣламъ Христа единообразное, исключающее противорѣчія и болѣе или менѣе соотвѣтствующее обычнымъ представленіямъ о дѣлахъ и задачахъ жизни толкованіе. «Увѣруй и по твоему слову сдвинется гора» читали они въ загадочной книгѣ и понимали это въ томъ смыслѣ, что всегда, ежечасно и ежеминутно нужно думать и желать одного и того же, заранѣе предписаннаго и вполнѣ опредѣленнаго. Межъ тѣмъ евангеліе разрѣшаетъ и благословляетъ въ этихъ словахъ самые безумные и рискованные опыты. То, что есть, для Христа не существовало и существовало лишь то, чего нѣтъ.

Древній римлянинъ—Пилатъ, напримѣръ, повидимому образованный, умный и недурной, хотя слабохарактерный человѣкъ, недоумѣвалъ и не могъ дать себѣ отчета, изъ-за чего тутъ происходитъ такая странная борьба Ему отъ всей души было жаль приведеннаго къ нему блѣднаго молодого еврея, очевидно ни въ чемъ неповиннаго. «Что есть истина?» спросилъ онъ Христа. Христосъ не отвѣтилъ ему, да и не могъ отвѣтить—не по «невѣжественности», какъ хотѣли думать язычники, а потому, что словами на этотъ вопросъ и отвѣтить нельзя. Нужно было, метафорически говоря, взять Пилата за

голову и повернуть въ другую сторону, чтобъ онъ увидѣлъ то, чего никогда не видѣлъ. Или, еще лучше, прибѣгнуть къ тому способу, которымъ пользуется въ сказкѣ конекъ-горбунокъ, чтобъ обратить соннаго Иванушку въ умницу и и красавца: сначала въ котелъ съ кипящимъ молокомъ, потомъ въ другой—съ кипящей водой, потомъ въ третій съ водою студеной. Есть всѣ основанія думать, что послѣ такой подготовки Пилатъ сталъ бы иначе спрашивать. Мнѣ кажется, что конекъ-горбунокъ согласился бы, что самоотреченіе и mania grandiosa вполнѣ могутъ замѣнить предлагаемые сказкой котлы.

Великія лишенія и великія иллюзіи до такой степени мѣняютъ природу человѣка, что казавшееся невозможнымъ становится возможнымъ и недостижимое—достижимымъ.

III.

Вѣчныя истины. Ксенофонтъ въ Мемораби-ліяхъ разсказываетъ про встрѣчу Сократа съ знаменитымъ софистомъ Гиппіемъ. Когда Гиппій пришелъ къ Сократу, послѣдній по обыкновенію велъ бесѣду и по обыкновенію же удивлялся тому, что люди, когда имъ нужно обучиться плотницкому или кузнечному ремеслу, знаютъ, къ кому обратиться, но если пожелаютъ нау-

читься добродѣтели, не могутъ никакъ найти учителя. Гиппій, который уже много разъ слышалъ отъ Сократа эти разсужденія, иронически замѣтилъ: «неужели ты и теперь, Сократъ, говоришь все то же, что я давно когда то слышалъ отъ тебя?» Сократъ понялъ и принялъ вызовъ, какъ вообще всегда охотно принималъ такого рода вызовы. Начался споръ, изъ котораго выяснилось, что на этотъ разъ (какъ и всегда у Платона и Ксенофонта) Сократъ оказался болѣе сильнымъ діалектикомъ, чѣмъ его противникъ. Ему удалось доказать, что его понятіе о справедливости имѣетъ столь же незыблемое основаніе, какъ и всѣ прочія, высказываемыя имъ сужденія и, что вмѣстѣ съ тѣмъ однажды составленныя убѣжденія, если они истинны, такъ же мало подвержены дѣйствію времени, какъ благородные металлы дѣйствію ржи.

Сократъ жилъ 70 лѣтъ, былъ однажды юношей, однажды мужемъ, однажды старикомъ. Но если бы онъ прожилъ сто сорокъ лѣтъ, второй разъ испыталъ всѣ три возраста жизни и потомъ снова встрѣтился съ Гиппіемъ? Или, что еще лучше,— если душа, какъ училъ Сократъ, безсмертна и Сократъ въ настоящее время живетъ гдѣ-нибудь на лунѣ, Сиріусѣ или въ иномъ предназначенномъ для безсмертныхъ душъ мѣстѣ, неужели онъ и тамъ до сихъ поръ донимаетъ своихъ

собесѣдниковъ разговорами о справедливости, плотникахъ и кузнецахъ? И теперь, какъ когда-то, выходитъ побѣдителемъ изъ спора съ Гиппіемъ и другими людьми, рѣшающимися утверждать, что законамъ времени можетъ и должно подчиняться все, въ томъ числѣ и человѣческія убѣжденія и, что отъ такого рода подчиненія человѣчество не только ничего не теряетъ, но даже много выигрываетъ.

IV.

Земля и небо. Слово справедливость на устахъ у всѣхъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ справедливость въ такой цѣнѣ у людей, какъ это можетъ показаться, если повѣрить тому, что о ней говорилось и говорится? Болѣе: цѣнятъ ли ее въ такой мѣрѣ ея присяжные защитники и хвалители-поэты, философы, моралисты, богословы — даже лучшіе изъ нихъ, наиболѣе искренніе и даровитые? Я позволю себѣ очень и очень сомнѣваться въ этомъ. Посмотрите творенія любого мудреца древняго и новаго міра. Справедливость—если ее понимать какъ равенство всѣхъ живыхъ людей предъ законами творенія — а какъ ее иначе понимать? — никого никогда не занимала. Платонъ ни разу не спрашиваетъ судьбу, отчего она Терсита создала презрѣннымъ, а Па-

трокла—благороднымъ. Платонъ убѣждаетъ людей быть справедливыми, но ни разу не рѣшается допросить боговъ по поводу ихъ несправедливости. Если вслушаться въ его рѣчи, то, пожалуй, иной разъ западетъ въ душу подозрѣніе, что справедливость есть добродѣтель для смертныхъ, у безсмертныхъ же свои собственныя добродѣтели, ничего общаго со справедливостью не имѣющія. И вотъ послѣднее искушеніе для земной добродѣтели. Мы не знаемъ, смертна или безсмертна человѣческая душа. Одни, какъ извѣстно, вѣрятъ въ безсмертіе, другіе такую вѣру высмѣиваютъ. Если бы оказалось, что и тѣ и другіе неправы и что судьба людей послѣ смерти, какъ и при жизни, далеко не одинакова: удачники, избранники переселяются на небеса, остальные остаются гнить въ могилахъ и гибнуть вмѣстѣ со своей смертной оболочкой. Такое допущеніе, мимоходомъ, правда, дѣлаетъ нашъ русскій пророкъ, жрецъ любви и справедливости, Достоевскій въ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ». Такъ вотъ, если бы оказалось, что Достоевскій дѣйствительно безсмертенъ, а безчисленное количество его вѣрующихъ учениковъ и поклонниковъ, та огромная масса сѣраго (во всѣхъ смыслахъ) люда, о которой идетъ рѣчь въ «Великомъ Инквизиторѣ», кончаетъ свою жизнь со смертью, какъ и начинаетъ съ ро-

жденія—примирился ли бы человѣкъ и не какой-нибудь первый попавшійся, а хотя бы самъ Достоевскій, котораго я здѣсь не случайно назвалъ, а умышленно, какъ наиболѣе горячаго защитника идеи справедливости (на землѣ бывали еще болѣе горячіе, страстные и замѣчательные защитники справедливости, можетъ быть ихъ слѣдовало бы назвать, — но на этотъ разъ я не хочу кощунствовать, — кому Достоевскій покажется малымъ, пусть самъ назоветъ другого), итакъ примирился ли бы Достоевскій съ такой несправедливостью, т.-е. возсталъ бы ли онъ въ загробномъ мірѣ противъ неправды или, занявъ уготовленное ему тамъ мѣсто, позабылъ бы о своихъ бѣдныхъ братьяхъ? A priori судить трудно, но a posteriori нужно думать, что забылъ бы. Вѣдь между Достоевскимъ и мелкимъ провинціальнымъ писателемъ, между первыми и послѣдними на землѣ тоже разница колоссальная, и несправедливость такого неравенства вопіетъ къ небесамъ. Тѣмъ не менѣе мы, ничего, живемъ здѣсь и не вопимъ, а если и вопимъ, то очень рѣдко, при чемъ, по правдѣ говоря, трудно съ увѣренностью сказать, отчего, собственно, мы вопимъ: оттого ли, что хотимъ привлечь вниманіе равнодушнаго неба, или оттого, что среди нашихъ ближнихъ есть много любителей воплей (литературныхъ дарованій). Вродѣ странницы въ

«Грозѣ», которая страсть любила, когда кто хорошо воетъ. Всѣ эти соображенія могутъ, показаться особенно важными тѣмъ, которые, подобно мнѣ въ настоящую минуту (за завтрашній день не ручаюсь) раздѣляютъ сужденіе Достоевскаго, что, если и существуетъ безсмертіе, то, разумѣется, не для всѣхъ, а для нѣкоторыхъ. При чемъ я еще, въ согласіи съ Достоевскимъ, допускаю, что воскреснутъ именно тѣ, которыхъ по существующимъ предположеніямъ ждетъ худшее послѣ смерти. Первые здѣсь будутъ первыми и тамъ, а отъ послѣднихъ не останется даже и воспоминанія. И за погибшихъ некому даже будетъ вступиться: Достоевскіе, Толстые и всѣ другіе «первые», которымъ удастся попасть на небо, будутъ заняты несравненно болѣе важными дѣлами...

Теперь, если угодно, продолжайте заботиться о справедливомъ устройствѣ на землѣ и кладите, вслѣдъ за Платономъ, ученіе о справедливости въ основаніе философіи.

V.

Сила доказательствъ. Шопенгауэръ вопросъ о безсмертіи души разрѣшалъ отрицательно. По его мнѣнію, человѣкъ, какъ Ding an sich безсмертенъ, но, какъ явленіе — смертенъ.

Иначе говоря, все, что есть въ насъ индивидуальнаго, существуетъ лишь въ промежуткѣ между рожденіемъ и смертью, но такъ какъ каждый индивидуумъ, по ученію Шопенгауэра, есть проявленіе «воли» или «Ding an sich», того вѣчнаго и неизмѣннаго начала, которое представляетъ изъ себя единую сущность міра объективирующуюся во множественности явленій, то, постольку, поскольку это начало проявляется въ человѣкѣ, онъ—вѣченъ. Таково, говорю, мнѣніе Шопенгауэра, являющееся, повидимому, послѣдовательнымъ логическимъ выводомъ изъ его общаго философскаго ученія, какъ въ той части, которая относится къ Ding an sich, такъ и въ той, которая относится къ индивидууму Первую часть мы оставимъ безъ разсмотрѣнія: въ концѣ-концовъ, если Шопенгауэръ ошибался и Ding an sich — смертна, — горе небольшое, подобно тому, какъ и безсмертію ея нѣтъ причинъ радоваться Но вотъ индивидуумъ: у него отнимается право на безсмертіе и въ доказательство приводится соображеніе, на первый взглядъ совершенно неопровержимое. Все, что имѣетъ начало, имѣетъ также и конецъ, говоритъ Шопенгауэръ. Индивидуумъ имѣетъ начало (рожденіе), стало быть его ждетъ и конецъ (смерть). Самому Шопенгауэру и положеніе и выводъ казались до такой степени очевидными, что онъ ни на минуту

не допускалъ возможности ошибки. А межъ тѣмъ на этотъ разъ мы имѣемъ безпорный случай ошибочнаго заключенія изъ ошибочной предпосылки. Ибо во первыхъ: отчего все, что имѣетъ начало, должно также имѣть и конецъ? Эмпирическія наблюденія наводятъ на такое предположеніе, — но развѣ эмпирическихъ наблюденій достаточно, чтобъ создавать предпосылки? И развѣ такъ добытыя предпосылки въ правѣ мы примѣнять въ качествѣ незыблемыхъ положеній для разрѣшенія важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ? А, затѣмъ, допустимъ даже, что посылка правильна, все же выводъ, къ которому пришелъ Шопенгауэръ, сдѣланъ невѣрно. Можетъ быть, дѣйствительно, все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ, можетъ быть индивидууму рано или поздно суждено погибнуть, но почему пріурочивать моментъ уничтоженія души къ смерти тѣла? Можетъ быть тѣло умретъ, а душа, которую впослѣдствіи ждетъ та же участь, хоть немного, не на вѣки вѣчные, какъ думаютъ крайніе оптимисты, да поживетъ еще, разыскавши себѣ болѣе или менѣе подходящую матеріальную оболочку гдѣ нибудь на дальней, можетъ еще неизвѣстной намъ планетѣ. Какъ важно было бы бѣдному человѣчеству хоть такую надежду сохранить! Тѣмъ болѣе, что едва ли мы знаемъ навѣрняка, чего желаютъ люди, когда говорятъ о безсмертіи души.

Точно ли имъ непремѣнно нужно вѣчно жить или они удовольствовались бы еще одной, двумя жизнями. особенно если бы послѣдующія жизни оказались бы не столь обидно незначительными, какъ наше земное существованіе, въ которомъ даже чинъ XIV класса составляетъ для многихъ недосягаемый идеалъ. Мнѣ кажется, что далеко не всякій согласится жить вѣчно. А что, если исчерпаются всѣ возможности и начнутся безконечныя повторенія?..

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что мы имѣемъ право разсчитывать на загробное существованіе: вопросъ попрежнему остается открытымъ и послѣ опроверженія Шопенгауэровскихъ доказательствъ. Но несомнѣнно слѣдуетъ, что самыя лучшія доказательства при ближайшемъ разсмотрѣніи часто оказываются никуда негодными. Quod demonstrandum erat — разумѣется, до тѣхъ поръ, пока не найдутся доказательства, которыя опровергнутъ мои опроверженія доказательствъ Шопенгауэра. Оговорку эту сдѣлалъ для того, чтобы лишить критиковъ удовольствія и возможности поиграть словами.

VI.

Лебединыя пѣсни. Нельзя сомнѣваться въ въ томъ, что, «Когда мы мертвые пробуждаемся»

одна изъ наиболѣе автобіографическихъ пьесъ Ибсена. Почти всѣ его драмы носятъ замѣтные слѣды личныхъ переживаній—даже, болѣе того, повидимому самое цѣнное въ нихъ, это возможность прослѣдить исторію внутренней борьбы автора. Но, быть можетъ, особенное значеніе среди остальныхъ драмъ имѣетъ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» въ виду того, что вещь задумана и написана авторомъ въ глубокой старости. Для тѣхъ, кому интересно подслушать и подсмотрѣть, о чемъ говорятъ и что дѣлаютъ на окраинахъ жизни, чрезвычайно цѣнна возможность общенія съ глубокими стариками, съ умирающими, вообще съ людьми, поставленными въ исключительныя условія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти люди не боятся говорить правду и выработали себѣ прошлымъ опытомъ искусство и смѣлость (нужно и то, и другое) глядѣть прямо въ глаза дѣйствительности, Ибсенъ оказывается даже интереснѣе, чѣмъ Толстой. И Толстому его дарованіе не измѣнило до сихъ поръ, но Толстой прежде всего моралистъ. Для него сейчасъ, какъ и въ молодости, власть надъ людьми дороже всего и кажется обаятельнѣе всѣхъ прочихъ благъ міра. Онъ все еще продолжаетъ приказывать, требовать и хочетъ, чтобъ ему во что бы то ни стало повиновались. Можно, и даже должно. пожалуй, съ вниманіемъ и уваженіемъ

относиться къ этой особенности толстовской натуры. Вѣдь не одинъ Толстой, а многіе царственные отшельники мысли до конца своей жизни предъявляли къ человѣчеству безусловныя требованія подчиненія Сократъ въ день смерти, за часъ передъ смертью училъ, что есть лишь одна истина и именно та, которую онъ открылъ. Платонъ, будучи глубокимъ старикомъ, ѣздилъ въ Сиракузы насаждать свою мудрость. Вѣроятно, такое упорство великихъ людей имѣетъ свое объясненіе и свой глубокій смыслъ.

И Толстому, и Сократу и Платону, и еврейскимъ пророкамъ, которые въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, были очень похожи на учителей мудрости, вѣроятно, нужно было всецѣло сосредоточить свои силы на одной огромной внутренней задачѣ, условіемъ удачнаго выполненія которой является иллюзія, что весь міръ, вся вселенная дѣйствуетъ заодно и въ унисонъ съ ними. Я уже указывалъ по поводу Толстого, что въ настоящее время онъ въ своемъ міропониманіи находится на границѣ солипсизма. Толстой и весь міръ—равнозначущія понятія: безъ такого временнаго заблужденія всего его существа (не умственной, головной ошибки: голова знаетъ хорошо, что міръ—самъ по себѣ, Толстой—самъ по себѣ) ему пришлось бы отказаться отъ самаго важнаго своего дѣла.

Это вродѣ того, какъ всѣ мы знаемъ послѣ Коперника, что земля движется вокругъ солнца, знаемъ, что каждая изъ звѣздъ не чистый и ясный золотой кружокъ, а огромная глыба разнообразнаго состава, что голубого, твердаго купола нѣтъ надъ нами. Знаемъ—а тѣмъ не менѣе не можемъ и не хотимъ ослѣпить себя, чтобъ не любоваться ложью оптическихъ иллюзій видимаго міра. Такъ называемая истина имѣетъ для насъ только ограниченную цѣнность. Жертва Галилея отнюдь не опровергаетъ мои слова. E pur si muove, если онъ и произнесъ эту фразу, она могла вовсе и не относиться къ движенію земли, хотя говорилось о землѣ. Галилей не хотѣлъ предавать дѣла своей жизни. Кто намъ, однако, поручится, что на такое самопожертвованіе способенъ не только Галилей, но и ученикъ его, хотя бы самый преданный и смѣлый ученикъ, изъ устъ учителя, а не собственной борьбой, добывшій новую истину? Апостолъ Петръ за одну ночь трижды отказался отъ Христа. Теперь, вѣроятно, во всемъ мірѣ мы не нашли бы ни одного человѣка, который бы согласился умереть въ доказательство и ради защиты идеи Галилея. Повидимому, великіе люди очень мало склонны посвящать въ тайны своихъ великихъ дѣлъ постороннихъ лицъ. Повидимому, даже они сами не всегда умѣютъ дать себѣ

ясный отчетъ въ характерѣ и смыслѣ поставляемыхъ ими себѣ задачъ. Самъ Сократъ, такъ упорно искавшій всю жизнь свою ясности, выдумавшій для этой цѣли діалектику и введшій во всеобщее употребленіе опредѣленія, имѣвшія своимъ назначеніемъ фиксировать текучую дѣйствительность, Сократъ, передъ смертью тридцать дней подрядъ убѣждавшій своихъ учениковъ въ томъ, что онъ умираетъ ради истины и справедливости, — самъ Сократъ, говорю я, можетъ быть, и даже вѣроятнѣе всего такъ же мало зналъ, зачѣмъ онъ умираетъ, какъ знаютъ объ этомъ простые люди, умирающіе естественною смертью, или какъ знаютъ родившіеся на свѣтъ младенцы, кто и какой — враждебной либо благожелательной властью — вызвалъ ихъ отъ небытія къ бытію. Такова наша жизнь: въ ней мудрецы и глупцы, старики и младенцы идутъ наугадъ къ цѣлямъ, которыя не обнаружены до сихъ поръ ни свѣтскими, ни духовными, ни обыкновенными, ни священными книгами. Всѣ эти соображенія я напомнилъ отнюдь не затѣмъ, чтобъ лишній разъ посрамить догматизмъ. Я всегда былъ убѣжденъ и до сихъ поръ увѣренъ, что догматики сраму не имутъ, и что ихъ никоимъ образомъ не выживешь со свѣту. Въ послѣднее же время, я, кромѣ того, пришелъ къ заключенію, что догматики совер-

шенно правы въ своемъ упорствѣ. Вѣра, потребность вѣры сильна, какъ любовь, какъ смерть. По отношенію къ каждому догматику я въ настоящее время считаю своей священной обязанностью впередъ идти на всѣ уступки, вплоть до признанія малѣйшихъ и незначительнѣйшихъ оттѣнковъ его убѣжденій и вѣрованій. Единственное ограниченіе. очень незамѣтное, почти невидимое: его убѣжденія не должны быть безусловно общеобязательными, т.-е для всѣхъ, безъ исключенія людей. Большинство, огромное большинство—миллюны, даже милліарды людей я ему охотно уступаю, при предположеніи, что они сами того захотятъ, или что онъ окажется достаточно искуснымъ, чтобъ переманить ихъ на свою сторону (вѣдь насиліе въ дѣлѣ вѣры недопустимо?). Словомъ, я ему уступаю почти всѣхъ людей, зато онъ долженъ согласиться, что для оставшихся единицъ или десятковъ его убѣжденія внутренно не обязательны (на внѣшнюю покорность я иду). Такъ что догматикъ, послѣ такой побѣды—мое признаніе вѣдь для него полная побѣда—долженъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Сократъ былъ правъ, Платонъ, Толстой, пророки — правы, есть только одна истина, одинъ Богъ, истина вправѣ уничтожать ложь, свѣтъ—тьму, Богъ, всезнающій, всеблагой и всемогущій,

какъ Александръ Македонскій, завоюетъ почти весь извѣстный ему міръ и изъ своихъ владѣній при торжественныхъ и радостныхъ кликахъ милліардовъ вѣрноподанныхъ изгонитъ дьявола и всѣхъ непокорныхъ божескому слову. Но отъ власти надъ душами своихъ немногочисленныхъ противниковъ, согласно условію, откажется и нѣсколько отступниковъ, собравшись на отдаленномъ и невидимомъ для милліардовъ островѣ, будутъ продолжать свою вольную, особенную жизнь. И вотъ—чтобы вернуться къ началу — среди этой горсточки непокорныхъ окажется и Ибсенъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни, какимъ онъ рисуется въ послѣдней драмѣ. Вѣроятно, мы тамъ и нашего Гоголя встрѣтимъ. Ибо въ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» Ибсенъ санкціонируетъ и прославляетъ то, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ Гоголь. Онъ отказывается отъ своего искусства, съ ненавистью и съ насмѣшкой вспоминаетъ о томъ, что было когда то дѣломъ его жизни. 15 апрѣля 1866 года Ибсенъ писалъ королю Карлу: «я не борюсь за беззаботное существованіе, я борюсь за свою жизненную задачу, въ которую непоколебимо вѣрю и которую, я знаю, Богъ возложилъ на меня». Къ слову сказать, вы не назовете почти никого изъ великихъ дѣятелей, который не повторялъ бы въ

той или иной формѣ приведеннаго утвержденія Ибсена. Повидимому, безъ такого рода иллюзіи, временной или постоянной, невозможна та напряженная борьба и тѣ жертвы, цѣной которыхъ покупаются великія дѣла. Повидимому, даже и для успѣха малыхъ дѣлъ необходимы разнаго рода иллюзіи. Вѣдь для того, чтобы маленькому человѣку сдѣлать свое микроскопическое дѣло, ему тоже часто приходится до крайности напрягать свои маленькія силенки. И кто знаетъ?— не казалось ли Акакію Акакіевичу, что Богомъ на него возложена задача аккуратно переписывать канцелярскія бумаги и сшить себѣ новую шинель? Онъ, конечно, никогда бы этого не дерзнулъ, да и не умѣлъ бы сказать, прежде всего по своей робости, а затѣмъ еще и потому, что не владѣлъ даромъ слова. Музы же бѣднымъ и слабыми людямъ не несутъ своей дани: онѣ воспѣваютъ только Крезовъ и Кесарей. Но, несомнѣнно, что первые въ деревнѣ считаютъ себя такъ же отмѣченными судьбой, какъ и первые въ Римѣ. Цезарь чувствовалъ это, и въ немъ говорило не одно только честолюбіе, когда онъ произносилъ свою извѣстную фразу. Люди не вѣрятъ себѣ и стремятся всегда занять такое положеніе, при которомъ у нихъ возникаетъ правильная или ложная увѣренность, что они находятся на виду у Бога. Но съ годами всѣ

иллюзіи разсѣиваются, разсѣивается и иллюзія о томъ, что Богъ избираетъ нѣкоторыхъ людей для своихъ особыхъ цѣлей и возлагаетъ на нихъ особенныя порученія. Гоголь, долго такъ именно понимавшій свою писательскую задачу, передъ смертью сжигаетъ свою лучшее произведеніе. Ибсенъ дѣлаетъ почти то же. Въ лицѣ профессора Рубека онъ отрекается отъ своей литературной дѣятельности и высмѣиваетъ ее, хотя она принесла ему все, на что онъ могъ разсчитывать: славу, почетъ, богатство... И изъ-за чего, подумайте только? Изъ-за того, что ему пришлось пожертвовать въ себѣ мужчиной ради художника, покинуть Ирену, которую онъ любилъ, и жениться на женщинѣ, къ которой онъ былъ равнодушенъ Или, подъ конецъ жизни, Ибсенъ выяснилъ себѣ, что самъ Богъ возложилъ на него задачу быть мужчиной? Но вѣдь мужчины всѣ, художники — единицы. Если бы это сказалъ не Ибсенъ, а простой смертный, мы назвали бы это величайшей пошлостью. Но въ устахъ Ибсена, семидесятилѣтняго старика, автора «Бранда», того «Бранда», изъ котораго европейскіе священники черпаютъ темы и матеріалъ для проповѣдей, въ устахъ Ибсена, написавшаго «Кесарь и Галлилеянинъ», такое признаніе пріобрѣтаетъ неожиданный и загадочный смыслъ. Тутъ ужъ не отдѣлаешься ка-

чаньемъ головы, презрительной усмѣшкой. Не кто нибудь—самъ Ибсенъ говоритъ. Первый человѣкъ не въ деревнѣ, не въ Римѣ даже—первый во всемъ мірѣ. Говоритъ громко, увѣренно, urbi et orbi. Вотъ ужъ подлинно человѣческій законъ: отъ тюрьмы и отъ сумы не зарекайся. Можетъ быть, тутъ умѣстно будетъ вспомнить о лебединыхъ пѣсняхъ Тургенева. У Тургенева тоже были высокіе идеалы, которые, вѣроятно, ему казались полученными непосредственно отъ Бога. Фразу, которой заканчивается замѣчательная статья его «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», можно смѣло вложить въ уста самому Бранду. «Все проходитъ—добрыя дѣла остаются»—въ этихъ словахъ весь Тургеневъ, лучше сказать—весь сознательный Тургеневъ того періода своей жизни, къ которому относится названная статья. Впрочемъ не только того—до послѣднихъ минутъ жизни сознательный Тургеневъ не отказался бы отъ этихъ словъ. Но въ «стихотвореніяхъ въ прозѣ» звучитъ совсѣмъ иной мотивъ. Все, о чемъ онъ тамъ разсказываетъ, какъ и все, о чемъ разсказываетъ Ибсенъ въ послѣдней своей драмѣ, пропитано одной безконечной, неутолимой тоской о безплодно растраченной жизни,—жизни, ушедшей на проповѣдь «добра». И ни молодости, ни здоровья, ни прежнихъ силъ не жаль! Можетъ быть и смерть не страшна... Чего не можетъ

вытравить изъ себя старикъ Тургеневъ—это воспоминанія о «русской дѣвушкѣ». Онъ писалъ и воспѣлъ ее, какъ никто другой до него въ русской литературѣ не описывалъ, но она была для него только моделью, онъ не прикоснулся къ ней, какъ Рубекъ-Ибсенъ къ Иренѣ, и ушелъ къ Віардо. И это страшный грѣхъ, ничѣмъ не искупаемый, смертный грѣхъ — тотъ, о которомъ говорится въ Библіи. Все простится, все проходитъ, все забудется—это преступленіе навѣки остается. Таковъ смыслъ «Senilia» Тургенева, таковъ смыслъ «Senilia» Ибсена. Я нарочно назвалъ слово «Senilia», хотя могъ бы говорить о лебединыхъ пѣсняхъ и хотя правильнѣй было бы говорить о лебединыхъ пѣсняхъ. «Лебеди,—разсказываетъ Платонъ,—когда чувствуютъ приближеніе смерти, поютъ въ этотъ день лучше, чѣмъ когда бы то-ни было, радуясь, что они найдутъ Бога, которому они служатъ». Ибсенъ и Тургеневъ служили тому же Богу, что и лебеди, по вѣрованію грековъ,—свѣтлому богу пѣсенъ Аполлону. И ихъ послѣднія пѣсни, ихъ Senilia были лучше, чѣмъ всѣ прежнія. Въ нихъ бездонная, страшная для глаза, но какая дивная глубина! Все тамъ по иному, чѣмъ здѣсь у насъ на поверхности. Довѣриться ли соблазну, идти ли на призывъ великихъ стариковъ, или привязать себя къ мачтѣ провѣренныхъ обще-

человѣческимъ опытомъ убѣжденій и зажать уши, какъ сдѣлалъ когда-то хитроумный Одиссей, чтобъ спастись отъ сиренъ? Есть выходъ, есть слово, которымъ можно разрушить очарованіе. Я назвалъ уже его: Senilia. Тургеневъ хотѣлъ такъ озаглавить свои «стихотворенія въ прозѣ». Проявленія болѣзни, немощности, старости. Это—страшно, отъ этого нужно бѣжать! Шопенгауэръ, философъ-метафизикъ боялся въ старости передѣлывать свои юношескія произведенія. Ему казалось что онъ можетъ испортить ихъ однимъ своимъ прикосновеніемъ. И всѣ не вѣрятъ старости, всѣ раздѣляютъ опасенія Шопенгауэра. А что, если всѣ ошибаются? Что, если Senilia приближаютъ насъ къ истинѣ? Можетъ быть, вѣщія птицы Аполлона тоскуютъ неземной тоской по иному бытію, можетъ, ихъ страхъ относится не къ смерти, а къ жизни, можетъ быть, и въ стихотвореніяхъ Тургенева, и въ послѣдней драмѣ Ибсена уже слышны если не послѣднія, то, по крайней мѣрѣ, предпослѣднія человѣческія слова.

VII.

Что такое философія? Въ учебникахъ философіи на этотъ вопросъ вы найдете самые

разнообразные отвѣты. За двѣ съ половиною тысячи лѣтъ своего существованія философія имѣла возможность сдѣлать огромное количество попытокъ опредѣлить сущность своей задачи. Но соглашеніе между признанными представителями любителей и любимцевъ мудрости до сихъ поръ еще не достигнуто. Всякій судитъ по-своему, свое сужденіе считаетъ единственно истиннымъ— но о consensus sapientium здѣсь даже и мечтать нельзя. Но, страннымъ образомъ, именно въ этомъ спорномъ пунктѣ, гдѣ такъ невозможно соглашеніе ученыхъ и мудрецовъ, вполнѣ достигнуто consensus profanorum. Всѣ тѣ, кто никогда философіей не занимался, кто вообще никогда не читалъ ученыхъ книгъ, даже никакихъ книгъ, съ рѣдкимъ единодушіемъ отвѣчаютъ на нашъ вопросъ. Правда, объ ихъ мнѣніяхъ нельзя, повидимому, прямо судить, потому что такого рода люди совсѣмъ не умѣютъ говорить выработаннымъ наукой языкомъ, никогда въ такой формѣ вопроса не ставятъ и еще менѣе умѣютъ отвѣчать на него принятыми словами. Но у насъ есть одно важное косвенное указаніе, которое даетъ намъ право сдѣлать заключеніе Несомнѣнно, что всѣ тѣ люди, которые шли къ философіи за отвѣтами на мучившіе ихъ вопросы, уходили отъ нея разочарованными, если только у нихъ не оказывалось достаточно выдающагося

дарованія, для того, чтобы примкнуть къ цеху профессіональныхъ философовъ. Изъ этого безъ колебанія можно сдѣлать выводъ, пока, правда, отрицательный: философія занимается такимъ дѣломъ, которое можетъ быть интереснымъ и важнымъ только для нѣкоторыхъ, для многихъ же оно представляется скучнымъ и ненужнымъ.

Выводъ въ высокой степени утѣшительный какъ для профановъ, такъ и для мудрецовъ. Ибо каждый мудрецъ, даже самый прославленный, вмѣстѣ съ тѣмъ и профанъ, т.-е., бросивъ академическое словоупотребленіе, просто-на-просто человѣкъ Съ нимъ тоже можетъ случиться, что и у него возникнутъ тѣ мучительные вопросы, съ которыми являлись къ нему же обыкновенные люди, къ примѣру сказать Толстовскій Иванъ Ильичъ или Чеховскій профессоръ (изъ «Скучной исторіи»). И тогда, разумѣется, онъ вынужденъ будетъ признаться, что въ тѣхъ толстыхъ книгахъ, которыя онъ такъ хорошо изучилъ, нужныхъ отвѣтовъ нѣтъ. И радоваться этому. Ибо, что можетъ быть ужаснѣе для человѣка, чѣмъ необходимость въ трудныя минуты жизни признать обязательность какого бы то ни было философскаго ученія? Напримѣръ, думать вмѣстѣ съ Платономъ, Спинозой или Шопенгауэромъ, что главная задача жизни— нравственное совершенствованіе, иначе говоря,

самоотреченіе. Хорошо было Платону проповѣдовать справедливость! Это ему нисколько не мѣшало быть сыномъ своего времени, т.-е. въ допустимыхъ размѣрахъ нарушать заповѣди, имъ же возвѣщаемыя. Спиноза, по всѣмъ видимостямъ, былъ гораздо выдержаннѣе и послѣдовательнѣе Платона, онъ на самомъ дѣлѣ держалъ страсти въ повиновеніи. Но это былъ его личный, индивидуальный вкусъ. Послѣдовательность была не только свойствомъ его ума, но всей его натуры. Проявляя ее, онъ проявлялъ себя. Что до Шопенгауэра, то онъ, какъ извѣстно, восхвалялъ добродѣтели только въ своихъ книгахъ. Въ жизни же, какъ и всякій независимый и умный человѣкъ, руководствовался самыми разнообразными соображеніями.

Но все это—учителя, люди, выдумывающіе системы и императивы. Ученикъ же, ищущій у философіи отвѣтовъ на свои вопросы, не можетъ разрѣшать себѣ никакихъ вольностей и отступленій отъ общихъ правилъ, ибо сущность и основная задача каждаго ученія сводится къ тому, чтобъ подчинить не только поведеніе людей, но и жизнь всей вселенной единому регулирующему принципу. Отдѣльные философы такіе принципы находили, но окончательнаго соглашенія между философами до сихъ поръ еще нѣтъ, и это до нѣкоторой степени облегчаетъ

положеніе тѣхъ несчастныхъ, которые, потерявъ надежду отыскать помощь и руководительство въ иныхъ мѣстахъ, обратились къ философіи. Разъ тутъ нѣтъ общаго, всѣми признаннаго, обязательнаго принципа,—значитъ, что пока, по крайней мѣрѣ, разрѣшается каждому думать, чувствовать и даже поступать по-своему. Можно послушаться Спинозы, можно и не послушаться. Можно преклониться предъ вѣчными идеями Платона, но можно отдать предпочтеніе всегда измѣнчивой, текучей дѣйствительности. Наконецъ, можно принять пессимизмъ Шопенгауэра, но никто и ничто не въ силахъ навязать вамъ безбрачіе на основаніи того, что Шопенгауэръ удачно высмѣивалъ любовь И, чтобъ завоевать себѣ такую свободу, вовсе нѣтъ нужды вооружаться легкой діалектикой древняго греческаго философа, тяжеловѣсной логикой бѣднаго голландскаго еврея или тонкимъ остроуміемъ глубокомысленнаго нѣмца. Ихъ вовсе и оспаривать не нужно. Можно даже со всѣми согласиться. Міровое пространство безконечно и не только вмѣститъ въ себя всѣхъ когда-либо жившихъ и имѣющихъ народиться людей, но дастъ каждому изъ нихъ все, чего онъ пожелаетъ. Платону—міръ идей, Спинозѣ—единую, вѣчную и неизмѣнную сущность, Шопенгауэру—буддійскую нирвану. Каждый изъ нихъ и всѣ другіе, здѣсь

не упомянутые философы, свѣтскіе и духовные, найдутъ во вселенной то, что имъ нужно, вплоть до вѣры, даже убѣжденія, что ихъ ученія суть единственно истинныя и всеобъемлющія ученія. Но, одновременно, и профаны отыщутъ для себя подходящіе міры. Изъ того, что на землѣ людямъ тѣсно, изъ того, что здѣсь приходится неимовѣрными усиліями отвоевывать каждую пядь земли и даже наши призрачныя свободы, никакъ не слѣдуетъ, что бѣдность, темнота, деспотизмъ должны считаться вѣчными, премірными началами, и что экономное единство есть послѣднее прибѣжище для человѣка. Множественность міровъ, множественность людей и боговъ среди необъятныхъ пространствъ необъятной вселенной,—да вѣдь это (да простится мнѣ слово) идеалъ! Правда, не идеалистически обоснованный. Зато, какой выводъ впереди! Философовъ спорящихъ и доказывающихъ мы оставимъ въ сторонѣ, разъ дѣло дошло до боговъ. По существующимъ вѣрованіямъ и предположеніямъ и боги всегда ссорились межъ собой и боролись. Даже въ монотеистическихъ религіяхъ люди всегда принуждали своего Бога вступать въ борьбу и даже придумывали для него нарочитаго соперника—дьявола. Люди никакъ не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что на небѣ все происходитъ совсѣмъ какъ на землѣ, и всѣ свои,

какъ дурныя, такъ и хорошія качества приписываютъ также и небожителямъ. Межъ тѣмъ какъ, вѣроятнѣе всего, многаго изъ того, что, по нашимъ представленіямъ, совершенно неотдѣлимо отъ жизни, на небѣ нѣтъ. Нѣтъ, между прочимъ, и борьбы. И это—хорошо. Ибо всякая борьба неизбѣжно рано или поздно переходитъ въ драку. Когда исчерпывается запасъ логическихъ и этическихъ доводовъ, непримирившимся противникамъ остается одно,—вступить въ рукопашную, которая обыкновенно и рѣшаетъ исходъ дѣла. Оцѣнка логическихъ и этическихъ соображеній произвольна, матеріальная же сила измѣряется пудо-футами, ее даже можно заранѣе учесть Такъ что, стало быть, тамъ, гдѣ, по общему предположенію, не будетъ пудофутовъ, исходъ борьбы очень часто будетъ оставаться нерѣшеннымъ. Когда Лермонтовскій демонъ направляется въ келью Тамары, его встрѣчаетъ на пути ангелъ. Демонъ говоритъ, что Тамара принадлежитъ ему, ангелъ требуетъ ее себѣ. Словами и доводами демона не переубѣдишь: не на таковскаго напали. Объ ангелѣ и говорить нечего: онъ вѣдь всегда считаетъ себя вдвойнѣ правымъ. Какъ разрѣшить споръ? Въ концѣ концовъ Лермонтовъ не умѣлъ или не смѣлъ придумать новый способъ разрѣшенія и допустилъ вмѣшательство матеріальной силы:

Тамару у демона вырываютъ, совсѣмъ такъ, какъ на землѣ болѣе сильный хищникъ вырываетъ добычу у болѣе слабаго. Повидимому, поэтъ допустилъ такую развязку, чтобъ отдать дань традиціонному благочестію. По моему мнѣнію, рѣшеніе не только не благочестиво, но — прямо кощунственно. Въ немъ ясно еще видны не вытравленные слѣды варварства и идолопоклонства. Богу приписываются вкусы и аттрибуты, о которыхъ мечтаютъ земные деспоты. Онъ непремѣнно долженъ, и будто бы хочетъ быть самымъ сильнымъ, самымъ первымъ и т. д. — совсѣмъ какъ Юлій Цезарь въ молодости. Онъ больше всего боится соперничества и никогда не прощаетъ своихъ несмирившихся враговъ. Повидимому, это грубое заблужденіе. Богу совсѣмъ не нужно быть самымъ сильнымъ, самымъ первымъ. Онъ, пожалуй, и это было бы понятно и согласно съ здравымъ смысломъ — не хотѣлъ бы быть слабѣе другихъ, чтобъ не подвергнуться насилію, но нѣтъ никакого основанія приписывать ему честолюбіе или тщеславіе. И нѣтъ, значитъ, никакого основанія думать, что онъ не выноситъ равныхъ себѣ, хочетъ быть превыше всѣхъ и во что бы то ни стало уничтожить дьявола. Вѣроятнѣе всего, что онъ живетъ въ мирѣ и добромъ согласіи даже съ тѣми, которые менѣе всего приспособляются къ

его вкусамъ и привычкамъ. Можетъ быть, даже радуется, что не всѣ такіе, какъ онъ, и охотно дѣлитъ съ сатаной свои владѣнія. Тѣмъ болѣе, что отъ такого дѣленія никто ничего не проигрываетъ, ибо безконечное (владѣнія Бога безконечны, я это признаю), раздѣленное на два и даже на какое угодно большое конечное число, даетъ въ результатѣ все-таки безконечность

Теперь мы можемъ вернуться къ первоначальному вопросу и, кажется, даже дать на него отвѣтъ—два отвѣта даже, одинъ отъ имени sapientium, другой отъ имени profanorum. Для первыхъ философія есть искусство ради искусства. Каждый философъ старается создать стройную, разнообразную, интересно и красиво построенную систему, пользуясь, какъ матеріаломъ для постройки, собственнымъ внутреннимъ опытомъ, а также личными и чужими наблюденіями надъ внѣшней жизнью. Философъ тоже въ своемъ родѣ художникъ, для котораго его произведеніе дороже всего на свѣтѣ, иногда дороже жизни. Сплошь и рядомъ видимъ мы, что философы безъ колебанія ради своего дѣла жертвуютъ чѣмъ угодно, даже истиной. Иное дѣло профаны. Для нихъ философія—точнѣе то, что они назвали бы философіей, если бы владѣли научной терминологіей, есть послѣднее прибѣжище. Когда матеріальныя силы расточены,

когда нечѣмъ больше бороться за отнятыя права,—они бѣгутъ за помощью и поддержкой въ то именно мѣсто, котораго они больше всего чурались прежде. Напримѣръ, Наполеонъ на островѣ Елены. Онъ, всю жизнь свою собиравшій солдатъ и пушки, когда его связали по рукамъ и по ногамъ, сталъ философствовать. Конечно, онъ дѣйствовалъ въ этой области какъ начинающій, очень неопытный и даже, смѣшно сказать, какъ трусливый новичокъ.

Онъ, не боявшійся ни чумныхъ больныхъ, ни вражескихъ пуль, боялся, какъ извѣстно, темной комнаты. Привычные къ философіи люди, Шопенгауэръ хотя бы, тѣ ходятъ по темнымъ комнатамъ смѣло и увѣренно, хотя отъ выстрѣловъ и даже менѣе опасныхъ вещей сторонятся. Такъ вотъ, говорю, великій полководецъ, чуть ли не всеевропейскій императоръ Наполеонъ философствовалъ на островѣ св. Елены и даже дошелъ до того, что сталъ заискивать у нравственности, полагая, очевидно, что отъ нея зависитъ его дальнѣйшая судьба. Онъ увѣрялъ ее, что ради нея и только ради нея онъ затѣвалъ всѣ свои злодѣйскія дѣла—онъ, который до тѣхъ поръ, пока на головѣ его была корона, и въ рукахъ побѣдоносная армія, едва ли даже зналъ о существованіи нравственности. Но это такъ понятно! Въ 45 лѣтъ попасть въ совер-

шенно новую и незнакомую область, конечно все будетъ казаться страшнымъ и даже безплотную нравственность примешь за властительницу судебъ. И будешь думать, что ее можно обольстить сладкими рѣчами и ложными обѣщаніями, какъ свѣтскую даму. Но это были первые шаги непривычнаго человѣка. Наполеону такъ же было трудно овладѣть философіей, какъ Карлу Великому на склонѣ лѣтъ научиться писать. Но онъ зналъ, зачѣмъ пришелъ въ новое мѣсто, и ни Платонъ, ни Спиноза, ни Кантъ не переубѣдили бы его. Можетъ, сначала, пока еще не привыкъ къ темнотѣ, онъ бы для виду согласился съ признанными авторитетами, думая, что и здѣсь, какъ тамъ, гдѣ онъ жилъ прежде, высокопоставленныя особы не терпятъ возраженій, можетъ быть, онъ бы лгалъ передъ ними, какъ лгалъ передъ нравственностью—но дѣла своего онъ бы не забылъ. Онъ пришелъ къ философіи съ требованіями и не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока не получилъ бы своего. Онъ уже видѣлъ однажды, какъ корсиканскій поручикъ сталъ французскимъ императоромъ. Почему же сраженному императору не вступить въ послѣднюю борьбу?.. И примириться на самоотреченіи? Философія уступитъ, нужно только не сдаваться внутренно: такъ приходятъ къ философіи Наполеоны и такъ они ее понимаютъ. И

впредь до доказательства противнаго ничего не можетъ помѣшать намъ думать, что Наполеоны правы и что, стало быть, академическая философія не есть послѣднее, не есть даже предпослѣднее слово. Ибо, можетъ быть, послѣднее слово таятъ про себя неумѣющіе говорить, но смѣлые, настойчивые, непримиримые люди.

VIII.

Генрихъ Гейне. Больше ста лѣтъ прошло съ рожденія и пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти этого замѣчательнаго человѣка, а исторія литературы до сихъ поръ не свела съ нимъ окончательныхъ счетовъ. Даже нѣмцы—его соотечественники (пожалуй, нѣмцы въ особенности), никакъ не могутъ сговориться въ оцѣнкѣ его дарованія. Одни его считаютъ геніемъ, другіе—бездарностью и пошлякомъ. Притомъ враги его до сихъ поръ, какъ и когда-то, вносятъ въ свои нападки столько страсти, какъ если бы они воевали не съ мертвымъ, а съ живымъ противникомъ. И ненавидятъ его за то, за что его ненавидѣли его современники. Какъ извѣстно, главнымъ образомъ Гейне не прощали неискренности. Никто не зналъ, когда онъ говоритъ серьезно, когда шутитъ, что́ любитъ, что̀ ненавидитъ и,

наконецъ, не было никакой возможности выяснить, вѣритъ ли онъ въ Бога или не вѣритъ. Нужно признаться, что въ значительной части своихъ обвиненій нѣмцы были правы. Я очень цѣню Гейне, по моему мнѣнію, онъ одинъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, но, тѣмъ не менѣе, я не берусь съ увѣренностью сказать, что̀ онъ любилъ, во что̀ вѣрилъ и часто не могу рѣшить, насколько серьезно высказываетъ онъ то или иное сужденіе. Тѣмъ не менѣе, я никоимъ образомъ не могу усмотрѣть въ его сочиненіяхъ неискренности. Наоборотъ, тѣ особенности его, которыя такъ раздражали нѣмцевъ, и въ которыхъ они видятъ несомнѣнные признаки неискренности, въ моихъ глазахъ являются доказательствами его удивительной, единственной въ своемъ родѣ правдивости. По моему мнѣнію, если нѣмцы впали въ ошибку и ложно поняли Гейне, то причина этому гипертрофія самолюбія и власть предразсудковъ. Обычная манера Гейне—начать рѣчь совершенно серьезно и закончить ѣдкой насмѣшкой, сарказмомъ. Критики и читатели, обыкновенно по началу не догадывающіеся, что̀ ихъ ждетъ въ концѣ, принимали неожиданный смѣхъ на свой счетъ и это страшно оскорбляло ихъ. Уязвленное самолюбіе никогда не прощаетъ, не могли и нѣмцы простить Гейне его насмѣшекъ. А между тѣмъ Гейне

рѣдко оскорблялъ другихъ, большинство его насмѣшекъ, главнымъ образомъ, относятся къ нему самому, въ особенности въ произведеніяхъ послѣдняго періода его творчества, той эпохи, когда онъ жилъ въ «Matrazengruft». У насъ вѣдь тоже многіе обижались на Гоголя, полагая, что онъ ихъ высмѣиваетъ. Потомъ онъ признался, что описывалъ самого себя. И непостоянство сужденій Гейне вовсе не доказываетъ его неискренности. Онъ далеко не всегда имѣлъ намѣреніе дразнить филистеровъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, во что ему вѣрить, онъ въ самомъ дѣлѣ мѣнялъ свои вкусы и привязанности и даже не всегда навѣрное зналъ, чему онъ въ настоящій моментъ отдаетъ предпочтеніе. Разумѣется, еслибъ онъ захотѣлъ, онъ могъ бы притвориться послѣдовательнымъ и постояннымъ. Или, если бы онъ былъ менѣе зоркимъ, онъ могъ бы, какъ это случается съ огромнымъ множествомъ людей, усвоить себѣ разъ навсегда парадныя, показныя мысли, и неизмѣнно ихъ проповѣдывать, нисколько не сличая ихъ со своими дѣйствительными переживаніями и настроеніями. Очень многіе люди считаютъ, что такъ именно и должно поступать, что нужно высказывать (особенно въ литературѣ) только парадныя, казовыя, возвышенныя, еще съ незапамятныхъ временъ возвѣщенныя мудрецами мысли, нисколько не спра-

вляясь о томъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ ихъ собственной природѣ или не соотвѣтствуютъ. Часто жестокіе, мстительные, злопамятные, себялюбивые, мелочные люди bona fide восхваляютъ въ своихъ сочиненіяхъ доброту, всепрощеніе, любовь къ врагамъ, щедрость, великодушіе, а о своихъ вкусахъ и страстяхъ—ни слова. Они увѣрены, что страсти существуютъ лишь затѣмъ, чтобы ихъ подавлять, скрывать, проявлять же и выставлять напоказъ нужно только убѣжденія. Подавить страсти рѣдко удастся, скрыть же, въ особенности въ книгахъ, очень легко. И такого рода скрытность не только не преслѣдуется, но, какъ извѣстно, поощряется. Получается столь обычная и знакомая картина: въ жизни страсти судятъ «убѣжденія», въ книгахъ «убѣжденія» или, какъ говорятъ, идеалы судятъ и осуждаютъ страсти. Подчеркиваю, что большинство писателей убѣждены, что ихъ задача—не разсказывать о себѣ, а воспѣвать идеалы. Искренность Гейне была, дѣйствительно, иной. Онъ разсказывалъ о себѣ все или почти все. И это считалось до такой степени возмутительнымъ, что присяжные охранители обычаевъ и добрыхъ нравовъ считали себя оскорбленными въ своихъ лучшихъ возвышеннѣйшихъ чувствахъ. Имъ казалось, что если бы Гейне удалось пріобрѣсть большое вліяніе въ литературѣ и овладѣть умами современ-

никовъ, то это было бы величайшимъ несчастіемъ. Рушились бы устои, съ такимъ трудомъ въ теченіе столѣтій созданные совокупными усиліями лучшихъ представителей націи. Это, пожалуй, правильно: возвышенное благолѣпіе жизни сохраняется лишь при непремѣнномъ условіи лицемѣрія. Чтобъ было красиво, нужно многое скрывать, припрятывать какъ можно дальше и глубже. Больныхъ и сумасшедшихъ нужно загонять въ больницы, нищету—въ подвалы, непокорныя страсти—въ глубину души. Правдѣ и свободѣ разрѣшается лишь постольку заявлять о себѣ, поскольку это совмѣстимо съ интересами благоустроенной, внѣшне и внутренно, жизни. Протестантство это понимало не хуже, а то и лучше, чѣмъ католичество. Строгій пуританизмъ возвелъ душевную дисциплину въ высшій нравственный законъ, который съ неумолимымъ, безпощаднымъ деспотизмомъ правилъ жизнью. Бракъ, семья, а не любовь должна быть цѣлью человѣка, а бѣдная Гретхенъ, отдавшаяся Фаусту безъ соблюденія установленныхъ обрядовъ, принуждена была сама считать себя навѣки осужденной. Внутренняя дисциплина, еще болѣе, чѣмъ внѣшняя, представляемая тюремщиками и палачами, оберегала устои и давала крѣпость и силы какъ государству, такъ и народу. Людей не щадили, съ ними и не считались. Сотни, тысячи

Гретхенъ обоихъ половъ отдавались и понынѣ безъ сожалѣнія отдаются въ жертву «высшихъ духовныхъ интересовъ». Признаніе, уваженіе къ описанному порядку вещей до такой степени вкоренилось въ души нѣмцевъ (я говорю нѣмцевъ, потому что едва ли есть на землѣ еще одинъ столь дисциплинированный народъ), что ему покорялись даже наиболѣе независимые характеры. Самымъ страшнымъ грѣхомъ считается не нарушеніе закона (всякое нарушеніе, объясняемое, какъ у Гретхенъ, слабостью и только слабостью, хотя и не прощалось, но менѣе строго осуждалось), а бунтъ противъ закона, открытое и дерзновенное нежеланіе повиноваться, хотя бы выразившееся въ незначительномъ поступкѣ. И потому всякій обыкновенно стремится прежде всего доказать свою лойяльность съ этой именно стороны. Въ большей или меньшей степени всѣ отступали отъ закона, но чѣмъ больше приходилось нарушать законъ въ поступкахъ, тѣмъ обязательнѣй считалось восхваленіе его на словахъ. И такой порядокъ вещей ни въ комъ не возбуждалъ ни подозрѣнія, ни неудовольствія. Онъ казался естественнымъ и высоко нравственнымъ. Въ немъ видѣли признаніе первенства духа передъ тѣломъ, разума передъ страстями. А такого вопроса: да точно ли духъ долженъ побѣждать тѣло и разумъ страсти? никто никогда и

не задавалъ. И когда Гейне позволилъ себѣ такой вопросъ поставить и по-своему разрѣшить, на него обрушилась вся сила негодованія нѣмцевъ. И прежде всего заподозрѣли его искренность и правдивость. «Не можетъ быть,—говорили благочестивые люди,—чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не признавалъ закона. Онъ только притворяется». Такое предположеніе было тѣмъ болѣе естественно, что тонъ Гейне далеко не всегда звучалъ твердымъ убѣжденіемъ; у него, напримѣръ, есть стихотвореніе, заканчивающееся слѣдующими словами: «тѣла, тѣла ищу я, молодого и нѣжнаго тѣла. Душу можете хоть совсѣмъ въ землю зарыть,—души у меня самого достаточно». Стихотвореніе до послѣдней степени дерзкое и вызывающее, но въ немъ, какъ и во всѣхъ дерзкихъ и вызывающихъ стихотвореніяхъ Гейне, слышенъ рѣзкій смѣхъ, хохотъ, который нужно понимать, какъ выраженіе раздвоенности, какъ насмѣшку надъ собой. Онъ же разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ двумя женщинами: матерью и дочерью. Обѣ хороши: мать тѣмъ, что уже многое знаетъ, дочь—невинностью. И вотъ поэтъ стоитъ межъ ними, по его собственному выраженію, какъ буриданов оселъ межъ двумя вязанками сѣна. Опять дерзость, опять хохотъ—и уравновѣшенный нѣмецъ снова раздражается. Онъ предпочелъ бы, чтобъ о та-

кихъ настроеніяхъ никто никогда не разсказывалъ. Но если уже разсказывать, то, по крайней мѣрѣ, въ покаянномъ тонѣ, съ самобичеваніемъ. Неумѣстный же смѣхъ Гейне неприличенъ и лишь безъ нужды разстраиваетъ. Повторяю, самъ Гейне далеко не всегда былъ увѣренъ, что его «искренность» законна. Еще въ молодости онъ разсказывалъ, что вдоль души его, какъ вдоль всего міра прошла трещина, расколовшая на-двое единство прежнихъ настроеній. Царь Давидъ, когда славилъ Господа и добро, не вспоминалъ о своихъ темныхъ дѣлахъ (ихъ вѣдь у него было не мало) и, если вспоминалъ, то лишь за тѣмъ, чтобъ каяться. И онъ былъ двойственъ, но умѣлъ наблюдать послѣдовательность. Когда онъ плакалъ, онъ не могъ и не хотѣлъ радоваться, когда каялся, онъ уже былъ далекъ отъ грѣха, когда молился—онъ не кощунствовалъ, когда вѣрилъ—не сомнѣвался. Нѣмцы, воспитанные на псалмахъ великаго царя, привыкли думать, что иначе не можетъ и не должно быть. Они допускали еще слѣдованіе различныхъ, даже противоположныхъ душевныхъ состояній, но одновременное ихъ существованіе казалось имъ немыслимымъ и отвратительнымъ, противорѣчащимъ божескимъ заповѣдямъ и законамъ логики. Казалось, что все, что прежде существовало раздѣльно, смѣшалось, что мѣсто строгой

гармоніи занялъ нелѣпый хаосъ. И что такое положеніе вещей грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Они не допускали мысли, что самъ Гейне могъ не понимать этого, въ его творчествѣ видѣли проявленіе лживой и злой воли и взывали къ человѣческому и божескому суду. Обывательское раздраженіе дошло до крайней степени, когда выяснилось, что Гейне не смирился даже передъ лицомъ смерти. Разбитый параличемъ, лежалъ онъ въ своей «матрацной могилѣ», не въ силахъ пошевелить ни однимъ членомъ, испытывалъ величайшія физическія муки, не имѣя надежды не только на исцѣленіе, но даже на облегченіе, и все попрежнему продолжалъ кощунствовать. Хуже того, съ каждымъ днемъ его сарказмы становились все безпощаднѣе, ядовитѣе, утонченнѣе. Казалось бы, уничтоженному и раздавленному человѣку оставалось только признать себя побѣжденнымъ и всецѣло предать себя великодушію побѣдителя. Но въ немощной плоти жилъ сильный духъ. Всѣ помыслы его были устремлены къ Богу, тяжелую десницу и власть котораго онъ, какъ и всякій умирающій человѣкъ, не могъ не ощущать на себѣ. Но его мысли о Богѣ, его отношеніе къ Богу были до такой степени своеобразны, что посторонніе серьезные люди только пожимали плечами. Такъ съ Богомъ никто не разговаривалъ ни вслухъ, ни

про себя. Обыкновенно мысль о Богѣ внушаетъ смертнымъ либо трепетъ, либо умиленіе, и потому они либо падаютъ ницъ передъ Нимъ и умоляютъ о прощеніи, либо славословятъ. У Гейне нѣтъ ни молитвъ, ни славословія Его стихотворенія проникнуты особымъ, одному ему свойственнымъ очаровательнымъ и граціознымъ цинизмомъ. Онъ не хочетъ признать грѣхи свои, даже теперь, на порогѣ въ иную жизнь, онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ въ молодости. Онъ не хочетъ ни рая, ни блаженства на небесахъ—онъ проситъ Бога вернуть ему здоровье и поправить его денежныя дѣла. «Я знаю, что на землѣ много зла и пороковъ. Но я уже привыкъ ко всему этому, да къ тому же рѣдко покидаю свою комнату. Оставь меня, Господи, здѣсь, но излѣчи только отъ болѣзней и избавь отъ нужды», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній. Онъ высмѣиваетъ легенды о блаженной жизни въ раю безгрѣшныхъ душъ. «Сидѣть на облакахъ и распѣвать псалмы,—объясняетъ онъ,—для меня совсѣмъ неподходящее времяпрепровожденіе». Онъ вспоминаетъ прекрасную богиню изъ Лувра (Венеру Милосскую) и славословитъ ее, какъ въ дни юности. Его стихотвореніе «Das Hohelied» (Пѣсня пѣсней), смѣсь величайшаго цинизма, возвышенности, отчаянія и неслыханнаго сарказма. Не

знаю, приходили ли въ голову умирающимъ людямъ мысли, подобныя тѣмъ, которыя высказаны въ этомъ стихотвореніи, но съ увѣренностью заявляю, что никто въ литературѣ не высказывалъ ничего подобнаго. Въ стихотвореніи Гете «Прометей» далеко нѣтъ той вызывающей, непоколебимой, спокойной гордости и сознанія своихъ правъ, которыя вдохновляли автора «Das Hohelied». Богъ, сотворившій небо, землю и человѣка на землѣ, Богъ воленъ сколько угодно терзать мое тѣло и мою душу, но я самъ знаю, чего мнѣ нужно, чего я хочу, я самъ рѣшаю, что̀ хорошо, что̀ дурно. Таковъ смыслъ этого стихотворенія, таковъ смыслъ всего, что писалъ Гейне въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ зналъ, какъ знаютъ всѣ, что по философскимъ, этическимъ и религіознымъ ученіямъ условіемъ спасенія души считается раскаяніе и смиреніе, готовность хотя бы въ послѣднюю минуту жизни отречься отъ «грѣховныхъ желаній». И тѣмъ не менѣе, въ послѣднюю минуту онъ не хочетъ признать надъ собой власть тысячелѣтнихъ міровыхъ авторитетовъ. Онъ смѣется и надъ моралью, и надъ философіей, и надъ существующими религіями. Мудрецы такъ думаютъ, мудрецы хотятъ жить по-своему—пусть думаютъ, пусть живутъ. Но кто далъ имъ право требовать покорности отъ меня? И можетъ ли быть у нихъ

сила, нужная, чтобъ привести меня къ покорности? Прислушиваясь къ словамъ умирающаго, не повторимъ ли мы за нимъ его вопросъ? И не сдѣлаемъ ли мы еще шагъ впередъ? Гейне раздавленъ и, если вѣрить (есть всѣ основанія вѣрить) тому, что онъ разсказываетъ въ своей «Пѣснѣ пѣсней», его мучительная и тяжелая болѣзнь была непосредственнымъ слѣдствіемъ и результатомъ его образа жизни. Значитъ ли это, что и дальше (если будетъ какое-нибудь «дальше») его ждутъ новыя преслѣдованія вплоть до тѣхъ поръ, пока онъ добровольно не приспособится къ возвѣщенной или завѣщанной морали? Вообще, въ правѣ ли мы предполагать, что гдѣ-нибудь во вселенной озабочены мыслью о томъ, чтобы перекроить всѣхъ до послѣдняго людей на одинъ манеръ? Можетъ быть, упорство Гейне указываетъ на совсѣмъ иныя намѣренія властителей судебъ. Можетъ, болѣзни и мученія, уготованныя здѣсь для тѣхъ, которые противятся хомутамъ и шаблонамъ (эмпирическія наблюденія съ достаточной несомнѣнностью устанавливаютъ тотъ фактъ, что всякія отклоненія отъ нормы и большой дороги съ неизбѣжностью влекутъ за собой страданіе и гибель), есть только испытаніе человѣческаго духа. Кто выдержитъ ихъ, кто отстоитъ себя, не испугавшись ни Бога, ни дьявола съ его прислужниками—тотъ вой-

детъ побѣдителемъ въ иной міръ. Мнѣ даже порой кажется, что «тамъ», въ противоположность существующему мнѣнію, особенно любятъ и цѣнятъ упорныхъ и непреклонныхъ—отъ смертныхъ же эта тайна скрыта для того, чтобы слабые и уступчивые не вздумали представляться упорными, чтобъ заслужить расположеніе боговъ. Тотъ же, кто не выдержитъ, отречется отъ себя, того ждетъ судьба, о которой обыкновенно мечтаютъ философы-метафизики: онъ сольется съ первоединымъ, растворится въ сущности бытія вмѣстѣ съ массой себѣ подобныхъ индивидуумовъ. Я склоненъ думать, что метафизическія теоріи, проповѣдующія самоотреченіе во имя любви и любовь во имя самоотреченія, отнюдь не простое пустословіе, какъ утверждаютъ позитивисты. Въ нихъ есть глубокій и таинственный, мистическій смыслъ, въ нихъ скрыта великая истина. Ихъ ошибка лишь въ томъ, что онѣ претендуютъ на безусловность. Люди почему-то рѣшили, что эмпирическихъ истинъ много, а метафизическая только одна. Метафизическихъ истинъ тоже много. Онѣ очень непохожи другъ на дружку, но это нисколько не мѣшаетъ имъ отлично уживаться межъ собой. Эмпирическія истины, какъ и всѣ земныя существа, вѣчно ссорятся и безъ высшаго начальства не могутъ обойтись. Но метафизическія истины устроены

иначе и совсѣмъ не знаютъ нашего соревнованія. Несомнѣнно, что люди, тяготящіеся своей индивидуальностью и жаждущіе самоотреченія, безусловно правы. Всѣ вѣроятности за то, что въ концѣ концовъ они своей цѣли добьются и сольются съ чѣмъ имъ слиться полагается, со своими ближними или съ дальними, или, можетъ быть, какъ хотятъ пантеисты, даже съ неодушевленной природой. Но въ такой же мѣрѣ вѣроятно, что тѣ люди, которые своей индивидуальностью дорожатъ и не соглашаются отъ нея отказаться ни ради своихъ ближнихъ, ни ради возвышенной идеи, сохранять себя и останутся собой, если не навѣки вѣчные, то на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, пока имъ не надоѣстъ. Такъ что нѣмцамъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ нѣмцамъ, которые оцѣнивали Гейне не съ утилитарной точки зрѣнія (съ этой точки зрѣнія даже и я всецѣло осуждаю его и не·пахожу для него никакихъ оправданій), а съ возвышенной, религіозной или метафизической, какъ принято въ наше время, сердиться на него не приходится. Онъ имъ помѣшать никакъ не можетъ. Они сольются, всѣ до послѣдняго, навѣрное, сольются въ идею, Ding an sich, субстанцію или иное заманчивое единство, и не Гейне съ его сарказмами помѣшать ихъ возвышеннымъ стремленіямъ. А если онъ самъ и ему подобные упорствующіе

гдѣ-нибудь въ сторонѣ будутъ продолжать жить по-своему и даже высмѣивать идеи — неужели это можетъ служить предметомъ серьезнаго огорченія?

IX.

Что есть истина? Скептики утверждаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть истины, и это утвержденіе до того въѣлось въ современные умы, что единственной распространенной философіей въ наше время является философія Канта, взявшая своимъ исходнымъ пунктомъ скептицизмъ. Но прочтите внимательно предисловіе къ первому изданію «Критики чистаго разума», и вы убѣдитесь, что вопросъ о томъ, что есть истина вовсе и не занималъ его. Ему нужно было только разрѣшить вопросъ, какъ быть человѣку, который убѣдился въ невозможности отыскать объективную истину. Старая метафизика съ ея произвольными, бездоказательными утвержденіями, въ самомъ дѣлѣ не выдерживавшими никакой критики, раздражала Канта, и онъ рѣшилъ хотя бы признаніемъ относительной правоты скептицизма отдѣлаться отъ ненаучной дисциплины, которую ему, по положенію преподавателя философіи, приходилось представлять. Но увѣренность скептиковъ и уступчивость Канта насъ ровно ни къ

чему не обязываетъ. Да и самъ Кантъ въ концѣ концовъ не выполнилъ принятыхъ обязательствъ. Ибо, разъ неизвѣстно, что такое истина, какой смыслъ имѣютъ постулаты Бога, безсмертія души? Какъ можно оправдывать, объяснять какую бы то ни было изъ существующихъ религій, даже христіанство? Хотя Евангеліе совершенно не мирится съ нашими научными представленіями о законахъ природы, но оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго разуму. Чудесамъ не вѣрятъ не потому, чтобъ они были немыслимы. Наоборотъ, даже самому простому здравому смыслу совершенно ясно, что основа міра, жизнь—есть чудо изъ чудесъ. И если бы задача философіи сводилась лишь къ тому, чтобъ доказать возможность чуда, то дѣло ея давно и блестяще было бы сдѣлано. Все горе въ томъ, что людямъ видимыхъ чудесъ мало, а изъ того, что многія чудеса уже были, никакъ нельзя заключить, что и другія, безъ которыхъ прямо невозможно бываетъ иной разъ жить, тоже въ свое время наступятъ. Люди рождаются—несомнѣнно великое чудо, существуетъ прекрасный міръ—тоже чудо изъ чудесъ. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что люди воскреснутъ послѣ смерти и что для нихъ уготовленъ рай? Въ воскрешеніе Лазаря въ наше время не очень вѣрятъ даже тѣ, кто благоговѣетъ передъ Евангеліемъ, по-

вторяю, не потому, что не допускаютъ вообще возможности чуда, а потому, что никакъ не могутъ рѣшить a priori, какія чудеса возможны, какія невозможны и, слѣдовательно, принуждены судить a posteriori: какое чудо было, то охотно признаютъ, а какого не было—въ томъ сомнѣваются и тѣмъ болѣе сомнѣваются, чѣмъ глубже и страстнѣе желаютъ его. Ничего не стоитъ увѣровать въ окончательное торжество добра на землѣ (хотя это было бы несомнѣннымъ чудомъ), въ прогресъ, въ непогрѣшимость папы (тоже вѣдь чудеса и не малыя!), ибо après tout, люди довольно-таки равнодушны и къ добру, и къ прогрессу, и къ папскимъ добродѣтелямъ. Гораздо труднѣе, прямо невозможно повѣрить передъ трупомъ близкаго и дорогого человѣка, что слетитъ съ неба ангелъ и воскреситъ покойника, хотя міръ полонъ явленій не менѣе чудесныхъ, чѣмъ воскрешеніе умершаго. Стало быть, скептики не правы, когда утверждаютъ, что нѣтъ истины. Истина-то есть, только мы не знаемъ ея во всемъ объемѣ, а что̀ знаемъ, того никакъ обосновать не можемъ, т.-е. не можемъ себѣ представить, почему произошло такъ именно, а не иначе, и въ самомъ ли дѣлѣ то, что̀ произошло, должно было именно такъ произойти, какъ произошло, или могло произойти что-либо совсѣмъ иное. Когда-то думали, что дѣйствитель-

ность подчиняется законамъ необходимости, но Юмъ объяснилъ, что понятіе необходимости субъективно и поэтому, какъ обманчивое, подлежитъ устраненію. Его мысль подхватилъ (безъ вывода только) и обобщилъ Кантъ. Всѣ тѣ наши сужденія, которыя имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости, пріобрѣтаютъ таковой только въ силу *нашей душевной организаціи*. То-есть именно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы особенно убѣждены въ объективномъ значеніи сужденія,—мы какъ разъ имѣемъ дѣло съ чисто субъективной, хотя неизмѣнной и прочной для видимаго міра увѣренностью. Вывода Юма Кантъ, какъ извѣстно, не принялъ, т.-е. онъ не только не сдѣлалъ попытки выкорчевать изъ нашего умственнаго обихода *ложныя предпосылки* (какъ сдѣлалъ Юмъ съ понятіемъ необходимости), но, наоборотъ, объявилъ, что такое предпріятіе совершенно неосуществимо. Практическій разумъ подсказалъ Канту, что хотя по своему источнику основы нашихъ сужденій неизмѣнно ложны, но ихъ неизмѣнность можетъ сослужить огромную службу въ мірѣ явленій, т.-е. на пространствѣ между рожденіемъ и смертью человѣка. Если человѣкъ жилъ до рожденія (какъ думалъ Платонъ) и будетъ существовать послѣ смерти, то его «истины» ему тамъ, въ иномъ мірѣ не были и не будутъ нужны, но здѣсь онѣ пригодятся. А какія тамъ

есть истины, и есть ли тамъ истины, Кантъ объ этомъ только дѣлаетъ догадки, которыя ему удаются единственно благодаря его готовности отказаться отъ послѣдовательности въ заключеніяхъ. Онъ вдругъ даетъ вѣрѣ такія огромныя права для сужденія объ умопостигаемомъ мірѣ, о которыхъ она никогда и мечтать не могла бы, если бы не была принята подъ особое покровительство самимъ философомъ. Отчего вѣра можетъ то, чего не можетъ разумъ? И еще болѣе коварный вопросъ: не изобрѣтаетъ ли всѣ постулаты тотъ же разумъ, лишенный правъ въ первой «критикѣ» и получившій впослѣдствіи restitutio in integrum подъ условіемъ перемѣны фирмы? Послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно. А разъ такъ, то, стало быть, въ умопостигаемомъ мірѣ, столь тщательно отдѣленномъ Кантомъ отъ міра явленій, мы найдемъ не только много новаго, но и не мало и стараго.

Вообще, повидимому, предположеніе, что нашъ міръ есть только міръ на мгновеніе, краткое сновидѣніе, совсѣмъ не похожее на дѣйствительную жизнь,—ошибочно. Это предположеніе, впервые высказанное Платономъ, потомъ развитое и поддержанное многочисленными представителями философской и религіозной мысли, не имѣетъ за собой никакихъ рѣшительно данныхъ. Платономъ руководило желаніе освободить жизнь отъ

нѣкоторыхъ явно раздражающихъ несовершенствъ. Дѣло хорошее, что и говорить. Но, какъ это часто бываетъ, какъ только желаніе облеклось въ слова, оно тѣмъ самымъ приняло слишкомъ рѣзкое и прямолинейное выраженіе, такъ что перестало быть похожимъ на себя. Сущность истинной, изначальной и загробной жизни представляется Платону какъ абсолютное, отдѣленное отъ всякихъ примѣсей добро, какъ эссенція добродѣтели. И вѣдь, въ концѣ концовъ, самъ Платонъ не въ силахъ вынести чистую пустоту идейнаго существованія и постоянно приправляетъ ее элементами, отнюдь не идеальными, что́ и придаетъ интересъ и напряженіе его діалогамъ. Если вы, никогда не имѣвъ случая читать самого Платона, ознакомитесь съ его философіей по ученію кого-либо изъ его поклонниковъ и цѣнителей, вы будете поражены его безсодержательностью. Прочтите прославленную толстую книгу Наторпа и вы убѣдитесь, что стóитъ «очищенное» ученіе Платона! И вообще, къ слову сказать, я рекомендую методъ провѣрки идей знаменитыхъ философовъ: знакомиться съ ними не только по подлиннымъ сочиненіямъ, но и въ изложеніи учениковъ, особенно вѣрующихъ и добросовѣстныхъ учениковъ. Когда очарованіе личности и таланта исчезаетъ, и остается голая, неприкрытая «истина»

(ученики всегда вѣрятъ, что учитель зналъ «истину», и показываютъ ее безъ всякихъ прикрасъ, даже безъ фиговаго листа), тогда только становится ясно, какъ мало имѣютъ значенія основныя «мысли» даже самыхъ прославленныхъ философовъ! Еще очевиднѣй это становится, когда вѣрующій ученикъ начинаетъ дѣлать выводы изъ положеній учителя: чѣмъ логичнѣй, добросовѣстнѣй его выводы, тѣмъ вѣрнѣе онъ компрометируетъ своего учителя. Сочиненіе упомянутаго Наторпа, большого знатока Платона, есть reductio ad absurdum идей послѣдняго. Платонъ оказывается послѣдовательнымъ неокантіанцемъ, ученымъ и ограниченнымъ, прошедшимъ хорошую школу въ Фрейбургѣ или Гейдельбергѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что идеи Платона въ ихъ чистомъ видѣ отнюдь не выражаютъ его дѣйствительнаго отношенія къ міру и жизни. Нужно брать всего Платона съ его противорѣчіями и непослѣдовательностью, съ его пороками и добродѣтелями, и недостатками его, по крайней мѣрѣ, настолько же дорожить, какъ и достоинствами. А то, пожалуй, даже прибавить ему одинъ-другой недостатокъ и проглядѣть хоть одну изъ его добродѣтелей. Ибо, вѣроятно, онъ какъ человѣкъ, которому не чуждо все человѣческое, постарался прибавить себѣ добродѣтелей, которыхъ у него не было, и скрыть кой-какіе

пороки. Такъ нужно поступать и съ другими учителями мудрости и ихъ ученіями. Тогда «иной міръ» не окажется столь безнадежно отдѣленнымъ отъ нашей земной юдоли. И, быть можетъ, найдутся кой-какія эмпирическія истины, вопреки Канту, общія обоимъ мірамъ. Тогда, стало быть, вопросъ Пилата потеряетъ долю своей всепобѣждающей увѣренности. Ему нужно было умыть руки, и онъ спросилъ, что̀ такое истина. Послѣ него, и до него многіе, которымъ не хотѣлось бороться, придумывали умные вопросы и опирались на скептицизмъ. Межъ тѣмъ всякій знаетъ, что истина есть и даже можетъ иной разъ опредѣлить и формулировать понятіе о ней съ той ясностью и отчетливостью, которой требовалъ Декартъ. Предѣлы чудеснаго ограничиваются тѣми чудесами, которыя мы уже видѣли на землѣ, или они гораздо шире? И если шире, то насколько?

X.

Еще объ истинѣ. Можетъ быть, истина по своей природѣ такова, что по поводу нея общеніе между людьми невозможно, по крайней мѣрѣ, привычное общеніе при посредствѣ слова. Каждый можетъ ее знать про себя, но для того,

чтобы вступить въ общеніе съ ближними, онъ долженъ отречься отъ истины и принять какую-нибудь условную ложь. Однако, важность и значеніе истины нисколько не уменьшается въ силу того, что она не можетъ быть предметомъ рыночной оцѣнки. Даже, наоборотъ, пожалуй, возрастаетъ. Когда у васъ спрашиваютъ, что́ такое истина, вы не умѣете дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, даже въ томъ случаѣ, если вы всю жизнь положили на изученіе философскихъ теорій. Для себя же, когда вамъ никому отвѣчать не нужно, вы отлично знаете, что̀ такое истина. Стало быть, истина по своему характеру нисколько не похожа на эмпирическую истину, и прежде чѣмъ вступать въ область философіи, нужно распроститься съ научными пріемами исканія и съ привычными способами оцѣнки знанія. Словомъ, нужно быть готовымъ принять нѣчто безусловно новое, нисколько не похожее на традиціонное старое. Вотъ почему стремленіе дискредитировать научное знаніе вовсе не такъ уже безполезно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ неопытному человѣку.

Вотъ почему насмѣшка и сарказмъ оказываются необходимымъ оружіемъ изслѣдователя. Самымъ опаснымъ врагомъ новаго знанія всегда были и будутъ укоренившіяся привычки. Человѣку, съ практической точки зрѣнія, гораздо важ-

нѣе знать то, что можетъ ему помочь приспособиться къ временнымъ условіямъ его существованія, чѣмъ то, что имѣетъ значеніе внѣвременное. Инстинктъ самосохраненія всегда оказывается сильнѣй самой искренней жажды познанія. Причемъ нужно помнить, что инстинктъ располагаетъ безчисленными и тончайшими орудіями самозащиты, что подъ командой его находятся рѣшительно всѣ человѣческія способности, начиная отъ безсознательныхъ рефлексовъ вплоть до коронованнаго разума и вѣнценосной совѣсти,— объ этомъ не разъ и много уже говорили, такъ что въ данномъ случаѣ consensus sapientium на моей сторонѣ. Правда, объ этомъ говорили, какъ о нежелательномъ извращеніи человѣческой природы—и тутъ я долженъ протестовать. Я полагаю, что нежелательнаго здѣсь нѣтъ ничего. Нашъ разумъ и наша совѣсть должны почитать для себя за честь возможность находиться въ услуженіи у инстинкта—хотя бы инстинкта самосохраненія. Имъ зазнаваться не слѣдуетъ, да они, по правдѣ сказать, не зазнаются и охотно исполняютъ свое служебное назначеніе. На первенство они претендуютъ только въ книгахъ и дрожатъ при одной мысли о преобладаніи въ жизни. Если бы случайно имъ предоставлена была бы свобода дѣйствій,—они обезумѣли бы отъ ужаса, какъ заблудившіяся ночью въ лѣсу

дѣти. Каждый разъ, когда совѣсть и разумъ принимаются судить самостоятельно, они приходятъ къ уничтожающимъ результатамъ. И тогда они съ удивленіемъ убѣждаются, что и на этотъ разъ они дѣйствовали не свободно, а по указаніямъ все того же инстинкта, но принявшаго другой характеръ. Человѣческой душѣ потребовалась работа разрушенія, и она спустила съ цѣпей рабовъ, которые въ дикомъ восторгѣ принялись праздновать свою свободу дѣломъ великаго разрушенія, нисколько не подозрѣвая, что они попрежнему остались, какъ и были, рабами и работаютъ на другихъ.

Достоевскій давно уже отмѣтилъ, что инстинктъ разрушенія человѣческой душѣ такъ же свойственъ, какъ и инстинктъ созиданія. Предъ лицомъ этихъ двухъ инстинктовъ всѣ наши способности оказываются второстепенными душевными свойствами, нужными лишь при данныхъ, случайныхъ условіяхъ. Отъ истины, какъ признаютъ теперь не только грубые позитивисты, но даже искушенные въ метафизикѣ идеалисты, ничего не осталось, кромѣ идеи о нормѣ. Истина, говоря болѣе выразительнымъ и понятнымъ языкомъ, существуетъ лишь для того, чтобы разъединенные временемъ и пространствомъ люди могли установить хоть какое-нибудь общеніе межъ собой. То-есть человѣку приходится выби-

рать между безусловнымъ одиночествомъ и истиной, съ одной стороны, и общеніемъ съ ближними и ложью—съ другой. Что̀ лучше? спросятъ. Отвѣчу, что вопросъ праздный. Возможенъ еще третій исходъ: принять и то, и другое, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться совершенной несообразностью, особенно для людей, разъ навсегда рѣшившихъ, что логика, какъ и математика, непогрѣшима въ своихъ указаніяхъ. Межъ тѣмъ на самомъ дѣлѣ возможно, мало того, что возможно,—возможностью мы бы не удовлетворились (это только нѣмецкіе идеалисты способны удовлетвориться добромъ, которое нигдѣ и никогда не осуществлялось), а сплошь и рядомъ наблюдается одновременное сосуществованіе самыхъ противорѣчивыхъ душевныхъ состояній. Всѣ люди лгутъ, какъ только начинаютъ говорить: наша рѣчь такъ несовершенно устроена, что въ самомъ принципѣ своего устройства предполагаетъ готовность говорить неправду. И чѣмъ отвлеченнѣе предметъ, тѣмъ степень нашей лживости возрастаетъ, такъ что когда мы касаемся наиболѣе сложныхъ вопросовъ, намъ приходится непрерывно почти лгать, и ложь тѣмъ грубѣе и несноснѣе, чѣмъ искреннѣе человѣкъ. Ибо искренній человѣкъ убѣжденъ, что правдивость обезпечивается отсутствіемъ противорѣчій, и, чтобы не оказаться лжецомъ, старается логи-

чески согласовать свои сужденія, то есть доводить лживость свою до геркулесовыхъ столбовъ. Въ свою очередь, воспринимая чужія сужденія, онъ примѣняетъ къ нимъ тотъ же критерій и чуть подмѣчаетъ малѣйшее противорѣчіе, начинаетъ простосердечно вопить о нарушеніи основныхъ принциповъ добропорядочности. Что́ особенно любопытно—вѣдь всѣ, изучавшіе философію (а я здѣсь собственно и преимущественно къ нимъ обращаюсь, какъ читатель, вѣроятно, давно замѣтилъ), ученые люди всѣ прекрасно знаютъ, что до сихъ поръ никому изъ величайшихъ философовъ не удалось окончательно изгнать противорѣчія изъ своей системы. На что уже былъ вооруженъ Спиноза и вѣдь ничего человѣкъ не щадилъ, ни предъ чѣмъ не останавливался, а между тѣмъ его замѣчательная система не выдерживаетъ логической критики: это всѣмъ извѣстно. Казалось бы, слѣдовало поставить вопросъ, да на какого дьявола намъ послѣдовательность, и не являются ли противорѣчія условіемъ истинности міровоззрѣнія? А послѣ Канта его ученики и преемники могли бы спокойно отвѣтить, что послѣдовательность дѣйствительно ни на какого дьявола не нужна, и что истина живетъ противорѣчіями. Между тѣмъ только отчасти Гегель и Шопенгауэръ, каждый на свой ладъ,

попытались сдѣлать такого рода допущенія, но извлекли изъ нихъ мало пользы...

Попробуемъ изъ вышесказаннаго сдѣлать кое-какіе выводы: вѣдь пока логика можетъ быть полезна, отвергать ея услуги было бы ничѣмъ неоправдываемой расточительностью. Выводы же, какъ увидимъ, не лишены интереса. Прежде всего: когда самъ говоришь, никогда не прилаживайся къ тому, что ты говорилъ раньше: это безъ нужды стѣснитъ твою свободу и безъ того закованную въ слова и грамматическіе обороты. Когда слушаешь собесѣдника или читаешь книги, не придавай большого значенія отдѣльнымъ словамъ и даже цѣлымъ фразамъ. Забудь отдѣльныя мысли, не считайся даже съ послѣдовательно проведенными идеями. Помни, что собесѣдникъ твой и хотѣлъ бы, да не можетъ иначе проявить себя, какъ прибѣгая къ готовымъ формамъ рѣчи. Приглядывайся къ выраженію его лица, прислушивайся къ интонаціи его голоса— это поможетъ тебѣ сквозь слова проникнуть къ его душѣ. Не только въ устной бесѣдѣ, но даже въ написанной книгѣ можно подслушать звукъ, даже и тембръ голоса автора, и подмѣтить мельчайшіе оттѣнки выраженія глазъ и лица его. Не лови на противорѣчіяхъ, не спорь, не требуй доказательствъ: слушай только внимательно. Зато, когда ты станешь говорить, съ тобой тоже не

будутъ спорить и не потребуютъ отъ тебя доказательствъ, которыхъ у тебя, ты это хорошо знаешь, нѣтъ и быть не можетъ. Зато тебя не станутъ донимать указаніями на противорѣчія, которыя, ты знаешь, у тебя были и всегда будутъ и съ которыми тебѣ больно и прямо-таки невозможно разстаться. Зато, зато—и это самое главное—ты, наконецъ, убѣдишься, что истина отъ логики не зависитъ, что логическихъ истинъ и нѣтъ совсѣмъ, что ты въ правѣ, слѣдовательно, искать того, что тебѣ нужно и какъ тебѣ нужно, а не умозаключать, и что, стало быть, въ результатѣ исканій если будетъ что-нибудь, то ужъ никакъ не формула, не правило, не принципъ, не идея! Вѣдь подумайте только: пока задачей исканія является «истина», какъ ее теперь понимаютъ, нужно быть ко всему готовымъ. Примѣрно къ тому, что правыми окажутся матеріалисты и что, стало быть, въ основѣ міра лежатъ матерія и энергія. Нужды нѣтъ, что мы сейчасъ можемъ разбить матеріалистовъ съ ихъ доводами. Исторія мысли знаетъ много случаевъ полной реабилитаціи заброшенныхъ и опороченныхъ сужденій. Вчерашнее заблужденіе завтра можетъ быть признано истиной, даже самоочевидной. А независимо отъ своего содержанія, чѣмъ плоха система матеріализма? Стройная, послѣдовательная, выдержанная. Мнѣ уже прихо-

дилось указывать, что матеріалистическое міровоззрѣніе способно не меньше приводить въ восторгъ людей, чѣмъ всякое другое—пантеистическое, идеалистическое и т. д. Да если на то пошло, я снова признаюсь, что на мой вкусъ нѣтъ совсѣмъ плохихъ an sich идей: я до сихъ поръ способенъ съ удовольствіемъ слѣдить за развитіемъ идеи прогресса, съ фабриками, желѣзными дорогами, аэростатами и т. п. Но все же мнѣ кажется наивностью надѣяться, что всѣ эти бездѣлушки (говорю объ идеяхъ) могутъ стать предметомъ серьезныхъ исканій для человѣка. Если возможна та отчаянная борьба человѣка съ міромъ и богами, о которой повѣствуютъ легенда и исторія—вспомните хотя бы Прометея—то, разумѣется, не изъ-за истины и не изъ-за идеи. Человѣкъ хочетъ быть сильнымъ, богатымъ и свободнымъ, человѣкъ хочетъ быть царемъ въ мірѣ—вотъ этотъ жалкій, ничтожный, созданный изъ праха человѣкъ, котораго на вашихъ глазахъ, какъ червяка губитъ первый случайный толчокъ—и, если онъ говоритъ объ идеяхъ, то лишь потому, что отчаялся въ успѣхѣ своей настоящей задачи. Онъ чувствуетъ себя червякомъ, боится, что снова придется обратиться въ прахъ, изъ котораго онъ созданъ, и лжетъ, притворяясь, что его убожество ему не страшно—только бы узнать истину. Простимъ ему его ложь,

ибо только устами онъ произноситъ ее. Пусть говоритъ что̀ хочетъ и какъ хочетъ. Пока въ его словахъ мы слышимъ знакомые звуки призыва къ борьбѣ, пока въ глазахъ его горитъ огонь непреклонной, отчаянной рѣшимости—мы поймемъ его. Мы привыкли разбирать іероглифы. Но если онъ, какъ современные нѣмцы, приметъ истину и норму за послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій—мы тоже будемъ знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, хотя бы судьба дала ему краснорѣчіе Цицерона. Лучше полное одиночество, чѣмъ общеніе съ такими людьми. А впрочемъ, такого рода общеніе не исключаетъ полнаго одиночества и даже, можетъ быть, облегчаетъ трудную задачу.

XI.

Я и ты. Очень распространенное выраженіе—«заглянуть въ чужую душу», на первый взглядъ въ силу привычки кажущееся чрезвычайно понятнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается до того непонятнымъ, что возникаетъ вопросъ—да имѣетъ ли оно вообще какой-нибудь смыслъ? Попытайтесь мысленно наклониться надъ чужой душой—вы ничего не увидите, кромѣ пустоты, огромной, черной бездны, и въ результ-

татѣ лишь испытаете головокруженіе. Такъ что, собственно говоря, выраженіе «заглянуть въ чужую душу» —только неудачная метафора. Все, что мы можемъ—это по имѣющимся внѣшнимъ даннымъ заключить къ внутреннимъ переживаніямъ. Отъ слезъ мы заключаемъ къ страданіямъ, отъ блѣдности—къ испугу, отъ улыбки — къ радости и т. д. Но развѣ это значитъ заглянуть въ чужую душу? Это значитъ только дать въ собственной головѣ мѣсто ряду чисто логическихъ процессовъ. Чужая же душа попрежнему остается невидимкой, о которой только догадываешься, можетъ быть правильно, а можетъ быть и ошибочно. Такое заключеніе вызываетъ въ насъ естественное раздраженіе: что это за подлый міръ, въ которомъ нѣтъ возможности увидѣть какъ разъ то, что болѣе всего нужно видѣть. Но для думающаго, ищущаго человѣка раздраженіе почти нормальное душевное состояніе. Каждый разъ, когда для него особенно важно удостовѣриться въ чемъ-либо—онъ, послѣ ряда отчаянныхъ попытокъ, убѣждается, что его любознательность не можетъ быть удовлетворена На этотъ разъ насмѣшливый разумъ присоединяетъ еще новый вопросъ: чего искать чужой души, когда ты и собственной никогда въ глаза не видѣлъ? Да и существуетъ ли душа? Вѣдь вотъ многіе люди вѣрили, и до сихъ поръ вѣ-

рятъ, что души совсѣмъ и нѣтъ и что только существуетъ наука о душѣ, называемая психологіей. Психологія, какъ извѣстно, о душѣ ничего не говоритъ, считая, что ея задача ограничивается только изученіемъ душевныхъ состояній, которыя, кстати сказать, тоже совсѣмъ еще не изучены... Какой отсюда выходъ? Можно на насмѣшку отвѣтить насмѣшкой же или бранью. Можно отнять у психологіи право называться наукой и назвать, какъ это часто дѣлаютъ, матеріалистовъ идіотами. Гнѣвъ имѣетъ, безспорно, свои права. Но все это хорошо и имѣетъ смыслъ, пока ты на людяхъ и тебя слушаютъ. Негодовать же наединѣ съ собой, когда даже не разсчитываешь использовать негодованіе для литературныхъ цѣлей (вѣдь даже писатель не всегда пишетъ и нерѣдко озабоченъ менѣе преходящими мыслями, чѣмъ предстоящая книга)—такъ негодовать никому не охота. Предпочитаешь въ тысячу первый разъ со всѣми возможными предосторожностями приблизиться къ заколдованному мѣсту. Авось чужая душа только при приближеніи посторонняго человѣка обращается въ невидимку и, если застать ее врасплохъ, она не успѣетъ исчезнуть. И, стало быть, тяжеловѣсная психологія, всегда, какъ и всякая наука, прежде, чѣмъ что бы то ни было предпринять, возвѣщающая во всеуслышаніе о своихъ планахъ и

способахъ ихъ осуществленія, менѣе всего годится для поимки такой легковѣсной и подвижной субстанціи, какъ человѣческая душа. Оставимъ для психологіи почетное названіе науки, будемъ даже уважать матеріалистовъ, а душу попытаемся выслѣдить иными пріемами. Пожалуй, что въ глубинѣ темной бездны, о которой говорено раньше, можно кое-что разглядѣть— только головокруженіе мѣшаетъ. Такъ что нужно не столько новые пріемы выдумывать, сколько пріучать себя безъ страха глядѣть въ глубину, всегда представляющуюся непривычному взору бездонной. Да, наконецъ, и бездонность вѣдь далеко не навѣрное совсѣмъ ни на что не годится человѣку. Намъ съ дѣтства вбили въ головы, что человѣческій разумъ можетъ справиться только съ ограниченностью. Но изъ этого только слѣдуетъ, что у насъ есть лишній предразсудокъ, отъ котораго нужно постараться избавиться. Если придется пожертвовать правомъ бранить матеріалистовъ и поучаться у психологіи, да еще чѣмъ-нибудь въ придачу—что-жъ? вѣдь намъ не привыкать стать! Зато, того и гляди увидимъ, наконецъ, загадочное «ты», да пожалуй еще къ тому и я перестанетъ быть проблематическимъ. Терпѣніе—противнѣйшая вещь, но вспомните факировъ и другихъ мудрецовъ того же порядка. Только терпѣніемъ и берутъ. И вѣдь, повиди-

мому, кое-чего добиваются. Не общеобязательныхъ истинъ—я за это почти готовъ ручаться. Общеобязательныя истины уже давно всѣмъ оскомину набили. Я, по крайней мѣрѣ, не могу равнодушно слышать о нихъ. Даже просто «истина» ничего не говоритъ моему уху. Нужно найти способъ вырваться изъ власти всякаго рода истинъ. Въ эту сторону и гнули факиры. Они не могутъ представить доказательствъ своей правоты, ибо видимая побѣда никогда не бывала на ихъ сторонѣ. Побѣждаютъ штыками, пушками, микроскопами, логическими доводами. Но микроскопы и логика вѣнчаютъ ограниченность. И еще: ограниченность часто укрѣпляетъ, но бываетъ и такъ, что убиваетъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
35	5 сн.	говорилъ	наговорилъ
121	12 св.	обращаеться	обращаешься
132	9 сн.	странная	страшная
142	10 »	дѣйствительности,	дѣйствительности.
166	11 св.	удастся	удается
167	8 сн.	а	и
168	13 »	стремится	стремился
171	12 св.	испытывалъ	испытывая
172	8 »	свои,	свои:

Типографія Монтвида. Гончарная ул., д. № 7.

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗД. ШИПОВНИКЪ СПБ.

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

ВЕЛИКІЕ КАНУНЫ

ТОМЪ VI.

ИЗД. ШИПОВНИКЪ СПБ.

Пров. 1969

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

ВЕЛИКІЕ КАНУНЫ

Non est grave, humanum contemnere solatium, cum adest divinum. Magnum est, et valde magnum, tam humano, quam divino posse carere solatio.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ, гдѣ лучше. Но иногда и человѣкъ ищетъ, гдѣ глубже, хотя и ясно видитъ, что тамъ не лучше, а хуже, что тамъ—очень худо.

Почему такъ происходитъ, — объяснить трудно. Говорятъ о помутнѣніи разсудка, о душевной болѣзни. Во всякомъ случаѣ, съ того момента, когда человѣкъ на мѣсто «лучше» ставитъ «глубже», ближніе перестаютъ понимать его и начинаютъ сторониться.

II.

Мы всѣ думаемъ о началахъ и концахъ, т. е. хотимъ догадаться путемъ умозаключенія: середина такова, стало быть начало таково, а конецъ таковъ. Не таково и не таковъ! Начала и концы совсѣмъ на середину не похожи, и заключенія по аналогіи нужны только тѣмъ, для которыхъ середина—это все и кто ни началъ, ни концовъ знать не хочетъ.

III.

И на солнцѣ есть пятна! Это мы въ укоръ солнцу говоримъ! Если бы намъ довелось создавать солнце — мы бы его безъ малѣйшаго пятнышка пустили ходить по небу и такъ бы, по нашему, лучше было. А Богъ вотъ не по нашему сдѣлалъ: и кто правъ, Богъ или мы, во всякомъ случаѣ еще вопросъ. Не всегда то, что мы порицаемъ, плохо. Вѣроятнѣе, что солнце съ пятнами лучше, чѣмъ солнце безъ пятенъ.

IV.

Великіе писатели, вообще признанные великіе люди интереснѣе всего для изученія въ виду того, что они стоятъ выше всякихъ обвиненій. Они впередъ оправданы—тѣмъ значеніемъ, той міровой ролью, которая выпала на ихъ долю. Какими бы они при ближайшемъ разсмотрѣніи ни оказались, они все же правы: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ дѣла — monumenta aere perenniora. И если объ обыкновенныхъ людяхъ мы говоримъ со снисхожденіемъ, смотримъ на ихъ недостатки, вѣрнѣе на то, что называется недостатками, сквозь пальцы, то къ великимъ людямъ мы подходимъ прямо и не боимся называть всѣ ихъ особенности и свойства настоящими именами. Въ Александрѣ Македонскомъ не страшно было бы открыть трусость, въ Платонѣ и Аристотелѣ невѣжество или поверхностность, въ блаженномъ Августинѣ — невѣріе. Какъ

просто и спокойно въ Евангеліи разсказано о томъ, что апостолъ Петръ въ одну ночь трижды отрекся отъ Христа!

И это не помѣшало людямъ воздвигнуть ему въ Римѣ чудный храмъ, это не мѣшаетъ милліонамъ вѣрующихъ благоговѣйно лобызать стопу его статуи. Намѣстники Петра продолжаютъ по сей день считаться непогрѣшимыми... Недостатки великихъ людей не могутъ считаться ихъ личными недостатками, бѣдность богатыхъ есть бѣдность человѣческая, бѣдность, если такъ можно выразиться, космическая. Винить, обличать тутъ не приходится. За этой бѣдностью кроется великая тайна, пріобщиться которой является вѣчной потребностью смертныхъ. И великіе люди не боятся выставлять на показъ свою убогость.

V.

«Кто величайшій?» — Счастливѣйшій, вотъ величайшій, — говоритъ у Ибсена въ «Претендентахъ на престолъ» епископъ Николай. Съ перваго взгляда — самый обидный и потому самый непріемлемый отвѣтъ, подсказанный, повидимому, епископу, физическому и нравственному уроду, самимъ дьяволомъ, только и думающимъ о томъ, чтобы терзать и мучать человѣческій родъ. Вѣдь наоборотъ. По нашему глубочайшему убѣжденію—счастье должно быть только наградою великаго человѣка, если справедливость существуетъ въ дѣйствительности, а не только въ философскихъ книгахъ и пастырскихъ проповѣдяхъ.

Душа наша содрогается при мысли, что истинн-великій можетъ погибнуть, а посредственый и безо дарный восторжествовать, что удача рѣшаетъ челов-вѣческую судьбу. И тѣмъ не менѣе епископъ Николай, злой и завистливый интриганъ, правъ. Величайшій—это счастливѣйшій, величайшій—это удачникъ. Но, — что еще важнѣе и еще неожиданнѣе, — мало того, что епископъ фактически правъ,—его, на первый взглядъ, безобразная и абсолютно непріемлемая истина можетъ оказаться прекрасной. Хорошо, что счастье, случай рѣшаетъ вопросъ о человѣческомъ величіи. Вѣдь это значитъ, что послѣдній не сталъ первымъ, не потому, что онъ не можетъ быть первымъ, а потому—что ему просто не повезло. Онъ достаточно правъ, достаточно уменъ, даровитъ, смѣлъ—всего у него достаточно: не было только случая, чтобъ проявить таившіяся въ немъ богатыя силы.

Вы видите, что епископъ Николай—злой духъ—выходитъ, пожалуй, слишкомъ идеалистически настроеннымъ: его истина не только не безобразна, — она прекраснѣе всѣхъ когда либо существовавшихъ истинъ. Она только безполезна, скорѣе даже вредна сейчасъ, здѣсь на землѣ. Что съ ней дѣлать, съ этой истиной, отнимающей у насъ геніевъ, единственныхъ боговъ, которыхъ до сихъ поръ еще никому не удалось развѣнчать и которыхъ такъ легко было отличить среди обыкновенныхъ смертныхъ по выпавшему на ихъ долю успѣху — законной наградѣ за ихъ таланты и дарованія!

VI.

«Загадка, надъ которой стоитъ подумать».

Иначе говоря: сейчасъ не знаю, а подумаю—буду знать. Знаніе, такимъ образомъ, явится результатомъ моего человѣческаго размышленія, и только размышленія. Другого источника знанія нѣтъ. Нѣтъ священной книги, нѣтъ высшаго существа, къ которому можно обратиться съ вопросомъ, чтобы получить отвѣтъ. Одинъ и есть только источникъ: жизнь и нашъ разумъ. Это значитъ: загадки навсегда останутся неразгаданными, ибо никогда не увѣруемъ мы въ непогрѣшимость нашего разума и полноту нашего опыта. И никогда не перестанемъ, нужно добавить, разгадывать.

VII.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобъ надѣяться разрѣшить вѣчную тайну жизни.

Тысячелѣтіями человѣческіе умы искали „слова“, но не нашли, даже не приблизились къ нему. Пожалуй, скорѣй отдалились. И тѣмъ не менѣе въ настоящее время мы такъ же упорно и безпокойно ищемъ философскаго камня, какъ и въ средніе вѣка, такъ же гадаемъ по полету птицъ и внутренностямъ животныхъ, какъ и въ древности. Новые методы исканія не менѣе фантастичны, чѣмъ старые — это, кажется, уже стало общимъ мѣстомъ. Мы наклоняемся надъ пропастью, хотя знаемъ, что ничего не

увидимъ. Ибо намъ не увидѣть надо, и не отъ видѣнія проистекаетъ знаніе.

Источникомъ силы оказывается то, что принято считать источникомъ слабости: головокруженіе. Насъ тянетъ къ пропасти, къ неразгаданному, къ тайнѣ— не потому, что мы хотимъ разгадать, предотвратить бѣду, постичь тайну, словомъ понять, устроить жизнь. Намъ нужно отвыкнуть отъ пониманія, полюбить ужасъ и неустроенность. Оттого пропасть одновременно и влечетъ, и отталкиваетъ насъ. Мы сразу принадлежимъ къ двумъ мірамъ: одинъ — милый, уютный, устроенный, другой—суровый, чуждый, хаотическій. До извѣстнаго момента жизни намъ кажется, что только въ первомъ жизнь, во второмъ же только смерть и небытіе, никому не нужное, извнѣ навязанное.

Всѣ свои надежды и идеалы мы пріурочиваемъ исключительно къ первому міру, второй представляется намъ выдуманнымъ кошмаромъ, отъ котораго мы хотимъ проснуться. Но понемногу вся дѣйствительность вступаетъ въ свои права. Мы начинаемъ убѣждаться, что хаосъ такъ же реаленъ, какъ гармонія, что жизнь не только въ уютныхъ, закрытыхъ домахъ, но и въ моряхъ, въ пустыняхъ, — на далекихъ окраинахъ, куда не ступала человѣческая нога, куда и дикій волкъ не забѣгалъ.

VIII.

Одиссей, вернувшись изъ подземнаго царства, передалъ намъ слова Ахилла: лучше быть послѣднимъ поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ надъ тѣнями.

Тутъ, повидимому, все правда—кромѣ развѣ того, что это мнѣніе принадлежитъ мертвому Ахиллу. Вѣрнѣе, такъ думалъ живой Одиссей, либо даже самъ Гомеръ. Пока мы живемъ, пока на насъ смертная оболочка, намъ кажется и должна казаться тусклой и постылой призрачная сила обитателей подземнаго царства. Вообще, каждый живой человѣкъ, внезапно вырванный изъ привычной среды и перенесенный въ среду, ему чуждую, повторилъ бы, вѣроятно, слова Ахилла. Попробуйте крѣпкаго здороваго мужика оторвать отъ сохи и родного поля и посадить на царскій тронъ: онъ, вѣроятно, умретъ съ тоски. Всѣ парадные пріемы, безконечныя обсужденія сложныхъ вопросовъ, вѣчная необходимость держаться не такъ, какъ хочется, а какъ того требуютъ обстоятельства, все это покажется мужику невыносимымъ рабствомъ. А если бы возможенъ былъ еще такой опытъ: оторвать младенца отъ материнской груди и сразу перенести его въ общество взрослыхъ, лишить покоя полурастительной жизни, сладкаго безмятежнаго сна, обильной, мягкой, не раздражающей пищи, тепла и вмѣсто этого предложить ему водку и табакъ, катанье на тройкахъ при 20 градусномъ морозѣ, дуэли и политическую борьбу, необходимость

наносить и отражать удары — словомъ все, что составляетъ утѣху и содержаніе жизни взрослыхъ людей, — младенцу показалось бы, если бы онъ умѣлъ думать, такая жизнь настоящимъ адомъ. И если бы онъ вернулся потомъ въ общество себѣ подобныхъ младенцевъ, какихъ бы ужасовъ онъ не наговорилъ о видѣнномъ имъ иномъ мірѣ, иной жизни! Даже краснорѣчія апостола Павла не хватило бы, чтобъ описать страшный судъ, ожидающій всѣхъ младенцевъ. Лучше самая изсохшая материнская грудь, чѣмъ тотъ адъ, который у взрослыхъ называется жизнью! И всякое „соприкосновеніе мірамъ инымъ“ должно, повидимому, оставлять въ человѣкѣ впечатлѣніе ужаса и вызывать реакцію—туда, назадъ, къ доброй и ласковой матери.

Всѣ почти попытки вырваться изъ нашего міра приводили къ такимъ результатамъ. Видно, что былъ, въ самомъ дѣлѣ былъ, человѣкъ гдѣ-то, куда рѣдко кто заходилъ, — но принесъ онъ оттуда вѣсть лишь о райскомъ блаженствѣ, т. е. о той-же спокойной, полурастительной жизни, къ которой мы привыкли здѣсь, на груди у матери земли. Нужно, передаетъ онъ, пройти черезъ нѣкіе ужасы, черезъ водку, табакъ и драку, чтобы потомъ снова обрѣсти прежнюю радость и ясное спокойствіе младенческой души. Такъ-ли это? Тамъ-ли, въ иномъ мірѣ, видѣлъ онъ безмятежность и тишину, или бѣжалъ за ними оттуда сюда? Тамъ радостей и блаженства вовсе и нѣтъ, тамъ ихъ не хотятъ, тамъ о нихъ не вспоминаютъ, тамъ, можетъ быть, они кажутся пріторными и противными, какъ возмужавшему чело-

вѣку материнское молоко. Всѣ такъ называемыя разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ сводятся къ тому, что люди надѣются въ иномъ мірѣ жить не хуже, главное не иначе, чѣмъ живутъ устроенные поденщики въ этомъ мірѣ. Будетъ и освѣжающій сонъ, и свѣтъ, и тепло, и покой—и даже, можетъ быть, обязательный трудъ: вѣдь скучно, неслыханно скучно безъ упряжекъ и безъ работы. Но эти чаянія, повторяю, имѣютъ своимъ источникомъ не соприкосновеніе мірамъ инымъ: они добыты здѣсь, изъ нѣдръ нашей земли. А тамъ — тамъ, можетъ быть и полное бездѣлье, и постоянная тревога, и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ; тамъ „хорошая“ жизнь, можетъ быть, совсѣмъ не похожа на то, что мы здѣсь привыкли отличать и цѣнить. И, можетъ быть, все таки, вопреки Гомеру, послѣдній поденщикъ оттуда не согласился бы быть царемъ надъ людьми. Если младенецъ ужасается жизни взрослыхъ людей, если взрослые люди ни за что не согласились бы промѣнять свое тревожное существованіе на безмятежный покой младенцевъ, если, стало быть, уже здѣсь на землѣ въ зависимости отъ возраста и иныхъ причинъ могутъ уживаться рядомъ столь различные идеалы, то кто даетъ намъ право впередъ угадывать, что считается цѣннымъ въ иномъ мірѣ? Что тамъ цѣнятся именно покой, радости, свѣтъ?

Можетъ, люди возлюбили тамъ холодъ, тревогу, тьму, страданія? И, можетъ, проникнуть въ иной міръ дано лишь тому, кто отказался отъ приманокъ и соблазновъ земного существованія, кто сроднился съ вѣчной безсонницей, съ бѣдностью, слабостью,

кого на землѣ участь поденщика привлекаетъ больше, чѣмъ царскій престолъ, кто не хочетъ уже здѣсь быть первымъ и никогда не считаетъ себя послѣднимъ, кто осмѣялъ то, что люди въ немъ считаютъ лучшимъ, и бережетъ въ себѣ то, что считается худшимъ. никому не нужнымъ...

IX.

Основная черта художественнаго творчества—совершенный произволъ: во всемъ, и въ значительномъ, и въ мелочахъ. Художникъ произвольно наряжаетъ своихъ героевъ и героинь въ будничное или праздничное платье, по его прихоти ясное небо покрывается тучами, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія. Захочетъ онъ—холодно, захочетъ—жарко. Дѣйствіе разыгрывается то въ пустынѣ, то въ горахъ, то въ большомъ городѣ; то въ наше время, то въ эпоху фараоновъ и даже до-историческую. Онъ любитъ и ненавидитъ, что ему вздумается. Сегодня преклоняется предъ красотой, завтра предъ уродствомъ. Онъ возмущается, умиляется, надѣется, приходитъ въ отчаяніе, мститъ, прощаетъ, повинуясь только собственному произволу, иначе говоря, — ничему не повинуясь. То, что ему сейчасъ кажется смертнымъ, непростительнымъ грѣхомъ—послѣ представится ему великой заслугой. Почему? Въ томъ то и дѣло, что къ этому привычному „почему“ нужно приставить новое почему. Т. е. почему мы воображаемъ, что всегда полагается допытываться объясненій? И что

такая пытливость при всѣхъ обстоятельствахъ жизни умѣстна? Вѣдь вотъ училъ же Кантъ, что причинная зависимость примѣнима только къ „міру явленій“. А что, если она и къ міру явленій не всегда примѣнима? Если „свобода“ или гораздо лучше (на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ подчеркнуть прежнее заблужденіе) произволъ проникаетъ уже и въ міръ явленій и не замѣчается нами только потому, что мы не умѣемъ сдѣлать изъ него никакого употребленія? Мы все хотимъ объяснить, истолковать—даже художественное творчество съ его всѣмъ знакомыми капризами и неподдающимися никакому предвидѣнію порывами. Ибсенъ въ одной пьесѣ заявляетъ, что отказаться отъ любимой женщины величайшее преступленіе, въ другой—онъ благословляетъ поэта, отдавшаго свою возлюбленную положительному купцу. Когда онъ говорилъ правду? Когда былъ правъ? Мы привыкли думать, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій одно—истинно, другое—ложно, что нужно выбирать изъ нихъ и, однажды выбравши, потомъ всю жизнь держаться опредѣленнаго убѣжденія. А вотъ Ибсенъ, никого не спросившись и не считаясь съ нашими привычками, поступаетъ иначе. Написалъ „Сѣверныхъ богатырей“, написалъ и „Комедію любви“. А черезъ много, много лѣтъ снова возвращается къ той же темѣ и снова съ непоколебимой твердостью повторяетъ въ „Д. Г. Боркманѣ“, что пожертвовать даже ради величайшаго дѣла любимой женщиной — смертный грѣхъ. Прослѣдите за Ибсеномъ: все его творчество—непрерывныя колебанія и противорѣчія. За „Брандомъ“

идетъ „Перъ Гюнтъ“: первый—апоѳеозъ пророчества, второй—насмѣшка надъ пророками. Извольте-ка „объяснить“ эти противорѣчія! Большая публика прямо говоритъ, что она не понимаетъ Ибсена, и большая публика на этотъ разъ совершенно права. Ибсена нельзя понять. Слѣдуетъ только прибавить: ни одного настоящаго художника при его появленіи никогда не понимали. Въ свое время Гете вызывалъ не меньше недоумѣній, чѣмъ теперь Ибсенъ. Второй части „Фауста“ никто и по сей день не понимаетъ. А сколько толкованій вызываетъ „Гамлетъ“! Какъ враждуютъ нѣмцы со своимъ Гейне! Какъ возмущались англичане Байрономъ! Примѣровъ можно было бы насчитать безчисленное множество. Нельзя понять ни Ибсена, ни Шекспира, ни Байрона, ни Гете—нельзя и объяснить ихъ. Объясненный поэтъ все равно, что увядшій цвѣтокъ: нѣтъ красокъ, нѣтъ аромата — мѣсто ему въ сорной кучѣ.

Опытъ „научной литературной критики“ Тэна былъ мертворожденнымъ. Критика не можетъ и не должна быть научной—т. е. затягиваться въ систему логически связанныхъ положеній. Критикъ „видѣлъ“ *своими глазами* то, о чемъ разсказываетъ поэтъ, и потому вправѣ пользоваться всѣми привилегіями, дарованными Аполлономъ своимъ избранникамъ. Если поэту разрѣшается произволъ, иными словами, если поэту предоставлена великая хартія вольности и позволено въ нашемъ бѣдномъ, связанномъ желѣзными законами, мірѣ искать свободы, — то критикъ хочетъ и можетъ требовать себѣ тѣхъ же правъ.

X.

„Посторонись отъ солнца“ сказалъ Діогенъ Александру Македонскому. Великій циникъ хотѣлъ быть гордымъ. Можетъ быть, онъ отвѣтилъ своему царственному собесѣднику: если бы я и не былъ Діогеномъ, я все же не хотѣлъ бы быть Александромъ. Легенда объ этомъ умалчиваетъ. А межъ тѣмъ, задача всѣхъ великихъ философовъ сводилась къ тому, чтобы добыть себѣ право такъ отвѣчать величайшимъ изъ царей. Въ этомъ смыслѣ большая ошибка говорить о развитіи философскихъ идей, объ исторіи философіи, какъ о процессѣ. Черезъ 2.000 лѣтъ послѣ Діогена философія все продолжаетъ свою тяжбу съ Александромъ. Вѣроятно, Спиноза, если бы къ нему явились всѣ цари міра, отвѣтилъ бы словами Діогена. И вообще, едва-ли бы нашелся хоть одинъ философъ, который, если бы даже и не имѣлъ на то права, не хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, такъ отвѣтить великому царю. Съ другой стороны, отвѣтить словами не трудно, но кто знаетъ,—не завидовалъ ли въ глубинѣ души безобразный циникъ своему красавцу собесѣднику? И не сводится ли то, что мы называемъ „человѣческимъ достоинствомъ“, къ умѣнью искусно скрывать подъ гордостью вѣчную, мучительную зависть? Допустимъ на минуту, что Діогенъ завидовалъ Александру: такой возможности никто, вѣдь, оспаривать не станетъ. Но несомнѣнно, что не было такой силы въ мірѣ, которая вызвала бы у Діогена соотвѣтствующее признаніе. Подъ ужаснѣйшими пытками Діогенъ

все продолжалъ бы утверждать, что не желаетъ быть Александромъ. И если бы это было ложью, то свою тайну Діогенъ унесъ бы съ собой въ могилу. Вѣроятно, что такого рода тайны были и у его соперника, Александра — и онъ тоже много важнаго и любопытнаго унесъ съ собой въ иной міръ, оставивъ намъ лишь то изъ своего достоянія, что было для всѣхъ осязаемо и что историки, въ качествѣ присяжныхъ нотаріусовъ времени, могли зарегистрировать на страницахъ своихъ лѣтописей.

Александръ, можетъ быть, былъ живымъ упрекомъ для Діогена, Діогенъ для Александра: оба завидовали другъ другу. Но оба думали—и совершенно основательно, — что излишней откровенностью они могли бы совершенно испортить ту великую миссію, которую возложила на нихъ исторія. Завидующій Діогену, сомнѣвающійся въ самомъ себѣ Александръ—развѣ могъ бы онъ послужить моделью для Плутарха, развѣ могъ онъ жить въ памяти поколѣній. какъ образецъ героя? Я уже не говорю о Діогенѣ· Діогену нельзя было ни на секунду колебаться. Вся исторія, вся наша жизнь полна загримированными Александрами и Діогенами. У всѣхъ людей—миссіи и всѣ люди, чтобъ спасти свое дѣло, принуждены скрывать многое—быть можетъ, самое важное и значительное для нихъ. Художникъ долженъ быть вдохновеннымъ, писатель и философъ — всезнающими, полководецъ непоколебимымъ и безстрашнымъ. Легенда и миѳы наша повседневная атмосфера. Мы живемъ въ царствѣ призраковъ и боимся больше всего на свѣтѣ хоть чѣмъ нибудь нарушить торже-

ственную гармонію завороженнаго царства. А межъ тѣмъ... а межъ тѣмъ, какъ мучительно невыносимымъ становится для иныхъ этотъ тысячелѣтній сонъ. Потребность проснуться, высказаться, назвать заповѣдныя тайны своимъ именемъ растетъ. Хочется увидѣть настоящаго Александра и живого Діогена. Но приличія имѣютъ свои права, освященныя вѣками. Самые смѣлые люди, самые опасные революціонеры мысли не осмѣливались открыто возставать противъ обычая. Въ лучшемъ случаѣ шли на компромиссъ. Символизмъ въ искусствѣ существуетъ столько же лѣтъ, сколько существуетъ само искусство, и есть компромиссъ между истиной и обычаемъ. Оттого попытки объясненія и расшифровыванія символовъ безцѣльны. Символъ остается символомъ: можетъ быть многіе его понимаютъ, но даже два человѣка не могутъ открыто говорить о немъ.

Л. Ш.

Философія и Теорія познанія.

Теорія познанія, какъ апологетика.

Современная теорія познанія, хотя она всегда сознательно ведетъ свое происхожденіе отъ Канта, въ одномъ отношеніи совершенно измѣнила завѣту своего учителя. И такъ странно: гносеологи, которые обыкновенно почти ни въ чемъ не могутъ сговориться межъ собой—какъ будто условились самое задачу теоріи познанія понимать иначе, чѣмъ Кантъ. Кантъ предпринялъ пересмотръ нашихъ познавательныхъ способностей въ цѣляхъ объясненія познанія. Это же послѣднее ему понадобилось для того, чтобы установить основанія, въ силу которыхъ одна изъ существующихъ наукъ можно признать, другія же—нужно отвергнуть. Въ сущности, если угодно, преимущественно ради второй цѣли. Скептицизмъ Юма безпокоилъ его только теоретически. Онъ впередъ зналъ, что какую бы теорію познанія онъ ни выдумалъ, математика и естественныя науки останутся науками, метафизика же будетъ отвергнута. Иначе говоря, онъ задавался цѣлью не оправдать науку, а объяснить возможность ея существованія,—онъ же и

исходилъ изъ того, что въ математическихъ и естественно-научныхъ истинахъ никто серьезно сомнѣваться не можетъ. Сейчасъ же дѣло обстоитъ иначе. Гносеологія всѣ свои усилія направляетъ къ тому, чтобы *оправдать* научное знаніе. Для чего? Неужто научное знаніе нуждается въ оправданіи? Правда, есть такіе чудаки, иногда и геніальные чудаки, вродѣ нашего Толстого, которые нападаютъ на науку, но ихъ нападки никого не обижаютъ, и не тревожатъ.

Ученые по прежнему продолжаютъ свои изслѣдованія, университеты процвѣтаютъ, открытія слѣдуютъ за открытіями. А гносеологи все не досыпаютъ ночей, подыскивая новыя оправданія для науки. И, повторяю, въ то время какъ они почти ни въ чемъ другомъ сговориться не могутъ, въ этомъ вопросѣ они поражаютъ своимъ единодушіемъ: они всѣ убѣждены, что необходимо оправдывать и возвеличивать науку. Такъ что современная теорія познанія превратилась изъ науки въ апологетику. Оттого и пріемы доказательствъ у гносеологовъ сходны. Разъ нужно защитить науку, стало быть прежде всего нужно ее хвалить, т. е. подбирать соображенія и данныя, указывающія на то, что наука выполняетъ ту или иную, но непремѣнно очень высокую и важную миссію. Или, наоборотъ, представить картину того, что сталось бы съ человѣчествомъ, если бы у него было отнято знаніе. Благодаря этому, апологетическій элементъ сталъ играть въ теоріи познанія почти такую же роль, какая ему отводилась до сихъ поръ въ богословіи. Пожалуй, близится то время, когда науч-

ная апологетика станетъ офиціально признанной философской дисциплиной.

Но qui s'excuse—s'accuse. Очевидно, въ наукѣ не все обстоитъ благополучно, разъ она начала оправдываться. И, затѣмъ, апологетика—апологетикой, но вѣдь рано или поздно теоріи познанія надоѣстъ питаться однимъ славословіемъ, и она потребуетъ себѣ болѣе сложной и отвѣтственной задачи, настоящаго дѣла. Сейчасъ гносеологи исходятъ изъ предположенія, что научное знаніе есть совершенное знаніе, и потому предпосылки, на которыхъ оно держится, не подлежатъ критикѣ. Законъ причинности находитъ свое оправданіе не въ томъ, что онъ является выраженіемъ дѣйствительнаго соотношенія вещей, и даже не въ томъ, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи данныя. которыя бы убѣждали насъ, что онъ не допускаетъ и никогда не допуститъ исключеній, т.-е. что дѣйствія безъ причины невозможны. Всего этого нѣтъ, но, говорятъ намъ, этого и не нужно.

Главное, что законъ причинности дѣлаетъ возможной науку, и, наоборотъ, отказаться отъ закона причинности значитъ отказаться отъ науки, вообще отказаться отъ всякаго званія, предвидѣнія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже отъ разума. Ясно, что если приходится выбирать между не совсѣмъ основательнымъ допущеніемъ, съ одной стороны, и перспективой хаоса и безумія — съ другой, задумываться не приходится. Апологетика, какъ видите, подобрала сильнѣйшія argumenta ad hominem. Но всѣ такого рода argumenta имѣютъ одинъ общій недостатокъ: они не постоянны, они о двухъ концахъ.

Сегодня они говорятъ за научное знаніе, завтра— противъ него. И, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ такъ, что именно вѣра въ законъ причинности рождаетъ въ душѣ то великое безпокойство и смятеніе, которое даетъ въ результатѣ всѣ ужасы хаоса и безумія. Увѣренность въ неизмѣнности существующаго порядка въ извѣстныхъ случаяхъ прямо равнозначуща увѣренности въ безмысленности и нелѣпости жизни. Вѣроятно, такое чувство испытывали ученики Христа, когда до нихъ донеслись съ креста послѣднія слова ихъ распятаго учителя: Господи, отчего ты покинулъ меня. И современные гносеологи могутъ торжествовать: когда законъ причинности оказался опорой хаоса и безумія — онъ ipso facto былъ отмѣненъ: Христосъ воскресъ, говорятъ намъ ученики Христа.

Я сказалъ, что гносеологи могутъ торжествовать, но я долженъ признаться, что ни у одного гносеолога я не встрѣтилъ открытаго торжества по поводу столь явнаго доказательства истинности ихъ ученія. О воскресеніи Христа они совсѣмъ не говорятъ,—наоборотъ, оно ими всячески обходится и замалчивается. И это обстоятельство заставляетъ насъ остановиться и призадуматься. Возникаетъ дилемма: признаешь, что законъ причинности не терпитъ исключеній,—твою душу будутъ вѣчно преслѣдовать послѣднія слова распятаго Христа; не признаешь— у тебя не будетъ науки. Они утверждаютъ, что нельзя жить безъ науки, безъ знанія, что такая жизнь есть ужасъ и безуміе; другіе не могутъ примириться съ мыслью, что совершеннѣйшій изъ людей погибъ смертью разбойника. Какъ быть? Безъ

чего, въ самомъ дѣлѣ, нельзя жить человѣку? Безъ научнаго знанія или безъ убѣжденія, что правда и духовное совершенство въ послѣднемъ счетѣ выходятъ побѣдителями въ мірѣ? И какое положеніе по отношенію къ этимъ вопросамъ займетъ теорія познанія?

Попрежнему будетъ она продолжать свои апологетическія упражненія или пойметъ, наконецъ, что не въ этомъ ея настоящая задача и что, если она хочетъ сохранить за собой право называться философіей, то ей придется не оправдывать и прославлять существующее знаніе, а провѣрять и направлять его. Значитъ, прежде всего поставить вопросъ: дѣйствительно ли научное знаніе совершенно, или, быть можетъ, оно несовершенно и въ силу этого должно уступить нынѣ занимаемое имъ почетное мѣсто иному знанію. Это, повидимому, самый главный вопросъ теоріи познанія, и этого вопроса она никогда не ставитъ. Она хочетъ прославлять существующую науку, она была, есть и, вѣрно, долго еще будетъ апологетикой...

Истина и польза.

Милль, въ доказательство того, что всѣ наши знанія, даже математическія, имѣютъ эмпирическое происхожденіе, приводитъ слѣдующее соображеніе: если бы каждый разъ, когда намъ приходится брать дважды по два предмета, какое-нибудь божество подсовывало бы еще одинъ предметъ, то мы были бы убѣждены, что дважды два—не четыре, а

пять. И вѣдь Милль, пожалуй, правъ: пожалуй, мы не догадались бы, въ чемъ тутъ дѣло. Мы гораздо болѣе озабочены тѣмъ, чтобы выяснять практически нужное намъ, непосредственно полезное, чѣмъ отысканіемъ истины. Если бы божество подсовывало намъ при каждыхъ четырехъ предметахъ пятый, мы бы принимали подсунутое и считали бы, что это естественно, понятно, необходимо, что иначе даже быть не можетъ. Вѣдь, въ сущности, все въ этомъ мірѣ подсунуто намъ божествомъ, и тѣмъ не менѣе никто не удивляется, большинство все понимаетъ, и все объясняетъ. Вѣдь сама правильность въ слѣдованіи явленій, наблюдаемая эмпириками, тоже подсунута намъ. Кѣмъ? Когда? Кому охота спрашивать? Разъ законъ установленъ—никто не интересуется больше ничѣмъ: уже можно предсказывать будущее. можно пользоваться подсунутымъ, готовымъ, а все прочее отъ лукаваго.

Философы и учителя.

Шопенгауэра, какъ извѣстно, долгое время не только не признавали, но и не читали: его сочиненія шли на макулатуру; только подъ конецъ жизни у него появились читатели и даже поклонники. И, разумѣется, критики. Ибо каждый поклонникъ въ сущности самый безжалостный и назойливый критикъ. Все ему нужно понять, все согласовать, и, конечно, нужныя ооъясненія обязанъ дать учитель. Шопенгауэръ, до старости не имѣвшій учительскаго опыта, сначала очень благосклонно отнесся къ вопросамъ учениковъ

и терпѣливо давалъ требуемыя объясненія. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Всеподданнѣйшія недоумѣнія учениковъ становились все назойливѣе и назойливѣе, такъ что старикъ, наконецъ, вышелъ изъ себя. «Я отнюдь не подрядился объяснять каждому желающему всѣ тайны мірозданія», — воскликнулъ онъ однажды, когда одинъ изъ учениковъ слишкомъ настойчиво подчеркнулъ замѣченныя имъ у Шопенгауэра противорѣчія. И точно,— развѣ учитель обязанъ все объяснять? И развѣ задача философа въ томъ, чтобы объяснять? Иначе говоря, развѣ философъ можетъ быть учителемъ? Въ словахъ Шопенгауэра данъ намъ отвѣтъ, отнюдь не двусмысленный. Философъ не только не можетъ, но и не хочетъ быть учителемъ. Учителя бываютъ въ гимназіяхъ, въ университетахъ — они преподаютъ ариѳметику, грамматику, логику, метафизику. У философа же совсѣмъ иное дѣло, нисколько на учительство не похожее.

Истина, какъ соціальная субстанція.

Есть много способовъ, истинныхъ или воображаемыхъ, для объективной провѣрки философскихъ сужденій. Но всѣ они сводятся, какъ извѣстно, къ пробѣ посредствомъ закона противорѣчій. Правда, всѣ знаютъ, что ни одно философское ученіе такой пробы не можетъ выдержать, такъ что, въ ожиданіи лучшаго будущаго, пока считаютъ возможнымъ проявлять при провѣркѣ нѣкоторую снисходитель-

ность. Обыкновенно удовлетворяются, если приходятъ къ убѣжденію, что философъ искренно старался избѣгать противорѣчій. Разъ добрая воля налицо, на противорѣчія смотрятъ сквозь пальцы и въ философіи ищутъ другихъ качествъ. Спинозѣ, наприм., прощаютъ непослѣдовательность за его amor intellectualis dei. Канту—за его любовь къ нравственности и прославленіе безкорыстія, Платону—за оригинальность и чистоту идеалистическихъ порывовъ, Аристотелю—за обширность и всеобъемлемость его познаній и т. д. Такъ что, собственно говоря, нужно признаться, что у насъ настоящаго, объективнаго способа провѣрки философской истины нѣтъ, и когда мы критикуемъ чужія системы, мы, въ концѣ-концовъ, судимъ произвольно. Подходитъ почему-либо намъ философъ, мы не безпокоимъ его закономъ противорѣчія, не подходитъ—мы привлекаемъ его къ отвѣтственности по всей строгости закона, впередъ увѣренные, что онъ окажется кругомъ виноватымъ. Но иной разъ является охота провѣрить свои собственныя философскія убѣжденія. Продѣлывать надъ ними комедію объективной провѣрки, искать у самаго себя противорѣчій,—даже нѣмцы, я полагаю, на это не способны. А всетаки вѣдь хочется знать, располагаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, истиной, или въ твоихъ рукахъ только общеобязательное заблужденіе. Какъ быть? По мнѣ, есть способъ: нужно представить себѣ, что твоя истина безусловно не можетъ быть ни для кого обязательной. Вотъ если, несмотря на то, ты все же отъ нея не откажешься, если истина выдержитъ такое испытаніе и останется для

тебя тѣмъ же, чѣмъ была раньше, нужно думать, что она чего-нибудь да стоитъ. А то вѣдь часто мы цѣнимъ убѣжденіе не потому, что оно имѣетъ внутреннюю цѣнность, а потому, что оно имѣетъ хорошій сбытъ на рынкѣ. Робинзонъ, вѣроятно, совершенно иначе размышлялъ, чѣмъ современный писатель или профессоръ, сочиненія котораго подвергаются оцѣнкѣ его многочисленными коллегами, которые могутъ создать ему славу мудреца и ученаго или совсѣмъ погубить его репутацію. Даже у грековъ, которыхъ мы привыкли считать образцовыми мыслителями, всѣ сужденія имѣли, выражаясь языкомъ политической экономіи, не столько потребительную, сколько мѣновую цѣнность.

Греки не знали книгопечатанія и у нихъ не было библіографическихъ журналовъ,—но обыкновенно они свою мудрость выносили на площадь и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы склонить людей къ признанію ея цѣнности. И трудно допустить, чтобы мудрость, постоянно выходящая къ людямъ, не приспособлялась къ человѣческимъ вкусамъ. Вѣрнѣе, она привыкала лишь постольку цѣнить себя, поскольку она могла разсчитывать на оцѣнку людей. Иначе говоря, цѣнность мудрости, какъ и всѣхъ прочихъ товаровъ, не только у насъ, но уже у древнихъ, оказывается соціальной субстанціей. Новѣйшая философія даже перестала скрывать это. Телеологическая точка зрѣнія какъ у раціоналистовъ, примыкающихъ къ Фихте, такъ и у прагматистовъ, считающихъ себя преемниками Милля, открыто становится на общественную точку зрѣнія и говоритъ о соборномъ твор-

чествѣ. Истина, которая не годится для всѣхъ и всегда, на внутреннихъ и на внѣшнихъ рынкахъ,— не есть истина. Пожалуй, даже цѣнность ея опредѣляется количествомъ вложеннаго въ нее труда. Марксъ могъ бы торжествовать: его теорія подъ разными флагами нашла себѣ доступъ во всѣ сферы современнаго мышленія. Едва ли найдется хоть одинъ философъ, который бы согласился примѣнить предлагаемый мною способъ провѣрки истины. И едва ли бы нашлась хоть одна современная идея, которая бы выдержала эту пробу.

Ученіе и выводы.

Если вы хотите погубить новую мысль — постарайтесь ей дать наивозможно широкое распространеніе. Люди начнутъ вдумываться въ нее, примѣрять ее къ своимъ текущимъ нуждамъ, истолковывать, дѣлать изъ нея выводы, словомъ, втиснуть ее въ свой готовый логическій аппаратъ, или, точнѣе, завалятъ ее обломками собственныхъ привычныхъ, понятныхъ мыслей — и она станетъ такой же мертвой, какъ и все, что порождается логикой. Можетъ быть, этимъ объясняется стремленіе философовъ облекать свои мысли въ такую форму, которая затрудняетъ доступъ къ нимъ большой публикѣ. Большинство философскихъ системъ запутанно и неясно изложены, такъ что не всякій образованный человѣкъ можетъ разобраться въ нихъ. Жаль губить свое дѣтище, и всякій, какъ можетъ, оберегаетъ его отъ преждевре-

менной смерти. Для мысли опаснѣе всего „выводы“, якобы само собою разумѣющіеся. Она вовсе ихъ не предполагаетъ, ихъ ей обыкновенно навязываютъ. И, въ самомъ дѣлѣ, очень часто говорятъ: всѣмъ бы хороша мысль, но она приводитъ къ выводамъ, абсолютно непріемлемымъ. И, наоборотъ, какъ часто философу приходится присутствовать при печальномъ зрѣлищѣ: ученики его покидаютъ всѣ его мысли и питаются лишь одними выводами изъ нихъ. Всякій мыслитель, который имѣлъ несчастье еще при жизни обратить на себя вниманіе, по собственному опыту знаетъ, что такое „выводы“. И все таки рѣдко у кого вы встрѣтите мужественный и открытый отпоръ противъ продолжателей его дѣла. И еще рѣже найдется философъ, который бы прямо заявилъ, что его дѣло не требуетъ продолженія, что оно даже не выноситъ продолженія, существуетъ только an und für sich, довлѣетъ себѣ. Да, если бы кто-нибудь сказалъ это, что бы отвѣтили ему? Спорить бы не стали — подите-ка, поспорьте съ человѣкомъ, который не хочетъ ни спорить, ни доказывать.

Единственный отвѣтъ—это призывъ къ народному суду, къ суду Линча. Люди настолько слабы и наивны, что въ каждомъ философѣ хотятъ во что бы то ни стало видѣть учителя въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Они хотятъ, иначе говоря, всецѣло перевалить на него отвѣтственность за свои поступки, за свое настоящее, будущее, за всю свою судьбу. Вѣдь Сократа казнили не за его ученіе, а за то, что, по мнѣнію грековъ, онъ былъ опасенъ для Аѳинъ. И во всѣ времена съ этимъ критеріемъ подходили

къ истинѣ. Точно и въ самомъ дѣлѣ впередъ извѣстно, что истина должна быть полезной и предохранять отъ опасностей.

Одно изъ величайшихъ ученій—христіанство, преслѣдовалось тоже потому, что оно казалось непризваннымъ охранителямъ опаснымъ. Если угодно, оно даже и на самомъ дѣлѣ было очень опасно для римскихъ идеаловъ. Конечно, ни смерть Сократа, ни смерти тысячъ первохристіанъ не оберегли древнюю культуру и государственность отъ разложенія, но этотъ урокъ никого ничему не научилъ. Люди думаютъ, что все это были случайныя ошибки, отъ которыхъ встарину никто не былъ застрахованъ, но которыя уже болѣе не повторятся, а потому попрежнему продолжаютъ изъ каждой истины дѣлать „выводы“ и по полученнымъ выводамъ судить объ истинѣ. И несутъ достойное наказаніе: несмотря на то, что на землѣ было не мало мудрецовъ, которые знали многое такое, что гораздо цѣннѣе всѣхъ тѣхъ сокровищъ, ради которыхъ люди готовы идти даже на смерть, мудрость оказывается для насъ книгой за семью печатями, не дающимся въ руки кладомъ. Многіе, огромное большинство, даже серьезно увѣрены, что философія есть скучнѣйшее и мучительнѣйшее занятіе, на которое обречены нѣкоторые нѣсчастные, имѣющіе privilegium odiosum называться философами. Мнѣ кажется, что нерѣдко даже профессора философіи—изъ тѣхъ, которые „поумнѣе“—раздѣляютъ такое мнѣніе и даже полагаютъ, что въ этомъ послѣдняя, извѣстная только посвященнымъ, тайна ихъ „науки“. Но, къ счастью, дѣло обстоитъ

иначе. Можетъ быть, человѣчеству не суждено въ этомъ отношеніи никогда измѣниться, можетъ быть и черезъ тысячу лѣтъ люди будутъ гораздо болѣе дорожить „выводами“. теоретическими и практическими, изъ истины, чѣмъ самой истиной, — настоящимъ философамъ, т.-е. людямъ, знающимъ, что имъ нужно и чего они добиваются, это врядъ ли помѣшаетъ. Они попрежнему будутъ высказывать свои истины, нисколько не справляясь о томъ, какія заключенія сдѣлаютъ изъ ихъ истинъ любители логики.

Доказанныя и недоказанныя истины.

Откуда явилась у насъ привычка требовать по поводу каждой высказанной мысли доказательствъ? Если откинуть то соображеніе (въ данномъ случаѣ оно для насъ рѣшающаго значенія не имѣетъ), что люди часто нарочно обманываютъ своихъ ближнихъ изъ корысти или ради иныхъ выгодъ, то, собственно говоря, надобность въ доказательствахъ совершенно устраняется. Правда, возможенъ еще самообманъ, собственныя невольныя заблужденія. Иной разъ принимаешь призракъ за дѣйствительность—хочется оберечь себя отъ такой обидной ошибки. Но какъ только возможность добросовѣстнаго заблужденія устранена,— доказательства ipso facto становятся ненужными. И тогда уже можно просто разсказывать, безъ всякихъ доводовъ, разсужденій и ссылокъ. Хотите — вѣрьте, хотите—нѣтъ. И есть одна область — какъ разъ та, которая всегда особенно влекла къ себѣ наиболѣе

замѣчательныхъ представителей человѣческаго рода, гдѣ какъ разъ доказательства, по общему признанію, и невозможны. Насъ учили до сихъ поръ, что о томъ, чего доказать нельзя, и говорить не слѣдуетъ. Хуже того, мы такъ устроили свой языкъ, что, собственно говоря, все, что бы мы ни сказали, мы высказываемъ въ формѣ сужденія, т.-е. въ такой формѣ, которая предполагаетъ не только возможность, но и необходимость доказательствъ. Можетъ быть, поэтому-то метафизика и служила постояннымъ предметомъ нападокъ. Утверждать она утверждаетъ, а доказать не можетъ Кстати сказать, метафизика, повидимому, не только не могла найти такой формы выраженія для своихъ истинъ, которая освобождала бы ее отъ обязанности доказывать, но и не хотѣла этого. Она себя считала наукой по преимуществу и потому полагала, что ей еще больше и строже, чѣмъ другимъ наукамъ, необходимо доказывать тѣ сужденія, которыя она приняла подъ свою защиту. Ей представлялось, что, откажись она отъ обязанности доказывать, она потеряетъ и всѣ права свои. И въ этомъ, нужно думать, была ея роковая ошибка. Соотвѣтствіе правъ и обязанностей есть, можетъ быть, кардинальная истина (лучше сказать, кардинальная фикція) ученія о правѣ, но въ сферу философіи она занесена по недоразумѣнію. Тутъ, скорѣе, господствуетъ противоположный принципъ: права обратно пропорціональны обязанностямъ. И тамъ лишь, гдѣ прекращаются всѣ обязанности, пріобрѣтается величайшее, важнѣйшее суверенное право—право общенія съ послѣдними истинами. Причемъ ни на минуту не надо забывать, что̀ послѣднія

истины не имѣютъ почти ничего общаго съ истинами серединными, логическую конструкцію которыхъ мы такъ тщательно и добросовѣстно изучаемъ въ теченіе вотъ уже болѣе двухъ тысячелѣтій. Основное отличіе ихъ въ томъ, что первыя абсолютно непонятны. Непонятны, подчеркиваю—однако недоступны. Правда, серединныя истины тоже, собственно говоря, непонятны. Кто станетъ утверждать, что онъ понимаетъ свѣтъ, теплоту, боль, гордость, радость, униженіе?

Но все же нашъ разумъ въ союзѣ съ всепобѣждающей привычкой придалъ, при помощи нѣкоторыхъ натяжекъ, совокупности явленій въ предѣлахъ доступнаго намъ отрѣзка вселенской жизни нѣкій видъ гармоніи и единства, и это съ незапамятныхъ временъ слыветъ подъ именемъ понятнаго объясненія мірозданія. Но извѣстный, т.-е. привычный, міръ въ достаточной мѣрѣ непонятенъ, такъ что добросовѣстность требуетъ признать непонятность основнымъ предикатомъ бытія. Нельзя разсуждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что мы не понимаемъ міра только потому, что отъ насъ кое-что скрыто или что нашъ разумъ слабъ, такъ что, если бы высшее существо захотѣло намъ раскрыть тайну мірозданія или, если въ теченіе слѣдующаго милліарда лѣтъ у человѣка такъ разовьется мозгъ, что онъ будетъ превосходить насъ настолько же, насколько мы превосходимъ нашего офиціальнаго предка—обезьяну,—то міръ станетъ понятнымъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! По самому существу тѣ операціи, которыя мы продѣлываемъ надъ дѣйствительностью, чтобы понять ее, по-

лезны и нужны только до тѣхъ поръ, пока онѣ не переходятъ за извѣстный предѣлъ. Можно „понять“ устройство локомотива. Законно также искать объясненія солнечнаго затмѣнія или землетрясенія. Но наступаетъ моментъ — мы только не можемъ точно опредѣлить его — когда объясненія теряютъ всякій смыслъ и ни для чего больше не нужны. Похоже на то, будто насъ ведутъ на веревочкѣ закона достаточнаго основанія до извѣстнаго мѣста съ тѣмъ, чтобы потомъ бросить: куда хотите, туда идите. Мы же до такой степени привыкаемъ за нашу долгую жизнь къ веревочкѣ, что начинаемъ вѣрить, что она относится къ самой сущности міра; что въ веревочкѣ, какъ таковой, великая тайна, тайна всѣхъ тайнъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей, Спиноза, думалъ, что даже самъ Богъ связанъ необходимостью.

Пусть каждый внимательно всмотрится въ себя, и онъ убѣдится, что не можетъ не только мыслить, но почти даже существовать безъ спинозовскаго предположенія. Дѣло Юма, такъ блестяще оспорившаго предпосылку о причинной необходимости, было наполовину только сдѣлано: нельзя доказать, что существуетъ необходимая связь — это онъ выяснилъ. Но вѣдь нельзя доказать и противоположнаго утвержденія. Въ результатѣ все осталось по-старому: Кантъ, а за Кантомъ все человѣчество вернулось на позицію Спинозы. Свободу загнали въ интеллигибельный міръ—страну безвѣстную, откуда путникъ не возвращался къ намъ, и все попрежнему стоитъ на своемъ мѣстѣ: философія во что бы то ни стало хочетъ

быть наукою. Ей это безусловно не удается, но цѣну, которую она отдала за право называться наукой, ей уже не возвращаютъ. Она отказалась отъ права искать гдѣ угодно, что ей нужно, и право это у ней, повидимому, навсегда отнято. Да нужно ли оно ей было? Если вы взглянете на современную нѣмецкую философію. вы, не колеблясь, скажете, что и не нужно было. Не по ошибкѣ и даже не въ погонѣ за новымъ чиномъ отказалась она отъ великаго призванія—оно стало для нея невыносимымъ бременемъ. Какъ ни трудно въ этомъ признаться, но вѣдь несомнѣнно, что великія тайны міросданія не могутъ быть выявлены съ той ясностью и отчетливостью, съ которой намъ открывается видимый и осязаемый міръ. Не только другихъ—самого себя ты не убѣдишь въ своей истинѣ съ той очевидностью, съ какой удается убѣдить всѣхъ безъ исключенія въ истинахъ научныхъ.

Откровенія— если они и бываютъ—суть всегда откровенія на мгновеніе. Магометъ, объясняетъ Достоевскій, если ему и удавалось попадать въ рай, могъ оставаться тамъ самое непродолжительное время, отъ полусекунды до пяти секундъ. И самъ Достоевскій тоже попадалъ въ рай лишь на мгновеніе. А, здѣсь, на землѣ, оба они жили годами, десятилѣтіями, и аду земного существованія, казалось, не было конца. Адъ былъ очевиденъ, доказуемъ, его можно было фиксировать, демонстрировать ad oculos. А какъ доказать рай? Какъ фиксировать, какъ выявить эти полусекунды райскаго блаженства, которыя съ внѣшней стороны выражались въ формѣ бе-

зобразныхъ и страшныхъ эпилептическихъ припадковъ съ конвульсіями, судорогами, пѣной у рта, иногда, при неудачномъ. неожиданномъ паденіи, и съ кровью?! Опять-таки, хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ. А вѣдь человѣкъ, живущій то въ раю, то въ аду, воспринимаетъ жизнь до такой степени иначе, чѣмъ другіе люди! И хочетъ думать, что онъ правъ, что его опытъ имѣетъ большую цѣнность, что жизнь вовсе не такова, какъ ее изображаютъ люди иного опыта и болѣе ограниченныхъ переживаній. Какъ хотѣлъ Достоевскій убѣдить всѣхъ въ своей правотѣ, какъ упорно доказывалъ онъ и какъ сердился отъ жившаго въ глубинѣ его души сознанія, что онъ безсиленъ что бы то ни было доказать. Но фактъ остается фактомъ. Эпилептики и сумасшедшіе, можетъ быть, знаютъ такія вещи, о которыхъ нормальные люди не имѣютъ даже отдаленнаго предчувствія, но сообщить свои знанія другимъ, доказать ихъ —имъ не дано. И вообще есть знаніе—оно-то и является предметомъ философскихъ исканій — котораго можно пріобщиться, но которое по самому существу нельзя передать всѣмъ, т. е. обратить въ провѣренныя и доказательныя общеобязательныя истины. Отказаться отъ него ради того, чтобы философія получила право называться наукой? Иногда люди такъ и поступали. Были трезвыя эпохи, когда погоня за положительнымъ знаніемъ поглощала всѣхъ, кто былъ способенъ къ духовной работѣ. Или, можетъ быть, это были такія эпохи, когда люди, искавшіе чего-либо иного, кромѣ положительныхъ знаній, были осуждены на всеобщее презрѣніе и про-

ходили незамѣченными: въ такія времена Платонъ не встрѣтилъ бы сочувствія и умеръ бы въ неизвѣстности. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: тотъ, у кого интересъ къ недоказуемымъ истинамъ является преобладающимъ интересомъ и главнымъ двигателемъ жизни, осужденъ на полное илп относительное „безплодіе“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается это слово. Если онъ умный и даровитый человѣкъ, можетъ быть, заинтересуются его умомъ и дарованіемъ, но мимо его дѣла, пройдутъ съ равнодушіемъ, презрѣніемъ и даже ужасомъ. И станутъ предостерегать противъ него:

Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его

Развѣ дѣло пророковъ, искавшихъ послѣднихъ истинъ, не было безплоднымъ, ненужнымъ дѣломъ? Развѣ жизнь считалась съ ними? Жизнь шла своимъ чередомъ, и голоса пророковъ были, есть и будутъ голосами вопіющихъ въ пустынѣ. Ибо то, что они видятъ, что они знаютъ—не можетъ быть доказано и доказательству не подлежитъ. Пророки были всегда уединенными, оторванными, отрѣзанными, безсильными въ своей замкнутой гордости людьми. Пророки — это короли безъ арміи. При всей своей любви къ подданнымъ — они для нихъ ничего не могутъ сдѣлать, ибо подданные чтутъ только королей, обладающихъ грозной военной силой. И — да будетъ такъ!

Предѣлы дѣйствительности.

Самый послѣдовательный и убѣжденный реалистъ въ концѣ-концовъ не представляетъ себѣ жизнь такою, какой она на самомъ дѣлѣ является. Многое онъ просматриваетъ и, наоборотъ, часто видитъ такое, чего совсѣмъ и нѣтъ въ дѣйствительности. Думаю, что нѣтъ надобности пояснять это примѣромъ. При всемъ нашемъ желаніи быть объективными, мы въ концѣ-концовъ крайне субъективны, и то, что Кантъ называетъ синтетическими сужденіями a priori, посредствомъ которыхъ нашъ разумъ формируетъ природу и диктуетъ ей законы, играетъ въ нашей жизни большую и очень серьезную роль. Мы создаемъ нѣчто въ родѣ покрывала Майи, т.-е. мы бодрствуемъ во снѣ и спимъ наяву, точно какая-то волшебная сила заворожила насъ. И, какъ это бываетъ во снѣ, мы мгновеніями чувствуемъ, что то, что съ нами происходитъ, есть нѣчто вродѣ полусна, половинная, ненастоящая жизнь. Шопенгауэръ и буддисты были правы, утверждая, что о покрывалѣ Майи, т.-е. о доступномъ намъ мірѣ, одинаково неправильно говорить, что онъ существуетъ и что онъ не существуетъ. Правда, логика не допускаетъ такихъ сужденій и воздвигаетъ противъ нихъ упорнѣйшія гоненія, ибо они нарушаютъ одинъ изъ основныхъ ея законовъ. Но ничего не подѣлаешь: когда приходится выбирать между философіей, заманчивой и многообѣщающей, и безсодержательной логикой, всегда пожертвуешь послѣдней ради первой. Философія

же безъ противорѣчивыхъ сужденій либо была бы осуждена на вѣчное молчаніе, либо обратилась бы въ тину общихъ мѣстъ и сведена на нѣтъ: философы это знаютъ. Въ нашемъ случаѣ то же: нужно признать, что мы одновременно и бодрствуемъ и видимъ сны, нужно даже бываетъ иногда признать, что хотя мы живемъ, но уже давно умерли. И вотъ въ качествѣ живыхъ мы все еще держимся принятыхъ синтетическихъ сужденій a priori, въ качествѣ умершихъ мы пытаемся обойтись безъ нихъ или на ихъ мѣсто поставить иныя сужденія, часто ничего общаго съ ними не имѣющія, даже имъ противоположныя. Философія чрезвычайно старательно занимается этимъ дѣломъ—и въ этомъ, только въ этомъ смыслъ того идеалистическаго теченія, которое, начиная съ Платона, никогда не исчезало изъ исторіи. Не въ томъ дѣло, чтобы вмѣсто видимаго и доступнаго всѣмъ, такъ называемаго реалистическаго міра найти иной, изначальный, лучшій и вѣчный міръ —какъ обыкновенно истолковываютъ идеалистическую философію ея офиціальные и, къ сожалѣнію, наиболѣе вліятельные представители. Такого рода толкованія носятъ на себѣ слишкомъ явные слѣды ихъ эмпирическаго, утилитарнаго происхожденія — они также мало подводятъ къ сверхъэмпирическому бытію, какъ и тѣ понятія, которыми мы опредѣляемъ цѣнное въ жизни. Съ такимъ же правомъ можно было бы считать сверхъэмпирическій міръ золотымъ, бриллiантовымъ, жемчужнымъ все—потому, что золото, брилліанты и жемчугъ въ большой цѣнѣ. Да такъ обыкновенно и бываетъ. Даже Бога обыкновенно

представляютъ себѣ сверкающимъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, могучимъ, всезнающимъ и т. д. Его называютъ царемъ царей, ибо удѣлъ вѣнценосцевъ на землѣ считается наиболѣе завиднымъ. Смыслъ и значеніе идеалистической ѳилософіи видятъ въ томъ, что она навѣки закрѣпляетъ все то, что мы за время нашего короткаго существованія нашли цѣннаго на землѣ. Въ этомъ, по-моему, роковое заблужденіе. Идеалистическая ѳилософія, правда, дала поводъ ложно истолковывать себя, ибо любила наряжаться въ пышныя, парадныя одежды. Даже и религія у всѣхъ почти народовъ всегда искала для себя внѣшне красивыхъ ѳормъ, не останавливаясь даже передъ такимъ очевиднымъ парадоксомъ (чтобы не сказать болѣе), какъ золотой, украшенный брилліантами крестъ. И за парадными словами и золотыми крестами люди просматривали великія истины, быть-можетъ,—великія возможности. Школьная ѳилософія тоже любила наряжаться, думая, что ей нельзя отставать въ этомъ отношеніи отъ учителей, и за нарядами часто забывала о своемъ насущномъ дѣлѣ. Платонъ училъ, что наша жизнь есть только тѣнь отъ иной дѣйствительности. Если это вѣрно, если онъ открылъ истину, то вѣдь первая задача наша начать жить иной жизнью, повернуться спиной къ стѣнѣ, по которой ходятъ тѣни, и обратиться лицомъ къ тому источнику свѣта, который породилъ тѣни, или къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ видимые силуэты даютъ лишь отдаленное представленіе. Нужно проснуться хоть отчасти, а для этого нужно дѣлать то, что дѣлаютъ съ глубоко уснувшимъ че-

ловѣкомъ: нужно тормошить его, щипать, бить, щекотать, нужно, можетъ быть, если все это не дѣйствуетъ, прибѣгнуть къ еще болѣе сильнымъ, къ героическимъ средствамъ. Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя рекомендовать созерцаніе, которое способно еще болѣе усыпить человѣка, и покой, который приводитъ къ тѣмъ же результатамъ. Философія должна жить сарказмами, насмѣшками, тревогой, борьбой, недоумѣніями, отчаяніемъ, великими надеждами и разрѣшать себѣ созерцаніе и покой только время отъ времени, для передышки. И тогда, можетъ быть, ей удастся, на-ряду съ реалистическими сновидѣніями, создать сновидѣнія совсѣмъ иного порядка, которыя бы имѣли уже ту цѣнность, что воочію наглядно показали бы, что общепризнанныя сновидѣнія не есть единственно возможныя. Для какой цѣли? Полагаю, на этотъ вопросъ можно и не отвѣчать: кто предлагаетъ его, этимъ самымъ показываетъ, что ему ни отвѣтъ, ни такая философія не нужны. А кому нужно, тотъ спрашивать не станетъ и терпѣливо будетъ ждать событій: 40-градусной температуры, эпилептическаго припадка или чего-нибудь въ такомъ же родѣ, что облегчаетъ трудную задачу исканія...

Данное и возможное.

Законъ причинности, какъ эвристическій принципъ—превосходная вещь; существующія науки въ достаточной степени убѣждаютъ насъ въ этомъ. Но, какъ идея (въ Платоновскомъ смыслѣ), онъ мало

чего стоитъ, по крайней мѣрѣ, порою. Строгая гармонія и порядокъ въ мірѣ очаровывали многихъ людей: такіе великаны мысли, какъ Спиноза и Гете, останавливались съ благоговѣйнымъ удивленіемъ въ созерцаніи великаго и неизмѣннаго порядка въ природѣ. И даже возводили, поэтому, необходимость въ санъ изначальнаго, вѣчнаго, премірнаго принципа. И нужно признаться. что міросозерцаніе Гете и Спинозы живетъ въ каждомъ изъ насъ, что большей частью мы можемъ любить и чтить міръ лишь тогда, когда душа наша чувствуетъ въ немъ стройную гармонію. Гармонія кажется намъ одновременно и величайшей цѣнностью и послѣдней истиной. Она даетъ душѣ великій покой, твердую устойчивость, довѣріе къ творцу, т.-е. высшія, какъ учатъ философы, блага, доступныя смертнымъ. И, тѣмъ не менѣе, бываютъ иные порывы. Человѣческимъ сердцемъ внезапно овладѣваетъ тоска по фантастическому, непредвидѣнному, не допускающему предвидѣнія. Прекрасный міръ теряетъ свою красоту, душевный покой кажется позорнымъ, прочность ощущается, какъ невыносимая тяжесть Подобно тому, какъ возмужавшій юноша вдругъ начинаетъ мучительно тяготиться благодѣтельной, такъ много ему давшей родительской опекой—хотя не знаетъ, что дѣлать со своей свободой—прозрѣвшій человѣкъ стыдится даннаго ему, кѣмъ-то созданнаго благополучія. Законъ причинности. какъ и вся міровая гармонія, кажется ему пріятнымъ, облегчающимъ жизнь, но унизительнымъ даромъ. За покой, за радости ничѣмъ невозмутимой жизни онъ отдалъ право своего первород-

ства, великое право свободнаго творчества. Онъ не понимаетъ, какъ великанъ Гете могъ прельститься соблазнами пріятной жизни, онъ заподазриваетъ искренность Спинозы. Нечисто что-то въ датскомъ королевствѣ! Яблоко съ дерева познанія добра и зла, хотя бы путь къ нему шелъ черезъ величайшія муки, становится единственною цѣлью его жизни...

И, странно, какъ будто сама природа озабочена тѣмъ, чтобы толкать человѣка на этотъ безумный, роковой путь. Наступаетъ въ нашей жизни пора, когда какой-то повелительный тайный голосъ запрещаетъ намъ радоваться красотѣ и величію мірозданія. Міръ попрежнему манитъ насъ, но уже не даетъ чистой радости. Вспомните Чехова. Какъ любилъ онъ природу, и какое безмѣрное чувство тоски слышится въ его дивныхъ описаніяхъ природы! Точно каждый разъ, когда онъ взглянетъ на голубое небо, волнующееся море или зеленый лѣсъ, кто-то властнымъ голосомъ шепчетъ ему: все это уже не твое, ты еще можешь все это видѣть, но ты уже не вправѣ этому радоваться. Ты еще живъ, но ты уже умеръ для этой жизни. Готовься къ иному бытію, гдѣ не будетъ даннаго, законченнаго, готоваго, гдѣ не будетъ сотвореннаго, гдѣ будетъ одно безпредѣльное творчество. А все, что есть въ этомъ мірѣ, подлежитъ разрушенію, разрушенію и разрушенію, даже эта природа, которую ты такъ страстно любишь и отъ которой тебѣ такъ трудно и такъ больно отказаться. Все толкаетъ насъ въ таинственную область вѣчно фантастическаго, вѣчно безпорядочнаго и, быть можетъ, кто знаетъ?.. вѣчно прекраснаго...

Опытъ и доказательства.

Когда Декарту пришло въ голову его cogito ergo sum. онъ отмѣтилъ этотъ день—10 ноября 1619 года—какъ день замѣчательный: меня осѣнилъ, записалъ онъ въ дневникѣ, свѣтъ удивительнаго открытія. То же разсказываетъ про себя и Шеллингъ: въ 1801 году онъ „узрѣлъ свѣтъ“. И съ Ницше, когда онъ бродилъ по горамъ и долинамъ Энгадина, произошла великая метаморфоза: онъ постигъ свое вѣчное возвращеніе. Можно было бы назвать много философовъ, поэтовъ, художниковъ, проповѣдниковъ, которые, подобно названнымъ тремъ, внезапно прозрѣвали и свое прозрѣніе считали началомъ новой жизни. Вѣроятно даже, что всѣ безъ исключенія люди, которымъ суждено было явить міру нѣчто совершенно новое и оригинальное, испытывали чудо такой мгновенной метаморфозы. И тѣмъ не менѣе, хотя объ этихъ чудесахъ много и часто говорится—во всѣхъ почти біографіяхъ великихъ людей — мы, собственно, не умѣемъ изъ нихъ сдѣлать никакого употребленія. Декартъ, Шеллингъ, Ницше повѣствуютъ о своихъ превращеніяхъ, у насъ Толстой и Достоевскій—о своихъ, въ прошломъ менѣе отдаленномъ — Магометъ и ап. Павелъ, въ болѣе глубокой древности легенда повѣствуетъ о Моисеѣ. Но, если бы я здѣсь и удесятерилъ количество приведенныхъ случаевъ, если бы даже ихъ удалось собрать тысячи—разумъ бы не могъ изъ нихъ сдѣлать никакого вывода,—иначе говоря, какъ научный матеріалъ, всѣ эти случаи не

имѣютъ никакой цѣнности, въ то время когда одинъ остовъ ископаемаго или единственный случай невиданной, рѣдкой болѣзни является драгоцѣнной находкой для ученаго. И, что еще интереснѣе: Декартъ былъ такъ пораженъ своимъ cogito ergo sum, Ницше своимъ вѣчнымъ возвращеніемъ, Магометъ своимъ раемъ, ап. Павелъ своимъ видѣніемъ — мы же остаемся болѣе или менѣе равнодушными ко всему, что они разсказываютъ о своихъ переживаніяхъ. Только наиболѣе чуткіе изъ насъ прислушиваются къ такого рода разсказамъ, и то даже они принуждены таить про себя свои впечатлѣнія,—ибо что съ ними прикажете дѣлать? Ихъ нельзя даже фиксировать въ качествѣ несомнѣнныхъ фактовъ, ибо и факты требуютъ провѣрки, должны быть доказаны. А доказательствъ нѣтъ. Философскія и религіозныя ученія, предлагаемыя людьми, пережившими необыкновенныя внутреннія событія, большей частью не только не подтверждаютъ, но скорѣе опровергаютъ ихъ собственные разсказы объ откровеніи. Ибо философскія и религіозныя ученія до сихъ поръ всегда задавались цѣлью привлечь къ себѣ всѣхъ и каждаго, а чтобы достичь этого, приходится прибѣгать къ такого рода пріемамъ, которые дѣйствуютъ на обыкновеннаго, не знающаго ничего необыкновеннаго, человѣка, т.-е. опять-таки къ доказательствамъ, къ ссылкамъ на видимыя и осязаемыя. подлежащія мѣрѣ, вѣсу и счету явленія. Въ погонѣ за доказательствами, за убѣдительностью и доступностью приходилось жертвовать самымъ важнымъ и существеннымъ и выставлять на видъ то, что можетъ быть

согласовано съ разумомъ, т.-е. болѣе или менѣе уже извѣстное и потому мало интересное и неважное. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ такъ называемая опытная наука все больше и больше входила въ силу, привычка оставлять про себя все то, что не можетъ быть демонстрировано ad oculos, все прочнѣй и прочнѣй укоренялась и сдѣлалась почти второй природой человѣка. Мы теперь уже „естественно“ дѣлимся съ ближними лишь небольшой частью нашего опыта, такъ что, если бы въ наше время жили Магометъ или Савлъ, то имъ бы и въ голову не пришло разсказывать о своихъ необыкновенныхъ исторіяхъ. На что уже былъ смѣлъ Ницше, а межъ тѣмъ о вѣчномъ возвращеніи онъ разсказываетъ лишь вскользь и гораздо больше занятъ проповѣдью морали Uebermensch'а, которая, хотя и поразила сначала людей, но все же въ концѣ-концовъ была принята съ большими или меньшими измѣненіями, ибо обладала доказательностью. Очевидно, мы стоимъ предъ великой дилеммой: если мы будемъ попрежнему культивировать современную методологію, мы рискуемъ до того свыкнуться съ ней, что потеряемъ способность не то что дѣлиться съ другими людьми всѣми недоказуемыми и исключительными переживаніями, но даже удерживать ихъ сколько-нибудь прочно въ своей памяти. Они станутъ такъ же забываться, какъ и сновидѣнія, они даже будутъ казаться снами наяву. И такимъ образомъ, мы себя навсегда отрѣжемъ отъ огромной области дѣйствительности, смыслъ и значеніе которой во всякомъ случаѣ еще далеко не разгаданы и не оцѣнены. Въ

древнія времена умѣли и сновидѣнія, и галлюцинаціи сумасшедшаго пріобщать къ дѣйствительности; мы же идемъ къ тому, чтобы урѣзать настоящую, несомнѣнную дѣйствительность, переводя ее въ область галлюцинацій и сновидѣній. Полагаю, что даже современный человѣкъ безъ колебанія не станетъ на сторону нашей методологіи, если даже онъ и не способенъ думать, вслѣдъ за древними, что сновидѣнія далеко не столь ни на что не нужная вещь. А разъ такъ, то, стало быть, права переживаній отнюдь не должны опредѣляться степенью ихъ доказательности. Какъ бы странны, капризны наши переживанія ни были, какъ бы мало ни ладились они съ укрѣпившимися и господствующими представленіями объ обязательномъ характерѣ событій внутренней и внѣшней жизни, — разъ они имѣли мѣсто въ душѣ человѣка, они уже ipso facto пріобрѣтаютъ законное право фигурировать наряду съ самыми доказательными и доступными контролю и провѣркѣ, даже нарочитому эксперименту, фактами.

Скажутъ—мы тогда не гарантированы отъ злостныхъ обмановъ. Люди, никогда не бывшіе въ раю, будутъ выдавать себя за Магометовъ; все это вѣрно: будутъ говорить и будутъ лгать. И не будетъ способа объективной провѣрки. Но вѣдь будутъ и правду разсказывать. И, чтобы спасти такую правду, можно рѣшиться проплыть цѣлый океанъ лжи. Да, если угодно, вовсе не такъ уже невозможно въ этой области отличить правду отъ лжи, хотя, разумѣется, не по тѣмъ признакамъ, которые выработала логика. И даже не по признакамъ, а безъ всякихъ признаковъ.

Вѣдь вотъ признаки прекраснаго еще до сихъ поръ даже и приблизительно не опредѣлены, и Богъ дастъ—не въ обиду нѣмцамъ будь сказано—никогда опредѣлены и не будутъ, а Аполлона и Венеру мы всетаки отличаемъ. Такъ и съ истиной: можно и ее узнать. А если кто не умѣетъ отличать безъ признаковъ, да вдобавокъ еще не хочетъ? Какъ быть съ нимъ? Право, не знаю; да притомъ я вовсе не полагаю, что необходимо, чтобы всѣ до одного дѣйствовали согласно. И когда это такъ было, чтобы всѣ дѣйствовали согласно? Люди большей частью дѣйствовали вразбродъ, сходясь въ однихъ мѣстяхъ и расходясь въ другихъ. И, да будетъ такъ! Одни будутъ узнавать и искать истину по признакамъ, другіе безъ всякихъ признаковъ, какъ Богъ на душу положитъ, а третьи—по обоимъ способамъ.

Седьмой день творенія.

Сократъ разсказываетъ, что ему часто приходилось слышать отъ поэтовъ замѣчательныя по глубинѣ и серьезности мысли, но когда онъ начиналъ допрашивать ихъ подробнѣе, онъ убѣждался, что они сами не понимаютъ того, что говорятъ. Что собственно это значитъ? Хотѣлъ ли Сократъ въ данномъ случаѣ сравнить поэтовъ съ попугаями или учеными дроздами, которые могутъ затвердить при помощи ихъ учителя-человѣка какія угодно, совершенно недоступныя имъ мысли? Едва ли такъ. Едва ли Сократъ думалъ, что то, что говорятъ поэты, подслу-

шано ими у кого-либо и механически затвержено, хотя и осталось ихъ душѣ совершенно чуждо. Вѣрнѣе всего онъ употребилъ слово „не понимаютъ“ въ томъ смыслѣ, что они не умѣютъ доказать, объяснить правильность и основательность своихъ мыслей, т.-е. вывести и связать ихъ съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ. Какъ извѣстно, Сократъ находилъ, что не только поэты, но и всѣ люди, начиная отъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и кончая невѣжественными ремесленниками, имѣли сужденія и даже много сужденій, но никогда не умѣли ни объяснить, откуда эти сужденія пришли къ нимъ, ни согласовать ихъ межъ собою.

Въ этомъ отношеніи поэты были такими же людьми, какъ и всѣ прочіе люди: они добывали себѣ изъ какого-то таинственнаго источника истины, часто великія и глубокія, но ни доказать, ни объяснить ихъ не умѣли. Сократу показалось это большой бѣдой, даже настоящимъ несчастьемъ. Не знаю, какъ это случилось — ни одинъ историкъ философіи не объяснилъ этого, этимъ даже мало интересовались— но Сократъ почему-то рѣшилъ, что недоказанная и необъясненная истина имѣетъ меньше цѣнности, чѣмъ доказанная и объясненная. Въ наше время, когда сократовскую мысль превратили въ цѣлую теорію, даже міросозерцаніе, — это сужденіе кажется столь естественнымъ и само собою разумѣющимся, что въ немъ никто и никогда не сомнѣвается. Но въ древности дѣло обстояло иначе. Собственно говоря, Сократъ полагалъ, что поэты добывали свои истины, которыхъ они не умѣли доказать, изъ очень почтен-

наго и заслуживающаго всякаго довѣрія источника: онъ самъ сравниваетъ поэтовъ съ оракулами и допускаетъ, стало быть, что они имѣютъ общеніе съ богами. Стало быть, есть превосходнѣйшая гарантія того, что поэты обладали настоящей, неподдѣльной истиной, — залогомъ ея неподдѣльности являлся божественный авторитетъ. Сократъ разсказываетъ, что и самъ онъ нерѣдко руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ не соображеніями своего разума, а прислушивался къ голосу своего таинственнаго демона. Иначе говоря, онъ иногда воздерживался отъ тѣхъ или иныхъ поступковъ (его демонъ никогда не давалъ ему положительныхъ совѣтовъ, а только лишь отрицательные), не будучи въ состояніи привести никакихъ резоновъ—единственно потому, что тайный, но болѣе авторитетный, чѣмъ всякій человѣческій разумъ, голосъ требовалъ отъ него воздержанія.

Такъ вотъ, не странно ли, что при такихъ обстоятельствахъ, въ эпоху, когда боги давали людямъ истины, вдругъ явилось у человѣка ничѣмъ не объяснимое желаніе добывать истины помимо боговъ и независимо отъ нихъ, путемъ примѣненія столь любимаго греками діалектическаго метода?! Спрашивается, что для насъ важнѣе: добыть истину или добыть себѣ собственными усиліями хотя бы и ложное, но *свое* сужденіе? Примѣръ Сократа, который явился образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ поколѣній мыслящихъ людей, не оставляетъ никакого сомнѣнія. Людямъ готовая истина не нужна, они отворачиваются отъ боговъ, чтобы предаться самостоятельному творчеству. Въ библіи разсказывается при-

близительно такая же исторія. Чего, кажется, недоставало Адаму? Жилъ въ раю, въ непосредственной близости къ Богу, отъ котораго онъ могъ узнать все, что ему нужно. Такъ нѣтъ же, это ему не годилось. Достаточно было змію сдѣлать свое коварное предложеніе, какъ человѣкъ, забывши о гнѣвѣ Божіемъ и обо всѣхъ грозившихъ ему опасностяхъ, сорвалъ яблоко съ запретнаго дерева. И тогда истина, прежде, т.-е. до сотворенія міра и человѣка—единая, раскололась и разбилась на великое, можетъ, безконечно великое множество самыхъ разнообразныхъ, вѣчно рождающихся и вѣчно умирающихъ истинъ. Это было седьмымъ, назаписаннымъ въ исторіи, днемъ творенія. Человѣкъ сталъ сотрудникомъ Бога, сталъ самъ творцомъ. Сократъ отказывается отъ божественной истины и даже пренебрежительно отзывается о ней только потому, что она не доказана, т.-е. не носитъ на себѣ слѣдовъ человѣческихъ рукъ. Вѣдь и самъ Сократъ ничего, собственно, не доказалъ, но онъ доказывалъ, творилъ и въ этомъ видѣлъ смыслъ своей и всякой человѣческой жизни. Поэтому, вѣрно, приговоръ дельфійскаго оракула кажется истиннымъ и въ наше время: Сократъ былъ мудрѣйшимъ изъ людей. И кто хочетъ быть мудрымъ, тотъ долженъ, подражая Сократу, ни въ чемъ на него не быть похожимъ. Такъ всѣ великіе философы, всѣ великіе люди и дѣлали.

Чему учитъ исторія философіи?

Неокантіанство, какъ извѣстно, является преобладающимъ направленіемъ въ современной философіи. Литература о Кантѣ разрослась до размѣровъ прямо неслыханныхъ. Но если попытаться разобраться въ колоссальной массѣ написаннаго о Кантѣ и поставить себѣ вопросъ, что, собственно, осталось намъ отъ кантовскаго ученія, то придется къ величайшему нашему изумленію отвѣтить: ровно ничего. Есть необычайно, неслыханно громкое имя Кантъ, и нѣтъ положительно ни одного кантовскаго тезиса, который бы въ неистолкованномъ видѣ сохранился бы до нашего времени. Я говорю въ неистолкованномъ видѣ—ибо истолкованія въ сущности сводятся къ произвольнымъ передѣлкамъ, часто даже съ внѣшней стороны утратившимъ всякое сходство съ оригиналомъ. Такія истолкованія начались еще при жизни Канта—первый примѣръ подалъ Фихте. Извѣстно, какъ на это реагировалъ Кантъ: онъ требовалъ, чтобы его ученіе понималось не по духу, а по буквѣ. И Кантъ былъ, конечно, совершенно правъ. Одно изъ двухъ: либо бери его ученіе такимъ, какъ оно есть, либо выдумывай свое. Но судьба всѣхъ мыслителей, которымъ суждено было давать свои имена эпохамъ, такова: ихъ истолковывали, т. е. передѣлывали до неузнаваемости. Ибо по истеченіи короткаго времени выяснялось, что ихъ идеи до такой степени обременены противорѣчіями, что, если брать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ рукъ ихъ твор-

цовъ, онѣ окажутся абсолютно непріемлемыми. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ тѣ критики, которые не рѣшали впередъ, что имъ нужно быть правовѣрными кантіанцами, приходили къ заключенію, что Кантъ не доказалъ ни одного изъ своихъ основныхъ положеній. Можно еще сильнѣй сказать: именно въ силу того, что Кантъ, благодаря занятому имъ центральному положенію, привлекалъ къ себѣ очень много вниманія и подвергался очень тщательной критикѣ, постепенно выяснялось то, что, впрочемъ, можно было и впередъ знать: его ученіе состоитъ изъ сплошныхъ противорѣчій. Итогъ болѣе чѣмъ столѣтняго изученія Канта можетъ быть резюмированъ въ двухъ словахъ: несмотря на то, что онъ не боялся самыхъ вопіющихъ противорѣчій, ему не удалось сколько-нибудь убѣдительно доказать правильность своего ученія. При необычайной силѣ и глубинѣ ума, при оригинальности, смѣлости, остроуміи построеній—онъ, собственно, не далъ ничего такого, что могло бы неоспоримо считаться положительнымъ пріобрѣтеніемъ философіи. Подчеркиваю, что я высказываю не свое мнѣніе: я только подвожу итогъ мнѣніямъ нѣмецкихъ критиковъ Канта, тѣхъ самыхъ, которые создали ему monumentum aere perennius.

То же, что о Кантѣ, можно сказать о всѣхъ великихъ представителяхъ философской мысли, начиная съ Платона и Аристотеля и кончая Гегелемъ, Шопенгауэромъ и Ницше. Ихъ творенія поражаютъ силой, глубиной, смѣлостью, красотой и оригинальностью мысли. Пока читаешь ихъ, кажется, что ихъ устами говоритъ сама истина. И какія мѣры предо-

сторожности принимали они, чтобъ не ошибиться! Они не вѣрили ничему изъ того, во что привыкли вѣрить люди. Они во всемъ методически сомнѣвались, все пересматривали десятки, сотни разъ. И какія жертвы они приносили: жизнь свою отдавали истинѣ—не на словахъ, на дѣлѣ. И все же итогъ тотъ же, что у Канта: ни одному изъ нихъ не удалось даже придумать систему, свободную отъ внутреннихъ противорѣчій. Аристотель уже критиковалъ Платона, скептики—ихъ обоихъ, и такъ до нашихъ дней, каждый новый, нарождающійся мыслитель борется со своими предшественниками, уличаетъ ихъ въ противорѣчіяхъ и заблужденіяхъ, хотя знаетъ, что самъ заранѣе обреченъ на такую же судьбу. Историки философіи изъ силъ выбиваются для того, чтобы скрыть эту наиболѣе рѣзко бросающуюся въ глаза, въ сущности ни для кого не составляющую тайны, черту философскаго творчества. Профаны и люди, которые вообще не любятъ думать и потому хотятъ презирать философію, указываютъ на отсутствіе единства среди философовъ, какъ на доказательство того, что философію не стоитъ изучать. Но и тѣ и другіе не правы. Исторія философіи не только не внушаетъ намъ мысли о преемственной эволюціи какой-нибудь идеи, но, наоборотъ, наглядно убѣждаетъ насъ въ противоположномъ: среди философовъ нѣтъ, не было и никогда не будетъ стремленія къ единству. И не найдутъ они, повидимому, и въ будущемъ свободной отъ противорѣчія истины, ибо истины, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается людьми и наукою, они и не ищутъ—

противорѣчія же ихъ, въ концѣ-концовъ, не пугаютъ, скорѣй—манятъ. Шопенгауэръ начинаетъ свою критику кантовской философіи словами Вольтера: дѣлать безнаказано великія ошибки—привилегія генія. Мнѣ кажется, что здѣсь и кроется разгадка тайны философскаго генія. Онъ дѣлаетъ великія, величайшія ошибки—и безнаказанно. Болѣе того, ему его ошибки въ заслугу ставятся, ибо дѣло не въ его истинахъ, не въ его сужденіяхъ, а въ немъ самомъ. Когда вы слышите отъ Платона, что видимая намъ жизнь есть только тѣнь; когда опьяненный Богомъ Спиноза славословитъ вѣчную необходимость, когда Кантъ заявляетъ, что разумъ диктуетъ законы природѣ,—вы, слушая ихъ, вовсе и не провѣряете, вѣрны или невѣрны ихъ утвержденія; вы соглашаетесь съ каждымъ изъ нихъ, что бы онъ вамъ ни сказалъ, и единственный вопросъ возникаетъ въ вашей душѣ: кто онъ такой, что говоритъ, какъ власть имѣющій. Впослѣдствіи вы отбросите отъ себя съ ужасомъ, можетъ, съ негодованіемъ и отвращеніемъ или даже совершенно равнодушно, всѣ ихъ истины. Вы не согласитесь признать, что наша жизнь есть только тѣнь настоящей дѣйствительности; вы возмутитесь противъ Бога Спинозы, который не можетъ любить, но требуетъ себѣ любви; категорическій императивъ Канта вамъ покажется холоднымъ чудовищемъ,—но вы никогда не забудете ни Платона, ни Спинозы, ни Канта, и навсегда сохраните благодарность къ нимъ—они заставили васъ повѣрить, что смертнымъ дана власть. И вы поймете тогда, что въ философіи нѣтъ заблужденій и истинъ; что заблуж-

денія и истины—для того, надъ кѣмъ есть высшая власть, законъ, норма. Философы же сами созидаютъ законы и нормы: этому учитъ насъ исторія философіи, это есть то, что труднѣе всего усвоить и понять человѣку. Я уже говорилъ, что историки философіи выносятъ совсѣмъ иную мораль изъ изученія великихъ человѣческихъ твореній.

Наука и метафизика.

Въ своей автобіографіи Спенсеръ признается, что онъ, собственно говоря, никогда не читалъ Канта. У него была въ рукахъ „Критика чистаго разума“ и онъ даже прочелъ начало — трансцендентальную эстетику, но это именно начало и убѣдило его, что дальше читать незачѣмъ. Разъ человѣкъ можетъ сдѣлать такое неправдоподобное допущеніе, какое сдѣлалъ Кантъ, признавши субъективность нашихъ формъ воспріятія—пространства и времени, съ нимъ уже нельзя серьезно считаться. Будетъ онъ послѣдовательнымъ, вся его философія окажется системой абсурдовъ и нелѣпостей; будетъ онъ непослѣдователенъ—тѣмъ менѣе онъ заслуживаетъ вниманія.

Спенсеръ убѣжденно утверждаетъ, что, разъ онъ не можетъ принять основное положеніе Канта, онъ уже не только не можетъ стать кантіанцемъ, но даже находитъ для себя излишнимъ дальнѣйшее знакомство съ философіей Канта. Что онъ не сталъ кантіанцемъ, въ этомъ бѣды мало—и безъ него кантіанцевъ достаточно; но что онъ не ознакомился съ

главными трудами Канта и, главное, со всей школой, вышедшей изъ Канта, объ этомъ можно искренно пожалѣть. Можетъ быть, какъ свѣжій, далекій отъ традицій континента человѣкъ, онъ сдѣлалъ бы любопытнѣйшее открытіе: онъ убѣдился бы, что вовсе нѣтъ надобности, принимать положеніе о субъективности пространства и времени, чтобы стать кантіанцемъ. И, можетъ быть, со свойственной ему откровенностью и простотой, не боящейся прослыть за наивность, онъ сказалъ бы намъ, что ни одинъ кантіанецъ (кромѣ Шопенгауэра), даже самъ Кантъ, никогда не принималъ серьезно основныя положенія трансцендентальной эстетики и потому не дѣлалъ изъ нихъ ровно никакихъ выводовъ и заключеній. Наоборотъ, трансцендентальная эстетика сама была выводомъ изъ другого положенія — о томъ, что у насъ есть синтетическія сужденія a priori. Оригинальная роль этой дѣйствительно оригинальнѣйшей изъ когда либо существовавшихъ теорій состояла въ томъ, чтобы служить опорой и объясненіемъ математическихъ наукъ. Самостоятельнаго, матеріальнаго содержанія, подлежащаго анализу и изученію, у ней какъ будто никогда и не было. Пространство и время суть вѣчныя формы нашего воспріятія міра — къ этому, по точному смыслу кантовскаго ученія, нельзя ничего прибавить, равно какъ отъ этого ничего убавить нельзя. Спенсеръ вообразилъ, не дочитавъ до конца книги, что Кантъ станетъ отсюда дѣлать заключенія—и испугался. Но если бы онъ дочиталъ книгу до конца, онъ бы убѣдился, что Кантъ никакихъ выводовъ не дѣлалъ, что весь смыслъ „Кри-

тики чистаго разума“ въ томъ именно и состоитъ, что изъ положеній трансцендентальной эстетики никакихъ выводовъ дѣлать не полагается. И вотъ скоро уже полтораста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вышла «Критика чистаго разума». Ни одно философское сочиненіе столько не изучалось и не комментировалось, какъ эта критика. И тѣмъ не менѣе—гдѣ тѣ кантіанцы, которые пытались бы сдѣлать выводы изъ положенія о субъективности пространства и времени? Одинъ Шопенгауэръ представляетъ исключеніе. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезно отнесся къ этой кантовской идеѣ,—но можно безъ преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ кантіанцевъ менѣе всего похожъ на Канта именно Шопенгауэръ.

Міръ есть покрывало Майи—развѣ Кантъ согласился бы на такое толкованіе своей трансцендентальной эстетики? Или, что сказалъ бы Кантъ, если бы онъ услышалъ, что, ссылаясь все на ту же эстетику, въ которой Шопенгауэръ видѣлъ геніальнѣйшее философское откровеніе, этотъ послѣдній допускалъ возможность ясновидѣнія и магіи? Вѣроятно, Спенсеръ думалъ, что самъ Кантъ сдѣлаетъ всѣ эти выводы, и потому бросилъ книгу, обязывающую къ столь нелѣпымъ заключеніямъ. И жаль, что Спенсеръ поторопился. Если бы онъ ознакомился съ Кантомъ, онъ убѣдился бы, что самая нелѣпая идея можетъ сослужить очень полезную службу, и что вовсе нѣтъ нужды дѣлать изъ идеи всѣ выводы, къ которымъ она можетъ привести. Человѣкъ—существо свободное: хочетъ—заключаетъ, не хочетъ—не заключаетъ, и поэтому судить по общимъ предпосылкамъ о ха-

рактерѣ философской теоріи нѣтъ никакой возможности. Даже Шопенгауэръ не использовалъ во всей полнотѣ кантовское открытіе, которое, если только оно, дѣйствительно, угадало скрывавшуюся до сихъ поръ отъ людей правду, должно было не то что положить конецъ метафизическимъ изысканіямъ, а, наоборотъ, дать толчекъ и поводъ къ совершенно новымъ, съ прежней точки зрѣнія прямо невѣроятнымъ и безумнымъ, опытамъ. Ибо разъ пространство и время суть формы нашего, человѣческаго воспріятія, стало быть они-то именно и скрываютъ отъ насъ послѣднюю истину. Пока люди ничего объ этомъ не знали и простодушно принимали видимость дѣйствительности за настоящую дѣйствительность, они, конечно, о настоящемъ познаніи не могли мечтать. Но съ того момента, какъ имъ, благодаря проницательности Канта, открылась истина—ясно, что ихъ задача состояла именно въ томъ, чтобы какимъ угодно способомъ освободиться отъ шоръ и преодолѣть, стало быть, а не закрѣпить in saecula saeculorum всѣ тѣ сужденія, которыя Кантъ называетъ синтетическими сужденіями a priori. И метафизика, новая, критическая метафизика, давшая себѣ отчетъ въ томъ, въ какомъ глупомъ положеніи находились до сихъ поръ люди, видѣвшіе въ аподиктическихъ сужденіяхъ вѣчныя истины, должна была поставить себѣ великую задачу: отвязаться во что бы то ни стало отъ аподиктическихъ сужденій, какъ завѣдомо ложныхъ. Иными словами, задача Канта должна была бы быть не въ томъ, чтобъ остановить разрушительное дѣйствіе юмовскаго скептицизма, а въ томъ, чтобъ найти

новый, еще болѣе сильный взрывчатый матеріалъ и разрушить даже тѣ преграды, которыя Юмъ принужденъ былъ сохранить. Вѣдь очевидно, что истина лежитъ за синтетическими сужденіями a priori! И что она вовсе не должна быть похожа на апріорное сужденіе, что она вообще не должна быть похожа на сужденіе.

И искать ее нужно совсѣмъ не такъ, какъ ее до сихъ поръ искали. До нѣкоторой степени Кантъ пытался изобразить, какъ онъ представляетъ себѣ скрывающійся подъ словами „пространство и время суть субъективныя формы воззрѣнія“ смыслъ. Онъ даже и наглядный примѣръ представлялъ: можетъ быть,— говорилъ онъ,—что есть существа, воспринимающія міръ не въ формахъ пространства и времени. Это значитъ, что для такихъ существъ измѣненія не существуютъ. Все, что мы воспринимаемъ въ послѣдовательной смѣнѣ — они воспринимаютъ сразу. Для нихъ Цезарь и живетъ еще, и умеръ, для нихъ XXV вѣкъ по Р. Х., до котораго никто изъ насъ не доживетъ, и XXV вѣкъ до Р. Х., который мы съ такимъ трудомъ воспроизводимъ по случайно сохранившимся отрывочнымъ слѣдамъ прошлаго, отдаленный сѣверный полюсъ и даже тѣ звѣзды, которыя не видны въ телескопъ,—все такъ же доступно ихъ сознанію, какъ для насъ происходящія на нашихъ глазахъ событія. И тѣмъ не менѣе, Кантъ, несмотря на весь соблазнъ добыть то знаніе, которое доступно такимъ существамъ, несмотря на свое глубокое убѣжденіе въ истинности своего открытія, пальцемъ о палецъ не ударилъ, чтобы разрушить очарованіе

формъ воспріятія и категорій разсудка, чтобъ сорвать съ себя шоры и увидѣть всю глубину таинственной, доселѣ скрытой отъ насъ дѣйствительности. Онъ даже не объясняетъ сколько-нибудь обстоятельно, отчего онъ считаетъ такую задачу невыполнимой, и ограничивается догматическимъ утвержденіемъ, что человѣкъ не можетъ постигнуть дѣйствительность внѣ пространства и времени. Почему? Вѣдь это вопросъ такой огромной важности! Сравнительно съ нимъ отступаютъ на второй планъ всѣ вопросы „Критики чистаго разума“. Какъ возможна математика, какъ возможны естественныя науки,—въ концѣ-концовъ даже и не вопросы по сравненію съ тѣмъ, возможно ли намъ освободиться отъ условнаго человѣческаго знанія, чтобъ добиться послѣдней, всеобъемлющей истины.

Кантіанцы въ этомъ отношеніи проявляютъ еще болѣе равнодушія, чѣмъ Кантъ, и даже гордятся своимъ равнодушіемъ, ставятъ его себѣ въ высокую моральную заслугу. Они утверждаютъ, что истина вовсе не *за* синтетическими сужденіями a priori, а именно въ нихъ, и что не Творецъ надѣлъ на насъ шоры, а что эти шоры мы сами себѣ изобрѣли, и что всякая попытка снять ихъ съ себя и открытыми глазами посмотрѣть на міръ—свидѣтельствуетъ о развращенности. Если бы теперь древній змій явился соблазнять современнаго Адама, онъ ушелъ бы не солоно хлебавши. Ему и Ева не помогла бы: Ева XX столѣтія учится въ университетѣ и уже въ достаточной степени притупила свою природную любознательность. Она превосходно говоритъ о телеоло-

гической точкѣ зрѣнія и не менѣе мужчины защищена отъ искушенія. Я не раздѣляю увѣренности Канта, что пространство и время суть формы нашего воспріятія, и не вижу въ этомъ откровенія. Но, если бы я принялъ это апокалиптическое утвержденіе, если бы я могъ думать, что въ немъ кроется истина, я бы уже не ушелъ отъ него къ положительной наукѣ.

Жаль, что Спенсеръ не дочиталъ „Критики чистаго разума“. Онъ убѣдился бы въ важной истинѣ: философу вовсе нѣтъ надобности считаться со всѣми выводами изъ своихъ предпосылокъ. Нужно лишь имѣть добрую волю, и изъ самой парадоксальной и подозрительной предпосылки можно извлечь выводы, вполнѣ согласные и со здравымъ смысломъ, и съ правилами добропорядочности. А такъ какъ воля Канта въ такой же мѣрѣ была доброй, какъ и воля Спенсера, то въ выводахъ они вполнѣ бы сошлись, хотя въ основныхъ положеніяхъ были такъ далеки другъ отъ друга.

Молчаливая предпосылка.

Шопенгауэръ первый въ философіи поставилъ вопросъ о цѣнности жизни. И далъ на него опредѣленный отвѣтъ: въ жизни гораздо болѣе страданій и горя, чѣмъ радостей,—слѣдовательно, жизнь должна быть отвергнута. Прибавлю, что онъ, собственно, поставилъ вопросъ не только о цѣнности жизни, но и о цѣнности радости и страданія. И на этотъ вопросъ далъ не менѣе опредѣленный отвѣтъ: радость, по его ученію, всегда отрицательна, страданіе же всегда

положительно. Стало быть, по самому существу своему, радость не можетъ искупить горя.

Во всемъ этомъ философскомъ построеніи—и въ постановкѣ, и въ разрѣшеніи вопроса—особенно любопытна и интересна одна молчаливая, невыраженная предпосылка. Шопенгауеръ исходитъ изъ предположенія, что его оцѣнка жизни, радости и страданія—для того, чтобы имѣть право называться истиной, должна заключать въ себѣ нѣчто общеобязательное и, въ силу того, совпадать въ послѣднемъ счетѣ съ оцѣнкой всѣхъ другихъ людей. Съ чего онъ взялъ это? Психологически ходъ мысли Шопенгауэра понятенъ и легко объяснимъ. Онъ привыкъ къ научной постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ, и въ занимающій его вопросъ онъ перенесъ пріемы изслѣдованія, которые, по общему признанію, обыкновенно приводятъ насъ къ истинѣ. Своей предпосылки онъ не провѣрялъ ad hoc, да и вообще вѣдь нельзя провѣрять предпосылку каждый разъ, когда въ ней является надобность. Ее даже не полагается выставлять на видъ, называть. Она разумѣется сама собой. Если основной признакъ всякой истины есть ея всеобщность и обязательность, то и въ данномъ случаѣ истиннымъ отвѣтомъ на вопросъ о цѣнности жизни будетъ лишь тотъ, который окажется пріемлемымъ безусловно для всѣхъ людей, даже для всѣхъ разумныхъ существъ. Такъ бы, вѣроятно, отвѣтилъ Шопенгауэръ, если бы кто-нибудь усомнился въ его правѣ на самую постановку въ такой общей формѣ вопроса о цѣнности жизни.

Однако, едва ли бы Шопенгауэръ былъ правъ.

Это, между прочимъ, выясняется и изъ тѣхъ возраженій, которыя представляются его противниками. Его упрекаютъ въ томъ, что самая постановка вопроса предполагаетъ субъективную точку зрѣнія — эвдаймонизмъ.

Вопросъ о цѣнности жизни, возражаютъ ему, вовсе не рѣшается тѣмъ, даетъ ли въ общемъ итогѣ жизнь больше радостей, чѣмъ страданій, или наоборотъ. Жизнь можетъ быть глубоко мучительна и безрадостна, жизнь можетъ представлять изъ себя одинъ сплошной ужасъ —и всетаки быть цѣнной. Философія Шопенгауэра не обсуждалась при его жизни, такъ что онъ ничего не могъ отвѣтить своимъ противникамъ,— но, если бы онъ былъ живъ еще, принялъ бы онъ эти возраженія и отказался бы отъ пессимизма? Убѣжденъ, что нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я убѣжденъ, что и его противники оказались бы не менѣе стойкими и продолжали бы твердить свое: не въ радостяхъ и не въ страданіяхъ дѣло,—мы оцѣниваемъ жизнь по совсѣмъ иному, автономному масштабу. И вотъ при этомъ спорѣ выяснилось бы, можетъ быть, для обѣихъ спорящихъ сторонъ, что предпосылка, о которой я упоминалъ выше, и которую онѣ обѣ приняли, какъ не требующую доказательства и разумѣющуюся безъ объясненій, требуетъ и доказательствъ, и разъясненій, и не можетъ представить ни тѣхъ, ни другихъ. Для иного эвдаймонистическая точка зрѣнія является послѣдней и рѣшающей, другому она кажется презрѣнной и низменной, и онъ смысла жизни ищетъ въ какой-либо высшей, этической или эстетической цѣли. Бываютъ и такіе люди, которые любятъ горе

и страданіе и въ нихъ видятъ оправданіе и источникъ глубины и значительности жизни. Я уже не говорю о томъ. что при подведеніи итоговъ жизни обыкновенно получаются у разныхъ счетчиковъ разные, прямо противоположные результаты, что возникаютъ неразрѣшимые споры по поводу тѣхъ или иныхъ частностей. Шопенгауэръ, къ примѣру, находитъ, какъ мы видѣли, что страданія положительны, а радости—отрицательны. И отсюда заключаетъ, что ради самой большой радости не стоитъ подвергаться даже малой непріятности. Что можно отвѣтить ему? Какъ разубѣдить его? А межъ тѣмъ фактъ налицо: многіе смотрятъ совсѣмъ иначе на дѣло и ради одной радости готовы выносить множество очень серьезныхъ трудностей. Словомъ, предпосылка Шопенгауэра совершенно незаконна и не только не можетъ быть принята, какъ несомнѣнная истина, но должна быть квалифицирована, какъ несомнѣнное заблужденіе. Нельзя впередъ быть увѣреннымъ, что на вопросъ о цѣнности жизни можетъ быть данъ единый, для всѣхъ обязательный отвѣтъ. Иными словами, мы сталкиваемся здѣсь съ чрезвычайно любопытнымъ, съ гносеологической точки зрѣнія, случаемъ. Оказывается, что на одинъ изъ важнѣйшихъ, можетъ быть даже на самый важный философскій вопросъ, по самому существу дѣла не можетъ быть данъ единообразный отвѣтъ. Если васъ спросятъ, что есть жизнь: добро или зло, вы принуждены сказать, что жизнь есть и добро, и зло, и нѣчто совершенно индифферентное, стоящее внѣ добра и зла, и смѣсь добра и зла, въ

которомъ больше добра, чѣмъ зла, и зла, чѣмъ добра и т. д.

И, подчеркиваю, каждый изъ этихъ отвѣтовъ, несмотря на то, что логически они другъ друга совершенно исключаютъ, въ правѣ претендовать на титулъ *истины*, такъ какъ, если онъ и не обладаетъ достаточной властью для того, чтобы заставить преклониться предъ собой другіе отвѣты, то во всякомъ случаѣ найдетъ въ себѣ силы. нужныя для того, чтобы отбить нападеніе противниковъ и отстоять свои суверенныя права. Вмѣсто единой и всевластной истины, предъ которой трепещутъ слабыя и беззащитныя заблужденія, вы имѣете предъ собою цѣлый рядъ прекрасно вооруженныхъ и защищенныхъ, совершенно независимыхъ истинъ. Вмѣсто королевскаго режима—феодальный строй. И феодалы крѣпко засѣли въ своихъ замкахъ: опытный глазъ сразу убѣждается, что ихъ укрѣпленія неприступны.

Я взялъ для примѣра ученіе Шопенгауэра о цѣнности жизни. Но многія философскія ученія, несмотря на то, что они исходятъ изъ предпосылокъ о единой, суверенной истинѣ,—являютъ намъ примѣры множественности истинъ. Обыкновенно думаютъ, что исторію философіи слѣдуетъ изучать затѣмъ, чтобъ воочію убѣдиться, какъ человѣчество постепенно преодолѣваетъ свои заблужденія и приближается къ послѣдней истинѣ. Я думаю, что исторія философіи должна приводить всякаго безпристрастнаго, не зараженнаго современными предразсудками человѣка къ прямо противоположному заключенію. Несомнѣнно, что существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые, какъ и воп-

росъ о цѣнности жизни, не допускаютъ по самому существу своему единообразнаго рѣшенія. Объ этомъ часто свидѣтельствуютъ люди, менѣе всего заинтересованные въ томъ, чтобъ опорочить королевскія прерогативы самодержавной истины. Наторпъ съ увѣренностью утверждаетъ, что Аристотель не то, что не понялъ, но не могъ понять Платона. „Der tiefere Grund ist die ewige Unfähigkeit des Dogmatismus sich in den Gesichtpunkt der kritischen Philosophie überhaupt zu versetzen". Ewige Unfähigkeit—слово-то какое! И не о комъ-нибудь, а о величайшемъ—изъ намъ извѣстныхъ—человѣческомъ геніи—объ Аристотелѣ. Если бы Наторпъ былъ нѣсколько любознательнѣе, такого рода ewige Unfähigkeit должна была бы его обезпокоить, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько и философія Платона, о которой онъ написалъ большую книгу. Ибо мы тутъ, очевидно, стоимъ передъ величайшей загадкой: разные люди, смотря по ихъ душевной организаціи, осуждены еще въ утробѣ матери имѣть ту или иную философію. Догматики въ свою очередь говорятъ или могутъ говорить объ ewige Unfähigkeit ихъ противниковъ. Это напоминаетъ собою знаменитое кальвиновское толкованіе предопредѣленія. Богъ еще до рожденія однихъ осудилъ на гибель, другихъ на спасеніе, однимъ дано, другимъ не дано знать истину. И вѣдь не Наторпъ одинъ такъ разсуждаетъ: вся современная философія,—вѣрнѣе, всѣ современные философы, постоянно пререкающіеся межъ собою, подозрѣваютъ другъ друга въ ewige Unfähigkeit. Тѣхъ способовъ убѣжденія, которыми располагаютъ представители другихъ, положительныхъ наукъ, у

философовъ нѣтъ: они не умѣютъ принудить всякаго къ нежелательнымъ заключеніямъ. Ихъ послѣднее ratio, ихъ личный взглядъ, ихъ личное убѣжденіе, ихъ послѣднее убѣжище—ссылка на вѣчную неспособность ихъ противниковъ понять ихъ. Тутъ для всякаго ясна трагическая дилемма. Одно изъ двухъ: либо на философію нужно совсѣмъ махнуть рукой, либо то, что Наторпъ называетъ ewige Unfähigkeit, есть не порокъ, не слабость, а великая добродѣтель, сила—до сихъ поръ неоцѣненная и непонятая. Дѣйствительно, Аристотель органически не могъ понять Платона, такъ же какъ Платонъ не могъ бы понять Аристотеля, какъ они оба не могли понять скептиковъ и софистовъ, какъ Лейбницъ не могъ понять Спинозу, Шопенгауэръ Гегеля и т. д, вплоть до нашихъ смутныхъ дней, когда ни одинъ изъ философовъ не можетъ понять никого, кромѣ самого себя. Болѣе того, философы не только не стремятся къ взаимному пониманію и единенію, но обыкновенно неохотно замѣчаютъ въ себѣ сходство со своими предшественниками. Когда Шопенгауэру указали на сходство его ученія съ ученіемъ Спинозы, онъ воскликнулъ: pereant qui ante nos nostra dixerunt. А межъ тѣмъ представители другихъ, положительныхъ наукъ, другъ друга понимаютъ, спорятъ рѣдко и не аргументируютъ никогда ссылкой на ewige Unfähigkeit своихъ товарищей. Можетъ быть, въ философіи, описанный выше, хаотическій порядокъ вещей и своеобразная аргументація zur Sache gehören, можетъ быть здѣсь такъ и быть должно, что Аристотель не понимаетъ Платона, т.-е. не признаетъ его, матеріалисты вѣчно

враждуютъ съ идеалистами, критицисты съ догматиками и т. д. Иными словами, та предпосылка, съ которой Шопенгауэръ приступилъ къ изслѣдованію вопроса о цѣнности жизни и которую, какъ мы указывали, онъ взялъ непровѣренной у представителей положительныхъ наукъ, эта предпосылка, вполнѣ примѣнимая на своемъ мѣстѣ, — совершенно не годится для философіи. И, на самомъ дѣлѣ, философы, хотя никогда и нигдѣ этого не разсказываютъ, гораздо болѣе цѣнятъ свои индивидуальныя убѣжденія, чѣмъ всеобщую и обязательную истину. Невозможность отыскать единую философскую истину безпокоитъ кого угодно, только не философовъ, которые, какъ только добудутъ для себя убѣжденія, нисколько не заботятся о томъ, чтобъ обезпечить имъ всеобщее признаніе. Они хлопочутъ только о томъ, чтобы освободиться отъ вассальной зависимости и пріобрѣсти для себя суверенныя права,—будутъ ли, наряду съ ними, существовать еще другія владѣтельныя особы, это уже ихъ сравнительно мало занимаетъ.

Слѣдовало бы попытаться такъ изложить исторію философіи, чтобъ указанная тенденція проявлялась въ ней съ достаточной ясностью. Это избавило бы насъ отъ многихъ предразсудковъ и расчистило бы путь для новыхъ, очень важныхъ, изысканій. Кантъ, раздѣлявшій мнѣніе, что истина для всѣхъ одна, былъ убѣжденъ, что метафизика должна быть наукой a priori, и, такъ какъ она не можетъ быть наукой a priori, то ей слѣдуетъ совсѣмъ перестать существовать. Если бы въ его время исторія философіи излагалась и понималась иначе, ему бы не пришло въ

голову такъ оспаривать права метафизики. И, вѣроятно, онъ не сталъ бы огорчаться ни противорѣчивостью, ни бездоказательностью ученій разныхъ метафизическихъ школъ. Иначе вѣдь не можетъ и не должно быть. Человѣчество заинтересовано не въ томъ, чтобы положить конецъ разнообразію философскихъ ученій, а въ томъ, чтобы дать этому вполнѣ естественному явленію развиваться вглубь и вширь. Философы инстинктивно всегда стремились къ этому– оттого они и доставляли столько хлопотъ историкамъ философіи.

Первые и послѣдніе.

Въ первомъ томѣ «Menschliches, Allzumenschliches», написанномъ Ницше въ самомъ началѣ его болѣзни, когда онъ былъ далекъ еще отъ послѣдней побѣды и преимущественно разсказывалъ о своихъ пораженіяхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательное, хотя наполовину невольное признаніе: die völlige Unverantwortlichkeit des Menschen für seine Handlungen und sein Wesen ist der bitterste Tropfen, welchen der Erkennende schlucken muss, wenn er gewohnt war in der Verantwortlichkeit und der Pflicht den Adelsbrief seines Menschentums zu sehen.

Много горечи приходится проглотить испытующему духу, — но самое горькое — въ признаніи, что твои нравственныя качества, твоя готовность исполнить безропотно твой долгъ не даетъ тебѣ никакихъ преимуществъ предъ другими людьми. Ты думалъ, что ты благородный дворянинъ, даже владѣтельный князь, украшенный короной, всѣ же остальные люди—

мужичье сиволапое, а ты — такой же мужикъ или такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе. Adelsbrief— грамота, какъ оказывается, есть то, изъ-за чего исполнялся самый тяжелый долгъ, изъ-за чего приносились жертвы, что составляло смыслъ жизни. И когда вдругъ выясняется, что никакихъ чиновъ и знаковъ отличія впереди не предвидится — это кажется ужасной, неслыханной катастрофой, геологическимъ переворотомъ,—жизнь теряетъ всякій смыслъ. Повидимому, это убѣжденіе, высказанное въ приведенныхъ словахъ съ такою трогательною откровенностью, было второй природой Ницше, справиться съ нимъ онъ не могъ до конца жизни. Что такое Uebermensch, какъ не титулъ, грамота, дающая право называться дворяниномъ среди мужичья? Что такое паѳосъ разстоянія и все ученіе Ницше о рангахъ? Формула по ту сторону добра и зла была далеко не такъ всеуничтожающей, какъ это казалось на первый взглядъ. Даже наоборотъ, пожалуй: уничтожая одни законы, начертанные на скрижаляхъ завѣта стараго человѣчества, она какъ будто бы выявляла другіе, истершіеся отъ времени, и потому для многихъ почти невидимые.

Вся нравственность, все добро an und für sich отвергается, но Adelsbrief, грамота тѣмъ болѣе растетъ въ своей цѣнѣ, становится, если не единственной, то, во всякомъ случаѣ, главной цѣнностью. Жизнь теряетъ свой смыслъ, разъ титулы и чины будутъ уничтожены, разъ отнимается право высоко носить голову, выпячивать грудь и даже животъ, презрительно смотрѣть на окружающихъ тебя.

Для того, чтобы было понятно, до какой степени ученіе о рангахъ срослось съ человѣческой душой—я напомню слова Евангелія о первыхъ и послѣднихъ. Христосъ, который, кажется, говорилъ языкомъ совершенно новымъ, который училъ людей презирать земныя блага,—богатства, славу, почести, который такъ легко уступалъ все это кесарю, ибо считалъ, что только кесарю оно можетъ быть нужнымъ, самъ Христосъ, обращаясь къ людямъ, не счелъ возможнымъ отнять у нихъ надежду на отличіе. Послѣдніе здѣсь будутъ первыми тамъ. Какъ? И тамъ будутъ первые и вторые? Въ Евангеліи такъ сказано,—потому ли, что и на самомъ дѣлѣ такое дѣленіе людей по рангамъ есть нѣчто изначальное, непреходящее, или потому, что Христосъ, разговаривая съ людьми, не могъ не говорить человѣческими словами? Можетъ быть, если бы не это обѣщаніе, если бы вообще не рядъ доступныхъ человѣческому пониманію обѣщаній—наградъ—Евангеліе не исполнило бы своей великой исторической миссіи, прошло бы совершенно незамѣченнымъ на землѣ, и никто бы не учуялъ и не призналъ бы въ немъ благой вѣсти. Христосъ зналъ, что отъ всего могутъ отказаться люди, только не отъ права первенства, отъ превосходства предъ своими ближними, отъ того, что Ницше называетъ Adelsbrief. Безъ этой прерогативы извѣстнаго рода людямъ жить нельзя. Они становятся тѣмъ, что нѣмцы называютъ такъ удачно Vogelfrei—лишенными покровительства законовъ, ибо въ этомъ единственный источникъ ихъ права. Грубая, безсмысленная, отвратительная дѣйствительность, единственной защитой отъ которой, повторяю и под-

черкиваю, является Adelsbrief, неписанная грамота, все ближе, неотступнѣе и грознѣе подходитъ къ нимъ и предъявляетъ свои требованія. „Разъ ты такой же, какъ и всѣ прочіе люди,—говоритъ она,—принимай отъ меня свой жизненный опытъ, исполняй свои будничныя повинности, хуже того, принимай отъ меня тѣ кары и внушенія, которымъ подвергается все непривиллегированное сословіе — вплоть до тѣлеснаго наказанія". Какъ принять такія унизительныя условія тому, кто привыкъ думать, что онъ въ правѣ высоко нести свою голову, быть независимымъ и гордымъ человѣкомъ? Ницше съ тупой покорностью пытается проглотить ужасную горечь этого жизненнаго признанія—но мужества и выносливости, его мужества и выносливости не хватаетъ для этого величайшаго и труднѣйшаго подвига. Онъ не выноситъ ужаса безправной, не защищенной жизни — онъ снова ищетъ силы и власти, которая была бы его покровительницею и вернула бы ему отнятыя права. И не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не получаетъ подъ инымъ названіемъ полное in integrum restitutio, всѣ принадлежавшія ему прежде права. И вѣдь не одинъ Ницше такъ поступалъ: вся исторія этики, вся исторія философіи есть въ значительной степени непрерывное исканіе преимуществъ и привиллегій, грамотъ и хартій. Христіане Достоевскій и Толстой въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ врага христіанства—Ницше. Смиренный еврей Спиноза и столь же смиренный язычникъ Сократъ, идеалистъ Платонъ и реалистъ Аристотель, основатели новѣйшихъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ системъ — Кантъ,

Фихте, Гегель, даже пессимистъ Шопенгауэръ—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, добиваются грамоты, грамоты и грамоты. Очевидно, безъ грамоты жизнь здѣсь, на землѣ, обращается для „лучшихъ“ людей въ безумный кошмаръ и становится невыносимой пыткой. Даже основатель христіанства, такъ легко отказавшійся отъ всѣхъ привилегій, эту привилегію счелъ возможнымъ сохранить для своихъ учениковъ, а можетъ быть,—кто знаетъ?—и для самого себя...

А между тѣмъ, если бы Ницше и другіе названные философы могли бы рѣшительно отвергнуть титулы, чины и почести, раздаваемые не только моралью, но и всѣми другими поставленными надъ человѣкомъ дѣйствительными и воображаемыми синедріонами, если бы они испили до дна эту чашу, можетъ быть, они узнали бы, увидѣли и услышали—многое такое, чего никто и не подозрѣвалъ до сихъ поръ. Вѣдь путь къ познанію—это уже давно извѣстно—ведетъ черезъ великое самоотреченіе. Ни праведность, ни даже геній не даетъ тебѣ никакихъ преимуществъ предъ другими. Ты лишенъ, навсегда лишенъ покровительства земныхъ законовъ. Да и никакихъ законовъ нѣтъ даже. Сегодня ты царь, завтра—рабъ, сегодня ты Богъ, завтра—червякъ, и червякъ раздавленный; сегодня ты первый, завтра — послѣдній. И раздавленный тобою сегодня червякъ—завтра будетъ богомъ, твоимъ богомъ. Всѣ дѣленія и скалы, по которымъ отличались люди, стерты навсегда, и нѣтъ увѣренности, что однажды занятое тобой мѣсто останется за тобой. И вѣдь знали это всѣ философы, зналъ и Ницше, по опыту зналъ! Онъ былъ другомъ, союзникомъ и сотрудникомъ великаго Вагнера, про-

возвѣстникомъ новой эры на землѣ—и онъ же потомъ валялся въ прахѣ, разбитый и раздавленный. И второй разъ съ нимъ произошло то же. Послѣ Заратустры онъ впалъ въ безуміе, точнѣе, обратился въ полуидіота. Правда, тайна второго паденія унесена имъ съ собою въ могилу. Но кой-что все таки дошло до насъ, какъ ни скрывала его сестра отъ постороннихъ глазъ постигшую его метаморфозу. И вотъ мы спрашиваемъ: неужели въ рангѣ, въ грамотѣ, въ Adelsbrief сущность жизни? И развѣ можно понимать въ буквальномъ смыслѣ слова Христа о первыхъ и послѣднихъ? Не есть ли всѣ синедріоны, поставленные надъ человѣкомъ и яко бы осмысливающіе его жизнь, только фикціи—крайне полезныя и даже необходимыя въ извѣстные моменты жизни, но столь же вредныя, даже опасныя, чтобъ не сказать больше, при измѣнившихся обстоятельствахъ? Не начинается ли жизнь, самая настоящая, желанная жизнь, та, которую тысячелѣтія отыскиваютъ люди, тамъ, гдѣ нѣтъ первыхъ и послѣднихъ, праведниковъ и грѣшниковъ, геніевъ и бездарностей? Не есть ли погоня за признаніемъ, за превосходствомъ, за грамотами и хартіями, за рангами то, что мѣшаетъ видѣть человѣку жизнь съ ея скрытыми чудесами? И точно ли нужно человѣку искать защиты въ департаментахъ герольдіи, или есть у него иная, неистребимая временемъ сила? Можно быть добрымъ, умнымъ, ученымъ, даровитымъ, даже геніальнымъ человѣкомъ, но требовать себѣ какихъ бы то ни было привилегій за это—значитъ предавать и доброту, и умъ, и даръ, и геній, и величайшія надежды человѣчества. Послѣдніе здѣсь не будутъ нигдѣ первыми...

Разрушающій и созидающій міры.

(По поводу 80-лѣтняго юбилея Толстого).

The time is out of joint..
W. Shakespeare

I.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность свою въ Парижѣ, Толстому случилось однажды присутствовать при смертной казни. Онъ нигдѣ подробно не разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ отъ этого ужаснаго зрѣлища. Только однажды въ „Исповѣди“ встрѣчается у него слѣдующее краткое замѣчаніе: „Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то, и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка и что, если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно, я знаю, что это не нужно, что это дурно“. Толстой былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ — ему было что-то около тридцати лѣтъ, и вотъ тогда уже онъ находилъ возможнымъ противопоставлять свое личное сужденіе сужденіямъ всѣхъ существующихъ и

существовавшихъ съ сотворенія міра людей. И, безъ всякаго сомнѣнія, въ приведенныхъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Во всемъ мірѣ за все время его безконечнаго существованія нельзя было бы найти такую силу, которая могла принудить Толстого отказаться отъ его убѣжденія и признать смертную казнь не то, что нужной или хорошей, но имѣющей хотя бы какое-нибудь оправданіе. Это—съ одной стороны. Съ другой же, очевидно, и у Толстого не было той силы, которая могла бы заставить людей перестать казнить своихъ ближнихъ. Теперь, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его путешествія въ Парижъ, онъ снова съ тѣмъ же негодованіемъ и съ той же страстью возстаетъ противъ смертной казни: „не могу молчать“, кричитъ онъ на весь міръ, — и снова безрезультатно. Теперь онъ уже не неизвѣстный молодой графъ, путешествующій по Европѣ, теперь онъ самый знаменитый изъ всѣхъ, живущихъ на землѣ людей, теперь его слышитъ весь міръ. Но и теперь его громкій протестъ, какъ и тогда его молчаливое негодованіе, не оказываетъ никакого дѣйствія. Его слышатъ, но съ нимъ не считаются и продолжаютъ казнить. Толстой не уступаетъ и не уступитъ; міръ тоже не уступаетъ и не уступитъ, никогда не уступитъ: это знаютъ всѣ, это знаетъ и самъ Толстой.

Этотъ случай необыкновенно характеренъ для Толстого. Вся жизнь его — есть непрерывная борьба. Онъ хочетъ преодолѣть и передѣлать дѣйствительность, которую онъ искренно, отъ всей души ненавидитъ, и въ борьбѣ съ ней развиваетъ необыкновенную, титаническую мощь и силу.

Люди восторгаются Толстымъ, преклоняются передъ нимъ, но дѣйствительность не поддается, остается тою же, что и прежде. Она даже какъ будто вдвойнѣ торжествуетъ: вѣдь Толстой, огромный, колоссальный Толстой—тоже ея дѣтище, плоть отъ ея плоти, кровь отъ ея крови. Онъ принадлежитъ ей, онъ, протестующій и проклинающій ее. Своего великаго Толстого она никому не отдастъ...

Тогда же, за границей, Толстому пришлось увидѣть еще вторую смертную казнь, — но уже не отъ руки человѣка. Умеръ его старшій братъ, добрый, умный, хорошій человѣкъ. Вдругъ, неизвѣстно почему заболѣлъ и черезъ годъ тяжелыхъ мученій скончался. Опять ужасъ, опять Толстой могъ бы повторить, что, если бы всѣ существующіе и всѣ существовавшіе отъ сотворенія міра люди стали бы убѣждать его, что это нужно, что это хорошо, онъ знаетъ, что это дурно, безусловно не нужно, что этого быть не должно. Но онъ даже уже не говоритъ этого, и теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ не обращается къ природѣ, какъ обратился къ людямъ со своимъ страстнымъ призывомъ: „не могу молчать“.

Съ людьми бороться кажется возможнымъ, негодовать противъ природы—безуміе.

Всѣ знаютъ, чѣмъ и какъ отвѣтилъ Толстой на эти двѣ смерти. Онъ вернулся въ Россію, сперва было занялся литературой и литературно-педагогической дѣятельностью, но вскорѣ женился и исключительно отдался своей семейной жизни, личнымъ дѣламъ и художественному творчеству. И если бы въ то время, т.-е. въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ

годахъ, кто-нибудь попытался сказать Толстому, что его отвѣтъ — не отвѣтъ, что онъ не имѣетъ права ни на семейное счастье, ни на дѣловыя радости, ни на художественное творчество, онъ бы умѣлъ дать отпоръ всякому и защитить свои права отъ непрошенныхъ учителей. „Я стою у своего дома съ кинжаломъ и револьверомъ, пусть осмѣлится кто-либо войти въ него“. И голосъ его звучитъ такой рѣшительностью и непреклонностью, что едва ли кто-нибудь безъ крайней нужды сталъ бы вступать въ борьбу съ нимъ. Каждому ясно, что тутъ было бы дѣло не шуточное, и что борьба предстояла не на жизнь, а на смерть. Толстой былъ готовъ и умѣлъ постоять за себя.

А между тѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ жизни Толстого былъ періодъ, когда онъ чувствовалъ, что онъ погибъ, что защищать револьверомъ и кинжаломъ нечего, ибо у него нѣтъ дома, нѣтъ жизни, ибо онъ самъ совсѣмъ сошелъ на нѣтъ. Его педагогическая дѣятельность, какъ теперь уже для всѣхъ очевидно, была лишь попыткой спастись путемъ какой угодно трудной, сложной, поглощающей работы и заботы отъ неминуемой гибели. Ему нужно было дѣйствовать, нападать, бороться — объ этомъ свидѣтельствуютъ въ достаточной степени его педагогическія статьи, на три четверти состоящія изъ страстной, рѣзкой, часто несправедливой полемики. Все, что дѣлаютъ учителя и общественные дѣятели — скверно, все не такъ. Все нужно радикально измѣнить, все передѣлать. Даже впослѣдствіи, послѣ женитьбы, эта вражда къ признаннымъ педа-

гогамъ и земскимъ дѣятелямъ продолжала по инерціи жить въ Толстомъ, хотя, собственно, причинъ, ее вызвавшихъ, уже давно не было. Но школьная дѣятельность, разумѣется, не удовлетворила и не успокоила Толстого. Наоборотъ, она еще болѣе разстроила его. „Я чувствовалъ,—признается онъ самъ черезъ много лѣтъ въ „Исповѣди“, — что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться... Я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически — бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животной жизнью“.

Какимъ же образомъ отъ этого полубезумнаго душевнаго состоянія пришелъ Толстой къ тому внутреннему спокойствію, которое, по его собственнымъ словамъ въ „Исповѣди“, дали ему первыя пятнадцать лѣтъ семейной жизни? Объ этомъ въ „Исповѣди“ почти ничего не говорится. „Исповѣдь“ разсказываетъ лишь о томъ, почему съ Толстымъ произошелъ переворотъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, какъ же онъ спасся отъ своихъ ужасовъ въ молодости, объ этомъ мы можемъ судить, вѣрнѣе, умозаключать, лишь по тѣмъ слѣдамъ, которые его внутреннія переживанія оставили на его художественныхъ произведеніяхъ. Въ „Исповѣди“ мы находимъ всего лишь одно, правда, чрезвычайно важное и цѣнное для насъ указаніе. „Я бы,—говоритъ Толстой,— уже тогда (т.-е. до женитьбы) пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если бы у меня не было еще одной стороны

жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе,—это была семейная жизнь".

Указаніе чрезвычайно цѣнное. Во-первыхъ, мы узнаемъ изъ него, что еще въ молодости Толстой уже зналъ припадки того отчаянія, которое впослѣдствіи, по его признанію, чуть не довело его до самоубійства. А, во-вторыхъ, что для насъ еще важнѣе, мы можемъ установить фактъ, что противъ самаго безумнаго отчаянія — есть средство, и не то, о которомъ говоритъ Толстой въ „Исповѣди" (т.-е. не религія). Правда, средство временное, не на всю жизнь. Но вѣдь пятнадцать лѣтъ—срокъ не малый.

II.

Толстой говоритъ, что средство это — семейная жизнь, т.-е. что семейная жизнь спасла его. Какъ будто похоже на правду—но, если внимательно ознакомиться съ тѣми произведеніями, которыя Толстой написалъ въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ послѣ своей женитьбы, никакъ нельзя согласиться, что его спасла возможность извѣдать еще одну неизвѣданную сторону жизни. Весьма вѣроятно, что Толстой, если бы не женился, заболѣлъ бы, сошелъ бы въ концѣ-концовъ съ ума, даже, можетъ быть, покончилъ съ собой. Но это не значитъ, что семья дала содержаніе пятнадцати годамъ его жизни. Въ немъ были живы и иные страсти, увлеченія и интересы, въ немъ были скрыты не только тѣ силы, которыя нужны человѣку для того, чтобы быть счаст-

ливымъ мужемъ и отцомъ. Первыя пятнадцать лѣтъ его семейной жизни были расцвѣтомъ его творческихъ силъ: онъ написалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину». И, если теперь онъ сводитъ всю свою жизнь этого періода лишь къ семейному счастью, то лишь потому, что теперь она уже не нужна ему и потому забыта. Толстой менѣе чѣмъ кто-нибудь другой умѣетъ и, главное, хочетъ цѣнить то, что ему сейчасъ не нужно или безполезно. Съ неблагодарностью, которую онъ такъ тонко въ свое время подмѣтилъ въ Наполеонѣ, онъ боготворитъ свои идеи, пока онѣ по первому зову стройными рядами бѣгутъ служить ему, но онъ же бросаетъ ихъ, когда онѣ обезсиливаютъ и не могутъ больше работать на него, какъ бросилъ Наполеонъ въ Россіи своихъ замерзавшихъ солдатъ. Такая неблагодарность свойственна, должна быть свойственна всѣмъ великимъ людямъ. Они умѣютъ безъ сожалѣнія разбрасывать богатства, ибо въ нихъ живетъ сознательная или безсознательная вѣра, что богатства будутъ, были бы только они, великіе люди. Топну ногой—и изъ-подъ земли явятся легіоны. Нѣтъ ни одного великаго человѣка, который бы въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, вслухъ или мысленно, не произносилъ этой фразы. Толстой въ этомъ отношеніи смѣлѣе, безпощаднѣй и безпечнѣе, чѣмъ Наполеонъ или Помпей. Оттого его слова и ученіе столь многихъ отпугиваютъ. Онъ все разрушаетъ, все уничтожаетъ—чѣмъ послѣ этого жить? Но Толстому не страшно. Или, вѣрнѣе, страшно, очень страшно. Все, что онъ разсказываетъ о своихъ мучительныхъ кризисахъ, нисколько не преувеличено:

его искренность внѣ всякихъ подозрѣній. Но эти муки такъ же естественны и нужны Толстому, какъ женщинѣ муки родовъ. Сильнѣйшая, невыносимѣйшая боль есть признакъ появленія на свѣтъ новой жизни. И, какъ извѣстно, женщина должна добровольно причинить ее себѣ.

У Толстого невыносимыя муки отчаянія всегда предшествуютъ всякимъ переворотамъ въ его душѣ. Такъ было послѣ перваго кризиса, такъ было послѣ второго. Вспомнимъ, какъ описана въ «Войнѣ и Мирѣ» исторія Пьера Безухаго. Пьеръ постепенно и незамѣтно погружался въ отвратительнѣйшую тину пошлости. Нелѣпые и дикіе кутежи съ Курагинымъ и Долоховымъ, потомъ еще болѣе нелѣпая женитьба, постылая жизнь съ совершенно чуждой ему во всѣхъ отношеніяхъ женой, бездѣлье и клубное время-препровожденіе, дуэль, массонство и т. д. Пьеръ, еще молодой человѣкъ, до такой степени запутался, что, казалось, для него нѣтъ и не можетъ быть спасенія. И вотъ спасеніе пришло. пришло именно оттуда, откуда его можно было менѣе всего ожидать и въ такой моментъ, когда, казалось, судьба занесла надъ Пьеромъ свою руку, не затѣмъ, чтобы спасти его, а чтобы добить. Моментъ просвѣтлѣнія, очищенія Пьеръ испыталъ въ вечеръ того дня, когда французы на его глазахъ разстрѣляли пять человѣкъ русскихъ плѣнныхъ (заподозрѣнныхъ въ поджогахъ), когда самъ онъ былъ на очереди къ разстрѣлу и избѣжалъ казни лишь благодаря какой-то таинственной, почти чудесной случайности. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ Толстой душевное состояніе Пьера: «съ той

минуты, когда Пьеръ увидалъ это страшное убійство (казнь русскихъ), совершенное людьми, не хотѣвшими это дѣлать, въ душѣ его была какъ будто бы вдругъ выдернута та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую и свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ и прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ, и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь — не въ его власти». Я, конечно, могъ сдѣлать небольшую сравнительно выдержку изъ тѣхъ мѣстъ «Войны и Мира», которыя относятся къ жизни Пьера во время нашествія Наполеона на Москву. Совѣтую читателю, который хочетъ ближе подойти къ переживаніямъ Толстого, внимательно перечесть всѣ эти мѣста. Они многому научаютъ и многое объясняютъ, разумѣется, въ томъ условномъ и ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ слова «объяснять» и «научать» примѣнимы, когда рѣчь идетъ о послѣднихъ вопросахъ человѣческой жизни.

Какъ извѣстно, Толстой впослѣдствіи отрекся отъ

„Войны и Мира“ и отъ „Анны Карениной“. Въ своей „Исповѣди“ онъ открыто заявилъ, что его романы были ложью. „Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками, въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ (послѣ женитьбы) я все-таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за мой ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству улучшенія своего матеріальнаго положенія и заглушенія въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей“.

Передъ нами два автобіографическихъ утвержденія Толстого, раздѣленныхъ приблизительно промежуткомъ времени лѣтъ 12—15. Оба звучатъ необыкновенной искренностью и правдивостью, хотя по содержанію они взаимно другъ друга исключаютъ. Не можетъ быть, чтобы Толстой въ „Исповѣди“ разсказывалъ неправду, но не можетъ быть тоже, чтобы человѣкъ, который думалъ только о славѣ и деньгахъ, такъ разсказалъ бы устами Пьера о своей душевной борьбѣ. Противорѣчіе покажется еще болѣе загадочнымъ и страннымъ, если мы прослѣдимъ дальнѣйшую исторію, вѣрнѣе, дальнѣйшія метаморфозы души Пьера. Получится, будто авторъ „Исповѣди“ злостно—и какъ будто безъ всякой нужды — оклеветалъ автора „Войны и Мира“, въ концѣ-концовъ самого себя.

Мы помнимъ, что разстрѣлъ русскихъ плѣнныхъ произвелъ на Пьера подавляющее, уничтожающее впечатлѣніе. Нѣтъ больше никакой надежды, все погибло, все пропало: ни въ себѣ, ни внѣ себя—нигдѣ

не найти спасенія. И вотъ въ ночь того же дня, когда Пьеръ съ такой безпощадной очевидностью убѣдился, что весь міръ, вся жизнь — безумная и отвратительная фантасмагорія, въ ту ночь, когда онъ окончательно и навсегда потерялъ всякую вѣру и всякую надежду, съ нимъ произошло нѣчто такое, для обозначенія чего я нахожу лишь одно слово: чудо. Опять будемъ говорить словами Толстого. Послѣ разговора съ Платономъ Каратаевымъ, котораго Пьеръ впервые встрѣтилъ вечеромъ послѣ разстрѣла русскихъ плѣнныхъ, онъ, какъ и остальные его товарищи по балагану, улегся спать. „Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крикъ, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и тепло. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнію Платона, лежавшаго подлѣ него, и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ-то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ“.

Если мы сопоставимъ и внимательно вглядимся въ то, что произошло съ Пьеромъ въ теченіе одного дня, даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ одного и того же дня, мы будемъ поражены: отъ крайняго отчаянія и совершеннаго, окончательнаго невѣрія въ Бога, въ міръ и людей, онъ перешелъ къ твердой, прочной, незыблемой вѣрѣ въ міръ и Творца. Вѣдь это—чудо, самое настоящее, ничѣмъ не объяснимое чудо, вродѣ воскресенія Лазаря! Какъ могло это случиться? Не выдумалъ ли все это Толстой для того, чтобы, какъ онъ разсказываетъ въ „Исповѣди“, по-

лучить много денегъ и рукоплесканій? Но если это такъ, если Толстой все это выдумалъ, то кто поручится тогда намъ, что его писанія послѣ „Исповѣди“ и сама „Исповѣдь“ не есть выдумка и обманъ ради какой-нибудь пока еще не открывшейся намъ цѣли? Можетъ быть, послѣ смерти Толстого кто-нибудь доставитъ намъ матеріалъ, изъ котораго мы убѣдимся, что не только въ первыя пятнадцать лѣтъ послѣ своей женитьбы, но и послѣднія тридцать лѣтъ жизни онъ писалъ не то, что въ самомъ дѣлѣ думалъ и въ чемъ былъ убѣжденъ, а то, что, по его соображеніямъ, могло ему дать, если не деньги и славу, къ которымъ онъ сейчасъ и въ самомъ дѣлѣ равнодушенъ, то какое-либо иное „благо“—скажемъ, хотя бы власть надъ людьми, которая въ извѣстномъ возрастѣ болѣе мила человѣку, чѣмъ деньги, женщины и даже слава?!

Не будемъ, однако, торопиться съ разъясненіемъ замѣченныхъ нами противорѣчій. Да и вообще, мнѣ кажется, толстовскія противорѣчія, какъ и противорѣчія всякой большой и мятежной души, не подлежатъ окончательному разъясненію. Если вы хотите послѣдовательности, внутренняго лада — изучайте жизнь средняго протестантскаго пастора, добросовѣстнаго профессора или шиллеровскаго „честнаго рыбака“. У Толстого же и людей, на него похожихъ, нужно искать скорѣй путаницы и безпорядка. Противорѣчія въ ихъ жизни, мышленіи и дѣятельности необходимо выдвигать и изучать, но отнюдь не затѣмъ, чтобы претворять ихъ въ одномъ общемъ синтезѣ. Вся жизнь и все творчество Толстого носятъ

явные слѣды непокорности и произвола какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Сейчасъ приведемъ нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ примѣровъ, которые объяснятъ и подтвердятъ наши слова.

Въ первой части „Войны и Мира“ Толстому, между прочимъ, приходится описывать, какъ полкъ встрѣчалъ главнокомандующаго Кутузова, во второй, какъ сѣкли провинившагося солдата, въ пятой, какъ пѣлъ знаменитый оперный пѣвецъ. Если бы ему теперь пришлось это сдѣлать, вѣроятно, вышло бы у него совсѣмъ не то. Тогда, однако, Толстой еще любилъ многое такое, къ чему впослѣдствіи сталъ равнодушенъ, но любилъ, менѣе всего сообразуясь съ тѣмъ, что вообще цѣнятъ и любятъ люди. И, что онъ любилъ—было хорошо, цѣнно, значительно, чего не любилъ—пошло и смѣшно. И свои сужденія онъ умѣлъ высказать съ такой неподражаемой увѣренностью и искренностью, что они казались абсолютно истинными и невольно заражали.

— „Ѣдетъ! —закричалъ махальный.

„Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за сѣдло, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу, и съ счастливымъ, рѣшительнымъ лицомъ, набокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ.

„— Смир-р-рно!—закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальству“.

Второй примѣръ—описаніе тѣлеснаго наказанія.

„... Князь Андрей наѣхалъ на фронтъ взвода гренадеръ, передъ которымъ лежалъ обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый майоръ ходилъ передъ фронтомъ и, не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

„— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ; а коли у своего брата укралъ, такъ у него чести нѣтъ; это мерзавецъ. Еще, еще!

„И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но притворный крикъ".

Теперь описаніе оперы. Привожу не цѣликомъ, что было бы слишкомъ длинно и для нашей цѣли излишне.

„Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ пропѣлъ одинъ, потомъ пропѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, а мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно, выжидая опять такта, чтобы опять начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они пропѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться".

Военная команда близка сердцу Толстого. Голосъ командира полка потрясаетъ душу. Онъ такъ выразителенъ, содержателенъ, что въ немъ можно различить три оттѣнка: онъ и радостенъ, онъ и строгъ, онъ и привѣтливъ. Въ голосѣ же наказываемаго розгами Толстой почти ничего не различаетъ. Его больше

занимаютъ взмахи гибкихъ прутьевъ. А крикъ солдата—неестественный, притворный, ненужный и назойливый. Опера же — лишь дорого стоящій шумъ, въ знаменитомъ пѣвцѣ поражаютъ только панталоны въ обтяжку...

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ такомъ родѣ Толстой говорилъ не объ оперѣ, даже не о музыкѣ вообще, а обо всемъ искусствѣ. И въ приведенныхъ трехъ описаніяхъ сказался весь Толстой съ его вѣчной непокорностью. Онъ всегда чего-то ищетъ, чего-то добивается. И то, что помогаетъ ему въ его борьбѣ и исканіяхъ въ его великомъ жизненномъ дѣлѣ, то онъ, не справляясь ни у кого о разрѣшеніи, объявляетъ хорошимъ, все же, что ему мѣшаетъ, онъ столь же произвольно (или, если вамъ больше нравится, автономно) причисляетъ къ дурному, ложному, притворному, не заслуживающему вниманія и интереса. Онъ самъ по поводу переживаній Пьера даетъ намъ драгоцѣнное указаніе, чѣмъ руководится человѣкъ, конечно, такой человѣкъ, который не повторяетъ вслѣдъ за другими принятыхъ мнѣній, а умѣетъ и старается въ словахъ выразить свою дѣйствительную сущность: „... Съ той минуты, какъ Пьеръ сознадъ появленіе таинственной силы, ничто не казалось ему странно или страшно: ни трупъ, вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины, спѣшившія куда-то, ни пожарище Москвы. Все, что видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія—какъ будто душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя бы могли ослабить ее“. Вотъ основной дви-

гатель Толстого и въ большихъ, и въ малыхъ дѣлахъ. Онъ соприкоснулся съ какой-то таинственной силой, которая даетъ ему державное право законодательствовать—созидать и разрушать міры. Онъ принимаетъ то, что ему нужно, онъ отвергаетъ все, что ему мѣшаетъ, хотя бы это было величайшей цѣнностью въ глазахъ всего человѣчества.

Такъ судитъ онъ о военной командѣ, о тѣлесномъ наказаніи, оперѣ, искусствѣ, наукѣ, Наполеонѣ, исторіи и т. д.—обо всемъ, о чемъ ему приходится судить. И этому самодержавію мысли выучило его отчаяніе: отчаяніе многому выучиваетъ. Даже такой человѣкъ, какъ Гете, черпалъ свои силы въ этомъ отверженномъ всѣми и навѣки проклятомъ людьми источникѣ...

Ш.

Лѣтъ пять тому назадъ вышла книга знаменитаго американскаго психолога Джемса подъ названіемъ „Многообразіе религіознаго опыта“. Книга во многихъ отношеніяхъ необычайно интересная и даже, пожалуй, прямо замѣчательная. Джемсъ по своимъ умственнымъ привычкамъ и по своему воспитанію прежде всего—если угодно даже послѣ всего—ученый, т.-е. человѣкъ, привыкшій къ самой строгой осмотрительности. Прежде чѣмъ отрѣзать, онъ, по русской поговоркѣ, семь разъ отмѣритъ. Это въ немъ драгоцѣннѣйшая черта, которая становится положительно неоцѣнимой въ виду его готовности отказаться, если не отъ всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ многихъ ко-

ренныхъ предразсудковъ, свойственныхъ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, жилъ и работалъ съ молодыхъ лѣтъ. Уже въ самомъ началѣ своей книги онъ ставитъ столь непривычный, почти неестественный для ученаго вопросъ: кто даетъ намъ право утверждать, что опытъ и переживанія нормальныхъ людей должны составлять единственный матеріалъ и источникъ истинныхъ сужденій?

Ненормальный человѣкъ живетъ, чувствуетъ и думаетъ; съ какой же стати станемъ мы отбрасывать, какъ непригодное для познанія, все содержаніе его часто богатой, своеобразной и содержательной жизни? А что, если какъ разъ его чувства и мысли могутъ привести насъ къ такимъ знаніямъ, даже откровеніямъ, о которыхъ нормальные люди даже и мечтать не смѣютъ? Подчеркиваю: вопросъ этотъ поставленъ не мечтателемъ-поэтомъ, даже не философомъ-художникомъ, вродѣ Шопенгауэра или Ницше. Джемсъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей современной „положительной“ мысли. Его учебникъ психологіи переведенъ на многіе европейскіе языки и служитъ настольной книгой для профессоровъ.

Напомню, что уже почти полвѣка тому назадъ этотъ вопросъ въ такой же, пожалуй, даже въ болѣе рѣзкой и удачной формѣ, былъ поставленъ у насъ въ Россіи. Только не ученымъ, пользующимся большой славой и авторитетомъ, а малоизвѣстнымъ тогда писателемъ, Достоевскимъ, въ его романѣ „Преступленіе и Наказаніе“. Свидригайловъ, разговаривая съ Раскольниковымъ о галлюцинаціяхъ, признаетъ, что галлюцинаціи бываютъ только у больныхъ, ненор-

мальныхъ людей, но дѣлаетъ допущеніе, что это обстоятельство ничего собственно противъ реальности галлюцинацій не говоритъ. Можетъ быть, условіемъ постиженія извѣстнаго рода реальностей является болѣзнь: здоровому недоступно то, что доступно больному *). Тогда же одинъ извѣстный, вліятельный и научно-образованный критикъ, приведя эти соображенія Свидригайлова и, сопоставляя съ ними рядъ другихъ мыслей разныхъ героевъ Достоевскаго, по своему содержанію и характеру очень напоминавшихъ изложенную мысль Свидригайлова, замѣтилъ: „счастливый народъ беллетристы! Когда нашему брату, ученому человѣку, приходитъ въ голову дикая мысль, мы не можемъ сдѣлать изъ нея никакого употребленія. Нельзя даже признаться, что она побывала у тебя въ головѣ! Беллетристъ же — дѣло иное: ему всякая дичь годится. Вложитъ ее „въ уста“ дѣйствующаго лица и правъ: никто ничего возразить не можетъ“.

Такъ вотъ дикая мысль Достоевскаго сейчасъ по-

*) Приведу буквально слова Свидригайлова: „Я согласенъ, что привидѣнія являются только больнымъ; но вѣдь это только доказываетъ что привидѣнія могутъ являться только больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ' самихъ по себѣ... Привидѣнія—это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку ихъ, разумѣется, незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ и, стало быть, долженъ жить одной здѣшней жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился нормальный, земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность иного міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше“. Свидригайловъ еще дѣлаетъ своеобразный выводъ: „такъ что,—кончаетъ онъ свое разсужденіе,—когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ“. Джемсъ такого вывода не дѣлаетъ и вообще формулируетъ свои мысли менѣе рельефно, чѣмъ Свидригайловъ.

ложена въ основаніе обширнаго изслѣдованія знаменитаго современнаго ученаго. Ненормальность, какъ и нормальность человѣка, сами по себѣ ничего не говорятъ ни за, ни противъ его внутренняго опыта. Значительность и незначительность переживаній опредѣляется по совсѣмъ инымъ признакамъ. Даже болѣе того, особенно важныя, интересныя и глубокія переживанія, какъ показали наблюденія, свойственны именно людямъ ненормальнымъ, больнымъ. Сюда, между прочимъ, относится и вся почти область религіознаго опыта. Съ послѣднимъ утвержденіемъ Джемса представители положительной науки, само собою разумѣется, охотно согласятся: для нихъ религія цѣликомъ относится къ области патологіи и является предметомъ изученія лишь постольку, поскольку вообще подлежатъ изученію всѣ болѣзненныя проявленія нашего духа и тѣла: ихъ нужно знать, чтобъ найти средства бороться съ ними. Джемсъ же, какъ и Достоевскій (только совершенно открыто и смѣло—время, видно, пришло другое), ищетъ у больныхъ людей новыхъ истинъ и озареній, даже новыхъ методовъ добыванія истины. Себя самого онъ признаетъ, повидимому, недостаточно больнымъ человѣкомъ и почти что считаетъ это своимъ недостаткомъ, который ограничиваетъ его познавательныя способности, такъ что приходится прямо-таки поступать въ науку къ ненормальнымъ людямъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ силу связанной съ недостаточной болѣзненностью ограниченности личнаго опыта, самъ ничего узнать не можешь, полагаться на опытъ болѣе счастливыхъ въ этомъ смыслѣ больныхъ людей.

Больше всего Джемса интересуетъ, какъ оно и вполнѣ понятно, то, что религіозные люди называютъ откровеніемъ. По своему личному опыту Джемсъ совсѣмъ не можетъ судить объ откровеніи, ибо самъ ничего такого не испыталъ. Но изъ разсказовъ и записокъ вѣрующихъ, въ особенности обращенныхъ, т.-е. перешедшихъ отъ невѣрія къ вѣрѣ людей, можно узнать много такого, чего самъ не видѣлъ и не слышалъ. И Джемсъ добросовѣстно изучалъ, насколько возможно, показанія религіозныхъ людей, сличалъ ихъ между собой и пришелъ къ заключенію, что откровеніе—это фактъ, съ которымъ нельзя не считаться, и что люди, испытавшіе откровеніе, знаютъ многое такое, чего люди обыкновенные не знаютъ.

Между прочимъ, приводя показанія многихъ другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ религіозныхъ мыслителей и никому неизвѣстныхъ обращенныхъ частныхъ лицъ, Джемсъ не разъ ссылается и на нашего Толстого. Но, повидимому, изъ всѣхъ работъ этого послѣдняго Джемсъ знаетъ одну лишь „Исповѣдь“. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что либо художественное творчество Толстого ему почти незнакомо, либо онъ совсѣмъ не умѣлъ использовать его для цѣлей своего изслѣдованія. Это, можетъ быть, объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что Джемсъ подбиралъ все случаи ярко выраженной религіозности и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, иной разъ придавалъ слишкомъ много значенія ярлыку, внѣшнему, словесному признанію, если угодно оффиціальному положенію человѣка, его паспорту. Если данное лицо афишируетъ себя вѣрующимъ и, еще

лучше, всѣми признается за такового, Джемсъ допрашиваетъ его и внимательно слушаетъ. Называетъ оно себя безбожникомъ или даже просто никогда громко не говоритъ о своей вѣрѣ—онъ спокойно и пренебрежительно проходитъ мимо него, въ увѣренности, что отъ него онъ ничего не узнаетъ. Такъ минуетъ онъ Ницше, Гейне, Ибсена, Шопенгауэра, Ренана и другихъ, которые могли бы его научить очень многому. Я думаю, что отчасти причина въ томъ, что, какъ признается самъ Джемсъ, ему лично совершенно чуждъ „мистическій“ опытъ, и онъ является лишь добросовѣстнымъ, но объективнымъ, постороннимъ наблюдателемъ. При такихъ условіяхъ приходится придавать слишкомъ большое значеніе наружнымъ, видимымъ и осязаемымъ признакамъ и нельзя не просмотрѣть многое существенное.

Насъ, однако, здѣсь занимаютъ не недостатки и неудачи джемсовыхъ начинаній, а его удачи. Важно, чрезвычайно важно уже и то, что осторожно, съ опаской высказанная когда-то Достоевскимъ мысль теперь не только не боится осужденія ученой критики, но имѣетъ за собой крупный научный авторитетъ. Допускается источникъ познанія, который прежде встрѣчался въ лучшихъ случаяхъ добродушной насмѣшкой. Можно уже говорить, самъ Джемсъ много и серьезно говоритъ объ откровеніи.

Особенно насъ интересуетъ то, что непосредственно относится къ переживаніямъ Толстого. Мы оставили Пьера (т.-е. Толстого) въ тотъ моментъ, когда съ нимъ произошло великое чудо внезапнаго просвѣтлѣнія. Произошло оно, какъ мы помнимъ, тогда,

когда этого менѣе всего можно было ожидать, послѣ того, какъ, подъ вліяніемъ пережитыхъ имъ нечеловѣческихъ ужасовъ, онъ потерялъ всякую вѣру и всякую надежду, когда онъ уже даже не боролся больше, не могъ думать о борьбѣ, когда у него опустились руки, и онъ пассивно, безсмысленно, съ тупымъ отчаяніемъ, шелъ навстрѣчу своей гибели,— словомъ, въ тотъ моментъ, когда для него уже было все и навсегда кончено.

И вотъ оказывается, что случай съ Пьеромъ чуть ли не является въ своемъ родѣ типическимъ. Мало того, выясняется, что такого рода переживанія, какъ прекрасно показываетъ Джемсъ, были источникомъ того религіознаго ученія, которое въ шестнадцатомъ столѣтіи потрясло всю Европу. У насъ, съ легкой руки Достоевскаго, принято пренебрежительно относиться къ Лютеру и его ученію. У насъ думаютъ, что протестантство—это протестъ здраваго смысла и средней добродѣтели противъ всего, что было загадочнаго, таинственнаго, обѣщающаго и прекраснаго въ католичествѣ. Если угодно, нѣкоторый смыслъ и правда есть въ такомъ предположеніи. Современное намъ протестантство въ значительной степени является обожествленіемъ урѣзанной, буржуазной морали. Но относить это на счетъ Лютера было бы въ такой же мѣрѣ несправедливо и исторически невѣрно, какъ обвинять христіанское ученіе въ ужасахъ инквизиціи.

Христіане, т.-е. называвшіе себя послѣдователями Христа, дѣйствительно жгли на кострахъ и пытали людей, но Христосъ этому не училъ. И Лютеръ былъ слишкомъ глубокой, мощной и одаренной натурой

для того, чтобы измышлять религію для осѣдлаго и устроеннаго буржуа. Его основная догма о спасеніи вѣрой (та какъ разъ, которую особенно высмѣиваетъ и раціоналистически оспариваетъ Толстой) менѣе всего предназначалась къ тому, чтобы облегчить благополучный переходъ въ будущую жизнь благополучнымъ обитателямъ здѣшняго міра — какъ думаютъ тѣ, которые знаютъ ученіе Лютера, какъ рядъ догмъ, оторванныхъ отъ человѣка, ихъ создавшаго.

И, въ самомъ дѣлѣ, какимъ возмути́тельнымъ и плоскимъ на первый взглядъ кажется ученіе, утверждающее, что христіанинъ можетъ спастись вѣрою и только вѣрою, а отнюдь не дѣлами, не своими личными заслугами! Въ сущности эта догма какъ бы выворачиваетъ наизнанку все Евангеліе, въ которомъ столько разъ и такъ настойчиво утверждается, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Но послушайте самого Лютера: „Богъ,—говоритъ онъ,—есть Богъ смиренныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, отчаявшихся, уничтоженныхъ; сущность его въ томъ, чтобы вдохновлять смиренныхъ, питать голодныхъ, возвращать зрѣніе слѣпымъ, утѣшать опечаленныхъ, оправдывать грѣшниковъ, воскрешать мертвыхъ, спасать погибшихъ и утратившихъ надежды... Единственное препятствіе, которое Богъ встрѣчаетъ на своемъ пути, и которое не даетъ Ему совершить Его природное, Его главное дѣло—это дьявольское мнѣніе человѣка о самомъ себѣ: человѣкъ считаетъ себя правымъ и справедливымъ и не хочетъ быть подлымъ, презрѣннымъ и заслуживающимъ осужденія грѣшникомъ. Потому-то приходится Богу взять въ руки свой молотъ, т.-е.

законъ, чтобы изломать, разбить, обратить въ прахъ, уничтожить гордость этого дикаго звѣря, именуемаго человѣкомъ... И такъ велика тупость человѣческаго сердца, что въ этой борьбѣ своей совѣсти, когда божественный законъ исполнилъ свое дѣло, онъ все еще не хочетъ принять догму благодати и понять смыслъ того, что съ нимъ происходитъ. Онъ все хочетъ спастись инымъ путемъ. „Въ будущемъ,—говоритъ онъ, — я исправлюсь, я стану дѣлать то-то и то-то“. Но, если ты не поступишь совершенно обратно, если ты не откажешься отъ Моисея съ его законами, если въ своихъ мукахъ и ужасахъ ты не почуешь Христа, страдавшаго, распятаго, умершаго за твои грѣхи—тебѣ никогда не спастись. Что можешь представить ты? Свою власяницу, тонзуру, свое цѣломудріе, повиновеніе, бѣдность? Что все это? Что даетъ тебѣ законъ Моисея и дѣла закона? Если бы я могъ, благодаря моимъ дѣламъ и заслугамъ, прійти къ Христу и достойно любить его, — для чего же понадобилось, чтобы Онъ былъ преданъ ради меня? Но нѣтъ ни одного сокровища ни на небѣ, ни на землѣ, которое было бы достаточно цѣнно, чтобы искупить мои грѣхи—только былъ одинъ Сынъ Божій, поэтому и понадобилось предать Его. Чтобы спасти меня, Онъ отдалъ не овцу, не вола, не золото, не серебро—Онъ отдалъ самого себя, всего себя — за меня, самаго отверженнаго, самаго презрѣннаго изъ всѣхъ грѣшниковъ. Сынъ Божій умеръ — это вновь даетъ мнѣ мужество. Я для себя принимаю эту смерть: въ этомъ истинная сила вѣры. Ибо Онъ умеръ не для того, чтобы оправдать праведниковъ, но чтобы оправдать

грѣшниковъ, чтобы они стали друзьями Бога, наслѣдниками трона небеснаго".

„Сынъ Божій умеръ — это даетъ мнѣ мужество, въ этомъ истинная вѣра"—если можете постигнуть, преклонитесь предъ глубиной этого величайшаго и таинственнѣйшаго парадокса. Онъ стоитъ на пути всякаго, кто не хочетъ или не можетъ удовлетвориться обыденными представленіями о сущности жизни. Его нельзя обойти. И Толстой, какъ мы видѣли, испыталъ это. Пьеръ увѣровалъ только послѣ того, какъ почувствовалъ, что Богъ умеръ, что онъ самъ навсегда и окончательно погибъ, что нѣтъ для него ни на землѣ, ни на небѣ спасенія. Почему такъ — я не знаю и не умѣю объяснить; больше того, я понимаю, что такое утвержденіе находится въ противорѣчіи съ логикой, съ здравымъ смысломъ и со всѣмъ повседневнымъ опытомъ человѣка. Но есть еще какой-то опытъ, который заставляетъ остановиться предъ собой даже научно вышколеннаго, осторожнаго и строго безпристрастнаго человѣка. „Чѣмъ болѣе вы чувствуете себя погибшимъ,—такъ резюмируетъ Джемсъ приведенныя выше слова Лютера, — тѣмъ болѣе вы именно тотъ грѣшникъ, который уже спасенъ жертвой Христа. Эту доктрину Лютеръ вынесъ изъ собственнаго опыта". Изъ собственнаго опыта—вы слышите, вы понимаете, что это значитъ?! Изъ такого же реальнаго опыта, какъ и тотъ, изъ котораго наука до сихъ поръ выводила свою теорію естественнаго развитія или свой законъ причинности. Но какъ же согласить эти два опыта? И согласимы ли они? Вѣроятно, нѣтъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ никто

не умѣлъ согласовать ихъ. То, что кажется истиной человѣку одного опыта, представляется явной нелѣпостью для человѣка другого опыта. Отсюда знаменитое credo quia absurdum, на которое такъ часто и такъ несправедливо нападаетъ Толстой. Но если есть два столь различныхъ, примѣняющихъ другъ къ другу эпитетъ absurdum, опыта; если одинъ человѣкъ съ ужасомъ, другой съ надеждой говоритъ: Сынъ Божій умеръ; если одинъ и тотъ же человѣкъ въ одинъ и тотъ же день, какъ это было съ Пьеромъ, въ одинъ и тотъ же часъ, какъ это было съ другими, можетъ разрушить и вновь создать цѣлый міръ, — то развѣ стоитъ вѣрить въ нашу логику, въ наши доказательства, въ наши законы и жизненныя правила?

IV.

Пьеръ-Толстой разрушилъ и вновь создалъ міръ. И сталъ жить въ новомъ, такъ неожиданно и чудесно созданномъ мірѣ. Разумѣется, у Толстого была не только семья, какъ можно думать по приведеннымъ выше словамъ „Исповѣди“. У него была цѣль жизни, т.-е. онъ чувствовалъ свою жизнь осмысленной. Все кругомъ него казалось ему прекраснымъ вплоть до душистаго бульона и мягкой, чистой постели. Одновременно съ разрушеннымъ старымъ міромъ уничтожились и всѣ эмпирическія затрудненія, которыя прежде отравляли жизнь Пьеру. Даже жена его Эленъ, которая одна стоила тысячи всякихъ другихъ трудностей и, пожалуй, чего добраго могла бы совершенно

уничтожить гармонію новыхъ настроеній Пьера, даже и жена его чудеснымъ образомъ была сметена съ его пути, какъ и державшіе его въ плѣну и терзавшіе его французы. „Ахъ какъ хорошо! Какъ славно!“— говорилъ онъ себѣ. По старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросы: „Ну, а потомъ что? что я буду дѣлать?“ И отвѣчалъ себѣ: „Ничего. Буду жить. Ахъ, какъ славно“. То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни—теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него только въ настоящую минуту жизни, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье. Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру,— не вѣру въ какія-нибудь правила или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога. И вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ —вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ массонами Архитектонѣ вселенной... „Есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка“. Написано все это Толстымъ для того, чтобы добиться денегъ и славы? Вѣдь все это, какъ мы увидимъ, такъ похоже на то, что впослѣд-

ствіи, уже послѣ „Исповѣди“, послѣ своего второго кризиса писалъ Толстой о людяхъ, увѣровавшихъ въ Бога. И вообще всѣ тѣ черты, которыя подмѣчаются въ обращенномъ Пьерѣ, должны быть свойственны, и по новѣйшему ученію Толстого, истинно религіознымъ людямъ. Пьеръ былъ всегда добръ, ласковъ и веселъ, всегда располагалъ къ себѣ окружающихъ и—въ противоположность тому, что было раньше—всегда зналъ, что ему можно и нужно и чего нельзя дѣлать. А вѣдь Толстой и до самаго послѣдняго времени неизмѣнно держится того мнѣнія, что религія главнымъ, чуть ли не исключительнымъ образомъ нужна для того, чтобы ясно, просто и легко разрѣшать страшный и для невѣрующихъ вѣчно мучительно неразрѣшимый вопросъ: что дѣлать? Пьеръ на этотъ вопросъ умѣлъ отвѣтить и отвѣтилъ. Значитъ, была у него вѣра?

У Левина, душевный кризисъ котораго изображенъ не съ такой уже любовію и стараніемъ, какъ кризисъ Пьера (Толстой самъ въ то время уже вплотную подходилъ къ новымъ искушеніямъ), тоже все ясно, просто и понятно И тѣмъ не менѣе конецъ „Анны Карениной“ — совсѣмъ не то, что конецъ „Войны и Мира“. Недаромъ Толстой писалъ Фету: „Берусь за скучную и пошлую „Анну Каренину“ съ единственнымъ желаніемъ поскорѣй опростать себѣ мѣсто для другихъ работъ“. Это признаніе неоспоримо искренне: Толстой тогда уже слышалъ гдѣ-то на окраинѣ своей души глухіе, чуть слышные пока раскаты грома—предвѣстники великой грозы. Но вся „Война и Миръ“ ясно и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣ

годы (1864—1869) Толстой въ такой же степени считалъ себя обладателемъ вѣры, въ какой считаетъ себя и теперь. Если Богъ есть жизнь, если присутствіе Бога въ человѣкѣ узнается потому, что въ человѣкѣ пробуждается сила жизни, то безусловно Богъ былъ въ Толстомъ эпохи „Войны и Мира“. Во все, что онъ предпринималъ, онъ вкладывалъ столько свѣжей энергіи и молодой, радостной страсти, точно онъ былъ первымъ человѣкомъ, вчера только явившимся по волѣ Творца въ міръ, совершенно незнающимъ горькаго опыта и безконечныхъ разочарованій нашего многовѣковаго историческаго существованія. Онъ былъ „эгоистомъ“, но эгоистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—онъ умѣлъ многое любить, и эта любовь связывала его не только съ родными и близкими, но и со всей Россіей. Онъ еще ближе подошелъ къ народу и умѣлъ его взять не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Каждая строчка „Войны и Мира“ говоритъ объ этомъ. Вспомнимъ хотя бы эти столь прославившіяся слова: „Благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотой и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣнится презрѣніемъ и жалостью“. Какая глубокая страсть, какой великолѣпный и искренній пафосъ! Мы могли бы безъ конца приводить отрывки изъ „Войны и Мира“ и даже изъ „Анны Карениной“, которые какъ нельзя болѣе доказываютъ, что Толстой совершенно радикально излѣчился отъ своего прежняго невѣрія и

сомнѣній. По крайней мѣрѣ, если позволительно думать, что о болѣзни и здоровьѣ мы въ правѣ судить по жизни и дѣятельности человѣка. Больному все кажется увядшимъ, постылымъ, ненужнымъ, безцѣльнымъ. Здоровый во всемъ видитъ радость, красоту и свѣжесть молодости. Посмотрите, какъ Толстой этого періода чувствуетъ и описываетъ природу—солнце, звѣзды, небо, лѣсъ, рѣку. Посмотрите, какъ чудесно передается у него торжественное благолѣпіе церковной службы, которую онъ такъ безпощадно высмѣялъ впослѣдствіи. Ни одной стороны жизни не оставилъ онъ безъ вниманія, и все, даже безобразіе, при его прикосновеніи получаетъ смыслъ и оправданіе, иногда даже превращается въ красоту. Крѣпостное право—вѣдь его не видно въ „Войнѣ и Мирѣ“, хотя Толстому приходилось непрерывно описывать жизнь безправныхъ рабовъ. Даже ужасы войны въ концѣ-концовъ яляются только темнымъ фономъ, придающимъ хотя грозную, но прекрасную и заманчивую таинственность всѣмъ событіямъ человѣческой жизни. „Война и Миръ“ есть одинъ непрерывный гимнъ, безконечное славословіе Творцу, создавшему дивный міръ съ его неисчерпаемыми богатствами на радость и утѣшеніе творенію. Это ли не вѣра?

И вдругъ, къ величайшему недоумѣнію и ужасу тѣхъ, кто зналъ, любилъ и цѣнилъ Толстого-писателя, словно сразу порвались всѣ струны того чудеснаго иструмента, на которомъ разыгрывалъ онъ свой гимнъ Творцу—появилась „Исповѣдь“. Все, что я говорилъ до сихъ поръ,—заявляетъ онъ дрожащимъ и прерывающимся отъ волненія и сдержаннаго чувства го-

лосомъ, — все ложь и притворство. Ничего я не зналъ, ни во что не вѣрилъ, но мнѣ нужны были деньги и слава, и я притворялся всезнающимъ учителемъ. Теперь, вдругъ почувствовавъ ужасъ приближающейся смерти, я всенародно каюсь и отрекаюсь отъ всего, что писалъ прежде...

У насъ, въ Россіи, „Исповѣдь“ въ теченіе четверти вѣка не могла быть напечатана; она распространялась лишь въ рукописи и не могла быть предметомъ публичнаго обсужденія, такъ что о ней сперва многіе знали только по слухамъ и понемногу къ ней привыкли (человѣкъ ко всему привыкаетъ) — оттого она и не произвела соотвѣтствующаго впечатлѣнія. Но если бы она вышла въ Россіи своевременно, т.-е. непосредственно вслѣдъ за „Анной Карениной“, она должна была бы произвести потрясающее впечатлѣніе. Если „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“ лживы — то гдѣ же правда? Если Толстой, искренности и правдивости котораго такъ вѣрили, притворялся и лгалъ и притомъ изъ такихъ низменныхъ побужденій, то кому же послѣ этого вѣрить? Толстой ничего не предпринялъ для того, чтобы помочь читателю своему отвѣтить на этотъ вопросъ. „Прежде я лгалъ, притворствовалъ, училъ, самъ ничего не зная—все ради денегъ и славы, теперь я искрененъ, говорю правду и знаю,—упорно повторяетъ онъ, — и только. Разбирайтесь сами“.

Посмотримъ же, чѣмъ новая вѣра отличается отъ старой и въ чемъ на нее похожа. Посмотримъ тоже, при какихъ условіяхъ. произошелъ второй кризисъ,

какъ онъ проявился во внѣ и къ какимъ результатамъ привелъ онъ.

V.

Несомнѣнно, что главнымъ вдохновителемъ „Исповѣди“, какъ и всего толстовскаго творчества послѣднихъ тридцати лѣтъ, былъ страхъ смерти. И этого скрывать не нужно, ибо въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго. Скорѣй наоборотъ, человѣкъ, который никогда не ужасался смерти и прожилъ всю свою жизнь такъ, какъ будто смерть и не ждетъ его впереди, долженъ поражать насъ своей почти животной ограниченностью. Паѳосъ ужаса смерти величайшій изъ извѣстныхъ людямъ паѳосовъ. Трудно даже вообразить себѣ, до чего плоской стала бы жизнь, если бы человѣку не дано было предчувствовать свою неминуемую гибель и ужасаться ей. Вѣдь все, что создано лучшаго, наиболѣе сильнаго, значительнаго и глубокаго во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества— въ наукѣ, въ искусствѣ, въ философіи и религіи, имѣло своимъ источникомъ размышленія о смерти и ужасъ предъ ней. Какъ мы помнимъ, даже первая половина жизни Толстого получила свою силу и творческое напряженіе только потому, что мысль о смерти и гибели доводила его до отчаянія. Въ этомъ отношеніи второй кризисъ по существу своему почти ничѣмъ не отличается отъ перваго. Но отысканное въ молодости средство спасенія Толстой теперь считаетъ никуда негоднымъ и ищетъ иного, такого, которое выдержало бы всѣ испытанія. До сихъ поръ, какъ

онъ разсказываетъ, его вѣра въ Бога (онъ теперь, нужно замѣтить, свою прежнюю вѣру не называетъ вѣрой, но я считаю возможнымъ, даже необходимымъ говорить о его прежней жизни его прежними словами) была вѣра въ радости и хмель жизни. Онъ вспоминаетъ извѣстную восточную сказку, символически изображающую нашу жизнь. Человѣкъ виситъ на тонкой вѣткѣ надъ глубокимъ колодцемъ. Вѣтку непрерывно грызутъ двѣ мыши, черная и бѣлая, такъ что каждую минуту она можетъ оборваться. На днѣ колодца—страшный драконъ, который проглотитъ его, какъ только онъ упадетъ. Выйти изъ колодца—тоже нельзя: наверху стережетъ страшный звѣрь. И вотъ человѣкъ, въ столь ужасномъ положеніи, вдругъ увидѣлъ нѣсколько капель меду. И забывъ звѣря, мышей и дракона, онъ бросается на медъ и наслаждается его сладостью. Вспоминаетъ онъ также индусскую легенду о Сакіа- Муни, вышедшемъ изъ дворца, въ которомъ онъ такъ жилъ, что всѣ ужасы жизни были отъ него скрыты, и встрѣтившаго нищаго, старика и мертвеца. Наконецъ, онъ дѣлаетъ большія выписки изъ Экклезіаста и повторяетъ вслѣдъ за библейскимъ мудрецомъ его приговоръ жизни: суета суетъ и всяческая суета.

Все это образы, которые наиболѣе полно отражаютъ въ себѣ отношеніе Толстого къ жизни. Толстой, однако, настаиваетъ, что онъ былъ духовно и физически здоровъ: онъ могъ просиживать по 8, 10 часовъ за работой въ кабинетѣ и не отставалъ отъ мужиковъ въ полѣ за косьбой. Все это такъ, но въ здоровье человѣка, котораго преслѣдуютъ восточная сказка, легенда

о Сакіа-Муни и стихи Экклезіаста, плохо вѣрится. Правильнѣе было бы, если бы Толстой повторилъ то, что сказалъ о себѣ 15 лѣтъ тому назадъ: „я чувствовалъ, что я не совсѣмъ здоровъ, и долго это продолжаться не можетъ“. Да собственно говоря, въ его „Исповѣди“ встрѣчаются такія описанія его душевнаго состоянія, которыя прямо говорятъ въ пользу нашего предположенія. „Случилось, — разсказываетъ онъ о себѣ, —то, что случается съ каждымъ, заболѣвающимъ смертельною внутреннею болѣзнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются все чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе растетъ, и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принялъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, есть смерть“. Если принять еще въ соображеніе, что Толстому тогда не было еще пятидесяти лѣтъ, что физически онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпокъ и силенъ, что жизнь его сложилась такъ благопріятно, какъ только онъ могъ того желать, т.-е. иными словами, что всѣ ужасы, испытанные Толстымъ, были *безпричинны* (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова), то нѣтъ никакого сомнѣнія, что психіатръ ни минуты не колебался бы въ діагнозѣ и предложилъ бы свои услуги и свой опытъ для лѣченія. Но если мы и готовы согласиться съ діагнозомъ психіатра, то всетаки мы не можемъ не радоваться, что при второмъ, какъ и при первомъ кри-

зисѣ, Толстой никому но ввѣрилъ своей судьбы и самъ сталъ лѣчить себя.

Гейне передаетъ, что у негровъ существуетъ повѣрье, что заболѣвшій левъ старается поймать обезьяну и разорвать ее и такимъ способомъ излѣчивается. Толстой обыкновенно тоже такъ лѣчится. Въ первое же свое заболѣваніе онъ съ бѣшенствомъ набросился на обезьянъ. Онъ разрывалъ на части и Наполеона, и военную науку, и педагогику—и, какъ мы знаемъ, надолго оправился отъ своей болѣзни. Во второй разъ повторилось то же. Онъ сталъ искать обезьянъ и, конечно, нашелъ ихъ въ достаточномъ количествѣ: современная дѣйствительность, вѣрнѣе, дѣйствительность вообще представляетъ въ этомъ отношеніи развѣ только embarras des richesses. Онъ напалъ на культурное общество, прогрессъ, медицину, церковь и съ неутомимостью и силой человѣка, только что взглянувшаго въ лицо смерти, наносилъ удары направо и налѣво, никому и ничему не давая пощады: прочтите не только „Исповѣдь“, прочтите „Перепись въ Москвѣ“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ что же намъ дѣлать?“ Какъ и въ первый разъ Толстой помиловалъ только Каратаева — смиренный, многострадальный русскій народъ. Но и то ненадолго. Постепенно угасала въ немъ и вѣра въ народъ, уступивъ мѣсто вѣрѣ въ Бога—добро, о которой у насъ и будетъ сейчасъ рѣчь.

Пока установимъ тотъ фактъ, что съ Толстымъ во второй разъ произошло чудесное превращеніе. Во второй разъ онъ самъ принужденъ былъ разрушить міръ и самъ же создать новый. Настаиваю на словѣ

принужденъ. Все, что разсказываетъ Толстой въ своей „Исповѣди“ и въ другихъ сочиненіяхъ второго періода, все дышитъ необыкновенной искренностью, все правдиво. Паскаль сказалъ когда-то: Je ne puis approuver que ceux qui cherchent en gémissant. Толстой пришелся бы по вкусу Паскалю. „Я мучительно и долго искалъ, не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно и упорно, дни и ночи, искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья“, читаемъ мы въ „Исповѣди“. Предъ нимъ стояла смерть—и несмотря на то, что она уже второй разъ явилась и что, какъ казалось бы, на этотъ разъ Толстой, наученный прежнимъ опытомъ, долженъ былъ бы знать, что съ ней возможно бороться и что даже ее побѣдить можно, онъ такъ же ужаснулся, какъ и въ первый разъ, словно бы онъ не узналъ ея, словно бы ему показалось, что это другая, новая, еще невиданная смерть. Три года проводитъ онъ въ безумной, отчаянной борьбѣ съ ней и снова выходитъ побѣдителемъ. Теперь, какъ въ свое время Пьеръ, онъ утверждаетъ, что уже больше не боится смерти, что онъ больше не боится ничего въ мірѣ. Но если снова придетъ она,—что будетъ съ Толстымъ? Узнаетъ ли онъ ее теперь? Или опять ему покажется, что она является впервые? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ спокойно встрѣтитъ ее, или снова всколыхнутся въ немъ всѣ присмирѣвшіе ужасы, снова начнется титаническая нечеловѣческая борьба, разрушеніе и созиданіе міровъ?— Не знаю, какъ смотрятъ другіе, не знаю, что думаетъ самъ Толстой, но для меня весь смыслъ изученія великаго земного дѣла великаго русскаго писателя въ

этомъ вопросѣ. И мнѣ кажется, что каждый разъ, когда Толстой соприкасается съ матерью смертью, въ немъ рождаются новыя творческія силы. Оттого, вѣроятно, меня преимущественно влечетъ къ себѣ Толстой измученный, растерянный, испуганный, изнемогающій, и я болѣе равнодушенъ къ Толстому торжествующему, къ Толстому побѣдителю, Толстому учителю. Когда я въ сотый разъ читаю „Смерть Ивана Ильича“, „Крейцерову сонату“, „Три смерти“—у меня духъ захватываетъ. Я чувствую, говоря словами Лютера, что Богъ взялъ въ руки свой страшный молотъ-законъ, но я также чувствую, что страшный молотъ—въ рукахъ Бога.

Сдѣлаю одно указаніе, которое, на мой взглядъ, здѣсь будетъ особенно умѣстнымъ. Я уже говорилъ, что душевное состояніе, описанное Лютеромъ, свойственно не одному ему. Оно является не только у пропитаннаго средневѣковыми догматами монаха, но у каждаго человѣка, который пытался выходить за ограду обыденной, устроенной жизни. Не догматы, не воспринятое ученіе подсказали Лютеру его замѣчательныя слова. Правъ былъ Джемсъ: Лютеръ вынесъ ихъ изъ собственнаго опыта. То же вынесъ и Толстой, но что еще любопытнѣе и замѣчательнѣе, то же вынесъ и Ницше и выразилъ это съ не меньшей страстью и паѳосомъ, чѣмъ Лютеръ. Я уже однажды приводилъ это мѣсто изъ Ницше, но считаю возможнымъ и нужнымъ вновь привести его, для того, чтобы пролить хоть немного свѣта въ ту кромѣшную тьму, которая, волею боговъ или нашими стараніями, сгустилась какъ разъ тамъ, гдѣ рѣшаются человѣческія

судьбы. „Школа страданія, великаго страданія,—говоритъ Ницше. знаете ли вы, что только въ этой школѣ совершенствовался до сихъ поръ человѣкъ? То напряженіе души въ бѣдѣ, которое даетъ ей силы, ея ужасъ при мысли о неизбѣжной гибели, ея смѣлость и находчивость въ искусствѣ выносить, претерпѣвать, истолковывать, утилизировать несчастье—все, что когда-либо было ей дано глубокаго, таинственнаго, хитраго, великаго,—развѣ все это она получила не отъ страданія, великаго страданія? Въ человѣкѣ соединены твореніе и творецъ; въ человѣкѣ есть матерія, обломки, глина, грязь, безсмыслица, хаосъ; но въ человѣкѣ же есть также творецъ, художникъ, твердость молота, божественный созерцатель, счастье седьмого дня: понимаете ли вы эту противоположность? И понимаете ли вы, что ваше состраданіе направлено на «твореніе въ человѣкѣ», на то, что должно быть сформировано, разбито, выковано, разорвано, переплавлено, очищено, на то, чему по необходимости слѣдуетъ, должно страдать? А наше состраданіе—вы понимаете, къ чему относится наше обратное состраданіе, когда оно возстаетъ противъ вашего, какъ противъ худшаго изъ всѣхъ видовъ изнѣженности и слабости?“ Развѣ эти слова продиктованы Ницше не тѣмъ же чувствомъ, которое заставило говорить Лютера? Развѣ вы не видите и не слышите здѣсь страшныхъ ударовъ молота Божьяго? И развѣ не о томъ же разсказываетъ намъ Толстой въ „Смерти Ивана Ильича“? И при томъ Лютеръ, Ницше и Толстой не сговаривались. О каждомъ изъ нихъ можно сказать, что они вынесли свое «зна-

ніе» изъ личнаго опыта. Толстой не признаетъ Лютера: Лютеръ говоритъ о спасеніи вѣрой, а современное знаніе и весь человѣческій разумъ никакъ не могутъ принять такое ученье. Толстой не признаетъ и Ницше: „мальчишеское оригинальничанье полубезумнаго Ничше,—пишетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ произведеній *),—не представляющее даже ничего цѣльнаго и связнаго, какіе-то наброски безсвязныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ мыслей“, или „безсвязныя, самымъ пошлымъ образомъ бьющія на эффектъ писанія одержимаго маніей величія бойкаго, но ограниченнаго нѣмца“. Этотъ отзывъ Толстого о Ницше, также какъ и его критика ученія о благодати **) страннымъ образомъ противорѣчатъ и духу и буквѣ его собственнаго ученія. „Утвержденіе, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому“ пишетъ онъ въ „Исповѣди“. Въ другомъ мѣстѣ („Въ чемъ моя вѣра?“) онъ еще подробнѣе распространяется на эту тему по поводу Матѳ. V,

*) „Что такое религія и въ чемъ ея сущность?“

**) Приведу отрывокъ изъ книги „Въ чемъ моя вѣра“, чтобъ читатель имѣлъ предъ глазами образецъ отношенія Толстого къ чужимъ вѣрованіямъ: „еще съ большей торжественностью и увѣренностью утверждается то, что послѣ Христа вѣрою въ него человѣкъ освобождается отъ грѣха, т. е. что человѣку послѣ Христа не нужно уже разумомъ освѣщать свою жизнь и избирать то, что для него лучше Ему нужно вѣрить только, что Христосъ искупилъ его отъ грѣха, и тогда онъ безгрѣшенъ, т.-е. совершенно хорошъ. По этому ученію люди должны воображать, что въ нихъ разумъ безсиленъ и что потому-то они и безгрѣшны, т.-е. не могутъ ошибаться“ Какъ вѣрно логически это reductio ad absurdum ученія о благодати и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ненужно оно и какъ мало оно имѣетъ отношенія къ тому, что происходило съ Лютеромъ...

22, „кто же скажетъ своему брату „рака“—подлежитъ синедріону, а кто скажетъ „безумный“ подлежитъ геенѣ огненной“. Рака значитъ „ничтожный“. Посмотрите отзывъ Толстого о Ницше: въ немъ, какъ будто нарочно для того, чтобы нарушить любимую заповѣдь Толстого во всемъ ея объемѣ, употреблены оба слова—и „ничтожный“ и „безумный“. Но, какъ только дѣло касается ученія, Толстой первый подаетъ примѣръ неисполненія собственныхъ правилъ, словно затѣмъ, чтобы предостеречь и спасти отъ соблазна покорности своихъ учениковъ и послѣдователей. Не въ моемъ ученіи, не въ моихъ правилахъ и заповѣдяхъ дѣло, говоритъ онъ всѣми своими поступками и всѣми своими книгами. Если хотите быть со мной, пренебрегите моимъ ученіемъ.

VI.

Я указалъ на то обстоятельство, что второй кризисъ Толстого во всѣхъ отношеніяхъ является повтореніемъ перваго. Та же причина—ужасъ смерти, то же душевное состояніе—отчаяніе, то же средство лѣченія—разрываніе обезьянъ и, наконецъ, то же спасеніе—вѣра въ Бога. Вотъ какъ онъ описываетъ свое второе спасеніе: „Я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ

забыть, не вѣрить въ него—и я умираю. Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще?—воскликнулъ во мнѣ голосъ.—Такъ вотъ онъ. Онъ есть то, безъ чего жить нельзя. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось вокругъ меня и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно, постепенно уничтожалась во мнѣ сила жизни, и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно, незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни... Только та и была разница, что тогда это все было принято безсознательно, а теперь—сознательно".

„Вѣра,—дѣлаетъ отсюда выводъ Толстой,—есть знаніе смысла жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни". Я намѣренно подробно остановился здѣсь на описаніи второго кризиса Толстого, подобно тому, какъ раньше столь же подробно остановился на первомъ кризисѣ. И теперь снова спрашиваю: чѣмъ отли-

чаются они другъ отъ друга? И смѣло, положа руку на сердце, отвѣчаю: до сихъ поръ ничѣмъ. Даже опредѣленіе, вѣрнѣе, чувство Бога вылилось въ тѣхъ же словахъ: Богъ есть жизнь. Пьеръ говорилъ буквально то же. Но теперь Толстой не признаетъ Пьера, какъ не признаетъ своей же „Войны и мира“ и своей „Анны Карениной“, ему нужно напасть на самого себя, какимъ онъ былъ въ теченіе всей своей сознательной и дѣятельной жизни. Плутархъ, описывая послѣдніе годы Цезаря, замѣчаетъ, что Цезарь словно завидовалъ своей прежней славѣ и хотѣлъ новыми подвигами затмить старые. Новый Богъ Толстого тоже не выноситъ его стараго Бога, какъ новая дѣятельность его не выноситъ прежней. Жажда разрушенія переходитъ въ жажду саморазрушенія. Или, быть можетъ, наоборотъ? Можетъ быть, началомъ всему была жажда саморазрушенія? Весьма вѣроятно. Недаромъ Достоевскій утверждаетъ, что инстинктъ разрушенія въ человѣкѣ по крайней мѣрѣ такъ же силенъ, какъ и инстинктъ созиданія: Достоевскій знаетъ эти дѣла. Но даже и спокойный, ясный Пушкинъ имѣлъ такого рода предчувствія: все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья. Во всемъ, что дѣлаетъ и говоритъ Толстой, нельзя не замѣтить радости разрушенія. И это не только потому, что обыкновенно человѣкъ пишетъ или разсказываетъ о происходившихъ въ немъ душевныхъ буряхъ и опустошеніяхъ лишь послѣ того, когда они ушли уже въ область прошлаго и не грозятъ больше ничѣмъ. Такой моментъ тоже наблюдается въ творчествѣ Тол-

стого—но онъ всего не объясняетъ. Чувствуется, что опасность сама по себѣ влечетъ его, хотя онъ безумно боится ея. Такъ птица со страхомъ и ужасомъ бросается въ пасть змѣи—какая таинственная сила заставляетъ итти ее на вѣрную смерть?

Міръ погибъ, все погибло, я самъ погибъ, нѣтъ Бога, некому молиться, некого просить—изъ этого рождается новый міръ, вѣра въ себя, въ Бога, молитвы и упованія. Въ оба кризиса Толстой испыталъ одно и то же. И вотъ послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, Толстой начинаетъ осуществлять свою вѣру въ жизни, въ дѣлахъ, какъ онъ говоритъ. Частной жизни его, хотя о ней много писали и пишутъ, мы не знаемъ, да частная жизнь, хотя бы и великаго человѣка, не подлежитъ обсужденію, пока онъ еще съ нами. Но литературная его дѣятельность даетъ достаточно матеріала для выясненія того, что можетъ быть выяснено человѣческими силами. Вслѣдъ за первымъ кризисомъ Толстой далъ намъ „Войну и миръ“ и „Анну Каренину“, вслѣдъ за вторымъ цѣлый рядъ религіозно-философскихъ трактатовъ и немало художественныхъ произведеній, признанныхъ всѣмъ міромъ перлами литературы. Первыми произведеніями были «Въ чемъ моя вѣра“ и „Исповѣдь“, какъ предисловіе къ „Критикѣ догматическаго богословія“. Въ „Исповѣди“, кромѣ описанія произошедшаго съ Толстымъ переворота, есть еще указанія на причины, въ силу которыхъ онъ не могъ принять христіанства ни въ одной изъ существующихъ историческихъ формъ, иными словами—причины его разрыва съ церковью. Для нѣкоторыхъ это представляетъ

тоже немалый, даже, пожалуй, исключительный интересъ, но насъ это, въ виду поставленной нами себѣ цѣли, не занимаетъ. Толстой напалъ на церковь съ тою же яростью, съ какой онъ въ свое время нападалъ на Наполеона, но мы знаемъ уже, что это значитъ: левъ заболѣлъ и сталъ лѣчиться по своему особенному способу. „Критика догматическаго богословія“, страшно обидная для истинныхъ чадъ церкви, часто поражаетъ своей ненужностью, даже и тогда, когда формально она вполнѣ убѣдительна. Мы уже приводили мимоходомъ образецъ отношенія Толстого къ ученію о спасеніи вѣрой. Какъ догма, оно, конечно, не выдерживаетъ натиска раціонализма и въ томъ толкованіи, которое ему даютъ ходячіе катехизисы, до такой степени слабо, что на него не стоитъ нападать съ такой энергіей. То же можно сказать по поводу многихъ страницъ „Критики догматическаго богословія“. Когда Вольтеръ чуть ли не двѣсти лѣтъ тому назадъ высмѣивалъ церковную догматику—это имѣло свой смыслъ, ибо было для многихъ новостью. Въ наше же время повторять Вольтеровскіе опыты совершенно безцѣльно, и нужно удивляться, какъ хватило у Толстого терпѣнья и охоты такъ подробно, слово за словомъ разбирать двухтомное сочиненіе московскаго митрополита Макарія. Достаточно было сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы условія, поставляемыя Толстымъ для признанія того или иного положенія истиннымъ, для того чтобы всякому стало очевиднымъ, что ни одно изъ положеній „православно-догматическаго богословія“ Толстымъ и всѣми, признающими общелогическія

требованія Толстого, принято быть не можетъ. И не было необходимости отдѣльно разбивать догматъ о Троицѣ, порознь высмѣивать всѣ церковныя таинства и т. д. Еще имѣла смыслъ борьба Толстого съ церковью по вопросамъ этическимъ, т.-е. о томъ, какъ понимать нравственное ученіе Христа, т.-е. можно ли христіанину идти на войну, казнить людей, принимать присягу, разводиться съ женой и т. д. Все это вопросы въ самомъ дѣлѣ спорные и, главное, допускающіе обсужденіе. Вопросы же догматическіе, какъ самъ Толстой не разъ говоритъ, принимаются на вѣру либо людьми, совершенно невѣжественными, либо такими, которые изъ корыстныхъ побужденій исповѣдуютъ догматы, имъ самимъ ничего не говорящіе. Въ обоихъ случаяхъ споръ излишенъ и неумѣстенъ. Tertium же, по словамъ Толстого, non datur. Поэтому-то „критика догматическаго богословія“, какъ таковая, для насъ интереса не представляетъ.

Но тѣмъ болѣе занимаетъ насъ то „новое“ толкованіе Евангелія, которое предлагаетъ намъ Толстой. Оно находится въ связи съ его новой религіей или, точнѣе, свою новую религію Толстой пытается построить, по его словамъ, на Евангеліи и только на Евангеліи.

Толстой утверждаетъ, что онъ отнюдь не толкуетъ Евангелія. Книга „Въ чемъ моя вѣра?“ съ того и начинается. „Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его“. Что, однако, означаютъ эти слова? Толстой говоритъ „толковать ученіе Христа“. Значитъ это „толковать Евангеліе“? Если нѣтъ, то откуда же знать ученіе

Христа? Кромѣ Евангелія источниковъ нѣтъ. Правда, церковь признаетъ еще преданіе, но Толстой, конечно, не изъ преданія, которое онъ высмѣиваетъ, узналъ ученіе Христа. Значитъ, не толковать ученіе Христа все равно, что не толковать Евангеліе. Толстой, однако, съ этимъ ни за что не согласился бы ни теперь, когда онъ въ религіи видитъ синтезъ всѣхъ существовавшихъ религій, ни раньше, когда онъ единственную истинную религію видѣлъ въ ученіи Христа. Черезъ страницу послѣ того, какъ онъ торжественно объявилъ, что не хочетъ толковать ученія Христа и мечтаетъ только о томъ, чтобы совершенно запретили бы всякія толкованія, онъ приступаетъ къ толкованію Евангелія и этимъ толкованіемъ занимается на пространствѣ всей книги „Въ чемъ моя вѣра“ *). Да оно иначе и не могло быть у Толстого: „я готовъ былъ,— говоритъ онъ,—теперь принять всякую вѣру, только бы она не требовала прямого отрицанія разума, которое было бы ложью“. Разъ условіемъ вѣры является разумъ—очевидно ни одно ученіе не можетъ быть принято безъ критики; также очевидно, какъ мы сейчасъ убѣдимся, что ученіе Христа даже въ той части и въ томъ пониманіи, которое допускаетъ Толстой, никоимъ образомъ не можетъ быть принято разумомъ. И Толстой, когда хочетъ, знаетъ это: „...я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ... Разумъ работалъ, но

*) Я уже не говорю о „Соединеніи, переводѣ и толкованіи 4 Евангелій“, въ которомъ Толстой пускается въ самые тонкіе вопросы экзегетики и даже въ филологическія изысканія о значеніи греческихъ словъ

работало и еще что-то другое, чего я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни". А тутъ еще возникаетъ вопросъ: точно ли разумъ всегда исполняетъ свои функціи объективнаго изслѣдованія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ торжественно провозглашаетъ своей единственной цѣлью истину. Самъ Толстой на этотъ счетъ сообщаетъ намъ чрезвычайно любопытныя вещи: „Истина всегда была истина, но я не признавалъ ея, потому что, признавъ, что дважды два четыре, я уже долженъ былъ признать то, что я не хорошъ. А чувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды два четыре". Это ретроспективное признаніе—поразительно, что всѣ такого рода признанія у Толстого ретроспективны, т. е. даются тогда, когда они уже къ настоящему не относятся и имѣютъ силу лишь по отношенію къ прошлому—невольно наводитъ насъ на мысль: да какъ же довѣряться разуму, даже толстовскому или, если угодно, именно толстовскому, разъ онъ склоненъ на такіе компромиссы? Правда, Толстой утверждаетъ, что это у него было только прежде, до пятидесяти лѣтъ, а теперь этого уже нѣтъ. Но вѣдь прежде онъ въ себѣ не замѣчалъ такой особенности. А что, если она и теперь сохранилась, притаившись въ какой-нибудь едва замѣтной складкѣ души, что, если и теперь быть хорошимъ важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды-два четыре? Можно и нужно такому разуму ввѣрять судьбу важнѣйшаго человѣческаго дѣла?! Тѣмъ болѣе, что, какъ мы только что слышали, по собственному признанію Толстого, не разумъ спасъ его отъ отчаянія въ са-

мыя ужасныя минуты его жизни. Работала въ немъ какая-то чудесная, таинственная сила, которую онъ почему-то (я говорю „почему-то“, но на самомъ дѣлѣ не почему-то, а потому, что того требовалъ разумъ) называетъ ничего не говорящими словами „сила жизни“. Но, такъ или иначе, Толстой приступаетъ къ толкованію и критикѣ Евангелія, къ исканію религіи (не Бога, а религіи—не слѣдуетъ смѣшивать эти два понятія) подъ верховнымъ руководствомъ разума. Послѣдуемъ за нимъ и посмотримъ, что изъ этого вышло.

VII.

Какъ всегда, у Толстого выдержки и послѣдовательности мало, и это дѣлаетъ его философско-богословскія изслѣдованія столь важными и значительными. Даже „Критика догматическаго богословія“—въ концѣ-концовъ книга замѣчательная, ибо, помимо вольтеровскаго, разумнаго, общечеловѣческаго, въ ней есть много собственно-толстовскаго, т. е. презирающаго разумъ. Какое-то чувство или инстинктъ подсказалъ Толстому, что если Евангеліе есть дѣйствительное слово Божіе, то сущность его нужно искать въ наиболѣе непонятныхъ и загадочныхъ словахъ Христа, т. е. именно въ тѣхъ, съ которыми разумъ никакъ сладить не можетъ, которыя разумъ отрицаетъ всѣмъ своимъ существомъ. „Въ чемъ моя вѣра“ и начинаетъ поэтому съ нагорной проповѣди. Толстой принимаетъ ее—вопреки традиціоннымъ истолкованіямъ, стремящимся приспособить ее къ условіямъ нашей обыденной жизни и къ привычкамъ разума—

цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій, въ буквальномъ смыслѣ ея, и въ самомъ дѣлѣ, опредѣленныхъ и не допускающихъ различнаго пониманія словъ. Что никто до него не понималъ такъ нагорной проповѣди, что историческое христіанство понимало ее такимъ образомъ, какъ будто бы въ ней было сказано прямо противоположное тому, что сказано на самомъ дѣлѣ—съ этимъ Толстой не считается. Если до сихъ поръ истинный міръ былъ для всѣхъ закрытъ—развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ и на будущее время, навсегда долженъ остаться закрытымъ? „Долго я не могъ привыкнуть къ этой странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона милліардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь изученію этого закона, теперь мнѣ пришлось какъ что-то новое открыть законъ Христа. Но какъ это ни странно, это было такъ“... „Я остался опять одинъ со своимъ сердцемъ и съ таинственной книгой предъ собой“. И вотъ сердце Толстого выбираетъ изъ таинственной книги самыя таинственныя и загадочныя слова: „вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А Я вамъ говорю: не противьтесь злому“. Несомнѣнно, трудно придумать другія слова, которыя находились бы въ болѣе явномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ нашимъ разумомъ и повседневнымъ опытомъ каждаго человѣка. Я знаю, что были люди, которые вѣрили въ эти слова, но я не знаю людей, которые бы ихъ понимали. Здѣсь именно какъ разъ тотъ случай, когда можно и должно повторить Тертуліана: credo quia absurdum. Вся очевидность, весь опытъ современнаго

и историческаго человѣчества возстаетъ противъ завѣта непротивленія злу, и полную практическую непримѣнимость его одинаково хорошо умѣетъ доказать и пятнадцатилѣтній семинаристъ и Іоаннъ Златоустъ. И съ тѣхъ поръ, какъ европейскій міръ официально призналъ Евангеліе Божественной книгою, семинаристы и Іоанны Златоусты непрерывно и превосходно опровергали эту заповѣдь,—ссылаясь, однако, не на откровеніе, а на свой обыкновенный, человѣческій разумъ. Какъ извѣстно, каждый разъ, когда истина откровенія становится невыносимо трудной для человѣка, онъ начинаетъ противопоставлять ей и ограничивать ее разумомъ, хотя очень охотно пренебрегаетъ разумомъ, если божественная мудрость ни къ чему не обязываетъ. Но Толстой предпринялъ задачу поистинѣ неслыханную. Послѣдовательно держась (Толстой бываетъ и послѣдовательнымъ) возвѣщенной имъ невозможности отрицанія разума, онъ вступаетъ въ полемику съ Іоанномъ Златоустомъ и всѣми церковными богословами, доказываетъ, что разумъ можетъ и умѣетъ объяснить слова Христа о непротивленіи злу. И здѣсь послѣдовательность Толстого не случайна: онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ отказаться отъ разума. Но онъ не можетъ отказаться и отъ этихъ словъ Христа, т.-е. отъ нагорной проповѣди. „Еще съ дѣтства,—разсказываетъ онъ,—съ тѣхъ поръ какъ я сталъ для себя читать Евангеліе, во всемъ Евангеліи меня трогало и умиляло больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и осталась для меня сущность христіанства, то, что я

сердцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я, послѣ отчаянія, призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ". Сердцемъ, дѣйствительно, можно признать эту часть евангельскаго ученія, можно даже радоваться ея таинственности и загадочной непостижимости, — но какъ заставить разумъ санкціонировать влеченіе сердца? И, потомъ, что собственно должна дать въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Толстого, санкція разума? Зачѣмъ она? Почему не обойтись безъ нея? Повторяю и подчеркиваю: я считаю толстовское толкованіе нагорной проповѣди безусловно правильнымъ. Даже больше, я считаю, что по поводу нагорной проповѣди (но отнюдь не по поводу всего Евангелія) Толстой почти выдержалъ поставленный себѣ искусъ: брать слова Христа такими, какими они дошли до насъ, не разрѣшая себѣ произвольно ни расширять, ни суживать ихъ значеніе, и потому онъ вполнѣ правъ, когда, полемизируя съ установившимися расширительными и ограничительными толкованіями евангельскихъ текстовъ, онъ каждый разъ повторяетъ, что Христосъ говоритъ то, что Онъ говоритъ и, что если бы Онъ хотѣлъ сказать то, что говорятъ представители разныхъ церквей, то Онъ умѣлъ бы сказать ихъ словами. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, онъ пытается доказать, что онъ понимаетъ и можетъ объяснить слова Христа, иначе говоря, что исполненіе завѣтовъ Христа привело бы къ земному счастью не только всѣхъ или большинство людей, но и отдѣльнаго человѣка (такой смыслъ имѣетъ у Толстого „санкція разума"), то поневолѣ задумаешься. Зачѣмъ такъ очевидно для

всѣхъ насиловать истину? И почему человѣкъ столь колоссальнаго ума не хочетъ видѣть и знать того, что знаетъ не только Іоаннъ Златоустъ или полемизировавшій съ Толстымъ Вл. Соловьевъ, но что знаетъ каждый школьникъ? Межъ тѣмъ Толстой не знаетъ, не хочетъ знать. Онъ высмѣиваетъ, очень удачно, офиціальныхъ представителей христіанства въ своемъ разсказѣ о молодомъ гренадерѣ, прогонявшемъ нищаго, и на вопросъ Толстого, читалъ ли онъ Евангеліе, побѣдоносно отвѣтившаго: „а ты воинскій уставъ читалъ?“ Не менѣе удачно подбираетъ онъ выдержки изъ катехизиса въ доказательство того, что необходимость согласовать Евангеліе съ требованіями государства ведетъ если не къ открытому, какъ у молодого гренадера, то къ тайному подчиненію Евангелія воинскому уставу. Но все это вѣдь въ концѣ концовъ имѣетъ второстепенное значеніе. Люди, называющіеся христіанами, исказили изъ корыстныхъ побужденій ученіе Христа—кто этого не знаетъ? Существенный вопросъ въ томъ, выдерживаетъ ли это ученіе разумную критику и, если не выдерживаетъ (въ чемъ сомнѣваться нельзя), то чѣмъ пожертвовать: ученіемъ или разумомъ? Вотъ тотъ страшный и мучительный вопросъ, который не разъ уже становился предъ людьми. Бывали смѣльчаки, которые рѣшительно становились на сторону ученія, не отступая даже предъ необходимостью заявить: credo quia absurdum. Но Толстой не могъ пойти за ними. Онъ въ этомъ отношеніи остался вѣрнымъ сыномъ своего времени, такъ упорно (я говорю о послѣднемъ пятидесятилѣтіи) стремящемся примирить вѣру съ разумомъ. Странно

это, но это такъ. Толстой, который, кажется, такъ ненавидитъ все современное, въ наиболѣе существенномъ и важномъ пунктѣ раздѣляетъ наиболѣе распространенный и, повидимому, наиболѣе ложный и мучительный предразсудокъ нашей эпохи. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній („Что такое религія и въ чемъ ея сущность", 1902 года) онъ прямо такъ и опредѣляетъ религію: „религія есть установленное, согласное съ разумомъ и съ современными знаніями отношеніе человѣка къ вѣчной жизни, къ Богу". Читаешь и не вѣришь себѣ, что Толстой могъ написать это,—Толстой, всю жизнь свою боровшійся съ современной наукой и высмѣивавшій ея притязанія. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая цѣна можетъ быть религіи, если она опредѣляется современными знаніями, т.-е. предразсудками и суевѣріями нашей эпохи. Самъ Толстой со свойственной ему широтой и проникновенностью взгляда говоритъ, что „черезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ называемой научной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній". И такой наукѣ давать рѣшающее слово, когда дѣло касается религіи?! И потомъ—о какихъ современныхъ знаніяхъ говоритъ Толстой? О рентгеновскихъ лучахъ, микробахъ холеры или чахотки, о свойствахъ радія? Очевидно—нѣтъ, все это прямого отношенія къ религіи не имѣетъ. Очевидно, онъ говоритъ объ основныхъ принципахъ, о предпосылкахъ современной науки—о естественномъ развитіи, о законѣ причинности и т. д. Съ этими-то принци-

пами мы, современные люди, должны считаться, когда ищемъ вѣры и Бога, хотя знаемъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ они будутъ предметомъ смѣха и жалости для нашихъ потомковъ. Безъ Спенсера, Дарвина, Канта, Конта, какъ моряки безъ компаса, мы не можемъ пускаться въ дальній путь?! Толстой рекомендуетъ для чтенія статью Карпентера „Современная наука“ и даже написалъ къ ней предисловіе. Собственно Карпентеръ не представляетъ самобытныхъ возраженій противъ современныхъ научныхъ теорій. Можно указать другихъ ученыхъ и философовъ, которые были еще строже и безпощаднѣе, чѣмъ Карпентеръ. Вся новѣйшая гносеологія, въ сущности, сводится къ подрыванію основъ научнаго знанія. Посмотрите во что выродилось кантіанство подъ руками философовъ марбургской школы или Виндельбандо-Риккертовскаго направленія. Или возьмите хотя бы прогремѣвшій въ послѣднее время прагматизмъ, считающій Милля своимъ ближайшимъ родоначальникомъ. Ни прагматизмъ, ни современный идеализмъ не признаютъ даже и возможности знанія. То, что оба эти столь враждующія между собой теченія называютъ знаніемъ, есть лишь нѣкая система сужденій a priori, та нѣкоторая воображаемая вѣшалка, на которой размѣщаются безпорядочныя впечатлѣнія индивидуумовъ. Споръ между прагматистами и идеалистами идетъ лишь о природѣ вѣшалки. Первые утверждаютъ, что вѣшалка, какъ и все въ мірѣ, существуетъ не отъ сотворенія міра, а лишь очень давно и сдѣлана она самимъ человѣкомъ для его пользы, ибо все только для пользы и дѣлается, вто-

рые, не отрицая того, что вѣшалка есть вѣшалка, т.-е. не знаніе, а суррогатъ знанія, настаиваютъ на томъ, что, хотя она и сдѣлана для нѣкоторой цѣли, но отнюдь не для низко утилитарной, а для возвышенной. Но всѣ теоріи познанія, т.-е. всѣ теоріи, ставящія и разрѣшающія вопросъ о сущности нашего знанія, единогласно утверждаютъ, что никакого у насъ знанія нѣтъ и быть не можетъ. И, что бѣды въ этомъ нѣтъ никакой, ибо, въ сущности, намъ знанія не нужно. Такой глубины скептицизма и такого недовѣрія къ наукѣ не испытала, кажется, ни одна изъ извѣстныхъ намъ историческихъ эпохъ. Прикладныя науки процвѣтаютъ—въ области же общихъ принциповъ вы не найдете ни одной объединяющей всѣхъ изслѣдователей идеи. По признанію одного изъ авторитетныхъ нѣмецкихъ гносеологовъ (Husserl'a), въ области логики и теорій познанія сейчасъ происходитъ bellum omnium contra omnes. Мнѣніе Карпентера, что современная наука представляетъ собой случайный и безпорядочный наборъ клочковъ и обрывковъ приблизительныхъ знаній—есть только выводъ изъ общихъ положеній современной гносеологіи. И вотъ Толстой, давшій предисловіе къ переводу статьи Карпентера и какъ будто радующійся тому, что Карпентеръ такъ остроумно разбиваетъ господствующее среди „образованной толпы“ мнѣніе о великихъ побѣдахъ науки, этотъ же Толстой самъ настолько вѣритъ въ науку и именно въ современную науку, что даетъ ей право неограниченнаго контроля надъ всякаго рода исканіями. И онъ, какъ Контъ, въ концѣ-концовъ думаетъ, что теологическій и метафи-

зическій періоды мышленія уже миновали и наступилъ періодъ положительный—хорошаго, вѣрнаго мышленія. А вѣдь какъ остроумно и тонко онъ самъ высмѣивалъ этотъ контовскій законъ!

VIII.

Вѣра въ естественное развитіе и законъ Конта есть смертный грѣхъ нашей современности. Это—то заблужденіе, о которомъ говоритъ въ приведенныхъ выше словахъ Лютеръ: оно стоитъ и будетъ всегда стоять на пути человѣческаго спасенія. Не только наше время, всякое время считаетъ уровень своего знанія очень высокимъ и стремится своими знаніями, т.-е. своей ограниченностью, опредѣлить свое отношеніе къ безконечному. Толстой далъ правильное опредѣленіе того, что принято въ образованныхъ кругахъ называть религіей, но эта ученая религія и есть глубочайшее невѣріе. Я, конечно, менѣе всего склоненъ брать на себя защиту какихъ бы то ни было религіозныхъ или философскихъ догмъ, тѣхъ ли, которыя разрываетъ своей критикой Толстой, или даже тѣхъ, которыя, какъ у Лютера его ученіе о спасеніи вѣрой, возникаютъ изъ непосредственныхъ переживаній и потому запечатлѣны свѣжестью, глубиной и силой чувства. Монашеская власяница, шлемъ, забрало и латы средневѣковья красивѣе и поэтичнѣе современной шелковой рясы или чернаго профессорскаго сюртука, но всѣ эти красивые и некрасивые наряды—только внѣшность и форма, и хотя отчасти они и открываютъ кроющуюся подъ ними жизнь,

исканія и борьбу, но еще больше скрываютъ ихъ. Догмы же, оторванныя отъ внутреннихъ переживаній, увядаютъ и высыхаютъ, какъ опавшіе съ дерева листья и потому въ глазахъ нашихъ могутъ имѣть очень ограниченную цѣнность. Но равнодушіе къ догмамъ далеко не означаетъ равнодушія къ величайшимъ человѣческимъ бореніямъ и исканіямъ. Скорѣй наоборотъ, догмы цѣнитъ тотъ, кто равнодушенъ къ человѣческому и божескому творчеству. Ему хочется знать, твердо знать, что гдѣ-то кѣмъ-то уже все сдѣлано и что потому можно спокойно вѣрить, т.-е. пережевывать жвачку. И вотъ, когда Толстой, весь охваченный трепетомъ ужаса и радости, идетъ къ своей „таинственной книгѣ“ и, вопреки тысячелѣтнимъ традиціямъ и сложившимся „догмамъ“, находитъ въ ней слова, опрокидывающія весь строй нашей внутренней и внѣшней жизни, — мы поражаемся его силой и величіемъ. Мы начинаемъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ на него сошла благодать, что онъ сподобился почувствовать дыханіе Бога' его восторгъ сообщается намъ, и мы съ затаеннымъ дыханіемъ ждемъ. Но,—увы!— человѣкъ, даже величайшій человѣкъ, остается человѣкомъ, какъ и высочайшія земныя вершины Кавказа и Гималаевъ, сравнительно со всѣмъ земнымъ шаромъ—только небольшія кочки. Надолго вынести видъ Бога, навсегда соединиться съ безконечнымъ не дано смертному. Даже то волненіе, которое вызываетъ у человѣка близость смерти, хотя бы онъ, какъ Толстой, дважды прямо взглянулъ ей въ глаза, не можетъ дать силъ, нужныхъ для того, чтобъ надолго оторваться, отъ

земли. На мгновеніе человѣкъ, какъ кузнечикъ, взлетитъ на высоту — и вотъ онъ уже снова на своемъ прежнемъ мѣстѣ и либо твердитъ увядшія и засохшія слова давно умершихъ догмъ, какъ то дѣлаютъ противники Толстого, либо повторяетъ подсказываемыя ему разумомъ твердыя правила и вѣчныя истины. Толстой такъ именно и поступаетъ съ Евангеліемъ. Онъ ищетъ въ этой „таинственной книгѣ“ правилъ жизни. Не противься злому, не клянись, не прелюбодѣйствуй, не покидай женщины, которая была однажды твоей женой, и т. д. Все дѣло, говоритъ онъ намъ, въ томъ, чтобъ извлечь изъ Евангелія указанія о томъ, какъ поступать въ жизни, для того, чтобы жизнь стала не кромѣшнымъ адомъ, какъ теперь, а свѣтлымъ, яснымъ, радостнымъ раемъ. Онъ старается цитатами изъ Евангелія доказать, что Христосъ именно затѣмъ пришелъ на землю, чтобы научить людей, какъ имъ лучше устроиться, „Христосъ учитъ не спасенію вѣрой или аскетизму... но онъ учитъ жизни такой, при которой, кромѣ спасенія отъ погибели личной жизни, еще и здѣсь, въ этомъ мірѣ, меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной“. И еще: „ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ училъ людей не дѣлать глупостей. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный смыслъ ученія Христа“. Обѣ эти цитаты взяты мной изъ X главы книги „Въ чемъ моя вѣра?“ Но въ VIII главѣ указывается еще на одинъ смыслъ ученія Христа: „въ признаніи этой своей мірской,

личной жизни за что-то дѣйствительно мнѣ принадлежащее и лежитъ недоразумѣніе, препятствующее пониманію ученія Христа"... „Смерть, смерть и смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла". Жизнь для себя не можетъ имѣть смысла, это усмотрѣлъ Толстой въ Евангеліи. Но тогда, зачѣмъ же искать радостей, хотя бы не тѣхъ, которыя цѣнятъ обыкновенные люди, а болѣе высокихъ и чистыхъ? Вѣдь что бы тамъ ни говорили, а радость есть чисто индивидуальное, личное чувство, и, если нужно отречься отъ себя, отъ своей индивидуальности, то гдѣ уже тутъ о радостяхъ думать! Но Толстой радости не уступитъ, какъ не уступитъ онъ разума, ибо это, выражаясь его словами, было бы ложью. И въ самомъ дѣлѣ *это было бы ложью*—для Толстого. Послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, Толстой заговорилъ о самоотреченіи, о жертвѣ, объ опрощеніи. Пьеръ вѣдь тоже, какъ и Толстой, послѣ „Исповѣди", выучился своей новой истинѣ у Платона Каратаева, воплотившаго въ своемъ лицѣ страдающій, смиренный и вѣрующій русскій народъ. Пьеръ тоже испыталъ потребность отреченія и жертвы. Кончилъ же компромиссомъ: онъ умилялся и дивился русскому народу, онъ старался внутренно совершенствоваться, онъ и на самомъ дѣлѣ совершенствовался,—но онъ не отказался отъ сладости жизни и продолжалъ, подъ руковод-

ствомъ разума, возможно лучше устраивать свою судьбу. „Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ славно!“ Не знаю, какъ другіе—что до меня, то я эти слова Пьера слышу и въ религіозно-богословскихъ произведеніяхъ, написанныхъ Толстымъ послѣ второго кризиса. Съ другой стороны онъ упрекаетъ современныхъ христіанъ въ невѣріи, ибо, говоритъ, у нихъ нѣтъ силы, нужной для вѣры. Вотъ эти замѣчательныя по глубинѣ и силѣ слова: „они (христіане) могутъ молиться Христу-Богу, причащаться, строить церкви, обращать другихъ; они все это и дѣлаютъ, но не могутъ дѣлать дѣлъ Христа, потому что дѣла эти вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ иномъ ученіи, нежели то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ, между тѣмъ какъ Авраамъ не могъ даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести своего сына въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ даетъ смыслъ и благо его жизни“. Это—страшный вызовъ, брошенный Толстымъ современнымъ вѣрующимъ людямъ и своему собственному „ученію“, поскольку оно проповѣдуетъ „разумъ“. Кто осмѣлится принять его? Кто принесетъ своего первенца въ жертву? Вспомните вопросъ Достоевскаго о замученномъ ребенкѣ. Когда на старости лѣтъ этотъ вопросъ (въ иной только формѣ) пришелъ въ голову Миллю, онъ заявилъ, что скорѣй готовъ допустить, что Богъ не совсѣмъ всемогущъ, чѣмъ что съ его воли и согласія происходятъ на землѣ подобные ужасы. Джемсъ говоритъ еще рѣзче: такого Бога онъ бы ни за что не призналъ Богомъ. И надо прямо

сказать: разумъ нашъ никогда не оправдаетъ жертвы Авраама, никогда не отдастъ на закланіе живого ребенка,—хотя бы и по требованію самого Бога. Если же найдется человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ отдастъ на закланіе свое любимое дѣтище или даже, какъ Авраамъ, самъ занесетъ ножъ надъ нимъ, то сомнѣнія уже быть не можетъ: онъ отвергъ разумъ и дѣйствовалъ въ порывѣ безумія. Таковыми и были всѣ пророки. Послушайте ихъ, посмотрите на ихъ жизнь. Богъ велѣлъ Іезекіилю ѣсть человѣческіе отбросы—и Іезекіиль послушался, ѣлъ. Если бы современный психіатръ увидѣлъ Іезекіиля, исполняющаго волю Бога, ему бы и въ голову не пришло, что предъ нимъ пророкъ, и онъ безъ колебанія надѣлъ бы на него смирительную рубашку. То же сказали бы (и говорили) врачи, интересовавшіеся душевными состояніями Толстого не послѣ, а во время кризисовъ, т.-е. не тогда, когда Толстой при помощи разума забывалъ сомнѣнія, а тогда, когда сомнѣнія побѣждали разумъ. Въ эти же, именно въ эти періоды—и въ молодости, и въ старости—Толстой болѣе всего напоминаетъ истиннаго пророка. Вѣра съ разумомъ никогда не примирятся. Никогда не примирятся душевный покой и счастье съ жертвой Авраама: тотъ, кто однажды убилъ своего сына, можетъ быть, будетъ великимъ геніемъ, пророкомъ, благодѣтелемъ человѣчества, но счастливымъ, разумнымъ и спокойнымъ человѣкомъ онъ уже не будетъ никогда. И, наоборотъ, та непримиримая вражда со счастьемъ и разумомъ, на которую иные люди отдаютъ всю свою жизнь, имѣетъ большей частью свое начало

и источникъ въ великой, нечеловѣческой жертвѣ. Можетъ быть, нужно, какъ учитъ Лютеръ, увѣровать, что для спасенія твоей одинокой, презрѣнной, грѣшной душонки потребовалось совершить преступленіе изъ преступленій, распять Сына Божьяго, совершеннѣйшее существо; можетъ быть, нужно увѣровать въ эту нелѣпость, въ этотъ абсурдъ, чтобы разъ навсегда перестать цѣнить разумъ съ его истинами и законами и преодолѣть тотъ кошмаръ нашей духовной ограниченности, который именуется современнымъ познаніемъ.

IX.

И вотъ, говорю, въ Толстомъ послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, въ Толстомъ „Войны и Мира“, какъ въ Толстомъ „Исповѣди“ и „Крейцеровой сонаты“ наблюдается органическое соединеніе двухъ, повидимому, совершенно несоединимыхъ душъ. Съ одной стороны, въ немъ живетъ пророкъ, готовый послѣдовать примѣру Авраама и даже Іезекіиля, готовый сродниться съ безумiемъ, вызвать на смертный бой здравый смыслъ и пренебречь всѣми радостями жизни. Такимъ онъ бываетъ въ періоды своихъ кризисовъ, до той поры, пока здравый смыслъ не убѣдитъ его спуститься въ низовья обыденности, твердаго знанія, правилъ и „счастья“. Съ другой стороны—онъ судорожно держится за разумъ и учитъ людей надѣяться, что религія есть какъ разъ то, что помогаетъ намъ устраивать свою жизнь. Послѣ „Исповѣди“, послѣ того, какъ онъ увѣровалъ уже въ

Бога, муки сомнѣнія и невѣрія далеко не покинули его. Я не говорю уже о „Смерти Ивана Ильича“. Можетъ быть, въ этомъ разсказѣ Толстой изображаетъ то, что онъ испыталъ до своего второго обращенія (но послѣ перваго, что тоже имѣетъ для насъ большое значеніе). Но „Крейцерова соната?“ Даже для слѣпого ясно, что она порождена какими-то переживаніями, возникшими совершенно независимо отъ всѣхъ религіозныхъ бореній и исканій. Именно въ то время, когда Толстой радостно отдавался своей высокой учительской миссіи,—открывалъ людямъ Евангеліе,—въ его жизни произошло нѣчто неслыханно тяжелое, отвратительное и постыдное. Если бы Толстого въ это время кто-нибудь ударилъ по щекѣ, онъ бы спокойно и легко, даже съ радостью подставилъ бы другую. Но тутъ былъ, очевидно, такой ударъ (и, можетъ быть, не отъ чужой, а своей собственной руки), такое ужасное осквернѣніе души, на которое для Толстого, какъ для Позднышева, былъ возможенъ одинъ отвѣтъ: кинжаломъ. Подчеркиваю, для Толстого, вѣрующаго въ Евангеліе и непротивленіе злу, не было другого выхода. Объ этомъ говоритъ каждая строчка, каждое слово „Крейцеровой сонаты“: имѣющій уши, да слышитъ. Но, Толстой не убилъ, а смылъ оскорбленіе, написавши новое геніальное произведеніе. Пусть спеціалисты въ дѣлахъ чести разрѣшаютъ вопросъ, можно и должно ли такимъ способомъ смывать оскорбленія. Мнѣ кажется, что, если существуетъ загробная жизнь, такой вопросъ будетъ поставленъ не только по поводу „Крейцеровой сонаты“, но также по поводу многихъ другихъ геніальныхъ произ-

веденій. Какъ онъ будетъ рѣшенъ, сказать не берусь, и здѣсь мы его касаться не будемъ: въ силу своей всеобъемлемости онъ можетъ быть рѣшенъ только на страшномъ судѣ, ибо въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ мы не найдемъ достаточныхъ данныхъ для его освѣщенія. Я хочу указать лишь на то, что Толстой знаетъ, что такое жертва Авраама, и каково заносить руку на то, что тебѣ дороже всего на свѣтѣ. И когда онъ въ своихъ сочиненіяхъ разсказываетъ намъ о своихъ жертвахъ, мы уже не можемъ вѣрить его увѣреніямъ, что такъ хорошо и такъ славно жить, и что Христосъ можетъ научить—еще лучше и еще пріятнѣе жить. Мало можно назвать писателей, которые умѣли бы такъ подрывать вѣру въ разумъ и возможность счастливаго устроенія на землѣ, какъ Толстой. Достигаетъ онъ этого больше всего несоотвѣтствіемъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ съ предлагаемыми имъ же самимъ вопросами. Не даромъ онъ два раза видѣлъ смерть, два раза разрушалъ и два раза созидалъ міръ. Кто научился у Толстого спрашивать. кто воспринялъ, какъ Толстой, казнь преступника, смерть брата, пытку Ивана Ильича, обиду Позднышева, тотъ, можетъ быть, будетъ протестантомъ или католикомъ, позитивистомъ или метафизикомъ,—но во всякомъ случаѣ, какихъ бы вѣрованій или ученій онъ ни держался, они даже и приблизительно не выразятъ его дѣйствительнаго отношенія къ міру, Богу и людямъ. Мнѣ кажется, что, можетъ быть, „ученіе“ Толстого оттого такъ ясно, просто и неубѣдительно, что онъ безсознательно чувствуетъ, что все равно не претворишь въ слово всего того, что накопилось въ душѣ за дол-

гія 80 лѣтъ трудной сложной и огромной жизни. Разуму такая задача не по силамъ: пусть берется за посильныя задачи. Пусть обличаетъ, проповѣдуетъ, вырабатываетъ правила жизни, утѣшаетъ и учитъ людей. Ничего, конечно, значительнаго изъ этого не выйдетъ, но та часть нашего существа, которая покоряется разуму, очень малаго и требуетъ.

Въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ Толстой разсказываетъ, что Карлъ Ивановичъ, узнавши, что Иртеньевъ отказываетъ ему отъ мѣста, вернулся въ классную и продиктовалъ дѣтямъ слѣдующую фразу: Von allen Leidenschaften die grausamste ist die Undankbarkeit. И это все удовлетворило. „Лицо его не было угрюмо, какъ прежде, оно выражало довольство человѣка, достаточно отмстившаго за обиду“. Часто, когда я читаю негодующія статьи Толстого по поводу дѣйствительно ужасныхъ событій нашей современности, я вспоминаю нѣмецкую фразу Карла Ивановича. Ибо толстовское негодованіе, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, такъ же мало устраняетъ зло и наказываетъ злыхъ, какъ и диктантъ Карла Ивановича. Оно довлѣетъ себѣ и развѣ только даетъ довольство человѣку, воображающему, что онъ достойно отмстилъ за обиду. Разумъ, когда ему выпадаетъ руководящая и отвѣтственная роль, всегда приводитъ къ такимъ бѣднымъ и обиднымъ результатамъ—и потому вся задача въ томъ, чтобъ отнять у него разъ навсегда руководительство. Можетъ быть, задача покажется по существу противорѣчивой и неисполнимой. Въ тайникахъ человѣческой души, повидимому, живетъ вѣчная боязнь, что наиболѣе глу-

бокіе и священные запросы наши не могутъ быть удовлетворены. Иногда даже кажется, что и не должны быть удовлетворены. Ренанъ превосходно выразилъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Une complète obscurité, providentielle peut-être, nous cache les fins morales de l'univers. Sur cette matière, on parie; on tire à la courte paille, en realité, on ne sait rien. Notre gageure, à nous, notre real acierto à la façon espagnole-c'est que l'inspiration intérieure qui nous fait affirmer le devoir est une sorte d'oracle, une voix infaillible, venant du dehors et correspondant à une réalité objective. Nous mettons notre noblesse en cette affirmation obstinée, nous faisons bien; il faut y tenir même contre l'évidence. Mais il y a presque autant de chances pour que tout le contraire soit vraie. Il se peut que ces voix intérieures proviennent d'illusions honnêtes, entretenues par l'habitude, et que le monde ne soit qu'une amusante féerie dont aucun dieu ne se soucie. Il faut donc nous arranger de manière que, dans les deux hypothèses, nous n'ayons pas eu complètement tort. Il faut écouter les voix supérieures, mais de façon que dans le cas où la seconde hypothèse serait la vraie, nous n'ayons pas été trop dupés. Si le monde, en effet, n'est pas chose serieuse, ce sont les gens dogmatiques qui auront été frivoles, et les gens du monde, ceux que les théologiens traitent d'etourdis, qui auront été les vrais sages". Ренанъ правъ: иногда человѣкомъ овладѣваетъ мучительная мысль, что его святыня, то, что ему дороже всего на свѣтѣ,—есть только пошлая вульгарность и что на престолъ нужно возвести именно обыкновен-

ную вульгарность, которую онъ всегда гналъ отъ себя и презиралъ, но которая одна и представляетъ изъ себя неистребимую временемъ, вѣчную сущность жизни. Кто не зналъ этого искушенія, тотъ, значитъ, не былъ даже еще у порога послѣдней жизненной загадки. Достоевскій назвалъ бы такого человѣка желторотымъ. Такому еще можно надѣяться на разумъ и искать въ разумѣ опоры. Онъ можетъ считать наше знаніе совершеннымъ знаніемъ, онъ можетъ въ проповѣди находить утѣшеніе и удовлетворяться негодующими словами. Онъ можетъ и въ сознательномъ, разумномъ ученіи Толстого видѣть сущность его жизни и дѣятельности. Въ послѣсловіи въ „Крейцеровой сонатѣ“ онъ можетъ найти объясненіе этого геніальнаго произведенія, въ восклицаніяхъ Пьера, „ахъ, какъ хорошо, ахъ, какъ славно!“ и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ богословскихъ и моральныхъ сочиненій Толстого онъ можетъ найти откликъ на свои задушевнѣйшія мечты и даже признаки вѣчной, непоколебимой вѣры. И ему ничего возразить нельзя. Послѣднія цѣли мірозданія, какъ говоритъ Ренанъ, скрыты въ глубокомъ мракѣ и, быть можетъ, по волѣ Творца. Но если это такъ, если и въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ и не можетъ быть ясныхъ указаній на то, кто владѣетъ нами и чего отъ насъ требуютъ, если нашъ разумъ такъ устроенъ, что онъ равно допускаетъ самыя противоположныя объясненія міровыхъ цѣлей и готовъ поочередно возводить на престолъ и пошлость и высокую добродѣтель,—кто же можетъ заставить насъ жить въ мирѣ съ такимъ разумомъ? Добро бы онъ былъ всемогущимъ или, если

хоть не всемогущимъ, то очень могущественнымъ, могъ бы справиться съ нашими элементарными нуждами! Можетъ быть, своекорыстное человѣчество соблазнилось бы матеріальными выгодами. Но, рано или поздно, наступаетъ моментъ въ нашей жизни, когда разумъ безсильно пассуетъ и не умѣетъ ничего для насъ сдѣлать: какъ страшно и какъ чудесно разсказываетъ объ этомъ Толстой! И тогда возникаетъ у человѣка непреклонное рѣшеніе разъ на всегда порвать съ этимъ жалкимъ и коварнымъ союзникомъ. Что угодно, только не разумное! И тогда, только тогда, когда человѣкъ почувствовалъ совершенную невозможность жить съ разумомъ, впервые возникаетъ у него вѣра. Большей частью онъ этого не знаетъ, т.-е. онъ не думаетъ, что его измѣнившееся отношеніе къ міру заслуживаетъ такого названія, что оно вообще имѣетъ какую-нибудь заслугу, чего-нибудь стоитъ! Онъ думаетъ, что вѣрой должно называть приверженность человѣка къ какой-нибудь церкви, къ какимъ-нибудь догмамъ, къ этическимъ ученіямъ или, по крайней мѣрѣ, интересъ къ такъ называемымъ послѣднимъ вопросамъ нашего бытія. А то, что въ немъ—все такъ дико, гнусно, безпорядочно, хаотично, нелѣпо, отвратительно, все подлежитъ истребленію, уничтоженію. Безподобно разсказалъ покойный Чеховъ о такихъ своихъ душевныхъ состояніяхъ въ „Скучной исторіи“. Объ этомъ же разсказываетъ и Толстой во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, поскольку они отражаютъ въ себѣ оба пережитыхъ имъ кризиса, обѣ его встрѣчи со смертью. И именно то, что выводитъ насъ изъ нашего обычнаго равно-

вѣсія, что разрываетъ, раздробляетъ на безконечно малыя части нашъ опытъ, что отнимаетъ у насъ радости, сонъ, правила, убѣжденія и твердость, все это—есть вѣра, все это—моменты соприкосновенія съ мірами иными, выражаясь словами Достоевскаго. И пока мы живемъ въ этомъ мірѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы вѣра была нашимъ постояннымъ душевнымъ состояніемъ. Человѣку нужна передышка. Нужно ему вздохнуть и сказать: „какъ хорошо, какъ славно!“, нужна ему твердость, правила, почва. И, въ силу того, что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ пріучился думать, что тамъ, гдѣ ему хорошо, гдѣ есть обезпеченность и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, тамъ и послѣдняя истина, и вѣчное, неистребимое временемъ, благо, такія душевныя состоянія и называются великимъ словомъ „вѣра“,—они же потому и согласуются съ нашими знаніями и съ нашимъ разумомъ, дабы общими усиліями вѣры, знанія и разума создать прочный оплотъ для бѣдной, предоставленной всѣмъ случайностямъ, человѣческой жизни. Дважды взглянулъ въ лицо настоящей смерти Толстой, дважды вырывался онъ изъ власти человѣческихъ суевѣрій и предразсудковъ, и много разсказалъ онъ намъ о томъ иномъ мірѣ, куда звала его страшная гостья. И оба раза онъ вернулся обратно. Можетъ, правъ былъ Ахиллъ: лучше быть поденщикомъ въ этомъ мірѣ, чѣмъ царемъ въ мірѣ тѣней, и правъ былъ Экклезіастъ—лучше быть живымъ псомъ, чѣмъ мертвымъ львомъ. И Ренанъ, быть можетъ, правъ: не слѣдуетъ рисковать даже въ области философіи. Но Толстой сталъ Толстымъ и научился

разрушать и создавать міры лишь послѣ того, какъ онъ взглянулъ въ лицо смерти и постольку, поскольку онъ ушелъ отъ нашихъ традиціонныхъ истинъ. Его „Исповѣдь“ кончается, какъ читатель помнитъ, описаніемъ приснившагося ему сна. Самое замѣчательное въ этомъ разсказѣ не его мораль, какъ хочетъ Толстой, а единственная въ своемъ родѣ передача логики сновидѣнія. Въ этомъ нужно видѣть великій символъ, здѣсь нужно искать разгадку толстовскаго генія. Кончается сонъ такими словами: „и тутъ, какъ это часто бываетъ во снѣ, мнѣ представляется тотъ механизмъ, посредствомъ котораго я держусь, очень естественнымъ, понятнымъ, несомнѣннымъ, несмотря на то, что на яву этотъ механизмъ не имѣетъ смысла“. Вотъ Толстой, тотъ, который написалъ „Три смерти“ и черезъ полстолѣтія написалъ „еще три смерти“. Онъ наполовину пробудился отъ сна жизни и чувствуетъ, что естественность, понятность и несомнѣнность вовсе не тамъ, гдѣ насъ пріучили искать ихъ наши учителя, эмпирики и метафизики, вѣрующіе и безбожники. Власть традицій безсильна надъ тѣмъ, кто можетъ и долженъ открыть глаза. Къ счастію, къ радости ли это—Богъ вѣсть. Но къ чему-то совсѣмъ новому, неизвѣданному,—это несомнѣнно...

Вѣроятно, статья эта не попадется на глаза Толстому. О немъ всегда, а теперь въ особенности, такъ много пишутъ, что онъ едва ли въ состояніи прочесть и сотую долю посвящаемыхъ ему статей. Но если попадется, онъ навѣрное скажетъ обо мнѣ, какъ говорилъ о Ницше, „рака“ или безумный—не испу-

гавшись ни синедріона, ни геены огненной. Что жъ? Съ этимъ нужно примириться. Я же закончу тѣмъ, съ чего началъ. The time is out of joint. И прибавлю: мы пальцемъ о палецъ не ударимъ, чтобы поставить время на его прежнее мѣсто—пусть разбивается въ дребезги.

Побѣды и пораженія.

(Жизнь и творчество Генриха Ибсена).

Дарованіе Ибсена зрѣло очень медленно. Онъ дебютировалъ въ 1849 году драмою „Катилина“, которую впослѣдствіи въ дополненномъ и исправленномъ видѣ включилъ въ полное собраніе своихъ сочиненій, затѣмъ написалъ еще цѣлыхъ четыре пьесы („Богатырскій курганъ“, „Фру Ингеръ изъ Эстрота», Пиръ въ Сольгаузѣ“ и „Олафъ Лиліенкранцъ“), которыя тоже отчасти потребовали для новаго изданія переработки, но даже и въ переработанномъ видѣ не представляютъ ничего выдающагося, и только въ 1857 г., когда ему уже было около тридцати лѣтъ, Ибсену удалось написать первое великое произведеніе—„Воители въ Гельголандѣ“ или, какъ прежде переводили, „Сѣверные богатыри“. Судьба, однако, мало благопріятствовала Ибсену. Ни критика, ни публика не оцѣнила по достоинству „Сѣверныхъ богатырей“ и не поддержала молодого писателя; Ибсену суждено было еще долго не находить извнѣ опоры, и это кладетъ особый отпечатокъ на его жизнь и творчество. Писатель долженъ учить, поучать—для того же, чтобъ учить, нужно самому знать,—больше того: нужно вѣрить, что твое знаніе есть единственно истинное знаніе, которое ты

вправѣ противопоставить всякимъ другимъ знаніямъ. Гдѣ взять эту вѣру въ себя? Какъ побѣдить сомнѣнія, которыя живутъ въ душѣ каждаго? Сомнѣнія вѣдь питаются неудачами—внѣшними и внутренними. Автору его произведенія кажутся такъ мало соотвѣтствующими его собственнымъ эстетическимъ и литературнымъ идеаламъ, публика ихъ бранитъ, критика разноситъ, а нужно проповѣдывать, т.-е. говорить твердымъ, увѣреннымъ голосомъ. И начинается тяжелая борьба и съ самимъ собой, и съ внѣшними препятствіями. Публикѣ и критикѣ не только уступить, но и виду показать нельзя, что хоть отчасти признаешь справедливость взводимыхъ на тебя обвиненій: это значило бы напрашиваться на снисхожденіе. Въ результатѣ—внѣшняя твердость на-ряду съ вѣчными, грызущими, никому не видимыми сомнѣніями.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ мало вѣрилъ Ибсенъ въ свое призваніе. Едва ли есть еще одинъ писатель, который бы такъ долго и упорно останавливалъ бы свою мысль на вопросѣ, въ правѣ ли онъ возвышать свой голосъ и говорить съ трибуны предъ людьми. Въ 1863 г. вышла пьеса Ибсена „Претенденты на престолъ“—въ подлинникѣ она называется „Дерево, изъ котораго вырѣзываются короли“. Въ ней Ибсенъ дѣлится съ читателемъ своими размышленіями о томъ, кто можетъ считаться королемъ, т.-е. истиннымъ избранникомъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества. И, какъ мы увидимъ, ему казалось тогда, что первый признакъ, по которому можно отличить избранника отъ самозванца, пророка отъ лжепророка—это вѣра въ свое при-

званіе. Пророкъ вѣритъ въ себя и потому просто, легко и свободно, безъ внутреннихъ колебаній идетъ своей дорогой,—дорогой славы и побѣды. Лжепророкъ, какъ бы во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ ни былъ похожъ на пророка, не довѣряетъ самому себѣ, и потому не знаетъ, куда итти. Онъ вѣчно колеблется, мѣняетъ рѣшенія: всѣ душевныя его силы уходятъ на борьбу съ самимъ собой и для дѣла ничего не остается. Въ послѣднемъ счетѣ, поэтому, пророкъ всегда побѣждаетъ, самозванецъ же терпитъ постыдное пораженіе и жалкой смертью искупаетъ свое дерзновеніе. „Претенденты на престолъ“ вышли, какъ я сказалъ, въ 1863 году. Но сомнѣнія Ибсена въ своемъ призваніи гораздо старше возрастомъ. Онъ давно чувствовалъ, что все, что онъ пишетъ не то, не настоящее. Вѣрное, авторское чутье говорило ему, что не такъ нужно передавать повѣствованія древнихъ сѣверныхъ сагъ, какъ это дѣлалъ онъ въ „Олафѣ Лиліенкранцѣ“ или „фру Ингеръ“. Не тѣмъ голосомъ нужно воспѣвать жизнь и подвиги легендарныхъ богатырей. А что за скальдъ, у котораго нѣтъ голоса? И можетъ ли безголосый человѣкъ вдругъ запѣть? Оказалось, что можетъ. Какъ это случилось, отчего это, послѣ 8 лѣтъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ Ибсену вдругъ удалось запѣть, — пока мы этого здѣсь касаться не станемъ. Мы можемъ только засвидѣтельствовать фактъ: въ Ибсенѣ родился настоящій, великій скальдъ.

Онъ сталъ пѣть о богатырскихъ подвигахъ, о тайнахъ, о жизни и смерти, о радости и печали, о красотѣ сѣвера и сѣверныхъ женщинъ. Древніе викинги

словно оживаютъ предъ нами и преображаютъ нашу бѣдную, сѣрую жизнь. Намъ начинаетъ казаться, что наши маленькія повседневныя тревоги и огорченія, наши забавы и радости—еще не вся жизнь, и даже не начало жизни. Что главное, самое важное и значительное еще впереди, еще не испытано и неизвѣдано нами. Вѣдь Ибсенъ вышелъ изъ нашей среды, онъ жилъ нашей современной жизнью. Онъ былъ аптекарскимъ помощникомъ, бился за свое существованіе, какъ всѣ мы бьемся, путался въ той же паутинѣ повседневности и, вѣроятно, часто думалъ и чувствовалъ. что эта жизнь и есть вся возможная человѣческая жизнь. И тѣмъ не менѣе, викинги и валькиріи вдругъ посѣтили его и нарушили мирный сонъ обывателя маленькаго норвежскаго городка. Давно онъ уже мечталъ о нихъ и звалъ ихъ къ себѣ. Но не находилъ настоящаго слова, тѣхъ заклинаній, которыя вызываютъ изъ прошлаго тѣни ушедшихъ изъ жизни и никогда не жившихъ. Но вотъ слово найдено, вожделѣнная минута наступила.

Критики по поводу „Сѣверныхъ богатырей“, равно какъ по поводу болѣе раннихъ и болѣе позднихъ произведеній Ибсена, нерѣдко упрекаютъ его въ заимствованіяхъ. Въ 1883 году онъ, въ предисловіи ко второму изданію „Пира въ Сольгаузѣ“ отвѣтилъ имъ: „я хотѣлъ только установить, что предлагаемая драма, какъ и всѣ мои драматическія произведенія, является естественнымъ продуктомъ моей личной душевной жизни и въ данный моментъ вытекла изъ глубины моего творческаго „я“, а не обусловлена какимъ-нибудь внѣшнимъ толчкомъ или чужимъ вліяніемъ“.

Большая и важная правда въ этихъ словахъ Ибсена. Можетъ быть, знатокъ скандинавской литературы и отыщетъ какъ въ „Пирѣ“, такъ даже и въ „Сѣверныхъ богатыряхъ“ какія-нибудь болѣе или менѣе значительныя позаимствованія у другихъ сѣверныхъ писателей. Но если онъ замѣтитъ только это и не услышитъ живого, мощнаго голоса молодого поэта, значитъ онъ напрасно подходитъ къ Ибсену. „Сѣверные богатыри“—великая, вдохновенная пѣсня впервые почувствовавшаго свои силы скальда.

Эрнульфъ, потерявшій всѣхъ своихъ сыновей — всѣхъ до послѣдняго, младшаго и любимѣйшаго, Торольфа,—сидитъ на берегу моря съ обнаженной головой, не ѣстъ, не пьетъ. Страшное горе подорвало великія силы сѣдого богатыря. Жизнь его кажется оконченной—что дѣлать на землѣ старику, у котораго въ одинъ день погибли всѣ сыновья? На просьбы и мольбы единственной, оставшейся въ живыхъ дочери его, жены могучаго Сигурда, у него одинъ отвѣтъ: „Мой трудовой день оконченъ—я схоронилъ своихъ сыновей. Подите отъ меня, уйдите“. Ничего не дѣйствуетъ на обезумѣвшаго отъ горя старика—ни убѣжденія, ни просьбы. Онъ сидитъ подъ снѣжной бурей съ обнаженной головой, забывъ и о себѣ, и обо всѣхъ на свѣтѣ. Но вотъ дочь напоминаетъ ему, что осталась у него въ жизни еще одна великая задача: „трудовой день твой конченъ, говоришь ты, но это—не такъ. Ты схоронилъ своихъ сыновей... но ты вѣдь скальдъ, и надо почтить ихъ память посмертной пѣснью“. Эти слова пробуждаютъ его изъ оцѣпенѣнія. Старикъ начинаетъ пѣть сначало тихо,

сидя, затѣмъ постепенно воодушевляется, встаетъ, пѣснь становится звучнѣй и точно разсѣивается мракъ сгустившейся надъ его бѣдной головой ночи:

Но лишила норна
Эрнульфа всего ли?
Я родился скальдомъ—
Нѣтъ завиднѣй доли!
Пусть сыновъ сразила
Всѣхъ однимъ ударомъ;
Норнѣ я обязанъ
Пѣсенъ дивныхъ даромъ.
Жало скорби жгучей
Съ корнемъ вырываетъ,
Въ сердцѣ боль утраты
Пѣсня утоляетъ,
Раны всѣ врачуетъ
Пѣснь волшебной силой;
Раздавайся-жъ громче
Надъ сыновъ могилой!
Честь сынамъ героямъ!
Слава вамъ вовѣки!
Вѣдь на полѣ брани
Вы смежили вѣки!
Ждутъ героевъ павшихъ
Одина палаты;
Скорби всѣ смягчаетъ
Даръ боговъ богатый.

Вы видите, Ибсенъ выпрямился во весь свой богатырскій ростъ. „Я родился скальдомъ, нѣтъ завиднѣй доли“. И какая волшебная сила дана пѣснѣ: тамъ, гдѣ все умолкаетъ — надъ могилами безвременно погибшихъ юношей, одинъ лишь скальдъ смѣетъ возвысить свой голосъ. Пѣсня. точно талисманъ, извлекаетъ изъ сердца жало самой тяжкой скорби. Ясно, что человѣкъ, дерзающій произносить такія слова, вырѣзанъ изъ настоящаго дерева, изъ котораго вы-

рѣзываются избранники—короли и пророки. Онъ въ правѣ итти къ людямъ, онъ въ правѣ звать ихъ за собою. У него есть что сказать. Онъ умѣетъ и сдѣлать кой-что. Такого услышатъ, за такимъ пойдутъ—не сейчасъ, такъ послѣ.

Пришло настоящее слово, открылась великая тайна — съ тѣмъ вмѣстѣ пришла и вѣра въ себя. Ибсенъ ставитъ и разрѣшаетъ самые трудные, самые страшные вопросы. Кажется, нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ такой тайны, такой задачи, такой опасности, предъ которыми отступилъ бы молодой поэтъ. Наоборотъ, страшное его радуетъ, опасности манятъ, загадочное становится его родной стихіей. Всѣ переживанія, самыя тяжелыя и мучительныя, претворяются въ широкую и могучую пѣсню — словно оправдываются загадочныя слова слѣпого старца: затѣмъ посылаютъ боги людямъ горе и скорбь, чтобъ было о чемъ повѣствовать пѣвцамъ.

Муза Ибсена въ этотъ періодъ—гордая и смѣлая сѣверная красавица, валькирія — Йордисъ. Грозная, прекрасная и печальная, великая въ любви и ненависти, она кажется случайно занесенной въ нашу бѣдную жизнь изъ иного міра. Да вѣдь иначе и быть не можетъ. Все истинно прекрасное и истинно великое принадлежитъ не землѣ, а иному міру. И если попадаетъ на землю, то обречено на вѣчную скорбь. Можетъ, иначе и не должно быть. Недаромъ же съ древнихъ временъ поэты и мудрецы находили истинную красоту только въ страданіяхъ, недаромъ же послѣднюю истину всегда открывала людямъ трагедія. Йордисъ, когда еще была молодой дѣвушкой, привя-

зала у своей свѣтлицы свирѣпаго бѣлаго медвѣдя и дала торжественную клятву принадлежать лишь тому, кто, справившись съ чудовищемъ, похититъ ее. Для нея, воплотившейся въ женщину Валькиріи, обыкновенныя человѣческія дѣла—лишь пустая забава. Мелкія горести, мелкія радости раздражаютъ и мучаютъ ее, точно постоянные уколы булавокъ. Она хочетъ измѣнить основные законы нашей жизни, она хочетъ жить внѣ нашихъ законовъ. Даже жизнь легендарныхъ викинговъ ей кажется медленной, сонной, блѣдной. Къ нормальнымъ опасностямъ, которыхъ полна жизнь сѣверныхъ богатырей, она присмотрѣлась, онѣ примелькались ей. Она создаетъ новыя, ненужныя, ибо цѣнитъ лишь такую жизнь, рядомъ съ которой всегда смерть. Полюбитъ она лишь того, кто приметъ ея жизнь, кто, идя за любовью, не побоится взглянуть въ лицо смерти. И такой герой нашелся. Его не пугаетъ требованіе Йордисъ, онъ понимаетъ, чего она добивается. Безстрашный, идетъ онъ ночью въ свѣтлицу, убиваетъ свирѣпаго медвѣдя, уноситъ прекрасную Валькирію и отдаетъ ее своему другу, Гуннару, побоявшемуся итти на медвѣдя, чтобы вмѣстѣ съ жизнью не потерять и возлюбленную. Йордисъ становится женой Гуннара, добраго, твердаго и честнаго человѣка, — но только человѣка. Можетъ Валькирія жить съ простымъ смертнымъ? Йордисъ вѣритъ, что медвѣдя убилъ Гуннаръ, днемъ и ночью напоминаетъ она себѣ и другимъ, что величайшій и безполезнѣйшій подвигъ совершилъ ея мужъ. Но воспоминаніе о подвигѣ не утѣшаетъ ея. Не зная обмана,

она его чувствуетъ. Она задыхается въ душной атмосферѣ родового помѣстья своего мужа, покой ее мучитъ, и она ищетъ случая разнообразить свое сѣрое существованіе. Къ окружающимъ людямъ она равнодушна, и потому безжалостна: развѣ можетъ высшее существо считаться съ мелкими нуждами жителей земли? Не только посторонніе, но даже совершившій величайшій подвигъ Гуннаръ и ея единственный сынъ, Эгиль, для нея не существуютъ. Она безпокойно мечется во всѣ стороны, внушая страхъ и ненависть всѣмъ, кто сталкивается съ ней на пути.

Таковъ законъ судьбы: встрѣча съ богами и даже полубогами сулитъ людямъ несчастье. Но уклониться отъ такой встрѣчи еще, быть можетъ, страшнѣй. Сигурдъ Могучій, совершившій величайшій подвигъ, принесъ въ жертву земному, понятному чувству — дружбѣ, неземное чувство любви. Онъ уступилъ Гуннару Йордисъ и взялъ себѣ въ жены кроткую, любящую Дагни. Проходятъ пять лѣтъ. Все должно было бы забыться. Человѣческіе законы должны бы были справиться и съ Йордисъ, и съ Дагни, каждая изъ нихъ должна бы была покориться своей участи и на всю жизнь остаться вѣрной тому, кому она была отдана. Но Ибсенъ искалъ не человѣческихъ законовъ, и потому избралъ въ свои героини и вмѣстѣ съ тѣмъ въ музы Валькирію. Кому бы она ни была отдана, она остается вѣрной лишь себѣ самой. Это ея единственный и высшій законъ. И когда обманъ Сигурда раскрывается, когда для Йордисъ выясняется, что не Гуннаръ, а Сигурдъ совершилъ величайшій и безполезнѣйшій подвигъ, убилъ медвѣдя, съ кото-

рымъ не могли бы справиться и двадцать человѣкъ,— все прошлое вновь оживаетъ въ ней. Сигурдъ, любившій ее, отдалъ ее своему другу, Гуннару, земной дружбѣ отдано предпочтеніе предъ любовью...

На пиру, гдѣ открывается обманъ, происходятъ страшнѣйшія вещи. Юный Торольфъ возвѣщаетъ Гуннару и Йордисъ, что ихъ сынъ, Эгиль, убитъ старикомъ Эрнульфомъ, Гуннаръ убиваетъ Торольфа, приходитъ Эрнульфъ и выясняется, что онъ отлучался не затѣмъ, чтобы убить, а затѣмъ, чтобы спасти Эгиля и что за спасеніе ихъ сына онъ заплатилъ страшной цѣной—жизнью всѣхъ своихъ сыновей. До всего этого царственной мстительницѣ нѣтъ дѣла. Ея любовь поругана – развѣ можетъ быть на свѣтѣ еще что-нибудь важное и значительное? Развѣ можно огорчаться смертью сыновей Эрнульфа, развѣ можно дивиться смѣлому великодушію убитаго горемъ старика, развѣ можно радоваться спасенію собственнаго сына? Любовь Валькиріи цѣннѣй всего на свѣтѣ. Ее и только ее нужно спасать. Человѣческіе законы падаютъ, человѣческія заботы, радости и надежды — что это все! Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Йордисъ:

Йордисъ. „Я люблю тебя, я смѣю это сказать теперь, не стыдясь; моя любовь не забава, какъ у слабосильныхъ женщинъ! Будь даже я мужемъ, клянусь всѣми мощными силами, я и тогда любила бы тебя такъ же, какъ теперь! Воспрянь же, Сигурдъ! Счастье стоитъ подвига; мы оба станемъ свободны, если захотимъ, и игра выиграна.

Сигурдъ. Свободны? Что ты хочешь сказать?

Йордисъ. Что тебѣ Дагни? Чѣмъ она можетъ

быть для тебя? Она для тебя не больше, чѣмъ Гуннаръ для меня,—для моей души. Надо ли жалѣть объ этихъ двухъ никому не нужныхъ жизняхъ?

Сигурдъ. Йордисъ, Йордисъ!

Йордисъ. Ну, пусть Гуннаръ остается здѣсь, а Дагни ѣдетъ въ Исландію съ отцомъ; я же послѣдую за тобой повсюду, закованная въ доспѣхи (Сигурдъ обнаруживаетъ волненіе). Я послѣдую за тобою не какъ жена твоя—я принадлежала Гуннару и жива та женщина, которая была близка тебѣ. Нѣтъ, Сигурдъ, не какъ жена твоя, но какъ тѣ отважныя дѣвы, какъ сестры Гильды, буду я слѣдовать за тобой, воодушевлять тебя къ борьбѣ и мужественнымъ подвигамъ, чтобъ имя твое прогремѣло далеко по свѣту! Въ горячей схваткѣ я буду къ тебѣ всѣхъ ближе, раздѣлю съ твоей дружиной бури и подвиги, а когда запоютъ драпу тебѣ,—споютъ ее о Сигурдѣ и Йордисъ вмѣстѣ!

Сигурдъ. Это было когда-то моей завѣтной мечтой; теперь уже поздно. Между нами стоятъ Гуннаръ и Дагни, и имѣютъ на то право. Я загубилъ свою юную любовь ради счастья Гуннара и, если уже взялъ на себя такую муку, такъ не напрасно. И Дагни... безъ боязни, полная вѣры въ меня, покинула она родной домъ... Никогда не должна она узнать, что въ ея объятіяхъ я тосковалъ по Йордисъ!

Йордисъ. И ради этого ты готовъ наложить на себя такое тяжелое бремя? Для чего же тогда были тебѣ даны сила и мужество и всѣ лучшіе душевные дары? И развѣ достойная меня доля—оставаться тутъ, въ домѣ Гуннара? Нѣтъ, Сигурдъ, повѣрь мнѣ, здѣсь

найдется много дѣла для такого мужа, какъ ты... Норвегіей правитъ Эрикъ, возстань противъ него; съ непреодолимой силой двинемся мы впередъ, будемъ биться и бороться упорно; не остановимся, пока ты не возсядешь на престолѣ Гаральда Прекрасноволосаго.

Сигурдъ. Йордисъ, Йордисъ! Я мечталъ объ этомъ въ дни бурной юности; пора забыть это... Не смущай меня.

Йордисъ (величаво). Велѣніе норнъ—намъ съ тобой итти рука объ руку; измѣнить этого нельзя; ясно вижу я теперь свое дѣло въ жизни: прославить тебя на весь міръ!..

Йордисъ не знаетъ забавъ и развлеченій: эти человѣческія слова чужды ей. Оттого она не знаетъ и состраданія. Она ничего не боится, ей ничего не жаль. То, что всѣ оберегаютъ, она безжалостно разрушаетъ. И не какъ ночной разбойникъ, робко озирающійся на законъ, который грозитъ ему возмездіемъ и казнью. И возмездіе, и казнь, и законъ—въ ея рукахъ. Сигурдъ Могучій, прославившійся своими дѣлами и подвигами на всю Норвегію, кажется слабымъ и неопытнымъ ребенкомъ предъ нею. Онъ—безстрашный—многаго еще боится. Ему жаль своего честнаго друга, Гуннара, онъ щадитъ свою любящую жену, Дагни, да иначе и быть не можетъ. Онъ богатырь, но онъ человѣкъ, и онъ чувствуетъ надъ собой власть человѣческихъ законовъ. Онъ не смѣетъ брать въ свои руки вершеніе судебъ ближнихъ: онъ справедливо боится возможныхъ ошибокъ и предпочитаетъ итти по предуказанному древними власти-

ѣлями человѣческихъ думъ пути. Какъ страстно ни любитъ онъ Йордисъ, онъ сторонится ея. И таинственныя норны передаютъ послѣднія рѣшенія въ руки Йордисъ. Она знаетъ великое слово,—она и произнесетъ его, и это слово пошлетъ въ иной міръ однихъ и дастъ на землѣ жизнь другимъ. „Всѣмъ можетъ поступиться человѣкъ ради друга—только не любимой женщиной,—говоритъ она Сигурду Могучему.—И если онъ дѣлаетъ это, онъ разрываетъ таинственную ткань норнъ и губитъ двѣ жизни". Этимъ своимъ словомъ женщина Валькирія сразу точно мечомъ разрубаетъ спутавшійся клубокъ человѣческихъ жизней. Кто далъ право ей вѣщать эту никому неизвѣстную истину? Почему можно поступаться всѣмъ—только не любимой женщиной? И кто такая Йордисъ, кто такой Ибсенъ, что берутъ они на себя право возвѣщать и диктовать людямъ новые законы? Едва ли бы Йордисъ или Ибсенъ умѣли отвѣтить на эти вопросы. Но такъ же несомнѣнно, что едва ли бы они услышали ихъ, какъ бы ни напрягали свои голоса вопрошающіе. Йордисъ знаетъ свое: всѣмъ можетъ поступиться человѣкъ, только не любимой женщиной.

И Ибсенъ знаетъ это, какъ знаетъ, что лучшій подвигъ—это безполезнѣйшій, что лучшая, завиднѣйшая доля—родиться скальдомъ. И оттого, что онъ зналъ эти три великія истины, и оттого, что эти три истины побороли въ его душѣ сомнѣнія и всѣ другія истины, оттого его голосъ, звучавшій до сихъ поръ такъ слабо, тускло и неувѣренно, внезапно пріобрѣлъ нечеловѣческую мощь и красоту. Онъ нашелъ свои

заклинанія и долго не приходившая на его зовъ Муза-Валькирія вышла къ нему изъ глубины минувшихъ столѣтій. Ожили мертвецы, прошлое стало настоящимъ. Всѣ сыновья убиты, всѣ надежды погибли, нѣтъ ничего въ настоящемъ, но есть пѣсня, и Ибсенъ торжествуетъ:

Раны всѣ врачуетъ
Пѣснь волшебной силой,
Раздавайся-жъ громче
Надъ сыновъ могилой.

II.

Послѣ „Сѣверныхъ богатырей“ Ибсенъ замолчалъ на цѣлыхъ пять лѣтъ. Муза его покинула, голосъ пропалъ. Вскорѣ по выходѣ „Сѣверныхъ богатырей“ Ибсенъ женился: заботы и дѣла, повидимому, отвлекли его отъ фантастическаго міра, въ которомъ онъ жилъ прежде. Съ этимъ снова начинаетъ у Ибсена падать вѣра въ себя и въ свое предназначеніе. Ибо вѣрить въ свое предназначеніе можетъ только тотъ, кто живетъ внѣ осязаемаго, реальнаго міра, для кого дерзость—сомнѣваться въ томъ, что недоказуемо, а не въ преимуществахъ доказаннаго передъ недоказаннымъ. Кто, болѣе того, считаетъ все доказанное, доказуемое уже потому менѣе цѣннымъ, что оно ждетъ себѣ защиты и покровительства извнѣ, отъ принятыхъ обычаемъ нормъ. Йордисъ не доказывала, что покинуть любимую женщину есть величайшее изъ преступленій. Эрнульфъ не доказывалъ, что удѣлъ скальда есть лучшій удѣлъ на землѣ. И Си-

гурдъ Могучій не спрашивалъ, не безумно ли привязывать къ двери свѣтлицы свирѣпаго бѣлаго медвѣдя, когда ждешь къ себѣ возлюбленнаго. А вѣдь и слова Йордисъ, и вѣра Эрнульфа, и медвѣдь у свѣтлицы—все это такъ непонятно, такъ проблематично. На тысячи живущихъ людей едва ли одинъ отнесется къ этому серьезно: всѣмъ покажется это безсмысленнымъ, фантастическимъ, дикимъ. И вѣдь, несомнѣнно, вѣра Йордисъ сродни безумію. „Всѣмъ можно пожертвовать— только не любимой женщиной". А даромъ норнъ—даромъ пѣсни? А царской короной? Что, если придется человѣку выбирать между любимой женщиной и музой, между любимой женщиной и престоломъ—отъ чего тогда отказаться? Что будетъ большимъ преступленіемъ—покинуть любимую женщину или отвернуться отъ Музы?

Ибсену, вскорѣ послѣ женитьбы, жизнь предложила этотъ вопросъ: ему пришлось выбирать между любовью и творчествомъ. Біографическія данныя объ Ибсенѣ слишкомъ скудны, какъ, впрочемъ, скудны почти всѣ біографическія данныя, и конкретныхъ подробностей о борьбѣ, происходившей въ немъ въ этотъ періодъ времени, у насъ нѣтъ. Зато есть написанная имъ тогда пьеса: „Комедія любви". Пьеса эта почти ничѣмъ не напоминаетъ предшествовавшую. Нѣтъ викинговъ и валькирій, не сверкаютъ латы и шлемы, не бряцаютъ мечи. Хотя дѣйствіе и происходитъ въ Норвегіи—но въ современной, цивилизованной Норвегіи. Дѣйствующія лица—студенты-богословы, чиновники, купцы, пасторы, барышни-невѣсты и не невѣсты, дамы и только одинъ поэтъ да одна

дѣвушка Свангильдъ, имя которой напоминаетъ древнюю сагу. Дѣйствующія лица, стиль и колоритъ пьесы—совсѣмъ иные, чѣмъ въ „Сѣверныхъ богатыряхъ“. „Комедія любви“ написана стихами, въ ней есть и блескъ, и остроуміе, порой даже лирическій подъемъ. Но паѳоса, которымъ проникнуто каждое слово „Сѣверныхъ богатырей“, нѣтъ. Не то, чтобы за истекшія пять лѣтъ Ибсенъ вполнѣ сдружился со здравымъ смысломъ,—этого, пожалуй, нельзя сказать. Герой пьесы, поэтъ Фалькъ, даже высмѣиваетъ здравый смыслъ и ровную, размѣренную, разсчитанную жизнь мирныхъ обывателей мирнаго городка. Онъ чувствуетъ себя выше окружающихъ, онъ даже притязаетъ на призваніе! Но захватывающихъ словъ Йордисъ и Эрнульфа мы не слышимъ. Самъ поэтъ объясняетъ, доказываетъ и даже сходится во мнѣніяхъ съ умнымъ и честнымъ купцомъ, нарочитымъ представителемъ здраваго смысла. Главное содержаніе пьесы—судъ надъ прежней Музой Ибсена—валькиріей Йордисъ. Она, мы помнимъ, вдохновенно вѣщала, что всѣмъ можно поступиться—только не любимой женщиной. Ибсенъ теперь сомнѣвается и въ словахъ Йордисъ и въ ея правѣ вѣщать. Точно ли нельзя поступиться любимой женщиной? И точно ли вдохновеніе можетъ быть источникомъ права? Это вѣдь еще доказать нужно! И—поразительная вещь: тотъ, кто апеллируетъ къ доказательствамъ, этимъ самымъ попадаетъ во власть доказательствъ.

Сразу выясняется, что Йордисъ не богиня и не можетъ быть источникомъ законовъ, и что вдохновеніе—призракъ, существующій лишь для тѣхъ, кому

пересталъ служить разсудокъ. Можно отказаться отъ любимой женщины и даже не ради того, чтобъ стать скальдомъ, а чтобъ стать современнымъ поэтомъ. Этой мудрости научилъ въ пьесѣ Фалька богатый купецъ. Этой мудрости обучилъ въ дѣйствительности молодого Ибсена четырехлѣтній опытъ супружеской жизни. Кто былъ правъ: прекрасная, грозная, но фантастическая Йордисъ или спокойный, добрый, но живой купецъ? Кто обманулъ—фантазія или опытъ? Либо обманули оба? Либо оба были правы?

Эти мысли занимали Ибсена еще до появленія „Комедіи любви“, но съ особенной силой и полнотой выразились онѣ въ слѣдующей его драмѣ „Претенденты на престолъ“. Какъ мы уже знаемъ, въ подлинникѣ эта пьеса называется „Дерево, изъ котораго вырѣзываются короли“. Главныя дѣйствующія лица: настоящій король Гоконъ, и самозванецъ, незаконный претендентъ на престолъ—ярлъ Скуле. Кромѣ нихъ, въ драмѣ имѣютъ большое значеніе еще два лица, которымъ Ибсенъ довѣряетъ сокровеннѣйшія свои мысли: епископъ Николай и скальдъ Ягтейръ. Біографы Ибсена почти единогласно утверждаютъ, что въ лицѣ Гокона Ибсенъ нарисовалъ своего младшаго товарища—знаменитаго норвежскаго писателя Бьернсона, въ лицѣ ярла Скуле—самого себя. Это предположеніе очень похоже на правду. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что жизнь и судьба Бьернсона во многомъ напоминаютъ жизнь и судьбу Гокона, и что такое же сходство можно найти между Ибсеномъ и Скуле. Съ первыхъ шаговъ счастье улыбнулось Бьернсону: онъ никогда не сомнѣвался въ себѣ и всегда побѣ-

ждалъ. Ибсену же пришлось вынести жесточайшую внутреннюю и внѣшнюю борьбу. Онъ сомнѣвался въ себѣ, всѣ сомнѣвались въ немъ. Когда вышли „Претенденты на престолъ“, Ибсена, который былъ на 5 лѣтъ старше Бьернсона, почти совсѣмъ еще не знали. Ему приходилось биться изъ-за каждаго гроша и существовать помощью друзей, чуть ли не на благотворительныя средства. Ему было 37 лѣтъ и ничего еще не было сдѣлано: ни для исторіи, ни для себя. Даже Муза, которая однажды было явилась и вдохновила его пѣсней, надолго покинула его. Неудивительно, что его преслѣдовала постоянная мысль, точно ли онъ настоящій избранникъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучилъ и другой, болѣе общій, какъ принято говорить, вопросъ: по какому признаку можно отличить помазанника отъ самозванца? Но этотъ болѣе общій вопросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ разговора епископа Николая съ ярломъ Скуле, былъ обращенъ ярломъ Скуле въ еще болѣе личный.

Нужно замѣтить, что въ драмѣ Ибсена епископъ Николай является неудачникомъ par excellence. Онъ больше всего въ мірѣ жаждалъ славы полководца и въ первомъ же сраженіи убѣдился, что онъ жалкій трусъ; онъ больше всего въ мірѣ любилъ женщинъ, но судьба сдѣлала его кастратомъ отъ рожденія. Иначе говоря, жизнь закрылась для него; ему осталось только одно: размышлять. И мстить людямъ, прибавляетъ Ибсенъ. Въ драмѣ епископъ Николай дѣйствительно все время только и дѣлаетъ, что ссоритъ и сталкиваетъ между собой людей, и по его милости кровь льется рѣкой. Но его злодѣянія мало

занимательны; отъ нихъ даже отдаетъ мелодрамой. Тѣмъ сильнѣе поражаютъ насъ его размышленія: такъ глубоко и безпощадно думать, какъ думаетъ епископъ Николай, станетъ только человѣкъ, котораго никакіе соблазны „дѣлъ“ подкупить не могутъ. По-моему, драма выиграла бы даже, если бы Ибсенъ не уступилъ традиціонному представленію объ неудачникѣ и не надѣлилъ бы епископа Николая страстью вѣчно мстить за себя людямъ. На самомъ дѣлѣ, личная неудача далеко не всегда ожесточаетъ человѣка противъ удачниковъ. Чѣмъ умнѣе, чѣмъ глубже человѣкъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что его ожесточеніе, его жестокость получитъ совсѣмъ иное направленіе. Онъ, какъ смертельно раненое животное, броситъ всѣхъ и убѣжитъ въ свою берлогу доживать въ одиночествѣ оставшіеся ему дни. Онъ будетъ мстить, онъ будетъ бороться, но не съ людьми, а съ судьбой, съ богами. Можетъ, случайно, по пути жертвой его падутъ и ближніе, но не потому, что они возбуждаютъ въ немъ зависть, а скорѣй потому, что онъ не видитъ, не замѣчаетъ ихъ. Иначе вѣдь и быть не можетъ: когда борешься съ богами, о людяхъ не думаешь. Епископу Николаю должна была казаться скромной даже такая огромная задача: „воздвигать королевскіе престолы“. Вѣдь королевскіе престолы—только человѣческіе престолы. Его же мысль вращается совсѣмъ въ иныхъ сферахъ. Приведу отрывокъ изъ его разговора съ ярломъ Скуле:

Ярлъ Скуле. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ, высокочтимый владыка епископъ, но отвѣтьте по всей правдѣ. Почему Гоконъ идетъ такъ, не сбиваясь,

не спотыкаясь, прямо впередъ? Онъ не умнѣй васъ, не храбрѣе меня.

Епископъ Николай. Кто совершаетъ величайшія дѣла въ мірѣ?

Ярлъ Скуле. Величайшій изъ мужей.

Епископъ Николай. А кто величайшій?

Ярлъ Скуле. Самый отважный.

Епископъ Николай. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ бы—самый благочестивый; ученый сказалъ бы—самый мудрый. Но это ни тотъ, ни другой, ни третій, ярлъ. Счастливѣйшій—вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ — онъ самъ не знаетъ, и всетаки идетъ, долженъ итти ими и идетъ, идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа, — остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло".

Такъ разговариваетъ епископъ Николай. Мало того: когда ярлъ Скуле, не сразу понявшій смыслъ рѣчей своего лукаваго, а можетъ быть и мудраго — пока мы еще не рѣшаемъ этого вопроса — собесѣдника, замѣчаетъ ему, что вѣдь право всетаки на сторонѣ Гокона, старикъ говоритъ: „право на его сторонѣ, потому что онъ счастливецъ. Величайшее счастье имѣть на своей сторонѣ право. Но по какому праву— право на сторонѣ Гокона, а не на вашей?" Этого вопроса ярлъ Скуле уже не выноситъ, хотя онъ всецѣло отдался одному желанію: расшатать тронъ подъ

Гокономъ. Но въ эти тайны онъ не смѣетъ заглядывать, такъ бороться онъ не умѣетъ. „Буду молить Бога, чтобъ онъ избавилъ меня отъ искушенія задаваться такими думами“, говоритъ онъ епископу.

Драма „Претенденты на престолъ“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Ибсена, но мнѣ кажется, что не только ярлъ Скуле,—самъ авторъ испугался пришедшей епископу въ голову мысли. И есть чего испугаться: въ исторіи человѣческой мысли развѣ только ученіе Кальвина о предопредѣленіи можетъ сравниться съ идеями стараго священника по подавляющему впечатлѣнію безсмысленной несправедливости. Богъ еще до рожденія человѣка рѣшаетъ, спасется ли онъ, или погибнетъ. Наши дѣла, наши заслуги, какъ бы велики они ни были, не могутъ измѣнить Божескаго рѣшенія. Судъ надъ нами производится безъ насъ, наша воля заранѣе связана, насъ дѣлаютъ праведниками, насъ дѣлаютъ злодѣями. Праведникъ у Кальвина, какъ великій человѣкъ у епископа Николая или Ибсена—есть счастливѣйшій, только счастливѣйшій. И это—Божеская справедливость! Какъ жить въ этомъ мірѣ, гдѣ дѣятельность лучшихъ безплодна, гдѣ исторія воздвигаетъ памятникъ не человѣку, а случаю, выдвинувшему человѣка?! Вѣдь если правъ въ этомъ Николай, то нужно итти за нимъ до конца, нужно признать вмѣстѣ съ нимъ, что нѣтъ ни добра, ни зла, ни верха, ни низа, ни высокаго, ни низменнаго. „Всѣ такія слова вамъ необходимо забыть, иначе никогда вамъ не сдѣлать послѣдняго шага, не перепрыгнуть черезъ разсѣлину. Не надо ненавидѣть кучку людей или дѣло за то,

что цѣль этой кучки или дѣла — то, а не другое; надо ненавидѣть каждаго человѣка изъ этой кучки за то, что онъ противъ васъ, и ненавидѣть каждаго, кто стоитъ за дѣло, которое не споспѣшествуетъ вашей волѣ. Все, что вамъ полезно — добро; все, что вамъ помѣха — зло". Нужно сказать себѣ, что не только человѣкъ самъ выдумываетъ себѣ цѣли, но что онъ самъ и оправдывать ихъ долженъ, что не на кого ему сослаться, не на кого опереться, не отъ кого ждать защиты и помощи. Маленькое, слабое созданіе, человѣкъ, брошенъ въ безконечно огромный міръ и всецѣло предоставленъ самому себѣ и своему жалкому разуму. Правъ былъ ярлъ въ своемъ отвѣтѣ епископу: нужно вѣчно молить Бога, чтобъ онъ избавилъ отъ искушенія задаваться такими мыслями. И ничѣмъ, кромѣ молитвы, отъ такого дьявольскаго навожденія не избавишься...

Но вѣдь не всѣмъ дано молиться — какъ быть тому, кто не можетъ молиться, кто чувствуетъ себя внѣ покровительства земныхъ и небесныхъ законовъ, кому открылась страшная тайна, что покровительство и защиту можно найти только на землѣ, что на небѣ нѣтъ и не можетъ, почти не должно быть ни силы, ни законовъ, ни справедливости?

Люди убѣжденно говорятъ, что тому, кто не можетъ избавиться отъ такого знанія, лучше совсѣмъ и не родиться на свѣтъ Божій. Они еще говорятъ, что лучше назвать скромную и бѣдную земную справедливость небесной, чѣмъ признать, что на небесахъ нѣтъ высшаго, единаго и всегда праваго суда. Такъ сдѣлалъ и Ибсенъ въ „Претендентахъ на престолъ".

Мысли епископа Николая остались только мыслями, грозными и зловѣщими, но безсильными надъ человѣческой душой. Настоящимъ героемъ пьесы является не мрачный геній Николая, а свѣтлый даръ короля Гокона. Всѣ интриги и ковы стараго священника ни къ чему не приводятъ: ясный Гоконъ, его святое право и чистая правда — побѣждаютъ. За него всѣ силы — и земныя и небесныя. И вообще небесныя силы не враждуютъ съ земными, а дѣйствуютъ съ ними заодно, небесная справедливость не становится поперекъ пути земной правдѣ, а поддерживаетъ ее. Человѣкъ можетъ довѣрчиво обращаться къ Богу съ молитвой о своемъ земномъ устроеніи, ибо Богъ, господинъ надъ вселенной, имѣетъ и время, и охоту думать о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ: безъ высшей воли ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы самаго жалкаго мытаря, —тѣмъ болѣе съ головы праведнаго короля. Вся пьеса „Претенденты на престолъ“ проникнута этой философіей человѣчески понятной надежды. Темныя, неправедныя силы, воплощеніемъ которыхъ является старый и злой священникъ-уродъ, борются со свѣтлыми и, въ концѣ-концовъ, принуждены уступить. Это обнаруживается уже съ перваго дѣйствія. Мать Гокона, въ доказательство законности правъ своего сына на престолъ проноситъ въ рукахъ раскаленное желѣзо. И руки ея остаются бѣлыми и нѣжными попрежнему. Судъ Божій совершается передъ глазами у всѣхъ и судъ Божій—есть судъ праведный. Онъ беретъ сторону праваго и невиннаго. И уже до конца пьесы небесныя силы поддерживаютъ праведника. Гокону приходится преодолѣвать труд-

нѣйшія препятствія. Противъ него возстаетъ могущественнѣйшій ярлъ Скуле, сумѣвшій собрать вокругъ себя многочисленныхъ приверженцевъ. Ярлу даже удалось одержать побѣду надъ молодымъ королемъ, и побѣда не идетъ впрокъ незаконному претенденту. Побѣжденный Гоконъ остается королемъ, побѣдитель Скуле продолжаетъ быть самозванцемъ. Случайная побѣда не даетъ силы: сила дается только помазаніемъ, избраніемъ. Посмотрите на Гокона и Скуле. Гоконъ всегда вѣритъ въ себя, никогда не колеблется и потому всегда знаетъ, что дѣлаетъ. Ему приходится приносить тягчайшія жертвы — онъ это дѣлаетъ съ глубокимъ внутреннимъ спокойствіемъ, съ совершенно яснымъ духомъ. Онъ любитъ мать свою, но по высшимъ государственнымъ соображеніямъ ему нужно отослать ее далеко отъ себя — и онъ твердой рукой подписываетъ грамоту: присутствующимъ кажется даже, что онъ это дѣлаетъ съ легкимъ сердцемъ. Онъ порываетъ съ Кангой, которая была ему дороже всего на свѣтѣ, и беретъ въ жены Маргариту, дочь ярла Скуле. „Прочь всѣхъ, кто слишкомъ дорогъ королю“, заявляетъ онъ громогласно. Самъ Скуле говоритъ, что это—великій подвигъ. Но Гокону дано совершать подвиги. Если онъ заноситъ мечъ надъ тѣмъ, что ему всего дороже, онъ дѣлаетъ это во имя своего избранія, помазанія. Пусть попробуетъ Йордисъ напомнить ему, что отъ всего можно отказаться, только не отъ любимой женщины! Сильна духомъ Валькирія, непобѣдима ея вѣра, но вѣдь и Гоконъ высѣченъ изъ паросскаго мрамора. Чего бы это ему ни стоило, онъ съ яснымъ и спокойнымъ видомъ ска-

жетъ — даже не прямо ей, а своимъ придворнымъ, которые передадутъ отвѣтъ по назначенію: „отнынѣ она будетъ устранена съ пути короля навсегда“. Вы видите уже по этимъ дѣламъ Гокона, какимъ, въ представленіи Ибсена, долженъ быть настоящій избранникъ. Первый признакъ, по которому можно отличить пророка отъ лжепророка—это ясность и спокойствіе духа, твердая вѣра въ свое предназначеніе. Искуситель даже не смѣетъ приближаться къ пророку. Онъ пытаетъ и смущаетъ только незаконныхъ претендентовъ: епископъ Николай проповѣдуетъ свою мрачную философію ярлу Скуле. Съ нимъ, а не съ Гокономъ онъ дѣлится своими ночными, тяжелыми и страшными думами. Его ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ передъ великимъ умомъ праведника, какъ лампада передъ яснымъ восходомъ зари.

Всѣ силы — земныя и небесныя — за избранника. У Гокона есть миссія, великое дѣло, возложенное на него Богомъ. Онъ это знаетъ и это даетъ ему силы и ясность духа.

Гоконъ. Норвегія была государствомъ — станетъ народомъ... Отнынѣ всѣ (враждущія партіи) должны объединиться, и знать и сознавать, что всѣ они составляютъ одно цѣлое, одинъ народъ! Вотъ дѣло, возложенное на меня Господомъ, вотъ дѣло, предстоящее нынѣ королю Норвегіи. Вы, герцогъ, пренебрегли бы этимъ дѣломъ, по-истинѣ—оно вамъ не по плечу.

Герцогъ Скуле (пораженный). Собрать?.. Объединить трондеровъ и виквэринговъ, всю Норвегію? (Недовѣрчиво.) Это несбыточное дѣло! Ни о чемъ такомъ не вѣщаетъ сага Норвегіи до сегодняшняго дня.

Гоконъ. Для васъ несбыточное,—вамъ тольто повторять старую сагу; а для меня это легко, какъ легко соколу прорѣзать облака.

Герцогъ Скуле (взволнованно). Объединить... создать единый народъ... пробудить въ немъ сознаніе, что онъ—одно цѣлое! Откуда у васъ такая диковинная мысль? Меня бросаетъ отъ нея въ жаръ и холодъ (Порывисто.) Дьяволъ внушилъ ее вамъ, Гоконъ; никогда ей не стать дѣломъ, пока я въ силахъ носить на головѣ стальной шлемъ!

Гоконъ. Мысль эта отъ Бога, и я не откажусь отъ нея, пока ношу на челѣ обручъ святого короля Олафа!

Скуле не понимаетъ Гокона, не знаетъ даже, какъ могла прійти въ голову короля такая диковинная мысль. Вѣдь никогда ни о чемъ такомъ не вѣщала сага Норвегіи: ясно, что эта мысль либо отъ Бога, либо отъ дьявола. Скуле говоритъ въ лицо королю, что онъ дьяволъ. Онъ можетъ такъ сказать—но такъ думать онъ не въ силахъ. Великая королевская мысль покоряетъ строптиваго герцога. Hoc signo vinces — онъ чувствуетъ это и рѣшается на отчаянный шагъ: похитить и присвоить себѣ королевскую мысль. Онъ надѣется такимъ образомъ попасть въ избранники и побѣдить ненавистнаго соперника. Но это ни къ чему не ведетъ. Воспоминаніе постоянно грызетъ ослабѣвшую душу вырѣзаннаго изъ плохого дерева претендента. Разъ онъ принужденъ былъ обокрасть Гокона—значитъ, богатство не у него. „Съ той поры,—говоритъ онъ, — какъ Гоконъ вымолвилъ эти безумныя слова, онъ точно стоитъ передо мною истиннымъ, законнымъ королемъ. Что, если въ этихъ диковин-

ныхъ словахъ сверкнулъ лучъ божественнаго призванія? Что, если Господь хранилъ эту мысль до поры до времени и восхотѣлъ нынѣ посѣять ее... и избралъ въ сѣятели Гокона?“ И еще разъ: „съ той поры, какъ Гоконъ высказалъ свою великую королевскую мысль,—я не знаю иной мысли на свѣтѣ“. Какъ видите, на высшемъ совѣтѣ природы не дано претенденту использовать украденное. Все противъ него. При его дворѣ живетъ вѣщій скальдъ, хранитель и пѣвецъ древней мудрости. Скальдъ всей душой преданъ королю на часъ. Но когда, истомленный безсонницей и тревожными думами, Скуле призываетъ его къ себѣ, надѣясь въ дружеской бесѣдѣ найти поддержку и утѣшеніе, скальдъ, самъ того не подозрѣвая, оказывается безпощаднымъ судьей, даже палачомъ своего повелителя, хотя пришелъ въ его станъ затѣмъ, чтобы воспѣвать его подвиги.

Король Скуле. Скажи мнѣ сперва—ты много странствовалъ по чужимъ краямъ—случалось ли тебѣ видѣть, чтобы женщина любила чужое дитя? Не только привязалась къ нему, а любила, любила со всѣмъ пыломъ горячей материнской любви?

Ятгейръ. На это способны лишь бездѣтныя женщины.

Король Скуле. Только такія женщины?

Ятгейръ. И прежде всего безплодныя...

Король Скуле. Прежде всего безплодныя?.. Онѣ любятъ чужихъ дѣтей со всѣмъ пыломъ материнской любви?

Ятгейръ. Бываетъ часто.

Король Скуле. А не бываетъ ли иногда, что такая

безплодная женщина убьетъ чужое дитя по той причинѣ, что у нея самой нѣтъ дѣтей?

Ятгейръ. О, да; но это неразумно.

Король Скуле. Неразумно?

Ятгейръ. Да; убивая чужое дитя, она даритъ его мать даромъ скорби.

Король Скуле. По-твоему, даръ скорби такъ завиденъ?

Ятгейръ. Да, государь.

Каждое слово скальда приговоръ потерявшемуся королю. Скуле чувствуетъ, что Ятгейръ, какъ и Гоконъ, высѣченъ изъ настоящаго мрамора, и все разспрашиваетъ его въ надеждѣ выпытать у него великую тайну избранія.

Король Скуле. Скажи мнѣ, Ятгейръ, какъ ты сталъ скальдомъ? Кто научилъ тебя искусству слагать пѣсни?

Ятгейръ. Этому исскуству не учатся, государь.

У скальда нѣтъ средствъ дать королю Скуле вѣру въ себя. Ее даютъ только небеса. Онъ готовъ сложить голову за своего короля—но этого мало. Того божественнаго мyро, которое ищетъ Скуле, у людей добыть нельзя. Оно отъ боговъ—и для избранниковъ боговъ. Для посторонняго глаза помазанникъ — король, пророкъ, скальдъ — на видъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ людей. Внѣшнихъ признаковъ для отличія избранниковъ отъ самозванцевъ указать нельзя. Но внутренній вѣщій голосъ непрестанно твердитъ избраннику: ты созданъ для великаго дѣла. И это даетъ ему вѣру въ себя и глубокій душевный покой. Онъ смѣло идетъ навстрѣчу опасностямъ, онъ

не боится трудовъ и жертвъ и за нимъ всегда обезпечено послѣднее торжество и послѣдняя побѣда.

III.

„Борьба за престолъ“ обезоружила даже пастора Шака, одного изъ самыхъ непримиримыхъ литературныхъ враговъ Ибсена. „Это единственное произведеніе Ибсена, говоритъ онъ, гдѣ основная идея выдержана, ясна и прозрачна, и гдѣ авторъ самъ, видимо, зналъ, чего хотѣлъ, и достигъ, чего хотѣлъ“. Если въ словахъ пастора и можно усмотрѣть нѣкоторое преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ незначительное. Шакъ, пожалуй, слишкомъ легко отнесся къ размышленіямъ епископа Николая. Ему кажется, что свѣтлое торжество Гокона служитъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что сомнѣнія епископа погребены навсегда и не воскреснутъ даже послѣ страшнаго суда. Отчасти, конечно, почтенный пасторъ правъ. Люди до сихъ поръ не нашли еще иного средства для борьбы съ мракомъ и тьмой, кромѣ псалмовъ въ честь свѣта, и Ибсенъ въ своей пьесѣ сдѣлалъ все, что можно требовать отъ человѣка. Отогнавъ отъ себя стараго священника, онъ вновь обрѣлъ столь необходимую скальду вѣру въ свое божественное предназначеніе. Когда въ 1866 году Ибсену нужно было исхлопотать себѣ писательское жалованье, онъ обратился къ королю Карлу со слѣдующими словами: „я не борюсь за беззаботное существованіе, я борюсь за свою жизненную задачу, въ которую непоколебимо вѣрю и которую, знаю, Богъ возложилъ на меня“.

Пришла, наконецъ, вѣра—Ибсенъ представляется самому себѣ такимъ же избранникомъ, какъ и Бьернсонъ-Гоконъ. Онъ уже получилъ награду свою—великое помазаніе: наступило время писать пророческую поэму-драму—„Бранда“.

„Брандъ“ при своемъ появленіи произвелъ на читающую публику потрясающее впечатлѣніе. Говорили, что Ибсенъ беретъ приступомъ самое небо. И было, чему удивляться! Трудно, во всемірной даже литературѣ, найти много произведеній, которыя можно было бы по смѣлости, силѣ и глубинѣ поставить наряду съ „Брандомъ“. Казалось, Творецъ воскресилъ одного изъ древнихъ пророковъ и послалъ его на землю съ повелѣніемъ жечь глаголомъ сердца людей. Какъ истинный посолъ Божій—Брандъ безстрашенъ. Онъ несетъ слово Божіе: всѣ должны предъ нимъ преклониться. И точно: не только люди,—стихіи ему повинуются. Его голосъ подобенъ небесному грому—кто осмѣлится спорить съ нимъ въ силѣ? Ни въ одномъ изъ произведеній Ибсена—паѳосъ его не достигалъ такого подъема. Ни разу не подходилъ онъ къ труднѣйшимъ человѣческимъ вопросамъ такъ просто, легко и увѣренно. Никогда сомнѣнія не были отъ него такъ далеки, какъ въ ту пору, когда онъ писалъ „Бранда“.

Біографы Ибсена указываютъ на то обстоятельство, что Брандъ есть порожденіе великаго гнѣва. Родина Ибсена, Норвегія, присутствовала равнодушной зрительницей при разгромѣ слабой Даніи могущественной Пруссіей. Лучшіе люди на всемъ Скандинавствомъ полуостровѣ требовали отъ своихъ пра-

вительствъ активнаго вмѣшательства. Но на лучшихъ людей не обратили вниманія. Осторожныя правительства не рѣшались ради сомнительнаго успѣха рисковать благосостояніемъ и жизнью тысячъ людей и предоставили Даніи собственными силами выпутываться изъ опаснаго положенія.

Предъ Ибсеномъ возникъ трудный и страшный вопросъ: чему долженъ служить человѣкъ—идеѣ или личнымъ интересамъ. И онъ безъ колебанія отвѣтилъ: наша жизнь только тогда можетъ имѣть смыслъ, если мы готовы жертвовать ею ради высшихъ идеаловъ. Нѣтъ ничего страшнаго на свѣтѣ, разъ человѣкъ служитъ не себѣ, а Богу, пославшему его въ этотъ міръ. Проникнитесь этой мыслью — и вы титанъ, нѣтъ у васъ этой вѣры—вамъ только остается обратиться въ прахъ, изъ котораго вы созданы.

Вся огромная поэма „Брандъ“ есть только безконечное развитіе и иллюстрація этой одной идеи. Первая величайшая заповѣдь: возлюби своего Господа Бога.

Было бы, однако, ошибкой думать, что Ибсенъ въ эту пору своей жизни, какъ и впослѣдствіи, былъ религіознымъ человѣкомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Скорѣй наоборотъ: онъ далеко не могъ считаться вѣрнымъ сыномъ церкви. Но, какъ онъ не разъ признавался въ томъ, Библія казалась ему величайшей книгой. При чемъ сердце его, какъ и многихъ сѣверянъ, лежало больше къ Ветхому Завѣту, чѣмъ къ Новому. Грозный Богъ Саваоѳъ, требовательный и неумолимый, поражающій и уничтожающій непокорныхъ, справедливый и въ гнѣвѣ и въ мило-

сердіи, былъ понятнѣй и ближе поэту. Разгнѣванная и негодующая душа найдетъ себѣ больше пищи въ проповѣдяхъ и обличеніяхъ пророковъ, чѣмъ въ повѣствованіяхъ евангелистовъ. Ибсенъ искалъ не мира, а меча. Ему нужно было претворить накипѣвшее негодованіе—проклинать, бичевать, самому уподобиться карающему Богу. Въ эту пору Ибсенъ могъ либо гремѣть, либо молчать. Можетъ быть, не отдавая себѣ отчета, онъ и радъ былъ тому, что такъ много накипѣло въ немъ. Иначе развѣ голосъ его возвысился бы до такой пророческой силы и мощи. Ему ниспосланъ былъ даръ скорби, дабы родился въ немъ даръ уже не скальда, а пророка.

Вѣдь если даръ скальда отъ Бога, то во сколько разъ болѣе отъ Бога даръ пророка? Неисповѣдимы пути Творца: быть можетъ, Пруссія затѣмъ набросилась на Данію, быть можетъ, Швеція и Норвегія затѣмъ предоставили Данію собственной участи, чтобы Ибсенъ испыталъ великое горе и чтобъ въ его душѣ загорѣлось великое пламя? Развѣ для того, чтобы явился пророкъ на землю, жаль отдать нѣсколько тысячъ или десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней? Люди все равно умираютъ милліонами—пророкъ же рождается разъ въ тысячелѣтіе и начинаетъ собой эру!

Я знаю, что мое предположеніе въ высшей степени фантастично и неправдоподобно, но мы подходимъ къ „Бранду“, въ которомъ все отъ первой до послѣдней строки не менѣе фантастично и неправдоподобно. Мое допущеніе — только ударъ по Ибсеновскому камертону; читатель по одному этому звуку долженъ

почувствовать, въ какихъ тонахъ написана пьеса. Да и то сказать, развѣ когда-нибудь пророки говорили правдоподобно и понятно? Раскройте Библію, вдохновившую Ибсена: сколько тамъ истинъ, столь же парадоксальныхъ и для насъ непріемлемыхъ. И все же Библія убѣждала и покоряла людей. Пророковъ никогда не понимали, но всегда слушали и продолжаютъ слушать. И Бранда едва ли кто-нибудь понялъ: но услыхать—всѣ услышали. Громовой голосъ, сила и мощь фантастической мысли покорили самыхъ строптивыхъ. Служители церкви всей Европы, чуть ли не всего христіанскаго міра, пошли за Ибсеномъ. По воскреснымъ днямъ въ церквахъ священники повторяли слова Бранда. Ибсенъ побѣдилъ, сталъ настоящимъ королемъ: ему повинуются народы.

Съ самаго же начала пьесы Бранду приходится вступить въ борьбу: съ людьми и стихіями. Горы. Густой туманъ. Покрытая снѣгомъ мѣстность. Повсюду подмерзшія озера и ледники съ глубокими трещинами, грозящими поглотить смѣлаго путника. Брандъ твердымъ шагомъ подвигается впередъ: опасности опасны для другихъ, а не для него. Вслѣдъ за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, робко и неувѣренно плетутся еще два человѣка: крестьянинъ съ сыномъ. Они не избранники и не пророки — мысль объ опасностяхъ пути не покидаетъ ихъ ни на минуту. Они дрожатъ отъ страха, что пошли по ложной дорогѣ. Вѣдь въ горахъ, во время тумана, такъ легко заблудиться и погибнуть. Ледниковыя трещины скрыты подъ снѣгомъ, озера подернуты тонкимъ, надламливающимся отъ человѣческой ноги льдомъ.

Наконецъ, крестьянамъ становится не въ моготу. Они чувствуютъ, что идутъ на вѣрную смерть и начинаютъ звать Бранда назадъ. Сынъ со слезами умоляетъ отца не рисковать жизнью. Благоразумный крестьянинъ понимаетъ и самъ, какой опасности они подвергаются. Но Брандъ непоколебимъ. Онъ не только самъ продолжаетъ итти впередъ, онъ требуетъ, чтобъ и спутники шли съ нимъ. Крестьянинъ спѣшитъ къ умирающей дочери. Если онъ вернется домой, дочь умретъ, не повидавшись съ отцомъ. Значитъ, нужно итти, не считаясь ни съ чѣмъ. Нужно безбоязненно отдать и свою жизнь, если того требуетъ долгъ. Такъ говоритъ Брандъ крестьянину. Но обыватель не понимаетъ этихъ словъ:

Охъ, Господи Iисусе,
Всему, я чаю, мѣра есть на свѣтѣ.
Ты не забудь: жену, дѣтей имѣю.

Для Бранда это, конечно, не возраженіе. Не задумываясь, онъ отвѣчаетъ, какъ отвѣчаетъ на то, что уже давно извѣстно и что давно потеряло всякій смыслъ и значеніе въ глазахъ человѣка:

И Тотъ, Кого ты назвалъ, мать имѣлъ...
Вернись!
Ты мертвъ, хотя и живъ. Не знаешь Бога,
И онъ тебя не знаетъ.

Инстинктъ жизни все же беретъ верхъ въ душѣ крестьянина. Онъ не идетъ за Брандомъ, а возвращается домой. Онъ даже пытается силой потащить за собой строгаго проповѣдника. Но Брандъ силенъ не только духомъ, но и тѣломъ. Онъ легко отшвы-

ривает отъ себя здоровеннаго крестьянина и идетъ впередъ—къ великимъ дѣламъ, къ великимъ побѣдамъ. — Дѣла не заставляютъ себя долго ждать. Брандъ благополучно преодолѣваетъ всѣ опасности и уже у самаго перевала встрѣчаетъ молодую парочку: своего стараго товарища, Эйнара, съ невѣстой. Молодые люди весело разсказываютъ Бранду о своемъ счастьѣ, о радостяхъ жизни, о надеждахъ на будущее. Онъ не мѣшаетъ имъ говорить. Пусть щебечутъ и радуются. Онъ знаетъ, что, когда понадобится — онъ сразитъ ихъ однимъ словомъ. Вѣдь они люди, онъ—пророкъ. И вотъ, когда молодые люди, вдосталь наговорившись о своихъ радостяхъ, выражаютъ свое удовольствіе по поводу того, что имъ предстоитъ продолжить свое путешествіе вмѣстѣ съ Брандомъ—имъ вѣдь, при ихъ неопытности и наивности, и въ голову не могло прійти, что кто-нибудь во всемъ мірѣ, будь то простой смертный или избранникъ Божій, захочетъ спугнуть ихъ невинную радость, — Брандъ сразу вбиваетъ въ ихъ веселье осиновый колъ.

Брандъ Но я то вѣдь на похороны ѣду.
Агнесъ. На похороны—вы?
Эйнаръ А кто же умеръ?
Кого ты ѣдешь хоронить?
Брандъ Да Бога,
Котораго своимъ ты назвалъ.

Чуткая душа Агнесъ сразу почувствовала, что пришелъ конецъ ихъ счастью. Она хочетъ бѣжать, но Эйнаръ мужчина. Онъ надѣется на свои силы. Ему кажется, что онъ встрѣтился со своимъ старымъ школьнымъ товарищемъ, котораго можно переубѣдить

обыкновенными доводами здраваго смысла. Онъ не знаетъ, что за время разлуки съ Брандомъ произошло чудесное превращеніе. Что изъ человѣка онъ, принявъ даръ скорби, превратился сперва въ скальда, а потомъ въ пророка. И, что, почуявъ въ себѣ великую силу и громовой голосъ, Брандъ вышелъ теперь изъ своего одиночества къ людямъ, чтобъ не раздавался его могучій призывъ лишь среди лѣсовъ и скалъ. Брандъ начинаетъ пророчествовать. Въ дикой пустынѣ, гдѣ до сихъ поръ слышался лишь громъ обваловъ и ревъ водопадовъ, раздается вдохновенный человѣческій голосъ. И какими слабыми, сравнительно съ голосомъ пророка, кажутся всѣ великіе шумы пустыни:

Брандъ. Давно закутать въ саванъ
И схоронить пора открыто Бога
Рабовъ земли и будничнаго дѣла!
Давно пора понять вамъ, что успѣлъ
Онъ одряхлѣть за сотню сотенъ лѣтъ.
Эйнаръ Ты боленъ, Брандъ
Брандъ. О, нѣтъ, здоровъ и свѣжъ я,
Какъ сосны горъ, какъ можжевельникъ дикій;
Но родъ людской—онъ въ наше время боленъ,
Нуждается въ лѣченіи. Вы всѣ
Хотите лишь играть, шутить, смѣяться,
И вѣрить, уповать, не разсуждая,
Хотите бремя все грѣховъ и горя
Взвалить Тому на плечи, Кто явился,
Какъ слышали вы, пострадать за васъ.
Вѣнецъ терновый Онъ, многострадальный,
Надѣлъ, и—можно вамъ пуститься въ плясъ!
Пляшите,—но куда—вопросъ печальный—
Васъ пляска разведетъ въ послѣдній часъ?

Я не буду приводить всей проповѣди Бранда — тѣмъ болѣе, что вѣдь это только начало. Ему еще не разъ придется выступать предъ людьми, не разъ придется звать за собой, грозить и проклинать. Не разъ люди послѣ бесѣды съ Брандомъ будутъ повторять слова Агнесъ, что кажется, будто солнце зашло, будто пахнуло холодомъ, будто вдругъ откуда-то выдвинулась угрюмая и грозная стѣна. Не разъ спугнетъ онъ поющую и пляшущую юность. Пророки всегда пугаютъ. Но все же за ними идутъ — ради нихъ бросаютъ отца, мать, сестеръ и братьевъ. Трепетная Агнесъ уже перестала замѣчать своего возлюбленнаго. Ея сердце принадлежитъ Бранду. Онъ уже скрылся изъ виду, а она, глядя ему во слѣдъ, благоговѣйно восклицаетъ:

Когда онъ говорилъ, то .. словно выросъ.

Брандъ побѣдилъ первую человѣческую душу, но это лишь начало его пророческаго поприща. Дальше мы будемъ свидѣтелями подвиговъ, гораздо болѣе смѣлыхъ и трудныхъ.

Брандъ спускается съ горъ къ фіорду, въ свою родную деревню. На берегу онъ видитъ необычное зрѣлище. Фогтъ раздаетъ съѣстные припасы толпѣ людей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Брандъ видитъ предъ собой голодъ. Эйнаръ и Агнесъ, пришедшіе сюда раньше Бранда, какъ и полагается людямъ, отдали все, что у нихъ было, голодающимъ. Фогтъ обращается къ Бранду, полагая, что и онъ отзовется на призывъ нужды—но Бранда такъ же мало тро-

гаютъ человѣческія страданья, какъ и человѣческое счастье. Эйнаръ пытается вразумить Бранда: тутъ голодъ, объясняетъ онъ ему. Но Брандъ и самъ это знаетъ:

Достаточно взглянуть
На эти впалые глаза съ каймами
Свинцовыми вокругъ, чтобъ догадаться,
Какая гостья здѣсь царитъ.

И что же? Предъ лицомъ голода, отъ котораго умираютъ люди—найдетъ ли Брандъ въ себѣ силы проповѣдывать, гремѣть? Тутъ можно и отличить пророка—онъ носитель великой тайны, и то, что кажется страшнымъ обыкновеннымъ людямъ, его не пугаетъ. Ибсенъ-Брандъ не торопится, подобно Эйнару, опорожнить свой кошелекъ, чтобъ откупиться добрымъ дѣломъ отъ потрясающаго зрѣлища. Онъ идетъ въ толпу и смѣло, твердымъ голосомъ начинаетъ свою проповѣдь. Прежде истина—потомъ хлѣбъ. Стократъ блаженъ нуждающійся въ хлѣбѣ. Спасать нужно не тѣло, а душу:

О, еслибъ кровь моя могла омыть
Струей цѣлебной души ваши—пусть бы
Лилась, пока вся не изсякла бъ Васъ же
Стараться отъ нужды избавить—грѣхъ,
Господь желаетъ васъ поднять духовно
Народъ живой,—какъ ни былъ бы разрозненъ,
И малъ, растетъ и крѣпнетъ отъ невзгодъ.
И взглядъ его тупой пріобрѣтаетъ
Орлиный кругозоръ, и слабость силой
Становится, увѣренной въ побѣдѣ!
А если часъ невзгодъ не возбуждаетъ
Народъ къ борьбѣ, къ дѣяньямъ благороднымъ—
И не заслуживаетъ онъ спасенья!

Толпа приходитъ въ бѣшенство отъ словъ Бранда: уже грозитъ ему общая участь всѣхъ пророковъ и не избѣгнуть бы ему народной мести, если бы не случай. Съ холма сбѣгаетъ женщина и съ рыданіями сообщаетъ, что ея мужъ убилъ собственнаго ребенка, ибо нечѣмъ было накормить его. Убилъ ребенка и потомъ покушался убить себя. Теперь онъ умираетъ въ отчаяніи и зоветъ священника, но священника нѣтъ. Брандъ слышитъ разсказъ женщины и тихо говоритъ:

Такъ правда—тутъ нужда

Брандъ садится въ лодку, чтобъ ѣхать къ умирающему. Но одному ему не справиться, нуженъ второй — кто изъ стоящихъ на берегу послѣдуетъ за нимъ? Всѣ отказываются—на морѣ разыгралась буря: безуміе пускаться въ море въ такую погоду. Даже жена умирающаго отказывается сопровождать Бранда. Всѣ дорожатъ жизнью: у всѣхъ дѣти, жены, возлюбленныя. Только одна Агнесъ разрѣшаетъ своему жениху сѣсть въ лодку къ Бранду. Но и Эйнаръ боится. Тогда сама Агнесъ бросается въ лодку къ безстрашному проповѣднику—и къ ужасу толпы они отчаливаютъ отъ берега. Всѣ убѣждены, что лодка пойдетъ ко дну. Но лодка не тонетъ, и Брандъ съ Агнесъ благополучно доѣзжаютъ до мѣста. Люди поражены. Кто онъ такой, благоговѣйно шепчутъ они, что и вѣтры и море покорствуютъ ему? Брандъ побѣждаетъ стихіи—значитъ, за нимъ стоитъ нѣкто болѣе могущественный, чѣмъ самый сильный человѣкъ. А если такъ, то Брандъ былъ въ правѣ презрительно гля-

дѣть и на робѣвшаго крестьянина, и на Эйнара съ его счастьемъ, и на умирающихъ съ голода. Вправѣ былъ онъ гремѣть и проклинать. Голосъ его—даръ Бога, голосомъ своимъ онъ привлечетъ и побѣдитъ людей.

Вся жизнь Бранда, какъ передаетъ Ибсенъ, — одинъ непрерывный подвигъ. Онъ, собиравшійся покорить человѣчество, остается жить, по просьбѣ прихожанъ, въ бѣдной, заброшенной, родной деревушкѣ. Но онъ находитъ тамъ свое дѣло. Развѣ въ глуши нѣтъ людей? Развѣ голосъ пророка менѣе слышенъ въ маленькой деревнѣ, чѣмъ въ большомъ городѣ? Развѣ для борьбы со старухой матерью нужно меньше силъ, чѣмъ для борьбы съ сильными міра сего? Мать Бранда проявляетъ не меньше упорства, чѣмъ сынъ. Уже смерть предъ ней—священникъ сынъ отказываетъ ей въ пастырскомъ напутствіи. Сколько ужаса въ этомъ для вѣрующей или суевѣрной женщины. Брандъ требуетъ отъ матери, чтобъ она отказалась отъ всѣхъ своихъ богатствъ: на этомъ, только на этомъ условіи онъ соглашается прійти къ ней въ смертный часъ съ дарами. Мать упорствуетъ, торгуется, предлагаетъ треть, половину, наконецъ девять десятыхъ своего состоянія. Брандъ настаиваетъ на всемъ. Предъ лицомъ смерти—не забудьте—происходитъ эта неслыханная борьба между сыномъ священникомъ и матерью-крестьянкой. Старуха умираетъ безъ причастія—и сынъ не раскаивается. Даже на минуту не закрадывается въ его душу сомнѣніе въ своей правотѣ. Докторъ пытается смягчить суроваго пастора, но встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ. Снова, подобно

небесному грому, раздается увѣренная проповѣдь Бранда...

Я не могу подробно слѣдить за дальнѣйшими перипетіями драмы. Скажу лишь вкратцѣ: Провидѣніе посылаетъ испытаніе за испытаніемъ Бранду. Принеси на алтарь своего Бога единственнаго своего сына, требуетъ Оно. Впервые дрогнула на нашихъ глазахъ закаленная душа молодого священника. Единственнаго сына! Принести въ жертву! Даже для пророка слишкомъ много, даже для пророка слишкомъ страшно! Но ослушаться Бога—не значитъ ли отречься отъ него? Ибсенъ заставляетъ Бранда, какъ праотца Авраама, занести ножъ надъ своимъ первенцемъ, надъ единственнымъ дѣтищемъ. И ангелъ не слетаетъ съ Неба — сынъ погибаетъ отъ руки отца. За сыномъ слѣдуетъ жена—Агнесъ гибнетъ и тоже отъ руки Бранда, который принуждаетъ ее взглянуть въ грозное лицо Іеговы. Въ пятомъ дѣйствіи Брандъ убѣждается, что отстроенная имъ на оставшіяся послѣ матери деньги Церковь—не настоящая. Онъ бросаетъ ключи отъ Церкви въ море и зоветъ за собой людей въ иную Церковь—высоко въ горы,—прочь отъ лживыхъ условностей обыденной жизни. И тамъ, въ горахъ, ждетъ его послѣдній часъ. Люди снова подчинились вѣщему голосу пророка, пошли за нимъ, въ чаяніи, что онъ приведетъ ихъ къ новой, лучшей, человѣчески понятно лучшей жизни. Но пророкъ привелъ ихъ въ пустыню, гдѣ камни и ледъ, туманъ и холодъ, гдѣ смерть живому существу. И люди отвернулись отъ него: пророкъ гибнетъ подъ обваломъ.

Такова драматическая поэма „Брандъ“. Ясно, что

весь смыслъ ея не въ жизни и не въ дѣлахъ Бранда, а въ рѣчахъ его. Священникъ Брандъ жилъ въ деревушкѣ и обращался къ горсти людей, Ибсенъ писалъ для всего міра и рѣчи деревенскаго пастора обошли весь міръ. Давно уже не слышали люди такого мощнаго призыва. Давно уже никто не смѣлъ ставить смѣлаго требованія: все или ничего. Кто бы изъ нашихъ современниковъ рѣшился холоднымъ дыханіемъ строгаго слова губить молодое счастье, кто осмѣлится голодающимъ предложить вмѣсто хлѣба поученіе, кто отказалъ бы родной умирающей матери въ послѣднемъ утѣшеніи, кто не пожалѣлъ бы отдать Богу жену и ребенка, кто ушелъ бы отъ славы и почестей въ горы къ смерти? И кто смѣетъ въ наше время воспѣвать такія дѣла? Повѣрятъ ли ему, если и посмѣетъ?

Ибсенъ посмѣлъ это сдѣлать. И сдѣлалъ такъ, что ему повѣрили. Можетъ ли быть еще сомнѣніе? Онъ истинный пророкъ. И, если то, что онъ зналъ и возвѣстилъ міру—правда,—давно всѣми забытая и почти невѣроятная,—то правда, что Богъ отдалъ Данію на разграбленіе нѣмцамъ лишь для того, чтобъ Ибсенъ узналъ и повѣдалъ людямъ новую истину стараго, вѣчнаго откровенія.

IV.

Еще разъ повторяю: Брандъ произвелъ на читателей потрясающее впечатлѣніе. Ибсенъ, какъ и его Гоконъ, послѣ долгой и трудной борьбы, добился, наконецъ, престола. Значитъ, былъ онъ вырѣзанъ

изъ настоящаго дерева. Во всемъ „Брандѣ“ почти не слышно сомнѣній. Правда, подъ конецъ изрѣдка доносятся до насъ странные, неувѣренные, я готовъ сказать фальшивые, звуки, но они тонутъ въ морѣ торжественныхъ аккордовъ великолѣпной симфоніи. Если я не ошибаюсь, они не обратили на себя вниманія, равно какъ никого не смутило и то обстоятельство, что драматическая поэма оказалась слишкомъ длинной и растянутой. Ибсенъ все продолжаетъ говорить и убѣждать— даже послѣ того, какъ читатель давно уже убѣдился въ его правотѣ и покорился ему. Слишкомъ долго гремѣлъ голосъ пророка и не избѣгъ человѣческой участи: сталъ ослабѣвать. Подъ конецъ пьесы Ибсенъ заставляетъ Бранда произнести такія слова:

Нѣтъ, я не въ силахъ заставить звучать
Мощно органъ мой и полно!
Крикомъ становится гимнъ...

И еще:

Вѣщій порывъ мой, что создалъ
Храмъ этотъ, нынѣ вполнѣ утоленъ?
Развѣ храмъ этотъ—тотъ самый
Смутно вставшій въ мечтахъ предо мной,
Высясь надъ моремъ печали?

Странной, говорю, дисгармоніей врываются эти звуки въ торжественную симфонію праведной жизни. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ пѣснь Бранда, порой, переходитъ въ крикъ! И храмъ какъ будто бы не такъ величественъ, какъ можно было надѣяться вначалѣ, когда вѣтры и море покорствовали волѣ загадочнаго путника... Но читатели прошли мимо всѣхъ этихъ

странностей. На „Бранда“ они отвѣтили взрывомъ восторга и удивленія, единодушной Осанной: благословенъ грядый во имя Господне...

Повѣрилъ ли тогда Ибсенъ, что онъ призванъ спасти страждущее человѣчество? Не будемъ торопиться съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Мы можемъ только напомнить, что вслѣдъ за „Брандомъ“ появился „Перъ Гюнтъ“. Можетъ быть, слѣдуетъ обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство: мы до сихъ поръ интересовались въ „Брандѣ“ только проповѣдью пророка. Но уже и въ этой драмѣ есть элементы общественной сатиры. Высмѣиваются пробстъ, фогтъ, кистеръ, школьный учитель. И высмѣиваются пространно, добросовѣстно. Это тоже вноситъ нѣкоторую дисгармонію въ пьесу. Пророковъ, обыкновенно, злободневность не занимаетъ. Они спокойно отдаютъ кесарю кесарево и свой паѳосъ берегутъ для того случая, когда придется стать на защиту дѣла Бога. Намъ важно отмѣтить этотъ новый элементъ въ творчествѣ Ибсена, главнымъ образомъ, въ виду того, что въ послѣдующихъ пьесахъ онъ начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. „Гюнтъ“—уже наполовину, если не на три четверти, сатира. Слишкомъ длинная, но остроумная, блестящая, даже глубокая порой. Ибсенъ тонко подмѣтилъ многіе недостатки своихъ соотечественниковъ и высмѣиваетъ ихъ. Писательскій талантъ его въ полномъ расцвѣтѣ: такъ много накопилось матеріала, что кажется,— сколько ни говори, всего не разскажешь. По объему своему „Перъ Гюнтъ“ — еще больше Бранда. А написанъ скоро, меньше чѣмъ за годъ — и стихами. Я

не буду долго останавливаться на этой пьесѣ: какъ извѣстно, сатирикъ почти всегда правъ. Люди очень грѣшныя существа и обличитель всегда приходитъ во-время, почему обыкновенно встрѣчаетъ хорошій пріемъ у публики. Одни негодуютъ и сердятся, другіе превозносятъ, но всѣ интересуются: а это вѣдь все, что нужно для успѣха литературнаго произведенія. Но впечатлѣніе отъ „Пера Гюнта“ таково, будто пьеса прошла мимо автора и, не коснувшись его, сразу упала въ сокровищницу исторіи, гдѣ хранится все, что полезно и нужно людямъ. Ибсена въ этомъ произведеніи почти нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ случайныхъ мыслей, которыя рѣзко выдаются, точно черные островки среди широкаго потока блестящей водяной глади. И они кажутся ненужными, мѣшающими общему впечатлѣнію и, въ этомъ смыслѣ, непонятными намеками. Такъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ разсказывается, какъ Перъ Гюнтъ попалъ въ пророки. Самъ герой разсуждаетъ:

Пророкъ—вотъ эта роль яснѣй и чище.
Тутъ знаешь, на какой ногѣ стоишь.
Успѣхъ имѣешь ты,—такъ имъ обязанъ
Себѣ, а не карману своему.
Пророкъ! да это вотъ какъ разъ по мнѣ.
И сталъ я имъ негаданно, нежданно,
Верхомъ лишь по пустынѣ прокатился
Да встрѣтилъ этихъ вотъ дѣтей природы,
Они-жъ рѣшили, что пророкъ явился.
Обманывать я не хотѣлъ ихъ, право;
Вѣдь не одно и то же—прямо лгать
И за пророка выдавать себя
Иль отвѣчать à la пророкъ.

Какъ понять смыслъ этихъ словъ? Конечно, если угодно, можно прочно держаться разъ принятой точки

зрѣнія и все валить на норвержцевъ, среди которыхъ обличитель Ибсенъ находилъ людей, требовавшихъ себѣ почета за то, что они прокатились верхомъ по пустынѣ. Такъ, кажется, большинство критиковъ и судило. Да иначе и не можетъ судить тотъ, кто приставленъ оберегать сокровищницу человѣческой исторіи. Вѣдь туда только что, при восторженныхъ крикахъ народа былъ снесенъ „Брандъ“, какъ драгоцѣннѣйшая жемчужина, какая только доставалась въ удѣлъ смертнымъ. И вдругъ эти странныя слова Гюнта! Они, пожалуй, не менѣе соблазнительны, чѣмъ нашептыванія злого епископа Николая! Что, если они относятся къ Бранду, къ самому Ибсену, котораго только вчера въ собственномъ отечествѣ провозгласили пророкомъ? Неужели отъ пророка до шута гороховаго, какъ отъ великаго до смѣшного ,всего только одинъ шагъ? Стоитъ только поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы понять смыслъ „Пера Гюнта“, смыслъ похода противъ „средняго норвержца“, какъ выражались критики. „Поэтическій талантъ“ Ибсена заработалъ во-всю—поэзія спасаетъ отъ ненужныхъ видѣній и размышленій. Повторяю, я здѣсь не буду останавливаться на „Перѣ Гюнтѣ“—о достоинствахъ и качествахъ этой пьесы уже достаточно говорили. Мнѣ важно было только установить, что послѣ „Бранда“ Ибсенъ не могъ долго молчать. Ему нужно было говорить, говорить и говорить. И онъ говорилъ, насколько хватало дарованія — написалъ поэтическаго „Пера Гюнта“, потомъ столь же поэтическую и обличительную пьесу „Союзъ молодежи“ — словомъ, на-

шелъ себѣ дѣло понятное и нужное въ глазахъ всѣхъ,— если угодно, даже въ собственныхъ глазахъ.

Но среди плодотворной творческой работы старыя мысли не покидали Ибсена. Однажды посѣтившій его епископъ все возвращался со своими соблазнительными загадками. Кто величайшій, за кого Богъ, какъ, наконецъ, отличить истиннаго пророка отъ лжепророка?

Послѣ „Союза молодежи“ Ибсенъ снова замолчалъ на цѣлыхъ четыре года. Онъ отвелъ глаза отъ настоящаго и обратился за поученіемъ къ прошлому, къ исторіи. Исторія, по крайней мѣрѣ, наша европейская исторія, передаетъ, что XIX вѣковъ тому назадъ явился на землю величайшій изъ когда-либо существовавшихъ пророковъ. Онъ вышелъ изъ среды бѣдныхъ галилейскихъ рыбаковъ, но его рожденіе цивилизованное человѣчество считаетъ началомъ новой эры. О его жизни мы знаемъ мало— но его дѣло и тѣ немногія слова Его, которыя удалось сохранить для потомства, есть самое великое, самое цѣнное изъ того, чѣмъ мы владѣемъ. И еще былъ моментъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ земная побѣда великаго дѣла пророка была обзепечена такъ прочно, какъ только можетъ быть обезпечена земная побѣда — сама исторія, въ лицѣ своего официальнаго представителя, римскаго кесаря приняла его подъ свою защиту—явился юноша, дерзнувшій оспорить признанную исторіей побѣду галилеянина. Онъ мечталъ уничтожить дѣло галилеянина, онъ самъ хотѣлъ выступить пророкомъ новаго, вѣрнѣе, обновленнаго древняго слова. Этотъ юноша былъ

Кесаремъ, держалъ въ своихъ рукахъ величайшую историческую силу того времени— Imperium Romanum. И онъ палъ, поверженный въ прахъ—жертвой своей безумной затѣи. Потомство заклеймило его именемъ отступника. И вотъ исторія борьбы живого Кесаря со словомъ давно ушедшаго изъ міра галилейскаго рыбака должна освѣтить Ибсену давно тревожащіе и мучающіе его вопросы. Почему восторжествовалъ галилеянинъ и погибъ Кесарь? Какимъ образомъ исторія отличила пророка отъ лжепророка? Вѣдь исторія не ошибается. Ея судъ—быть можетъ, строгій и безпощадный, но самый нелицепріятный и справедлив ый Исторія даетъ силы слабому рыбаку и повергаетъ въ прахъ могущественнаго Кесаря. Въ чемъ тайна исторической побѣды? Куда ведетъ насъ таинственный рокъ? Какъ осуществляется побѣда высшей правды здѣсь, на землѣ, гдѣ всѣ событія кажутся результатомъ случайнаго сплетенія безжизненныхъ, равнодушныхъ силъ?

Для оцѣнки и пониманія всего послѣдующаго, столь загадочнаго, творчества Ибсена необходимо подчеркнуть здѣсь одно обстоятельство. Какъ ни глубокъ и самостоятеленъ Ибсенъ въ своихъ пытливыхъ исканіяхъ, онъ все же нѣкоторыя предпосылки человѣческой мысли принимаетъ на вѣру безъ пересмотра. Изъ самой постановки вопроса о роли и значеніи пророка, о томъ, какъ отличить избранника отъ претендента, явствуетъ, что Ибсенъ не пытался даже усомниться въ томъ, имѣетъ ли смыслъ этотъ вопросъ. Люди всегда его предлагали—стало быть, его предлагать вправѣ и Ибсенъ. Но вѣдь, можетъ быть,

люди ошибаются? И еще —нужна ли въ самомъ дѣлѣ правдѣ историческая побѣда? Можетъ быть, наоборотъ, правда, по самому существу своему, не можетъ, не хочетъ даже побѣждать. И потому историческая сила должна быть именно за лжепророковъ, за претендентовъ?! Мы такъ мало посвящены въ тайны мірозданія, мы такъ жаждемъ проникнуть въ эти тайны— для чего же впередъ принимать рѣшенія, зачѣмъ заимствовать у традиціи готовыя сужденія? Борьба христіанства съ язычествомъ—одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ европейской исторіи. Сколько человѣческихъ жизней было сложено на алтарь новаго ученія! Сколько величайшихъ умовъ отдали всѣ свои силы на борьбу за или противъ пришедшаго изъ дальнихъ странъ Слова! Тутъ есть къ чему присмотрѣться, тутъ есть, чему поучиться—но вѣдь учиться могутъ только тѣ, которые знаютъ, что они не знаютъ. Только отрекшіеся отъ готовыхъ истинъ могутъ увидѣть новое. Но въ „Кесарѣ и галилеянинѣ“ Ибсенъ еще не смѣетъ признаться себѣ, что онъ не знаетъ—и не знаетъ самаго великаго, самаго главнаго. Онъ уже слышалъ вопросъ епископа Николая, мгновеніями онъ смѣялся надъ всѣми признаннымъ Брандомъ—казалось бы нужно итти впередъ и продолжать расшатывать подгнившіе устои. Казалось бы, что такъ должно быть, но на самомъ дѣлѣ бываетъ иначе. Обыкновенно человѣкъ, подмѣтивши, что устои не обладаютъ желанною прочностью, стремится прежде всего подпереть ихъ. Въ „Кесарѣ и галилеянинѣ“ этимъ дѣломъ занимается Ибсенъ. На одномъ изъ моментовъ борьбы окрѣпшаго христіанства съ разлагающимся

язычествомъ Ибсенъ хочетъ показать, что правому дѣлу всегда обезпечено историческое торжество. Всѣ мертвыя и живыя силы грозно встаютъ на его защиту. Огромная міровая драма „Кесарь и галилеянинъ“ — напрерывная, широкая, звучная пѣснь торжествующей истины.

Юліанъ Отступникъ былъ первымъ, вѣрнѣе, единственнымъ римскимъ императоромъ, начавшимъ гоненіе противъ христіанъ не ради защиты принциповъ римской государственности. Со времени Константина Великаго всѣмъ стало ясно, что христіанство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ IV вѣкѣ нашей эры, не только не грозило принципамъ государственности, но поддерживало ихъ. Hoc signo vinces— вотъ какъ восприняли властители того времени такъ долго гонимое ученіе. И вѣдь, дѣйствительно, подъ знакомъ креста римскіе легіоны совершали блестящіе походы: христіане оказывались лучшими воинами, чѣмъ язычники. Константинъ Великій. умный и расчетливый властелинъ, понялъ своевременно, что христіанство можетъ быть могучей силой и потому всю свою политику онъ направилъ къ тому, чтобъ использовать для своихъ цѣлей силу, побѣдить которую онъ уже не могъ. Преемнику его, Констанцію, и въ голову не приходило провѣрять идейную правоту христіанства. Жизнь его, какъ извѣстно, очень мало согласовалась съ ученіемъ, которое онъ, на словахъ, признавалъ божественнымъ—но такъ много отъ него никто и не требовалъ. Онъ не трогалъ христіанъ, онъ щедро награждалъ представителей церкви: этого было достаточно. Церковь, еще недавно гонимая и

преслѣдуемая, сама стала гонительницей. И какъ все сильное и торжествующее на землѣ, окружила себя роскошью и блескомъ. Принадлежать къ господствующей Церкви было выгодно, и христіанами стали не только тѣ, кто чуялъ въ новомъ Словѣ притягательность откровенія, но и тѣ, кто въ немъ видѣлъ путь къ богатству, почестямъ и славѣ. У Ибсена мы застаемъ юнаго Юліана при дворѣ Констанція среди лицемѣрныхъ, лживыхъ и алчныхъ людей, прикрывавшихъ свои дѣла и дѣла своего господина святыми словами святыхъ книгъ. Какъ прежде гнали и преслѣдовали христіанъ, такъ теперь преслѣдуютъ язычниковъ. Торжествующее христіанство—не есть ли contradictio in adjecto? Впослѣдствіи, какъ извѣстно, земная побѣда христіанства стала излюбленнѣйшимъ аргументомъ религіозной апологетики. Суровый Саванаролла написалъ il trionfo del croce. Да и вообще, какъ мы видѣли, всѣ—даже святые—привыкли думать, что торжество есть вѣрнѣйшій признакъ правоты. Молодой Юліанъ тоже такъ думалъ. И, когда ему показалось, что христіанство есть ученіе ложное, первой его мыслью было вырвать побѣду изъ рукъ христіанъ. Разъ истина въ язычествѣ, нужно, чтобъ и сила была на сторонѣ язычниковъ. И вотъ началась странная борьба: столкнулись два міровоззрѣнія, но споръ рѣшила физическая сила. Ибсенъ видитъ это, и это ему кажется въ порядкѣ вещей. Болѣе того, онъ весь свой колоссальный художественный талантъ направляетъ къ тому чтобъ съ возможной отчетливостью и выпуклостью показать, какъ всѣ наличныя міровыя силы наперерывъ предлагаютъ

свои услуги исторически (исторически, замѣтьте, по мнѣнію самого Ибсена) правому галилеянину противъ исторически неправаго Юліана. Опять, какъ въ „Брандѣ“ не только люди, но и стихіи становятся на сторону новой, народившейся правды.

Землетрясіе разрушаетъ языческій храмъ, который хотѣлъ возстановить Юліанъ. Въ тотъ моментъ, когда Отступникъ хочетъ поразить въ спорѣ своихъ противниковъ наиболѣе страшнымъ для нихъ аргументомъ—ссылкой на несбывшееся пророчество объ Іерусалимскомъ храмѣ—является вѣстникъ и сообщаетъ, что всѣ приготовленія къ возстановленію храма уничтожены внезапнымъ ураганомъ. Война съ персидскимъ царемъ могла бы возстановить престижъ Юліана, но она идетъ неудачно. Проницательный полководецъ, одерживавшій столько разъ побѣды въ Галліи, глупѣйшимъ образомъ попадается въ ловушку хитраго перса. Онъ наивно вѣритъ словамъ перебѣжчика, сжигаетъ флотъ и обрекаетъ на гибель армію. Кого Богъ хочетъ погубить, у того отнимаетъ разумъ, противъ того направляетъ людей, стихіи — всѣ силы земныя и небесныя. И точно, Юліанъ, задумавшій повернуть колесо исторіи, не безумецъ ли, не маньякъ? Онъ осужденъ на гибель, а осужденный на гибель развѣ можетъ оказаться правымъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ—правъ побѣдитель, правъ торжествующій. Побѣда христіанства—лучшее тому доказательство. Ибсенъ, не колеблясь, вкладываетъ въ уста пораженнаго стрѣлой Юліана знаменитыя слова: „ты побѣдилъ, галилеянинъ!“ Остальное само собой понятно: побѣдитель есть не только побѣдитель, но

и праведникъ. Девять лѣтъ изучалъ Ибсенъ для своей пьесы матеріалы по исторіи христіанства. Девять лѣтъ упорно глядѣлъ онъ въ одну точку, обдумывалъ одну мысль, пришедшую ему въ голову въ ту пору жизни, когда ему то казалось, что онъ не можетъ свершить ничего великаго, ибо онъ не вырѣзанъ, какъ Гоконъ, изъ настоящаго дерева, то, что величайшій есть только счастливѣйшій. Послѣ „Бранда“ стало очевидно, что и самъ Ибсенъ — величайшій. Нужно было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ искушенія, забыть епископа Николая. Нужно было признать, что величайшій есть достойнѣйшій. И трагедія Юліана Отступника, глубочайшая историческая, міровая трагедія, дала средства Ибсену вытравить изъ души послѣднія сомнѣнія. Побѣдилъ галилеянинъ — достойнѣйшій. Побѣждаютъ,—не въ идеѣ, не въ фантазіи, а въ исторіи, въ дѣйствительности,—только достойнѣйшіе. Побѣдѣ можно вѣрить: она, одна она никогда не обманываетъ. Человѣческая исторія имѣетъ вѣчный, глубочайшій смыслъ.

V.

Слѣдующая пьеса Ибсена „Столпы общества“ появилась только черезъ четыре года послѣ „Кесаря и галилеянина“. Почему Ибсенъ такъ долго молчалъ. конечно, не выяснено, какъ вообще не выяснено многое изъ того, что намъ важно было бы знать объ Ибсенѣ. Ибсенъ былъ чрезвычайно осторожнымъ и скрытнымъ человѣкомъ. Что можно было и, по его мнѣнію, нужно было разсказать о себѣ, онъ разсказывалъ въ дра-

махъ, остальное упорно замалчивалъ. Внѣшняя жизнь его не представляла рѣшительно ничего интереснаго для посторонняго взгляда. Онъ рано вставалъ, рано ложился, работалъ въ опредѣленные часы, всегда былъ прилично одѣтъ, устраивался скромно, по средствамъ, былъ бережливъ, и все въ такомъ родѣ. Если бы Ибсенъ былъ купцомъ или чиновникомъ, ему бы едва понадобилось мѣнять свой образъ жизни: развѣ пришлось бы сидѣть дома, въ Норвегіи, а не скитаться по Европѣ. Въ общемъ его внѣшнее устроеніе преслѣдовало, повидимому, главнымъ образомъ одну единственную цѣль: такъ наладить свою жизнь, чтобъ случайныя дѣла по возможности меньше мѣшали ему выполнять то великое дѣло, ради котораго Богъ, какъ онъ полагалъ, призвалъ его въ нашъ міръ. Въ молодости этого было трудно, очень трудно добиться: нужда вѣчно стучалась въ его двери, заботы о насущномъ хлѣбѣ отнимали много времени и энергіи. Но постепенно матеріальныя дѣла Ибсена устраивались, и въ ту эпоху, къ которой мы теперь подошли, Ибсенъ былъ уже болѣе или менѣе обезпеченнымъ человѣкомъ и могъ спокойно предаваться своей работѣ.

Но, очевидно, большія темы послѣ „Кесаря и галилеянина“ не приходили. Голосъ ли сталъ падать,— Ибсену было уже 50 лѣтъ, когда вышли „Столпы общества“, — не было ли подходящаго внутренняго опыта, либо по обѣимъ причинамъ, только старые вопросы отходятъ на второй планъ. О пророкахъ и избранникахъ, о смыслѣ исторіи Ибсенъ не думаетъ. Девизъ Бранда „все или ничего“ забывается. Въ

„Столпахъ общества“, какъ и въ „Кукольномъ домѣ“, написанномъ непосредственно вслѣдъ за „Столпами“, Ибсенъ касается обыкновенныхъ житейскихъ проблемъ. Онъ бичуетъ дѣльцовъ, вродѣ консула Берника, онъ интересуется женскимъ вопросомъ. Коротко говоря, онъ покидаетъ дѣло пророка и становится сатирикомъ-обличителемъ. Проповѣдуетъ дѣловую честность, возмущается ложью и лицемѣріемъ, господствующими въ современной семьѣ и т. д. Дѣлаетъ это очень умѣло и хорошо: попадаетъ, что называется, не въ бровь, а прямо въ глазъ. Каждая его пьеса становится общественнымъ событіемъ. О ней повсюду говорятъ, ее хвалятъ, порицаютъ, порой даже проклинаютъ. Казалось бы драма—самая неподходящая форма для публицистики. Развѣ печальная развязка „Кукольнаго дома“ есть возраженіе противъ современнаго брака? Сколько тысячъ современныхъ браковъ, основанныхъ на томъ же, на чемъ основанъ бракъ Норы, кончались благополучно! Нора волнуется больше всего по поводу того, что Гельмеръ видѣлъ въ ней только женщину и не видѣлъ человѣка. Все это такъ, но несомнѣнно, что Нора не меньше, а то, пожалуй, еще больше волновалась, если бы ей пришлось убѣдиться, что мужъ видѣлъ въ ней только человѣка и просмотрѣлъ женщину. Ибсенъ въ молодости уже спѣлъ на эту тему вдохновенную пѣсню. Помните вѣщія слова Йордисъ? Но сейчасъ Ибсену не поется. Голоса настоящаго нѣтъ, чтобъ воспѣвать сѣверныхъ богатырей, Гокона короля, пророчествовать о третьемъ царствѣ, бесѣдовать съ галилеяниномъ. По Сенькѣ и шапка, по таланту и тема. Для жен-

скаго вопроса и обличенія Берника голоса хватитъ,— а какъ быть съ вѣчными, великими истинами? Можно и забыть о нихъ, тѣмъ болѣе, что люди—очень благодарныя и суетныя существа и по поводу „Столповъ общества“ или „Норы“ устраиваютъ такія же бури и поднимаютъ столько же шума, какъ и по поводу „Бранда“. Ибсенъ открыто не признался, что голосъ сталъ измѣнять ему,—никто и не замѣтилъ, вѣрнѣе, никто и не подумалъ о томъ, отчего измельчали темы..

Но вотъ въ 1881 году Ибсенъ выступилъ со своими „Привидѣніями“. Трудно даже вообразить себѣ ту бу рю негодованія, которую вызвала эта пьеса. Ибсена буквально забросали грязью. Его стали называть — какъ, впрочемъ, называютъ большей частью всѣхъ писателей, осмѣливающихся разсказать хоть немного правды о себѣ и жизни — отравителемъ колодцевъ. Въ Германіи пьеса даже была запрещена къ представленію.

Что же такого сказалъ Ибсенъ въ „Привидѣніяхъ“, что привело читателей въ ярость и негодованіе? Можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что какъ „Привидѣнія“, такъ и всѣ послѣдующія произведенія Ибсена были невѣрно поняты какъ публикой, такъ и критикой. Центръ тяжести ибсеновскаго творчества видѣли не тамъ, гдѣ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Послѣ „Столповъ общества“ и „Норы“, отчасти, какъ мы видѣли, послѣ всего, написаннаго Ибсеномъ раньше, его читатели привыкли искать и находить въ его драмахъ прежде всего поученіе. Не разъ самъ Ибсенъ протестовалъ противъ такого отно-

шенія къ его произведеніямъ: но съ этимъ никто не считался. Онъ утверждалъ, что рисуетъ жизнь — въ его драмахъ искали морали. Онъ заявлялъ: мое призваніе не отвѣчать, а задавать вопросы, ему не вѣрили и добивались отъ него во что бы то ни стало не вопросовъ, а отвѣтовъ. Въ извѣстномъ четырехстишіи онъ такъ опредѣленно выразилъ свое художественное credo: творить — значитъ творить надъ собой безпощадный судъ; но на это не обращали вниманія. Причины понятны: вопросы, такъ принято думать, ни на что не нужны, если при нихъ нѣтъ отвѣтовъ, не нужны не только читателю, но и самому писателю. Разъ спрашиваютъ, значитъ хотятъ удовлетворить любознательность. Тонкіе психологи полагаютъ, что только тотъ задаетъ вопросы, у кого есть заранѣе приготовленный отвѣтъ. Кто повѣритъ, чтобъ Ибсенъ убивалъ свое время на безплодную пытливость? И дальше: творить—значитъ безпощадно судить самого себя. Опять невѣроятный парадоксъ. Въ судъ идутъ не за обвинительнымъ, а за оправдательнымъ приговоромъ. Заявленія Ибсена приняли какъ простую риторику. Ихъ часто повторяли, но никто не хотѣлъ вдумываться въ ихъ смыслъ и значеніе.

А межъ тѣмъ вся вторая половина творчества Ибсена—начиная съ „Привидѣній“ и кончая эпилогомъ „Когда мы мертвые просыпаемся“—оказывается за семью печатями для того, кто не захочетъ или побоится слѣдовать даннымъ самимъ Ибсеномъ указаніямъ. Ибсенъ судитъ—и судитъ самого себя, Ибсенъ, когда-то смѣло возвѣщавшій людямъ величай-

шія истины, теперь спрашиваетъ и только спрашиваетъ, учитель становиться робкимъ ученикомъ, пророкъ—слабымъ и растерявшимся человѣкомъ. Для насъ фактъ такого загадочнаго превращенія долженъ казаться особенно притягательнымъ. Вѣдь обыкновенный порядокъ человѣческаго развитія совсѣмъ не таковъ. Обыкновенно люди идутъ отъ сомнѣній къ увѣренности, отъ незнанія къ знанію, они начинаютъ съ вопросовъ, а кончаютъ отвѣтами. Правда, въ исторіи человѣческихъ исканій мы можемъ найти случаи, не укладывающіеся въ обычныя схемы. Но мы здѣсь о нихъ говорить не будемъ. Напомню только одинъ, наиболѣе поразительный.

Царь Соломонъ, авторъ безсмертныхъ притчъ, этой пѣсни пѣсенъ мудрости, и онъ же Екклезіастъ, провозвѣстникъ суетности всего земного. Послушайте, въ какихъ великолѣпныхъ словахъ прославляетъ молодой царь мудрость: „Мудрость лучше жемчуга и ничто изъ желаемаго не сравнится съ нею. Я, премудрость, обитаю съ разумомъ и ищу разсудительнаго знанія. У меня совѣтъ и правда; я разумъ, у меня—сила. Мною цари царствуютъ и повелители узаконяютъ правду... Богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда. Плоды мои лучше золота и золота самаго чистаго, и пользы отъ меня больше, нежели отъ отборнаго серебра. Господь имѣлъ меня началомъ пути Своего, прежде созданій Своихъ, искони. Отъ вѣка я помазана, отъ начала, прежде бытія земли. Я родилась, когда еще не существовало бездны, когда еще не было источниковъ, обильныхъ водою. Когда Онъ уготовлялъ Небеса, я была тамъ.

Когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны, когда утверждалъ вверху облака, когда укрѣплялъ источники бездны, когда давалъ морю уставъ, чтобы воды не переступали предѣловъ его, когда полагалъ основаніе земли, тогда я была при немъ художницей и была радостью всякій день, веселясь предъ лицомъ Его все время, веселясь на земномъ кругу Его, и радость моя была съ сынами человѣческими... Блаженъ человѣкъ, который слушаетъ меня, бодрствуя каждый день у воротъ моихъ и стоя на стражѣ у дверей моихъ! Потому что кто нашелъ меня, тотъ нашелъ жизнь и получитъ благодать отъ Господа, а согрѣшающіе предо мной наносятъ вредъ душѣ своей: всѣ ненавидящіе меня любятъ смерть".

Я выбралъ почти наудачу одну изъ главъ „Притчей Соломоновыхъ"—другія не уступаютъ ей ни по силѣ, ни по глубинѣ. Царственный пѣвецъ слагаетъ гимны мудрости съ той же страстью и вдохновеніемъ, съ какимъ онъ слагалъ свой единственный въ мірѣ гимнъ любви. Голосъ его подъ конецъ не слабѣетъ, какъ у Ибсена, пѣснь не становится крикомъ. Воздвигнутый имъ храмъ—самый величественный, о какомъ только могла мечтать Мудрость. Мудрость, имъ прославляемая, есть сама жизнь. Ненавидящіе ее—любятъ смерть: онъ самъ намъ сказалъ это.

Проходятъ годы. Снова предъ нами книга—и того же царственнаго мудреца. Существуетъ, правда, предположеніе, что „Притчи Соломоновы" и „Екклезіастъ" написаны не однимъ лицомъ. Но, во-первыхъ, это только предположеніе. Во-вторыхъ, достаточно уже того, что и „Притчи", и „Екклезіастъ" вошли въ

составъ Книги Книгъ. Если бы даже не царь Соломонъ былъ авторомъ „Екклезіаста“, мы все равно вправѣ думать, что говоритъ онъ. Мы слушали уже однажды сына Давидова, послушаемъ его во второй разъ: „Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. И предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростью все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобъ они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ все суета и томленіе духа... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя дѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ: и вотъ все суета и томленіе духа и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ! И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость, и безуміе, и глупость... И увидѣлъ я, что преимущество мудрости предъ глупостью такое же, какъ преимущество свѣта предъ тьмою: у мудраго глаза его въ головѣ, а глупый ходитъ во тьмѣ; но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ моемъ: и меня постигнетъ та же участь, что и глупаго, къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? И сказалъ я въ сердцѣ моемъ, что и это суета, потому что мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто и—увы!—мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ. И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; ибо все суета и томленіе духа!“ И изъ „Екклезіаста“ я могъ, конечно, привести лишь небольшой отрывокъ. Но, какъ и въ „Притчахъ Соло-

мона“, подъемъ духа и глубокая сосредоточенность мысли несоизмѣрима ни съ чѣмъ, что исходило изъ человѣческихъ устъ. Какъ же могла прежняя вѣра сына Давидова, сына великаго псалмопѣвца, уступить мѣсто невѣрію? Какъ могъ тотъ, кто самъ когда-то возвѣстилъ, что ненавидящіе мудрость любятъ смерть, отречься отъ мудрости? Или пришла для него пора возлюбить смерть? „И меня,—говоритъ онъ,—постигнетъ та же участь, что и глупаго, зачѣмъ же я сталъ мудрымъ?“ Теперь многіе, читая Библію, повторяютъ эти слова. Но едва ли въ наше время нашелся бы такой отважный человѣкъ, который бы за свой страхъ высказалъ такую вызывающую мысль. Если мудрость не спасаетъ отъ смерти, то для чего прославлять ее? Если у Мудрости нѣтъ средствъ, чтобъ награждать своихъ скальдовъ, то зачѣмъ служить столь слабому Господину? Отчего бы не перейти на службу къ Безумію и Глупости?! Вспомните еще разъ притчи: какія надежды возлагалъ великій царь на Мудрость. У нея силы, богатство, непогибающія сокровища. Ея плоды лучше золота, пользы отъ нея больше, чѣмъ отъ отборнаго серебра. Она была съ Творцомъ при началѣ пути Его и Господь веселился ею и т. д. И вдругъ Божественная Премудрость оказывается такой же безсильной и слабой, какъ и человѣческое безуміе. Можетъ быть, безуміе, котораго всегда боялись, отъ котораго бѣжали и котораго потому совсѣмъ не знаютъ, можетъ быть, оно таитъ въ себѣ невѣдомую силу, предполагавшуюся на службѣ у Мудрости? Можетъ быть, у него искать спасенія,

можетъ быть, оно побѣдитъ тамъ, гдѣ безпомощна Мудрость?

Вернемся къ Ибсену и его „Привидѣніямъ“.

Ибсенъ, оглядываясь на свое прошлое, могъ съ нѣкоторымъ основаніемъ сравнивать себя съ Соломономъ. Онъ не былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ, ему отказано было въ томъ дарѣ, который унаслѣдовалъ Соломонъ отъ отца своего, великаго псалмопѣвца. Но Ибсенъ тоже былъ избранникомъ, онъ, мы помнимъ, говорилъ, что самая завидная доля—доля скальда, выпала ему въ удѣлъ. Позже онъ не побоялся писать королю Карлу, что его жизненное дѣло возложено на него Богомъ. И мы помнимъ, что былъ Ибсенъ настоящимъ, вдохновеннымъ скальдомъ, когда воспѣвалъ любовь и подвиги своихъ предковъ, помнимъ, что звучалъ его голосъ пророческимъ паѳосомъ, когда онъ бросалъ людямъ въ „Брандѣ“ свой завѣтъ „все или ничего“, помнимъ, что подходилъ онъ къ величайшей міровой тайнѣ, когда разсказывалъ намъ о побѣдѣ галилеянина надъ кесаремъ. И вдругъ блѣдныя, страшныя, непонятныя „Привидѣнія“! Кому они нужны? Зачѣмъ вызвалъ ихъ Ибсенъ изъ подземнаго царства, гдѣ привидѣніямъ полагается скрываться? Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ—неужели Ибсенъ дерзнетъ оспаривать у Мудрости эту истину?

По поводу „Привидѣній“ ни критика, ни читающая публика не захотѣли поднимать этого вопроса. Въ полномъ собраніи сочиненій Ибсена рядомъ помѣщены и „Брандъ“, и „Привидѣнія“, какъ въ Библіи—притчи Соломона и размышленія Екклезіаста.

Герой „Привидѣній“—художникъ Освальдъ. Во всѣхъ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Ибсенъ выбираетъ въ герои художника: даже Джонъ Габріэль Боркманъ—только по паспорту банкиръ, на самомъ же дѣлѣ онъ художникъ, ибо всегда ставилъ себѣ фантастическія задачи, уходилъ далеко отъ интересовъ такъ называемой реальной жизни. И еще одна особенность послѣднихъ пьесъ Ибсена, давно уже привлекшая къ себѣ вниманіе критики. Всѣ онѣ не являются драмами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онѣ рисуютъ только финалы, развязки, концы давно уже начатыхъ жизней. Ибсенъ словно итоги подводитъ. Когда-то, что-то сдѣлалъ человѣкъ, хорошее или дурное, но то было давно, очень давно. Теперь уже прошлое вернуть невозможно, все поглощено временемъ, есть только опредѣленное настоящее, которое тоже измѣнить нельзя и которое можно только принять, какъ приговоръ страшнаго суда. Всѣ послѣднія пьесы Ибсена являются какъ бы непрерывнымъ страшнымъ судомъ. Отецъ маленькаго Эйольфа началъ писать книгу объ „отвѣтственности человѣка“, но въ одинъ прекрасный день бросилъ работу и семью и надолго ушелъ въ горы. Оттуда онъ вернулся съ новой мыслью: ему нельзя продолжать книгу объ отвѣтственности человѣка. Ему предстоитъ болѣе серьезное и трудное дѣло: принять на себя отвѣтственность за свою прошлую жизнь. Не вызывать людей на послѣдній судъ, а самому подставить подъ мечъ повинную голову, хотя впередъ извѣстно, что мечъ не разбираетъ: сѣчетъ всѣ подставленныя головы. И странное, возмущающее чело-

вѣческую справедливость зрѣлище! Ибсенъ постоянно повторяетъ, какъ турецкіе люди по разсказамъ странницы Островскаго: суди меня, судья неправедный. Этотъ дикій, безсмысленный припѣвъ впервые раздается въ „Привидѣніяхъ“. Освальдъ, молодой, чистый и даровитый художникъ, послѣ долгаго отсутствія возвращается къ матери. „Прошлаго“ у него лично нѣтъ никакого. Онъ жилъ много времени за границей, работалъ, учился и сталъ уже, какъ художникъ, обращать на себя вниманіе. О немъ заговорили, съ нимъ стали считаться. Мать думаетъ, что сынъ вернулся къ ней по доброй волѣ раздѣлить съ ней ея одиночество и принять участіе въ семейномъ торжествѣ по поводу открываемаго ею въ память покойнаго мужа, отца Освальда, пріюта. У матери есть прошлое — мучительное, тяжелое. Но она думаетъ, что то, что было съ ней, только ея одной и касается. Она вышла замужъ за легкомысленнаго кутилу, поддавшись совѣтамъ родныхъ, которые ее настойчиво толкали на бракъ по расчету. Развѣ сынъ отвѣчаетъ за грѣхи родителей? Бѣдная женщина даже и не подозрѣваетъ, что можетъ существовать такой неправедный судья, который пожелаетъ выместить ея ошибки на ея бѣдномъ, славномъ, ни въ чемъ неповинномъ мальчикѣ. Пусть съ нея взыскиваютъ, пусть привлекаютъ къ отвѣтственности въ иномъ мірѣ ея покойнаго, виноватаго мужа. Но мальчикъ, мальчикъ — за что его казнить? Онъ вѣдь не виноватъ! Или Богъ и теперь, какъ и въ сѣдую старину, продолжаетъ требовать, чтобъ люди отдавали на закланіе дѣтей своихъ, и, если они добровольно не

исполняютъ его требованій, онъ посылаетъ на землю ангела смерти, чтобъ силой получить свое? Много мучилась въ своей жизни бѣдная женщина, много думала, много читала. Но о такой справедливости она никогда не слышала или, вѣрнѣе, совсѣмъ забыла. Даже ея старый другъ, пасторъ Мандерсъ, ревниво оберегающій завѣты и традиціи, всегда готовый вступать въ общеніе съ высшей силой и безропотно во всемъ покоряющійся Богу, — пасторъ, не разстающійся со Священнымъ писаніемъ, гдѣ столько разсказывается о человѣчески загадочномъ Богѣ, даже и онъ не подозрѣваетъ, съ какой стороны ждетъ близкую ему семью ударъ. Онъ увидѣлъ на столѣ ѳру Альвингъ какія-то книги и предостерегаетъ ее отъ опаснаго чтенія. Онъ услышалъ, что Освальдъ встрѣчается со свободомыслящими товарищами и боится, какъ бы они не погубили его. Онъ думаетъ, что это страшно! Тамъ же, откуда грозитъ настоящая опасность, ни пасторъ, ни ѳру Альвингъ, никто на свѣтѣ ничего не различаютъ. Судья неправедный начнетъ свое дѣло—это почище книгъ и товарищей.

Дадимъ слово Ибсену.

Освальдъ (останавливаясь передъ матерью). Мама, можно мнѣ присѣсть къ тебѣ на диванчикъ?

Фру Альвингъ (давая ему мѣсто возлѣ себя). Присаживайся, присаживайся, мой милый.

Освальдъ (садясь). Мнѣ надо сказать тебѣ кое-что, мама.

Фру Альвингъ (напряженно) Ну?

Освальдъ (вперивъ взоръ въ пространство). Не подъ силу мнѣ больше нести эту тяжесть.

Фру Альвингъ. Да что же? Что съ тобой?

Освальдъ (попрежнему). Я никакъ не могъ рѣшиться написать тебѣ объ этомъ, а когда я вернулся...

Фру Альвингъ (хватая его за руку). Освальдъ, въ чемъ дѣло?

Освальдъ. И вчера, и сегодня я всячески старался отогнать отъ себя эти мысли, махнуть на все рукой. Нѣтъ, не тутъ-то было.

Фру Альвингъ (вставая). Теперь ты долженъ высказаться, Освальдъ.

Освальдъ (снова привлекаетъ ее къ себѣ на диванъ), Нѣтъ, сиди, сиди, и я попытаюсь сказать тебѣ. Я все жаловался на усталость съ дороги...

Фру Альвингъ Ну, да. Такъ что же?

Освальдъ. Но это не то. Не простая усталость.

Фру Альвингъ (готова вскочить). Не боленъ ли ты, Освальдъ?

Освальдъ (опять привлекая ее къ себѣ). Сиди, мама... и отнесись къ этому спокойно. Я не боленъ... по настоящему. Не въ томъ смыслѣ, какъ это вообще понимаютъ. (Заламывая руки надъ головой.) Мама, я надломленъ... разбитъ духовно... Мнѣ больше не работать, мама, никогда! (Закрываетъ лицо руками, бросается на грудь матери и рыдаетъ.)

Фру Альвингъ (блѣдная, дрожащая). Освальдъ, взгляни на меня. Нѣтъ, нѣтъ, это неправда!

Освальдъ (глядитъ на нее въ полномъ отчаяніи). Никогда не быть въ состояніи работать. Никогда... никогда. Быть живымъ мертвецомъ. Мама, можешь ты себѣ представить такой ужасъ?

Фру Альвингъ. Несчастный мой мальчикъ! Откуда же этотъ ужасъ?

Освальдъ (снова садится, выпрямляясь). Вотъ это-то и непостижимо. Я никогда не предавался никакимъ излишествамъ. Ни въ какомъ смыслѣ. Ты не думай, мама. Никогда этого не дѣлалъ.

Фру Альвингъ. Я и не думаю, Освальдъ.

Освальдъ. И всетаки надо мной разразилось такое ужасное несчастіе.

Фру Альвингъ. Но это пройдетъ, мой дорогой, милый мальчикъ. Это простое переутомленіе и ничего больше. Повѣрь мнѣ.

Освальдъ (удрученно). И я такъ думалъ вначалѣ. Но это не то.

Фру Альвингъ. Разскажи мнѣ все по порядку, все, все.

Освальдъ. Я и хочу.

Фру Альвингъ. Когда ты началъ это замѣчать?

Освальдъ. Вслѣдъ за моей послѣдней побывкой дома, когда я вернулся опять въ Парижъ. Началось съ ужаснѣйшихъ головныхъ болей... особенно въ затылкѣ. Мнѣ какъ будто надѣвали на голову узкій желѣзный обручъ и завинчивали его снизу вверхъ.

Фру Альвингъ. А затѣмъ?

Освальдъ. Сначала я думалъ, что это обыкновенныя головныя боли, которыми я такъ мучился въ переходномъ возрастѣ.

Фру Альвингъ. Да, да...

Освальдъ. Но скоро замѣтилъ, что это не то. Я больше не могъ работать. Я собирался начать новую большую картину, но всѣ мои способности какъ будто

измѣнили мнѣ, всѣ силы изсякли, я не могъ сосредоточить своихъ мыслей... все у меня путалось въ головѣ... мѣшалось. О, это было ужасное состояніе! Наконецъ, я послалъ за докторомъ... и отъ него узналъ, въ чемъ дѣло.

Фру Альвингъ. То-есть?

Освальдъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ тамошнихъ докторовъ. Мнѣ пришлось подробно разсказать ему, что я чувствовалъ и ощущалъ, а онъ затѣмъ задалъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ, которые сначала показались мнѣ совершенно не идущими къ дѣлу. Я не понималъ, куда онъ гнетъ.

Фру Альвингъ. Ну?

Освальдъ. Наконецъ, онъ изрекъ: вы уже родились съ червоточиной въ сердцевинѣ. Онъ именно такъ и выразился.

Фру Альвингъ (напряженно). Что же онъ хотѣлъ сказать этимъ?

Освальдъ. Я тоже не понялъ и попросилъ его высказаться яснѣе. И тогда этотъ старый циникъ сказалъ... (Сжимая кулаки). О!..

Фру Альвингъ. Что онъ сказалъ?

Освальдъ. Онъ сказалъ: грѣхи отцовъ падутъ на дѣтей...

Вотъ краткая исторія жизни Освальда. Обезумѣвшая мать готова на все для своего несчастнаго сына. Но чѣмъ помочь ему? Какъ снять съ него проклятіе? Въ мірѣ нѣтъ такихъ средствъ. Бѣдная женщина думаетъ, что материнская забота, любовь и ласка могутъ что-нибудь сдѣлать. Она хочетъ успокоить сына, какъ успокаивала его въ дѣтствѣ, уложить въ по-

стель, убаюкать. Она слышала, что лучшій исцѣлитель это сонъ. „Ты усталъ, Освальдъ,—говоритъ она ему. — Не хочешь ли уснуть?“ Освальдъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, нѣтъ... только не спать! Я никогда не сплю... Я только представляюсь“...

Я никогда не сплю. Я только представляюсь. Говорятъ, что послѣднія драмы Ибсена непонятны. Онѣ написаны, какъ выразился одинъ критикъ „на условномъ языкѣ знаковъ, который нужно перевести, чтобъ онъ сталъ понятнымъ“. Не думаю, чтобъ это было такъ, чтобъ Ибсена можно было перевести на понятный языкъ. Развѣ можно сдѣлать понятной вѣчную безсонницу изнемогающаго отъ усталости? Безсонницу человѣка, взывающаго о правосудіи къ неправедному судьѣ? Куда дѣвался мощный голосъ Ибсена-скальда, Ибсена-пророка? Пропалъ, безвозвратно пропалъ талантъ—Ибсенъ уже не можетъ ни славословить, ни гремѣть. Нечеловѣческая усталость овладѣла имъ, и тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ онъ до конца жизни будетъ говорить странныя, непонятныя ни ему самому, ни другимъ слова. Ни на одинъ человѣчески понятный языкъ нельзя перевести то, что онъ разсказалъ о привидѣніяхъ. Можно сдѣлать только одно: можно на время — минуты, часы, дни, какъ кому,—жить вмѣстѣ съ Ибсеномъ въ той атмосферѣ вѣчно непонятнаго, которая все больше и больше обволакивала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ, при видѣ неправеднаго судьи, потерялъ сонъ. Критики не хотѣли этого признать. Критики всѣ силы напрягали къ тому, чтобъ объяснить Ибсена, и для желающихъ есть переводы его сочиненій на общедоступный языкъ,

какъ есть упрощенные переводы и объясненія другихъ таинственныхъ книгъ и не менѣе таинственныхъ душевныхъ переживаній. Житейская практика не выноситъ тайнъ и загадокъ и умѣло выпроваживаетъ ихъ изъ повседневнаго обихода. Ибсенъ не избѣгъ судьбы всѣхъ замѣчательныхъ писателей. Сначала его пугались, объявили даже отравителемъ колодцевъ. Въ его сочиненіяхъ видѣли бредъ и галлюцинаціи сумасшедшаго. Теперь онъ уже сталъ классикомъ, его объяснили и, кажется, перестали бояться.

Но когда вышли „Привидѣнія“, какъ я уже упоминалъ, они были встрѣчены такимъ единодушнымъ негодованіемъ, какого не удостоилась ни одна пьеса Ибсена. Въ воздухѣ стономъ стоялъ вопль: распни, распни его. Ибсенъ отвѣтилъ негодующей публикѣ драмой: „Врагъ народа“, какъ нѣкогда „Брандомъ“. Онъ снова попытался метать громы. Пьеса написана очень сильно. Видно, дряхлѣющій скальдъ собралъ всѣ остатки своего нѣкогда могучаго голоса, чтобъ въ послѣдній разъ бросить людямъ вызовъ... Но это уже было въ послѣдній разъ. Послѣ „Врага народа“ Ибсенъ больше не разговаривалъ съ людьми. Онъ весь ушелъ въ себя, въ свою безсонницу, въ свою усталость, свою неспособность работать. Даже „Врагъ народа“, если сравнить его съ „Брандомъ“, собственно не отвѣтъ, а скорѣй новый вопросъ. У Ибсена нѣтъ положительной истины, ему не о чемъ вѣщать. Брандъ проповѣдывалъ „все или ничего“, Брандъ училъ всѣмъ жертвовать ради высшей цѣлей, Брандъ велъ людей въ новую церковь. Чего нужно доктору Стокману? Есть у него идея, церковь, которая освящаетъ

и помазываетъ избранниковъ? Послушайте его рѣчь на собраніи: „большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я. Это — общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или изъ глупыхъ? Я думаю, что всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чортъ возьми, чтобы глупые управляли умными? (Шумъ и крики). Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На сторонѣ большинства сила, къ сожалѣнію, но не право. Правъ я и другія единичныя личности. Меньшинство всегда право". И еще: „что это за истины. вокругъ которыхъ обыкновенно толпится большинство? Это истины, настолько устарѣвшія, что пора бы ужъ сдать ихъ въ архивъ. Когда же истина успѣла устарѣть настолько,—ей уже не долго стать и ложью, господа (смѣхъ и выраженія негодованія). Да, да, хотите вѣрьте, хотите—нѣтъ. Но истины вовсе не такіе живучіе Мафусаилы, какъ люди воображаютъ. Нормальная истина живетъ скажемъ, ну, лѣтъ семнадцать-восемнадцать, самое большее—двадцать. Но такія пожилыя истины всегда ужасно худосочны. И всетаки большинство именно тогда только и начинаетъ заниматься ими и рекомендовать ихъ общество въ качествѣ здоровой духовной пищи". Эта своеобразная, выдуманная самимъ Ибсеномъ гносеологія какъ нельзя болѣе подходитъ автору „Привидѣній". У большинства—сила, правота

же у немногихъ личностей. И когда истина отдѣльныхъ лицъ, наконецъ, добивается признанія,—она уже ни къ чему не годится; она, получивъ силу, одряхлѣла, стала ложью. Когда-то Ибсенъ такъ не думалъ, да и вообще такъ думать нельзя. Поставьте Ибсена лицомъ къ лицу съ настоящимъ гносеологомъ, ученымъ представителемъ той науки, которая подъ именемъ логики контролируетъ и оправдываетъ основы и методы нашего знанія и нашей вѣры (логика вѣдь и вѣрѣ свои законы предписываетъ), и онъ ему докажетъ, что утвержденія доктора Стокмана—безсодержательный вздоръ, бредни паціента изъ сумашедшаго дома. Человѣкъ, растеніе, животное подчинены закону возраста, истина же всегда одна и та же. Это вамъ скажетъ не только ученый, но и священникъ. И меньшинство не можетъ быть право, если только жизнь человѣчества, если исторія имѣетъ хоть какой-нибудь смыслъ. Вѣдь только время обезпечиваетъ—самъ Ибсенъ насъ училъ этому—побѣду правому дѣлу. Но если правое дѣло отъ времени становится неправымъ, то, стало быть, ложь всегда торжествовала и будетъ торжествовать на землѣ?! Зачѣмъ же приходятъ къ намъ истины? Зачѣмъ являются пророки? Чтобъ быть побѣжденными?! Нѣтъ сомнѣнія, таковъ смыслъ новой ибсеновской гносеологіи. Не случайно обмолвился докторъ Стокманъ, онъ высказалъ глубочайшую сущность новаго ибсеновскаго міровоззрѣнія; величайшіе подвиги дѣлаются не ради людей, лучшіе плоды нашего творчества минуютъ историческую сокровищницу. Какъ метеоры, они на мгновеніе блеснутъ міру и падаютъ,—куда?

Объ этомъ д-ръ Стокманъ ничего не говоритъ. Ибсенъ тоже, видно, не знаетъ, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Да и полагается ли ему отвѣчать? Онъ вѣдь сказалъ намъ, что его призваніе не отвѣчать, а лишь спрашивать. И еще прибавилъ, что творить значитъ творить надъ собой безпощадный и неправедный судъ. Послѣдуемъ же дальше за Ибсеномъ, посмотримъ его неправедный судъ надъ собой. Мы впередъ знаемъ, что вступили въ область загадочнаго и вѣчно непонятнаго. Можно разсказать, что было съ Ибсеномъ, но объяснить смыслъ его переживаній не можетъ и не должно удаться.

VI.

Итакъ, сила никогда не бываетъ съ правдой: гдѣ сила—тамъ неправда, гдѣ побѣда—тамъ ложь. Послѣднюю истину нужно искать въ пораженіяхъ, въ неудачахъ. Это парадоксальное утвержденіе, все содержаніе и смыслъ котораго вскроется лишь въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Ибсена, проводится имъ съ неумолимой послѣдовательностью и упрямствомъ маньяка, хитро обезпечившаго себѣ неприкосновенность внѣшней покорностью принятымъ законамъ и обычаямъ. Не разъ уже обращали вниманіе на несоотвѣтствіе между жизнью и творчествомъ Ибсена. Въ особенности подъ старость. Онъ казался какимъ-то двуликимъ Янусомъ: придешь къ нему домой или встрѣтишь гдѣ-нибудь на банкетѣ—которые такъ охотно устраивали въ его честь—и увидишь чисто выбритаго, изящно одѣтаго господина: ни дать, ни

взять важный чиновникъ или богатый коммерсантъ. Даже въ рѣчахъ, публично произносимыхъ имъ въ отвѣтъ на застольныя привѣтствія, всегда чувствуется самоувѣренная выдержка разсудительнаго, умнаго, практичнаго, побѣдившаго человѣка. Онъ „толкуетъ“ свои произведенія не хуже заправскаго критика. Радѣетъ о разныхъ пользахъ. обѣщаетъ человѣчеству „третье царство“, выражаетъ надежду, что его истина побѣдитъ, получитъ силу, овладѣетъ, иными словами, большинствомъ—и нисколько не пострадаетъ отъ этого. Говоритъ все понятныя, нужныя вещи. И небольшіе, сѣрые глаза глядятъ спокойно, разумно. Но возьмешь его драмы—все сразу мѣняется. Исчезъ первый спокойный, разсудительный ликъ—судорожное напряженіе смѣнило спокойствіе. И вмѣсто разумныхъ словъ—безсмысленныя, загадочныя восклицанія, страшные намеки—всѣ основанія думать, что имѣешь дѣло съ бредомъ больного. Ибсенъ цѣликомъ сосредоточился на себѣ и на какихъ-то таинственныхъ внутреннихъ дѣлахъ. Онъ уже не хочетъ вести за собой человѣчество, какъ Брандъ, онъ равнодушенъ къ міровой драмѣ—столкновенію язычества съ христіанствомъ, даже женскій вопросъ и борьба политическихъ партій не занимаютъ его. Ему кажется, что страшный судъ, который вершитъ надъ нимъ неправедный судья, важнѣе всѣхъ міровыхъ событій. Ему кажется, что историческія событія, вся человѣческая исторія — только щебень, мусоръ, осколки настоящей человѣческой жизни, случайно оторвавшіеся отъ нея и безсмысленной кучей сбившіеся на землѣ. Что главное въ человѣкѣ, какъ пришло неиз-

вѣстно откуда, такъ и уходитъ неизвѣстно куда. Взоръ его устремляется куда-то въ пространство, гдѣ, по-нашему, ничего нѣтъ и быть не можетъ, и потому кажется намъ блуждающимъ, безсмысленнымъ.

Толстой назвалъ „Дикую утку“ бредомъ. Въ свое время, пока слава Ибсена не обезоруживала, многіе называли эту драму бредомъ. И на этотъ разъ сплоченное большинство, вопреки ученію Ибсена, было право. По-моему нападки и протесты противъ „Дикой утки“ были недостаточно еще энергичны. Главное-то оставили безъ вниманія. Эту пьесу истолковывали, какъ обличеніе слабости, безхарактерности человѣческой въ томъ смыслѣ, что какіе-де бываютъ ничтожные люди, разные Яльмары Экдали. Если бы такова была задача пьесы—еще куда ни шло. Можно было бы назвать такую сатиру плоской и скучной: кто уже только не изощрялся надъ ничтожностью средняго человѣка! Весь безумный ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вся таинственная притягательность пьесы именно въ томъ, что въ ней нѣтъ обличенія, что Экдаль, Яльмаръ Экдаль не „типъ“, не кто-нибудь другой, а самъ авторъ—Генрихъ Ибсенъ, которому при жизни памятникъ поставили, котораго называли великимъ сѣвернымъ скальдомъ, пророкомъ, слова котораго повторялись въ церквахъ стараго и новаго свѣта, который подарилъ міру „Бранда“, „Сѣверныхъ богатырей“, „Кесаря и галилеянина“. Яльмаръ Экдаль—самъ Ибсенъ: вотъ что потрясаетъ читателя...

А вотъ какой былъ Яльмаръ Экдаль. Объ этомъ нужно разсказать подробно: изъ біографій вы ничего объ Ибсенѣ не узнаете. Если вы хотите знать о немъ

то, что онъ самъ зналъ о себѣ, а не то, что о немъ передавали друзья и родные, приготовлявшіе изъ него новую великую фигуру для пантеона европейской исторіи, — читайте не біографіи Ибсена и даже не письма его (великіе люди пишутъ письма, имѣя въ виду судъ потомства), а только сочиненія и преимущественно послѣднія сочиненія человѣка, потерявшаго талантъ, т.-е. красоту и силу голоса, и сохранившаго только искусство говорить, находить болѣе или менѣе адэкватныя слова для выраженія своихъ внутреннихъ, никому не видимыхъ переживаній.

Въ „Дикой уткѣ“ нѣтъ поэзіи, нѣтъ музыки. Нѣтъ даже красокъ. Главый герой Яльмаръ Экдаль. Когда-то, когда онъ былъ студентомъ, онъ много говорилъ о великихъ задачахъ. Его слушали охотно, потому что у него былъ талантъ, даръ жечь глаголомъ сердца людей. Университета онъ не окончилъ— средствъ нехватило. При помощи богатаго коммерсанта, Верле старшаго, онъ открылъ фотографическое заведеніе, которымъ онъ и кормился. Верле же его женилъ на простой, доброй, но малограмотной Гинѣ. Есть у Экдаля дочь—прелестная 14-лѣтняя дѣвочка, больная глазами. Есть и старикъ-отецъ, который когда-то былъ богачомъ и морскимъ офицеромъ, но потомъ запуталъ свои дѣла, попалъ въ тюрьму и былъ лишенъ по суду офицерскаго званія.

15 лѣтъ жилъ въ своей семьѣ Яльмаръ Экдаль спокойно и ровно. Продолжалъ говорить возвышенныя рѣчи, которыя его немногочисленнымъ слушателямъ казались пророческими. И цѣлые часы просиживалъ въ своей комнатѣ, „работая“ надъ великимъ изоб-

рѣтеніемъ, которое должно было принести ему славу, семьѣ—благоденствіе, отцу помилованіе и т. д. Молодой Экдаль вѣритъ и въ себя, и въ свои рѣчи, и въ свое великое назначеніе. И всѣ окружающіе, начиная съ дочери и кончая двумя безпутными жильцами—богословомъ и докторомъ—ему вѣрятъ. Т.-е. докторъ, какъ выясняется подъ конецъ, не вѣритъ, но очень хорошо притворяется, что вѣритъ, и больше всѣхъ повиненъ въ самообольщеніи Экдаля. Такова внѣшняя исторія легенды о пророкѣ. Такова внѣшняя исторія жизни Ибсена, какъ она представлялась ему самому, когда исчезъ талантъ и пришлось предстать передъ лицомъ призваннаго имъ самимъ неправеднаго судьи.

Теперь наступаетъ судъ, который намъ выяснитъ внутреннюю исторію Ибсена. У старика Верле есть сынъ, Грегерсъ Верле—угрюмый, уродливый и, сверхъ того, ограниченный человѣкъ, по своей бездарности прямая противоположность Бранду, который, какъ мы помнимъ, былъ красивъ, уменъ, силенъ, краснорѣчивъ и т. д. Какъ извѣстно, художникамъ, въ противоположность другимъ смертнымъ, разрѣшается одно великое преимущество: въ своемъ творчествѣ они не подвергаются никакимъ ограниченіямъ. Ихъ воля, даже произволъ—ихъ единственный законъ. Что захотятъ, то и дѣлаютъ со своими героями. Возвышаютъ или унижаютъ, какъ вздумается. Одному дадутъ все—красоту, богатство, талантъ. У другого все отымутъ и пустятъ убогимъ и голымъ бродить по свѣту. Молодой Верле попалъ у Ибсена въ немилость. Почему? Что такое онъ сдѣлалъ Ибсену, за что нужно

было такъ больно и безпощадно мстить? Вѣдь если бы Верле родился уродомъ—можно было бы и не спрашивать. Природа не знаетъ ни справедливости, ни милосердія. Но всмотритесь въ молодого Верле попристальнѣй—можетъ быть, вы припомните, что онъ не всегда былъ такимъ. Ибсенъ уже однажды показывалъ намъ его, и тогда мы преклонились передъ нимъ. Вѣдь это онъ говорилъ „все или ничего“, вѣдь это его пророческія слова разносились по всему міру, отъ его голоса трпетали человѣческія сердца. Правда, онъ говорилъ тогда совсѣмъ другимъ языкомъ и самъ былъ другимъ,—молодымъ, красивымъ. Что сталось съ нимъ, за что онъ наказанъ? Почему Ибсенъ свою старую истину, которую когда-то онъ облекалъ въ такія пышныя одежды, въ сравненіи съ которыми полевыя лиліи казались бѣдно одѣтыми, заворачиваетъ въ жалкое тряпье на посмѣшище непосвященнымъ? Почему Брандъ прежде, выпрямляясь во весь свой гигантскій ростъ, громовымъ голосомъ произносилъ свое царственное „все или ничего“, а Верле теперь, сгорбившись, съ глупымъ видомъ бормочетъ чуть слышно о своихъ „идеальныхъ требованіяхъ“. Между „Брандомъ“ и „Дикой уткой“ прошло 18 лѣтъ: предѣльный возрастъ, если вѣрить д-ру Стокману, положенный Богомъ для жизни истины на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ—если „все или ничего“ напоминаютъ красавца юношу, то „идеальныя требованія Верле—разваливающагося старика. Истина находится въ агоніи—ея минуты сочтены.

Разваливающаяся истина несетъ всюду смерть и разрушеніе. Не то разрушеніе, на которое дерзалъ

Брандъ—чреватое новыми созиданіями. Брандъ убилъ сына и жену, Брандъ бросилъ въ море ключи отъ построенной имъ церкви, но то были не злодѣянія. а жертвы, жертвы всемогущему Богу, единому праведному судьѣ. Брандъ высоко несъ свою гордую голову, прямо смотрѣлъ въ глаза людямъ. Когда онъ возвышалъ голосъ—самые смѣлые падали ницъ передъ нимъ. А Верле со своимъ „все или ничего“, которое онъ предъявляетъ подъ видомъ комически звучащихъ идеальныхъ требованій? Кому онъ нуженъ? Онъ тринадцатый за столомъ. Его презираютъ, надъ нимъ смѣются, его гонятъ — не такъ, какъ гонятъ пророковъ, а какъ гонятъ тупыхъ и бездарныхъ людей. Онъ тоже пытается гремѣть, но Ибсенъ не далъ ему голоса—Ибсенъ теперь не даетъ голоса пророку. Ибсенъ уже не вѣритъ, что громовой голосъ, страсть и вдохновеніе—признаки пророка. Ибсенъ не вѣритъ, что дарованіе, талантъ, даже геній — отъ Бога; что истина можетъ побѣдить. Истина имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе. Побѣждать должна ложь. Не то, что ложь побѣждаетъ—она должна побѣждать. Требовать для истины хотя бы не матеріальной, а моральной побѣды—смѣшно и наивно...

Экдаль, пропитанный до костей ложью, Экдаль, женившійся на бывшей содержанкѣ Верле старшаго, и пользующійся поддержкой бывшаго любовника своей жены—можетъ жить. Экдаль, бездѣльникъ и лѣнтяй, впивающій въ себя одурманивающую ложь незаслуженнаго обожанія, эгоистъ, который заставляетъ жену и больную дочь работать за себя, а самъ отдѣлывается отъ всѣхъ трудностей жизни подъ тѣмъ пред-

огомъ, что онъ работаетъ надъ великимъ „изобрѣтеніемъ“—третьимъ царствомъ—можетъ жить, можетъ побѣдить. И Экдаль—въ этомъ, повторяю, потрясающій смыслъ и все содержаніе „Дикой утки“ — самъ Ибсенъ. Это Ибсенъ женился на чужой любовницѣ, принималъ благодѣянія отъ любовника жены и умѣлъ не видѣть того, что мѣшало бы ему говорить возвышенныя рѣчи, проявлять талантъ пророка и скальда. Не Экдаль, а Ибсенъ лгалъ окружающимъ, что онъ вотъ-вотъ кончитъ, наконецъ, съ своимъ „изобрѣтеніемъ“ и осчастливитъ человѣчество: Ибсенъ вѣдь отъ своего имени говорилъ о третьемъ царствѣ. Все, что взвалено на совѣсть Экдаля, несъ на своихъ усталыхъ плечахъ старѣющій скальдъ. Конечно, не слѣдуетъ принимать мои слова буквально, но большой ошибкой будетъ думать, что возможность біографически опровергнуть меня измѣняетъ сущность дѣла. Наоборотъ, нужно пойти еще дальше. Нужно вспомнить мельчайшіе факты изъ жизни Яльмара Экдаля и ими замѣнить фантастическія, хотя съ виду точныя, жизнеописанія Ибсена.

Уже въ первомъ дѣйствіи „Дикой утки“ насъ поражаетъ такая сцена. Экдаль возвращается съ званаго обѣда у Верле. Онъ много ѣлъ и пилъ и приходитъ въ хорошемъ расположеніи духа. Семья встрѣчаетъ его, какъ всегда, ласково и весело. Восхищается имъ, удивляется ему. А онъ принимаетъ все, какъ должное, и грубо хвастаетъ остроуміемъ и смѣлостью, которыя онъ будто бы проявилъ на обѣдѣ. Онъ знаетъ и помнитъ только себя и даже забылъ, что, идя на обѣдъ, онъ обѣщалъ бѣдной дѣвочкѣ принести „что-

нибудь вкусное". Когда она ему напоминаетъ объ обѣщанномъ, онъ вытаскиваетъ изъ кармана помятое меню кушаній и говоритъ ей: „повѣрь мнѣ, вредны эти сласти. Присядь тамъ у окна и читай кушанья по порядку, а я тебѣ потомъ опишу, каковы они были на вкусъ". Дѣвочка, глотая слезы, благодаритъ отца. Экдаль негодуетъ: „о чемъ только не приходится думать отцу семейства! И стоитъ забыть самую бездѣлицу, — сейчасъ кислыя мины. Что-жъ, и къ этому не привыкать стать!" Онъ хочетъ быть всегда правымъ. Хочетъ, чтобъ его не безпокоили, чтобъ его любили, хвалили. И добивается своего. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка и жена начинаютъ утѣшать великаго человѣка. Покорно слушаютъ его возвышенныя рѣчи и угощаютъ его купленными на ихъ сбереженія бутербродами и пивомъ. У Гедвигъ больные глаза. Врачи запретили ей даже много читать, а Экдаль, зная, что ей грозитъ слѣпота, сбываетъ ей ретушерскую работу, чтобъ имѣть досугъ для „размышленій". Величайшія событія не отнимаютъ у него аппетита и не лишаютъ его сна. Когда пророкъ идеальныхъ требованій, намѣстникъ Бранда, Верле младшій открываетъ Экдалю тайну его благополучія—всѣ въ домѣ страшно потрясены. Жизнь выбивается изъ своей колеи. Экдаль не щадитъ ни жены, ни дѣвочки-подростка. Но самъ разстраивается въ мѣру и лишь на нѣсколько часовъ. Онъ не ночевалъ дома—но, по справкамъ, оказывается, что онъ мирно храпитъ на диванѣ въ комнатѣ доктора. Нѣсколько позже онъ выпиваетъ одну за другой, какъ бы нехотя, двѣ чашки кофе и требуетъ масла къ бутербродамъ, прерывая ѣду лишь затѣмъ,

чтобъ донимать жену возвышенными разговорами. Ибсенъ раздѣлилъ роль Бранда между Экдалемъ и Верле младшимъ. Они точно соперничаютъ въ бездарной болтовнѣ. И это намъ показывается на фонѣ страшной трагедіи, разыгрывающейся въ душѣ маленькой дѣвочки. Пока двѣ половинки Бранда развиваютъ свои возвышенныя теоріи, выстрѣломъ изъ пистолета кончаетъ счеты съ жизнью бѣдная Гедвигъ...

Послѣднее слово предоставляется бездомному бродягѣ, доктору Реллингу. Вообще Ибсенъ подъ конецъ жизни очень охотно дѣлаетъ носителями мудрости людей, изъ которыхъ ничего не вышло, и мало довѣряетъ тѣмъ, которымъ удалось вписать свои славныя имена на страницы исторіи. Мы еще будемъ говорить объ этомъ. Теперь же, чтобъ покончить съ „Дикой уткой“, приведемъ одно-другое изреченіе доктора Реллинга. „Господинъ Верле младшій,— обращается онъ къ разстриженному Бранду,—не прибѣгайте вы къ иностранному слову: идеалы. У насъ есть хорошее родное слово: ложь.

Грегерсъ. По-вашему эти два понятія однородны?

Реллингъ. Да, почти. Какъ тифъ и гнилая горячка.

Грегерсъ. Докторъ Реллингъ, я не сдамся, пока не вырву Яльмара изъ вашихъ когтей.

Реллингъ. Тѣмъ хуже для него. Отнимите у средняго человѣка житейскую ложь, вы отымете у него и счастье.

Молодой Брандъ умѣлъ бы справиться съ Реллингомъ. Молодой Брандъ самъ читалъ поученія, а теперь—его учатъ! Въ концѣ пьесы происходитъ

слѣдующій разговоръ между Реллингомъ и Верле младшимъ:

Реллингъ. Жизнь могла бы быть еще довольно сносной, если бы только оставили насъ въ покоѣ эти благословенные кредиторы, которые обиваютъ у насъ, простыхъ смертныхъ, пороги, предъявляя къ намъ идеальныя требованія.

Грегерсъ. Въ такомъ случаѣ я радъ своему назначенію.

Реллингъ. Позвольте спросить, что это за назначеніе?

Грегерсъ (на ходу). Тринадцатаго за столомъ... Вотъ до чего дожилъ Брандъ. Реллингъ одержалъ надъ нимъ и матеріальную, и духовную побѣду. Онъ кричитъ вслѣдъ удаляющемуся Бранду: „чорта съ два! Такъ вамъ и повѣрятъ“...

VII.

Такимъ-то неправедный судья изобразилъ намъ въ „Дикой уткѣ“ Генриха Ибсена. Вся жизнь и дѣятельность великаго человѣка сведена на нѣтъ. Какъ это случилось? Зачѣмъ понадобился этотъ неправедный судъ? Если Ибсенъ—Экдаль, если творчество геніальнаго поэта, если вдохновенные обѣты пророка въ его собственныхъ глазахъ могутъ приравняться къ кичливой болтовнѣ и лживымъ обѣщаніямъ бездѣльника, оправдывающаго свою преступную праздность ссылкой на неоконченное изобрѣченіе, то гдѣ же правда? Какъ можно жить?

Какъ можно жить? Докторъ Реллингъ объяснилъ намъ, какъ можно жить до страшнаго суда. Угодно вамъ знать, какъ живутъ послѣ страшнаго суда—слѣдуйте дальше за Ибсеномъ. Ему пока всего 60 л. Онъ еще 12 лѣтъ будетъ жить и дѣлиться съ людьми впечатлѣніями своими. Послѣ „Дикой утки“ имъ написано еще семь пьесъ: есть что послушать, была бы только охота. Но нужно впередъ быть готовымъ услышать совершенно необычныя и даже оскорбительныя для человѣческаго слуха вещи. Правда, мы уже достаточно наслушались. Чего только не наговорилъ Ибсенъ въ „Привидѣніяхъ“, „Врагѣ народа“ и въ „Дикой уткѣ“. Идеальныя требованія—смѣшны, сила не должна быть съ правдой, ложь нужнѣй людямъ, чѣмъ истина и т. д. Любопытный и естественный вопросъ: долговѣчны ли эти истины? Не суждено ли и имъ, какъ всѣмъ прежнимъ истинамъ Ибсена, одряхлѣть и умереть, уступить свое мѣсто новымъ, молодымъ? Или съ Ибсеномъ произошло то же, что и съ другими мудрецами: у него хватило мужества осудить на смерть свои старыя истины, но свои новыя онъ призналъ безсмертными? И еще вопросъ: не воскресаютъ ли однажды умершія истины? Или, быть можетъ, не всѣ истины, какъ и не всѣхъ людей, ждетъ одна участь. Однѣ смертны, другія—безсмертны или, по крайней мѣрѣ, могутъ надѣяться на воскресенье. Врядъ ли найдемъ мы у Ибсена разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ: онъ заблаговременно оградилъ себя отъ любознательности читателей. Онъ вѣдь не даетъ отвѣтовъ, онъ только спрашиваетъ. Гдѣ же отвѣты? Или по смыслу новой гносеологіи,

новаго ученія объ истинѣ—для того, чтобы соприкоснуться съ послѣдними тайнами, нужно умѣть жить съ одними вопросами—безъ отвѣтовъ? Похоже, что Ибсенъ такъ именно и думалъ, что въ этомъ смыслѣ его загадочныхъ словъ: „мое призваніе—спрашивать, а не отвѣчать". Такой взглядъ не мирится съ нашими обычными представленіями объ истинѣ? Но вѣдь все, что намъ разсказываетъ Ибсенъ, не то, что не мирится, а прямо враждуетъ съ обычными представленіями. Примемъ писателя такимъ, какъ онъ есть, и послѣдуемъ дальше за Ибсеномъ—къ Росмерсгольму, къ бѣлымъ конямъ и покойникамъ Росмерсгольма.

Пасторъ Росмеръ задался великой цѣлью, многими великими цѣлями—сѣять добро въ сердцахъ ближнихъ. Пасторъ Росмеръ умный, благородный и даровитый человѣкъ. Онъ принадлежитъ къ старинному роду, много вѣковъ подрядъ упорно отстаивавшему традиціи и устои гражданской жизни. Предки Росмера—священники и офицеры—были сильны своей прочной вѣрой въ традиціонную правду. Они принимали отъ своихъ отцовъ безъ критики готовыя убѣжденія и въ свою очередь пользовались величайшей привилегіей: ихъ никто не критиковалъ, не провѣрялъ—Росмеры стояли внѣ всякихъ подозрѣній. Росмеръ долгое время былъ достойнымъ представителемъ своего рода. Его слово было закономъ для всей округи. Несмотря на мягкость своего женственнаго характера, въ своей вѣрѣ и въ своихъ убѣжденіяхъ онъ былъ проченъ, какъ дубъ: въ крови его жили выдержанныя столѣтіями традиціи его пред-

ковъ. Онъ не боялся ни жизни, ни смерти. По Росмеровской гносеологіи истина, какъ вино, крѣпнетъ и очищается отъ времени, а не дряхлѣетъ и разлагается. Но Ибсенъ, какъ мы знаемъ, держался иного мнѣнія. И такъ какъ онъ самодержавно распоряжается судьбами своихъ героевъ, то никто не можетъ помѣшать ему ввести въ вѣковое гнѣздо Росмеровъ новое лицо—Ребекку Вестъ. Умная, красивая, смѣлая, немного хищная дѣвушка околдовываетъ всѣхъ обитателей Росмерсгольма. Она бросаетъ вызовъ вѣковымъ традиціямъ, и ей удается убѣдить Росмера, что его старая истина—не есть истина, что истина не должна имѣть своимъ источникомъ традицію. Пасторъ Росмеръ теряетъ всѣ свои вѣры, даже вѣру въ Бога и хочетъ попытаться проложить себѣ новый путь. Ему кажется, однако, что безъ вѣры все-таки нельзя. Т.-е. не то, что ему кажется. слово „кажется“ тутъ, пожалуй, не подходитъ. Онъ естественно, покидая одну вѣру, подготовляетъ себѣ другую. Онъ безконечно далекъ отъ мнѣнія Ибсена, что можно спрашивать безъ надежды получить отвѣтъ. Даже смѣлая Ребекка Вестъ, вдохновительница Росмера, даже она не то, что не говоритъ о пріемлемости такого положенія, она даже мысленно не представляетъ себѣ такой возможности. Если бы до нея дошли знаменитыя слова Ибсена, они бы ей показались только словами, которыя можно произнести, но подъ которыми нѣтъ никакого содержанія—вродѣ какъ если бы заговорили о четырехугольномъ треугольникѣ. Старая истина не годится — нужно ее замѣнить новой, это всѣ понимаютъ. Но новая истина, какъ и старая,

нужна для людей — она должна возвышать, облагораживать, поднимать ихъ, — словомъ, должна быть полезна. По содержанію своему, выражаясь философскими терминами, новая истина можетъ отличаться отъ старой, но по своему происхожденію и логической конструкціи она должна быть такой же. Кромѣ фантастическихъ бѣлыхъ коней и покойниковъ въ Росмерсгольмѣ, да кромѣ самого Ибсена, никто иначе и не думаетъ. Но такъ какъ творецъ Росмерсгольмскаго міра — Ибсенъ, то судьбы его обитателей рѣшаются не по идеямъ Росмера или Ребекки Вестъ, а суверенною волею поэта. Пасторъ хочетъ быть полезнымъ людямъ, пасторъ хочетъ внести миръ и радость въ сердца ближнихъ, пасторъ хочетъ думать, что Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ—такъ думало десять поколѣній его знаменитыхъ и нравственныхъ предковъ, которые вѣрили въ Бога, такъ думали безвѣстные и безнравственные предки незаконнорожденной Ребекки Вестъ. Но Ибсенъ намъ разсказалъ, что въ Росмерсгольмѣ покойники долго держатся за оставшихся въ живыхъ. Въ Росмерсгольмѣ дѣти никогда не плачутъ, а взрослые никогда не смѣются. Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, Богъ покровительствуетъ не живымъ, а мертвымъ. И сюда потянуло пѣвца Бранда. Пасторъ воображаетъ, что онъ пойдетъ къ людямъ благовѣстить истину своего новаго откровенія. Ребекка Вестъ всѣ силы свои положила на то, чтобы вдохнуть въ Росмера эту великую мысль. Она даже ни остановилась передъ преступленіемъ. Она чуть-чуть, едва себѣ самой замѣтными намеками, толкала и безъ того падавшую въ пропасть покойную жену

Росмера. Такъ, по крайней мѣрѣ, она сама разсказываетъ. Правда, едва ли слѣдуетъ ей вѣрить. Весьма возможно, что она клевещетъ на себя. По всѣмъ видимостямъ, она не совершила преступленія, по крайней мѣрѣ, того, о которомъ она говоритъ. Причинъ происшедшей катастрофы нужно искать гдѣ-нибудь выше, дальше, а не въ злой волѣ Ребекки Вестъ. Въ атмосферѣ Росмерсгольма, тамъ, гдѣ по ночамъ блуждаютъ бѣлые кони и души покойниковъ, воля человѣка—добрая и злая—ничего опредѣлить собой не можетъ. Если бы Беата умерла естественной смертью, событія все равно шли бы своимъ порядкомъ. Они только стали бы еще менѣе понятными для насъ, менѣе замѣтными и не поддающимися не то что объясненію, но даже описанію. Но кто хочетъ ближе подойти къ Ибсену, тотъ долженъ сторониться всего понятнаго, связывающаго, объясняющаго. Эти элементы Ибсенъ вноситъ въ свои пьесы только по нуждѣ, для того, чтобы придать безплотному матеріалу хоть видимость осязательности. Словомъ, вѣрнѣе всего, что Ребекка не была виновницей смерти Беаты: и все-таки произошло то, что произошло.

Когда Росмеръ распростился со старой вѣрой своихъ предковъ, порвалъ со столѣтними преданіями, онъ распростился со всякой вѣрой и всѣми преданіями, съ истиной вообще и попалъ во власть бѣлыхъ коней и покойниковъ. Подъ нимъ разступилась земля, онъ провалился и въ своемъ паденіи увлекъ за собой даже такую крѣпкую натуру, какъ Ребекка Вестъ. Нельзя слишкомъ рѣзко отрываться отъ

старой истины, ибо нельзя быть увѣреннымъ, что вмѣстѣ со старой истиной не покинетъ тебя и всякая истина. Смыслъ истины, ея державныя права и сила въ традиціяхъ: никто не знаетъ и не долженъ знать, откуда пришла она. Съ незапамятныхъ временъ намъ внушили нѣкоторый строй мыслей. Онъ вросся въ нашъ духовный организмъ. Вырвать его, не расшатавъ всю душу, такъ же невозможно, какъ вынуть скелетъ изъ человѣческаго тѣла, не убивъ человѣка. Обычная гносеологія имѣетъ что противопоставить ибсеновскому ученію. Да и самъ Ибсенъ знаетъ, что побѣда не ждетъ его. Онъ сдастъ всѣ позиціи, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ. Росмеръ, вмѣстѣ съ Ребеккой, идутъ, вслѣдъ за Беатой, на мостикъ, къ водопаду: ихъ мѣсто тамъ. „Росмеровское міровоззрѣніе облагораживаетъ, но... убиваетъ счастье“. Такъ говоритъ Ребекка Вестъ. А старый учитель Росмера, Ульрихъ Брендель, черезъ нѣсколько минутъ комментируетъ ея слова: „Педеръ Мортенсгоръ (редакторъ мѣстной газеты, типичный пошлякъ) предводитель и господинъ будущаго. Никогда я не предстоялъ предъ лицомъ болѣе могущественнымъ. Педеръ Мортенсгоръ всемогущъ, можетъ сдѣлать все, что хочетъ. Ибо Педеръ Мортенсгоръ никогда и не захочетъ болѣе того, что можетъ сдѣлать. А въ этомъ... и весь великій секретъ дѣйствія и успѣха. Вотъ итогъ земной мудрости“. Ульрихъ Брендель, какъ и докторъ Геллингъ въ „Дикой Уткѣ“, принадлежитъ къ породѣ людей, о которыхъ говорятъ, что изъ нихъ никогда ничего не выходитъ. Въ послѣднихъ своихъ пьесахъ Ибсенъ все охотнѣе и охотнѣе

останавливаетъ свое вниманіе на такихъ людяхъ, безсмысленно и безтолково промотавшихъ свою жизнь. Какъ увидимъ дальше, въ «Геддѣ Габблеръ“ центральной фигурой является именно такое лицо. И Ульриху, а не Бранду, какъ когда-то, поручаетъ Ибсенъ говорить отъ имени земной мудрости. Словно неудача является для Ибсена порукой въ правотѣ дѣла. Она одна способна оправдать предъ неправеднымъ судьей земную жизнь. Удача, побѣда, историческій подвигъ—тягчайшее обвиненіе, какое можетъ только висѣть надъ человѣкомъ. Куда же идетъ Брендель? Росмеръ хочетъ удержать его у себя, въ тепломъ уютномъ домѣ. „Вы хотите уйти? Теперь? Темной ночью?“ — говоритъ онъ своему учителю. „Темная ночь для меня какъ нельзя болѣе кстати“— отвѣчаетъ человѣкъ, изъ котораго ничего не вышло и не могло выйти. Въ этомъ отвѣтѣ есть и совѣтъ — Росмеру и Ребеккѣ. Они все еще хотятъ разрѣшенія вопроса, хотятъ вѣры, тепла, свѣта, все пытаются вернуться въ человѣчески понятную жизнь. Но не затѣмъ пришелъ Ибсенъ въ Росмерсгольмъ, чтобы спасать людей, чтобы выводить ихъ на широкую, торную дорогу. Онъ вопросъ хочетъ задать и такой вопросъ, на который ни онъ самъ, ни даже его другъ, знаменитый критикъ Брандесъ, не дастъ отвѣта. Для этого день не годится. Для этого годится только темная ночь.

Ночной разговоръ Ребекки съ Росмеромъ ни къ чему не приводитъ. Усталыми, глухими голосами повторяютъ они разныя привычныя слова: вѣра, счастье, миссія. Но сами же спохватываются: не то,

не то, не то. Они не могутъ больше стоять на освѣщенномъ мѣстѣ. И съ восторгомъ, внезапно смѣнившимъ отчаяніе, съ рѣшимостью, такъ несвойственной его мягкому характеру, Росмеръ вдругъ приходитъ къ страшному выводу: „нѣтъ надъ нами судей. И потому намъ самимъ приходится чинить надъ собой судъ и расправу“. Свѣтъ мгновенно потухаетъ, и лишенные покровительства земныхъ законовъ люди идутъ навстрѣчу неизвѣстности: бросаются въ водопадъ съ того же мѣста, съ котораго сбросилась уже одна обитательница Росмерсгольма—Беата.

VIII.

Люди идутъ навстрѣчу неизвѣстности. Что манитъ ихъ? Что могутъ обѣщать они тѣмъ, которые послѣдуютъ за ними? Зовутъ они за собой ближнихъ? Путь Бранда былъ тоже суровый путь—путь жесточайшаго отреченія. Онъ убилъ сына, убилъ жену, былъ безпощаденъ съ умирающей матерью. Но онъ зналъ, для чего онъ это дѣлалъ. Онъ гордился своими и чужими муками, онъ презиралъ людей, которые не умѣютъ все лучшее отдавать Богу. На немъ былъ терновый вѣнокъ, но надъ нимъ яркимъ свѣтомъ сіяла путеводная звѣзда. Не то съ теперешними ночными героями Ибсена. Они что-то дѣлаютъ, но нужно ли это или ненужно, хорошо или дурно —они и сами сказать не умѣютъ. Росмерсгольмъ облагораживаетъ, но убиваетъ счастье—тепло, свѣтъ, спокойствіе, даже вѣру...

О томъ же разсказывается въ пьесѣ Ибсена „Женщина съ моря“.

Нѣмецкій писатель Шлентеръ передаетъ, что незадолго до выхода въ свѣтъ „Женщины съ моря“ одинъ изъ пылкихъ поклонниковъ Ибсена спросилъ его, правдива ли добрая вѣсть, что новая пьеса оканчивается благополучно. Ибсенъ, говорятъ, лукаво усмѣхнулся и, помолчавъ, сказалъ: „О, да; но совсѣмъ безъ чертовщины не обходится и на этотъ разъ“.

Не только пылкій поклонникъ, но и самъ Ибсенъ, повидимому, тяготился чертовщиной и неблагополучными концами, которыми ему приходилось набивать свои драмы. Вѣчно спрашивать и никогда не получать отвѣта—сомнительное призваніе, которое не окупается, пожалуй, даже цѣной всемірной славы. Объ этомъ можно кой-что узнать въ „Женщинѣ съ моря“.

Въ маленькомъ городкѣ сѣверной Норвегіи живетъ докторъ Вангель со своей семьей. У него жена Эллида и двое дочерей отъ перваго брака. Жена — умная, красивая, еще молодая женщина. Дочери тоже славныя дѣвушки. Матеріальныя условія въ общемъ благопріятныя. Если бы посторонній человѣкъ пришелъ въ домъ къ доктору, ему бы и въ голову не пришло, что здѣсь можетъ завестись и даже давно завелась уже чертовщина. Да и вообще чертовщина у Ибсена заводится въ самыхъ неподходящихъ мѣстахъ. Развѣ Росмерсгольмъ, вѣковой пріютъ пасторовъ и офицеровъ, своимъ внѣшнимъ видомъ хоть сколько-нибудь напоминаетъ тихій омутъ? Столѣтіями жили въ старомъ домѣ почтенные люди, и враждеб-

ная сила не смѣла къ нимъ прикасаться. Или, можетъ быть, предки Росмера тоже встрѣчали бѣлыхъ коней и ходили на мостикъ къ водопаду, только не было Ибсена, и некому было оповѣстить міръ о страшныхъ дѣлахъ, происходящихъ въ родовомъ помѣстьѣ? Можетъ быть, и такъ. Во всякомъ случаѣ, въ домѣ у доктора Вангеля всѣ молоды, сильны и здоровы, и всѣ — въ тревогѣ. Жена доктора задыхается въ маленькомъ городкѣ, рвется прочь оттуда къ морю, но зачѣмъ—пока не знаетъ никто, кромѣ ея одной. Доктору приходитъ въ голову, что его жена несчастна потому, что вышла за него замужъ безъ любви, что она любила и любитъ другого, школьнаго инспектора Арнгольма. Такъ бываетъ въ жизни, и, если бы тревога Эллиды имѣла такой реальный источникъ, все было бы понятно. Положеніе было бы трудное, но не безнадежное. Докторъ—чуткій и глубоко порядочный человѣкъ. Онъ рѣшается возвратить женѣ свободу, и самъ письмомъ вызываетъ къ себѣ Арнгольма. Дорого стоило ему это рѣшеніе: онъ серьезно и искренне привязался къ женѣ своей. Но оказывается, что жертва его совсѣмъ не нужна. Эллида не любитъ и никогда не любила Арнгольма. Съ ней задолго до замужества произошла таинственная и совершенно невѣроятная исторія, которой она сама не понимаетъ, которой не или понимаетъ ея мужъ, которой не понимаетъ, конечно, и самъ Ибсенъ. Исторія, болѣе похожая на сновидѣніе сказку, и которую намъ Ибсенъ, повидимому, затѣмъ передаетъ, чтобъ наглядно показать, что сказка или сонъ могутъ быть такъ же реальны, какъ и дѣйствительность. Или, что дѣйствительность есть только

частный случай сновидѣнія. Когда Эллида, наконецъ, посвящаетъ мужа въ свое прошлое, когда онъ узнаетъ, что еще въ домѣ своего отца она обручилась почти противъ своей воли съ какимъ-то человѣкоподобнымъ существомъ, имени котораго она точно не знала, и который тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ надъ ея душой сверхъестественную власть, доктору остается только одинъ выходъ изъ создавшагося дикаго положенія. Нужно признать, что жена больна, что она живетъ въ фантастическомъ, призрачномъ мірѣ. Ибо, въ противномъ случаѣ, если уступить ей, если допустить, что ея разсказы о таинственныхъ ужасахъ, о непонятной власти надъ ней человѣка, живущаго за тысячи верстъ, могутъ имѣть хоть какой-нибудь смыслъ, то вѣдь отсюда одинъ шагъ до безумія. Разъ существуетъ то, чего нѣтъ, то, можетъ быть, то, что есть, вся наша дѣйствительность, призрачна. Ибсенъ 60 лѣтъ думалъ, что существуетъ только одна дѣйствительность, эта истина была для него самой несомнѣнной истиной. Она, согласно его ученію, состарилась, и ей пора въ могилу? Нужно отъ нея проснуться и увидѣть новую истину, то, что онъ самъ называетъ чертовщиной, что для другихъ людей совсѣмъ не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, не доходитъ до ихъ сознанія черезъ сѣть логическихъ законовъ, протянутую между дѣйствительностью и человѣческой воспріимчивостью? Кто такой этотъ таинственный незнакомецъ, Ибсенъ не открылъ намъ, да не открылъ и себѣ. Ему, очевидно, показалось, что это тайна, которую не только разгадать, но и разгадывать нельзя. Что это просто—кошмаръ, тяжелый сонъ, отъ кото-

раго проснуться надо. И пьеса кончается благополучно: Эллида просыпается, вырывается изъ власти таинственной силы и возвращается, къ радости всѣхъ окружающихъ, къ настоящей дѣйствительности, — къ мужу и падчерицамъ.

Мы видимъ, что Ибсенъ измѣнилъ своему призванію. Въ „Женщинѣ съ моря“ не только поставленъ вопросъ, но и данъ отвѣтъ. Можно и должно избавиться отъ чертовщины, можно вырваться изъ мучительныхъ тисковъ второй дѣйствительности. Нужно судорожно ухватиться за обыкновенную, первую дѣйствительность, и тяжелый кошмаръ, въ концѣ-концовъ, пройдетъ, ужасы и страхи прекратятся, жизнь войдетъ въ привычное русло...

На долго ли? Суждено ли этой истинѣ просуществовать положенныя 15, 20 лѣтъ? Черезъ два года Ибсенъ написалъ новую пьесу „Гедду Габлеръ“, въ которой чертовщина снова выплываетъ предъ нами во всемъ своемъ безобразіи и во всей своей красотѣ. Истина „Женщины съ моря“ прожила, какъ видимъ, недолго и скончалась въ младенческомъ возрастѣ. И, для Ибсена, скончалась навсегда—онъ даже не дѣлаетъ попытокъ воскресить ее. Въ „Геддѣ Габлеръ“, какъ и въ послѣдующихъ своихъ четырехъ пьесахъ, онъ окончательно порываетъ со своимъ прошлымъ, воплотившимся въ „Брандѣ“, королѣ Гоконѣ, „Кесарѣ и галилеянинѣ“. Великая, нечеловѣческая усталость все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ его. „Я никогда не сплю, я только притворяюсь, что сплю“—этотъ припѣвъ слышится въ каждомъ словѣ состарившагося скальда, хотя онъ никогда не гово-

ритъ объ этомъ. Чертовщина преслѣдуетъ его днемъ и ночью съ такой навязчивостью, которая, въ концѣ-концовъ, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Отъ чего нельзя избавиться, то нужно принять. Новыя истины „точно ножомъ врѣзываются въ тѣло“. Это уже не „пернатыя сновидѣнія“, отъ которыхъ можно отмахнуться, отъ которыхъ можно проснуться. Это и не трудности обыкновенной жизни, отъ которыхъ отдыхаешь во снѣ. Забвеніе не приходитъ ни на минуту: Ибсенъ больше не спитъ, никогда не спитъ, онъ только притворяется бодрымъ и отдохнувшимъ, когда на банкетахъ, отвѣчая на привѣтствія, говоритъ о третьемъ царствѣ или въ легкихъ саняхъ ѣдетъ по крѣпкому снѣгу осматривать поставленный ему при жизни памятникъ.

Въ „Геддѣ Габлеръ“—два героя, Гедда Габлеръ и Эйлертъ Левборгъ. Есть и еще нѣсколько лицъ—фонъ для пьесы. Гедда Габлеръ—дочь генерала, оставившаго ей послѣ смерти два превосходныхъ пистолета. Съ этимъ приданымъ она вышла замужъ за добросовѣстнаго ученаго Тесмана. Эйлертъ Левборгъ принадлежитъ къ знатному роду. Но безпутной жизнью онъ такъ скомпрометтировалъ себя, что родные совсѣмъ отшатнулись отъ него. А межъ тѣмъ онъ—необыкновенно даровитый, даже геніальный человѣкъ. Когда подъ вліяніемъ „чистой женской души“ (не Гедды, конечно) онъ на нѣкоторое время бросилъ пьянство,—онъ написалъ и выпустилъ книгу, которая всѣхъ поразила. Въ рукописи готова и вторая книга —еще болѣе замѣчательная. Левборга ждетъ великая слава: добросовѣстный Тесманъ, конкурентъ

Левборга, самъ признаетъ это. Гедда любитъ Левборга, Левборгъ—Гедду.

Таково положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ началѣ пьесы. Попадись этотъ матеріалъ Ибсену на двадцать или тридцать лѣтъ раньше, онъ бы, вѣроятно, распорядился имъ иначе. Развязка, пожалуй, все же оказалась бы трагической. Но, по крайней мѣрѣ, Гедда спѣла бы намъ чудную пѣсню, Левборгъ прочелъ бы громовую проповѣдь. Люди бы погибли, но ихъ пѣсни и дѣла сохранились для потомства. И великая книга Левборга не была бы предана огню. Но иныя птицы, иныя пѣсни. Талантъ Ибсена пропалъ, безвозвратно пропалъ, пропала вмѣстѣ и вѣра въ талантъ. Нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ проповѣдей. Гедда честно дѣлится отцовскимъ наслѣдіемъ со своимъ возлюбленнымъ: одинъ пистолетъ генерала Габлера оказываетъ послѣднюю услугу Левборгу, другой—самой Геддѣ. А геніальное произведеніе слѣдуетъ за авторомъ: Гедда собственными руками сжигаетъ рукопись Левборга. Все великое, все важное и значительное безпощадно истребляется Ибсеномъ. На землѣ остается только посредственное, среднее, полезное. Оно побѣждаетъ, за нимъ—сила, лучшее же обречено на гибель. Лучшее уходитъ, оно выбрасывается изъ жизни, какъ вѣчно враждебное ей. Его Ибсенъ беретъ себѣ, беретъ съ собой—ему уже седьмой десятокъ пошелъ, и онъ отбираетъ сокровища, которыя можно унести въ иной міръ. Ихъ онъ цѣнитъ, ихъ бережетъ, то-есть ихъ радостно и торжественно уничтожаетъ. Остальное же, что обладаетъ способностью противостоять истребительной силѣ вре-

мени, онъ охотно и безъ сожалѣнія сдаетъ въ сокровищницу исторіи. Даже свой талантъ онъ завѣщаетъ человѣчеству, даже свои послѣднія драмы, въ которыхъ такъ много разсказано о томъ, что никому не нужно, все останется людямъ и даже пойдетъ имъ на пользу. Безполезное, безсильное, разбитое— Ибсенъ беретъ себѣ.

И съ каждой новой пьесой указанная тенденція Ибсена проявляется все рѣзче и рѣзче. Вражда и отвращеніе къ обыкновеннымъ, признаннымъ цѣнностямъ является единственнымъ источникомъ его творческаго вдохновенія, сказалъ бы я, если бы не боялся, что слово „вдохновеніе“ можетъ быть ложно истолковано. Въ послѣднихъ произведеніяхъ Ибсена нѣтъ страсти, нѣтъ паѳоса. Они поражаютъ своей сдержанностью, холодностью. Иначе и быть не можетъ. Не забудьте—человѣкъ никогда не спитъ. Но жить онъ не пересталъ. Онъ живетъ больше, чѣмъ другіе, ибо всегда бодрствуетъ—видитъ, слышитъ, осязаетъ. Только никогда не радуется, не надѣется. Возможна ли жизнь безъ радости, безъ утѣшенія? Люди думаютъ, что невозможна. Послѣднее слово всѣхъ философій, даже религій—устроенность, уютъ. Мы думаемъ, ищемъ, изобрѣтаемъ все съ одной цѣлью: привести себя въ радостное, законченное душевное состояніе. Мы хотимъ здѣсь уже получить награду свою—въ видѣ надежды или вѣры. Ибсенъ же какъ бы призванъ свидѣтельствовать прямо противоположное. Съ непоколебимой настойчивостью повторяетъ онъ, что идетъ не къ свѣту, не къ утѣшенію, а отъ свѣта, отъ утѣшенія. Подобно тому какъ

время разрушаетъ молодую красоту тѣла, такъ губитъ оно и молодую вѣру души.

Ибсенъ живетъ въ холодѣ, тоскѣ, мракѣ, одиночествѣ. Онъ отбрасываетъ отъ себя все мягкое, примиряющее, устраивающее. Онъ не спитъ и начинаетъ убѣждаться, что спать никогда больше не будетъ. Онъ перестаетъ понимать окружающее и начинаетъ думать, что понимать вовсе и не нужно. Зачѣмъ мудрость? вспоминаетъ онъ слова царя Соломона...

Съ новой силой возвращается Ибсенъ къ этой темѣ въ „Строителѣ Сольнесѣ“. Сольнесъ—знаменитый архитекторъ, кончающій свое жизненное поприще. Ему много лѣтъ — въ пьесѣ не указано сколько, но мы знаемъ, что Ибсену уже за 60 перевалило. На усталой совѣсти строителя много зла, — біографъ Ибсена перечнемъ дурныхъ дѣлъ Сольнеса могъ бы пополнить многіе пробѣлы жизнеописанія знаменитаго писателя. Онъ замучилъ жену свою, въ зародышѣ убивалъ дѣтей своихъ и т. д., цѣлый рядъ преступленій—довольно, впрочемъ, обычныхъ и закономъ не наказуемыхъ. Насколько извѣстно, и современная мораль равнодушно относится къ такого рода проступкамъ: она привыкла къ этому даже у простыхъ людей, а великимъ людямъ —чего не позволишь! У строителя Сольнеса есть большія заслуги предъ согражданами: онъ много лѣтъ подрядъ строилъ прелестные семейные очаги, красивые и уютные. И вдругъ, подъ старость, въ этой своей заслугѣ онъ начинаетъ видѣть преступленіе. Неправедный судья приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей— ясно. надѣюсь, всякому. Но вѣдь съ неправеднымъ

судьей ничего не подѣлаешь: признавай, не признавай его, онъ свое дѣло доведетъ до конца.

Изъ біографіи Ибсена—не изъ той, которую я здѣсь произвольно составляю по недопускающимъ провѣрки даннымъ, а изъ настоящей біографіи, составленной по документамъ и достовѣрнымъ разсказамъ очевидцевъ извѣстно, что передъ выходомъ въ свѣтъ „Строителя Сольнеса“, даже „Гедды Габлеръ“ 60-лѣтній Ибсенъ, осенью 1889 года, случайно встрѣтился въ Тиролѣ съ молодой дѣвушкой, нѣмкой, Эмиліей Бардахъ. Дѣвушка, какъ это видно по опубликованнымъ послѣ смерти поэта письмамъ, произвела на него большое впечатлѣніе. Онъ называлъ ее майскимъ солнцемъ своей сентябрьской жизни. Въ альбомъ ея онъ записалъ на нѣмецкомъ языкѣ двустишіе, которое въ русскомъ переводѣ значитъ: „высокое, мучительное счастье—бороться за недостижимое“. Подробностей объ отношеніи Ибсена къ Бардахъ мы не знаемъ. Онѣ, впрочемъ, для нашихъ цѣлей и не нужны. Главное намъ извѣстно: нѣкоторое время Ибсенъ переписывался съ Бардахъ,—они обмѣнялись 5 или 6 письмами—и затѣмъ Ибсенъ попросилъ молодую дѣвушку совершенно прекратить переписку. Просьба была исполнена: Бардахъ больше не писала ему.

Ибсенъ увидѣлъ солнце и повернулся къ нему спиной.

Я до сихъ поръ мало обращалъ вниманія на символизмъ въ Ибсеновскомъ творчествѣ, даже не пытался разгадывать смысла Дикой утки, какъ символа. Поэтому въ этомъ и нѣтъ никакой нужды: символы

предназначены либо для того, чтобы не быть разгаданными, либо для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ настоящихъ загадокъ. Но это вѣрно лишь по отношенію къ символамъ, придумываемымъ писателями. Жизненные же символы полны глубокаго значенія. Въ исторіи Ибсена съ Бардахъ сказалась любопытнѣйшая, основная черта всей жизни поэта. Онъ, какъ я сказалъ, увидѣлъ солнце и повернулся къ нему спиной. Окиньте взоромъ прошлое Ибсена, и вы увидите, что уже не въ первый разъ онъ отворачивается отъ солнца. Всегда, даже въ ранней молодости, онъ дѣлалъ то же, хотя часто думалъ, что не только не убѣгаетъ, а прямо идетъ навстрѣчу солнцу. Онъ инстинктивно берегъ себя отъ свѣтлыхъ радостей сначала ради своего „таланта“, какъ онъ объяснялъ въ письмѣ къ королю Карлу, потомъ — извольте-ка разгадать, ради чего онъ потомъ берегъ себя! Если бы ему теперь пришлось снова ходатайствовать о писательскомъ жалованьи у короля, можетъ быть, онъ повторилъ бы, что не хлопочетъ объ устройствѣ своей жизни, а заботится о дѣлѣ, которое самъ Богъ возложилъ на него. Иначе вѣдь нельзя съ королями разговаривать, иначе нельзя разговаривать и съ тѣмъ державнымъ ареопагомъ, который именуется человѣчествомъ, и отъ котораго въ послѣднемъ счетѣ зависитъ вся судьба писателя, не только „жалованье“, но слава и безсмертіе.

Но на самомъ дѣлѣ, когда Ибсену приходилось отвѣчать на страшномъ судѣ своей совѣсти,—онъ не могъ дать никакихъ удовлетворительныхъ объясненій. Отвернулся отъ солнца, всю жизнь отворачивался отъ

солнца,—такъ было, такъ есть и такъ будетъ. И, можетъ быть, такъ должно быть. Мгновеніями кажется, что должно быть иначе. Мгновеніями хотѣлось бы сбросить съ себя всю тяжесть проблематическаго, тайнаго, мучительнаго, все, что пристало за долгую, долгую жизнь, сбросить вмѣстѣ съ отяжелѣвшимъ, обезобразившимся старческимъ тѣломъ и легкимъ духомъ воспарить туда—далеко, къ звѣздамъ, которыя кажутся настоящей родиной человѣческихъ душъ. Но тѣло крѣпко держитъ душу, не выпускаетъ ея изъ тисковъ своихъ, а загадки все болѣе и болѣе закутываютъ умъ. Выхода нѣтъ—темнота все равно наступитъ. Такъ отвернемся добровольно отъ солнца. Прочь всѣ земныя устроенности: ихъ ждетъ моль и ржа!

Подъ устроенностью у Ибсена нужно понимать не то, что обыкновенно именуется матеріальными благами. Ибсенъ возстаетъ и противъ духовныхъ благъ и даже преимущественно противъ духовныхъ благъ. Всякое солнце, всѣ источники свѣта должны быть погашены, точнѣе, погашаются Ибсеномъ. Собственный Брандъ, пророкъ, о которомъ думали, что онъ посланъ Богомъ, чтобъ просвѣтить ближнихъ, становится добычей ржи и моли. Онъ хотѣлъ дать людямъ духовныя блага, онъ принесъ въ міръ благо—стало быть, съ нимъ нужно проститься. Онъ величайшій изъ людей—спору нѣтъ: но теперь, подъ старость, вспоминаются таинственныя слова искусителя, епископа Николая: величайшій—только счастливѣйшій, величайшій—только удачникъ.

Если вамъ нужно знать правду о жизни, не спрашивайте величайшихъ, не слушайте признанныхъ

учителей міра. И бойтесь тѣхъ, которые приходятъ съ дарами. Только отнимающіе, только непризнанные и отверженные, только незамѣтно прошедшіе могутъ вамъ кое-что разсказать о жизни. Ибсенъ вѣдь самъ побѣдитель, Ибсенъ вѣдь самъ былъ пророкомъ, самъ совершилъ великій историческій подвигъ. И вотъ онъ свидѣтельствуетъ: поскольку его жизнь и дѣло были полезны, поскольку онъ былъ нуженъ и цѣненъ для людей, поскольку онъ пѣлъ, училъ, пророчествовалъ, поскольку онъ служилъ—его жизнь была ничтожна. Главное, лучшее въ немъ скользнуло мимо земли и видимой жизни, чуть чуть только соприкоснувшись съ ними, здѣсь же осталось и стало достояніемъ человѣчества лишь худшее въ немъ. Мы знаемъ уже, какъ въ „Дикой уткѣ“ высмѣивалъ онъ то свое дѣло, ради котораго, какъ онъ намъ прежде говорилъ, Богъ послалъ его на землю. Свое „третье царство“ онъ приравнялъ къ „изобрѣтенью“ Экдаля. Мы помнимъ, какъ безпощадно растопталъ онъ мечты Росмера о полезной общественной работѣ. Не къ людямъ нужно сносить дары, настоящую жизнь нужно искать тамъ, у мостика надъ водопадомъ. Гедда Габлеръ сжигаетъ рукопись геніальнаго человѣка и даетъ ему пистолетъ своего отца, какъ орудіе таинства послѣдняго жертвоприношенія. А теперь Сольнесъ на новый ладъ разсказываетъ все о тѣхъ же старыхъ дѣлахъ. Со стороны,—свѣжаго непосвященнаго человѣка дѣла Ибсена должны раздражать. Помимо того, что онъ такъ безжалостно губитъ все, чѣмъ гордилось, чему радовалось человѣчество,—кажется, будто онъ безсмысленно и нелѣпо топчется на одномъ мѣстѣ. Хочется толкнуть

его назадъ или впередъ, на росмеровскій мостикъ, хочется одарить его, какъ одарила Гедда своего возлюбленнаго. Не можешь жить на землѣ съ людьми— ступай, куда хочешь, но насъ оставь въ покоѣ. Мы теперь уже не боимся Ибсена. Времена Бранда прошли. Тогда Ибсенъ звалъ за собой, требовалъ, грозилъ анаѳемой тѣмъ, кто отказывался итти за нимъ—даже родной матери. Онъ держалъ въ рукахъ громы и владѣлъ даромъ дѣйственнаго проклятія: отлученный имъ отъ Бога лишался покровительства законовъ. Теперь не то. Онъ никого за собой не зоветъ, Онъ самъ предостерегаетъ противъ себя: тому, кто пойдетъ за нимъ, никогда больше не знать ни сна, ни покоя. Теперь можно смѣло глядѣть въ лицо Ибсену, онъ не опасенъ: кто пойдетъ за слабымъ, разбитымъ, безталаннымъ скальдомъ! Послушайте разговоръ Сольнеса съ молодой Гильдой:

Сольнесъ. Тамъ, видите ли, Гильда, въ этомъ чужомъ городѣ я все ходилъ, ходилъ, и думалъ, и размышлялъ про себя. И мнѣ вдругъ стало ясно, для чего Онъ взялъ у меня моихъ малютокъ. Для того, чтобы мнѣ не къ чему было привязаться на свѣтѣ... чтобъ мнѣ не знать любви и счастья. Мнѣ слѣдовало быть только строителемъ и больше ничѣмъ. Вся моя жизнь должна была уйти на то, чтобы только строить для него (со смѣхомъ). Да не тутъ-то было!

Гильда. Что же вы сдѣлали?

Сольнесъ. Сначала все думалъ, испытывалъ себя...

Гильда. А потомъ?

Сольнесъ. Потомъ сдѣлалъ невозможное! И я — какъ Онъ.

Гильда. Невозможное!

Сольнесъ. Никогда прежде у меня не хватало духу свободно подыматься на высоту. Но въ тотъ день—хватило.

Гильда (вскакивая). Да, да, вы взошли!

Сольнесъ. И вотъ, когда я стоялъ тамъ, на самомъ верху и повѣсилъ вѣнокъ на флюгеръ, я сказалъ Ему: слушай меня, Всемогущій! Съ этихъ поръ я хочу быть свободнымъ строителемъ—въ своемъ родѣ, какъ Ты—въ своемъ. Не хочу больше строить храмовъ Тебѣ, а лишь семейные очаги для людей.

Гильда (съ широко раскрытыми, сіяющими глазами). Такъ вотъ пѣніе, которое я слышала въ воздухѣ!

Сольнесъ. Но я прогадалъ. Онъ былъ правъ.

Гильда. Какъ такъ?

Сольнесъ (уныло). Строить семейные очаги для людей не стоитъ мѣднаго гроша, Гильда.

Гильда. Вотъ какъ вы теперь заговорили!

Сольнесъ. Да, теперь-то я прозрѣлъ... Такъ вотъ что вышло изъ моей затѣи. Не на что оглянуться. Ничего я въ сущности не создалъ. И ничѣмъ не пожертвовалъ ради возможности создать что-нибудь. И въ результатѣ—ничтожество, полное ничтожество.

Это только новый варіантъ на старую тему. Сколько разъ разсказывалъ уже намъ Ибсенъ, что вся его прошлая великая дѣятельность ни къ чему не привела!

Когда онъ писалъ „Бранда“, „Кесаря и галилеянина“, онъ только строилъ уютные семейные очаги для людей. А строить очаги не стоитъ мѣднаго гроша.

Подумайте: Брандъ—только уютный очагъ. Вѣра, согрѣвающая человѣчество, приравнивается къ обык-

новенному жизненному удобству. Ибсенъ хочетъ строить никому ненужныя башни со шпилями: только ненужное пріобрѣтаетъ въ его глазахъ значеніе. Даже вѣра, такъ какъ она нужна и полезна, имъ отвергнута.

Можно ли думать, что Ибсенъ опасенъ? Когда древній змѣй хотѣлъ соблазнить первыхъ людей, онъ обѣщалъ имъ силу и власть. Будете сами богами,— говорилъ онъ. — Ибсенъ ничего не обѣщаетъ. Онъ только разсказываетъ что-то странное и непонятное и потому абсолютно непріемлемое. Кого онъ можетъ соблазнить? Невѣрующихъ? Они ищутъ счастья. Вѣрующихъ? У нихъ есть вѣра — они уже получили награду свою.

Я не стану останавливаться на „Маленькомъ Эйольфѣ“. Здѣсь повторяются—Ибсенъ въ этомъ отношеніи неутомимъ — все тѣ же, хорошо знакомые намъ мотивы. Съ почти невыносимой брезгливостью вспоминаетъ онъ о своей прошлой—уже почти полувѣковой литературной дѣятельности. Все гадко, отвратительно. мучительно плоско и пошло. Онъ знаетъ только одну очищающую мысль—о смерти. Вотъ въ какихъ словахъ разсказываетъ Альмерсъ женѣ своей о томъ, какъ онъ заблудился ночью въ горахъ и шелъ надъ пропастями, рискуя каждую минуту погибнуть:

Альмерсъ. Я былъ тамъ одинъ. На горныхъ высотахъ. Пришелъ къ большому пустынному горному озеру. Мнѣ надобно было перебраться черезъ него. Но я не могъ: не было ни лодки, ни людей.

Рита. Ну, и что же?

Альмерсъ. Тогда я наугадъ свернулъ въ боковую

долину. Я думалъ, что поднимусь тамъ черезъ кряжъ, потомъ спущусь и выйду по другую сторону озера.

Рита. И, вѣрно, заблудился, Альфредъ?

Альмерсъ. Да, я ошибся направленіемъ. Тамъ вѣдь ни дорогъ, ни тропинокъ. И я шелъ весь день. И почти всю ночь. Подъ конецъ я сталъ думать, что никогда ужъ не выберусь больше къ живымъ людямъ.

Рита. И домой—къ намъ? Вотъ куда, навѣрно, неслись твои мысли,—сюда.

Альмерсъ. Нѣтъ.

Рита. Нѣтъ?

Альмерсъ. Нѣтъ. Такъ странно. И ты, и Эйольфъ какъ-то отошли отъ меня далеко, далеко. И Аста тоже.

Рита. Такъ о чемъ же ты думалъ тогда?

Альмерсъ. Я не думалъ, я просто шелъ, пробираясь вдоль обрывовъ... а душу мою наполняло чувство предсмертнаго покоя, блаженное забытье.

Рита (вскакивая). Ахъ, не говори такъ объ этомъ ужасѣ!..

Альмерсъ. Я испыталъ такое чувство. Ни малѣйшаго страха. Мнѣ казалось, что смерть идетъ рядомъ со мной, какъ добрый дорожный товарищъ. И все это было такъ понятно, такъ просто, какъ мнѣ тогда казалось. У насъ въ семьѣ всѣ вообще недолговѣчны...

Рита. Ахъ, да замолчи, Альфредъ! Вѣдь ты же вышелъ изъ бѣды благополучно.

Альмерсъ. Да, я вдругъ какъ-то вышелъ на дорогу. По ту сторону озера.

Рита. Вотъ была ужасная ночь для тебя, Альф-

редъ. Теперь, когда она миновала, ты не хочешь признаться въ этомъ даже себѣ самому.

Альмерсъ. Та ночь и довела меня до моего рѣшенія. Я повернулъ назадъ и пошелъ прямо домой. Къ Эйольфу.

Рита (тихо). Поздно.

Альмерсъ. Да, за нимъ пришелъ товарищъ и взялъ его... а насъ охватилъ ужасъ предъ нимъ... передъ всѣмъ... передъ всѣмъ этимъ... отъ чего у насъ все-таки не хватаетъ духу уйти. Такъ крѣпко мы съ тобой привязаны къ землѣ, Рита.

Въ который разъ Ибсенъ повторяетъ свой гимнъ смерти? Толстой бы заподозрѣлъ его въ неискренности. Если мысль о смерти наполняетъ душу покоемъ и блаженствомъ—кто мѣшаетъ человѣку поторопить время?

Я думаю, многіе зададутъ такой вопросъ. Но Альмерсъ не умеръ,—Ибсенъ, какъ извѣстно, тоже продолжалъ жить и даже писать. Царь Соломонъ тоже проклиналъ жизнь и тѣмъ не менѣе умеръ своею смерью. Лучше быть живой собакой,—говоритъ онъ,—чѣмъ мертвымъ львомъ. Не всѣ, конечно, согласятся съ нимъ. Мы знаемъ многочисленные случаи противоположныхъ сужденій и дѣлъ. Жизнь бываетъ такъ же притягательна, какъ и смерть, смерть—какъ жизнь. Произносить послѣднее „лучше“—незаконная притязательность. Во всякомъ обобщеніи гораздо больше притязательности, чѣмъ правды: мнѣ уже приходилось говорить на эту тему, и я не буду повторять здѣсь раньше сказаннаго. Довольно сдѣланнаго указанія, что Ибсенъ не только не зоветъ за собой, но,

скорѣе, гонитъ отъ себя. Его истина — есть истина для него, а не для всѣхъ. Она не можетъ и не хочетъ имѣть общеобязательное значеніе, но она не предназначена для людей, и потому не имѣетъ никакого смысла упрекать стараго писателя въ лицемѣріи. Хотите—слушайте его, хотите—слушайте другого. Еще разъ напомню: его призваніе не отвѣчать, а спрашивать. И это не значитъ, что Ибсенъ предлагаетъ своеобразное раздѣленіе труда: онъ де будетъ предлагать вопросы, а кто-нибудь другой—будетъ давать отвѣты. На вопросы Ибсена никто отвѣта дать не можетъ, они не подлежатъ разрѣшенію. И для чего они предназначены—тоже никто не знаетъ. Можно, конечно, догадываться, что новая жизнь стремится отучить Ибсена отъ знанія, отъ опредѣленности, что, покидая землю, онъ заблаговременно привыкаетъ жить внѣ законовъ и нормъ. Но это—только догадка, которую одни примутъ, другіе отвергнутъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія двѣ пьесы Ибсена „Джонъ Габріель Боркманъ“ и „Эпилогъ“ даютъ матеріалъ. какъ бы нарочно предназначенный для того, чтобы отнять у насъ право дѣлать какія бы то ни было догадки и заключенія.

IX.

Въ „Габріелѣ Боркманѣ“ предъ нами цѣлая коллекція людей, которые уже давно все потеряли, и которымъ поэтому уже абсолютно нечего терять. Главный герой—самъ Боркманъ,—раззорившійся банкиръ.

Банкиръ-поэтъ, банкиръ-художникъ: я уже говорилъ, что въ послѣднихъ пьесахъ своихъ Ибсенъ рисуетъ только творцовъ, и творцовъ не дождавшихся седьмого дня — отдыха и удовлетворенія. Боркману въ молодости снился волшебный сонъ: ему показалось, что онъ владѣетъ великимъ даромъ все обращать въ золото. Міръ, нашъ обыкновенный, реальный міръ, съ людьми и ихъ повседневными маленькими и большими заботами, радостями и огорченіями, для него не существовалъ. Онъ не забылъ, что, кромѣ него, на землѣ живутъ еще и другіе люди. Можетъ быть, въ своей банкирской дѣятельности онъ проявлялъ наполеоновское знаніе людей. Но вѣдь и Наполеонъ кончилъ св. Еленой—такая же судьба ждала и Боркмана. Прошлой дѣятельностью своего героя Ибсенъ мало интересуется: онъ намъ показываетъ его уже въ ссылкѣ и заточеніи. Боркманъ, конечно, не Наполеонъ: онъ не разорялъ государства и народы, онъ только обокралъ одинъ банкъ. Поэтому его послѣднее убѣжище, его св. Елена—только небольшая комната въ глухой деревушкѣ. У него нѣтъ адъютантовъ, онъ не пишетъ дневника—только иногда разговариваетъ со своимъ старымъ другомъ, тоже потерпѣвшимъ крушеніе и выброшеннымъ на нелюдимый островъ. Боркманъ 8 лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ его выпустили изъ тюрьмы—живетъ въ полномъ уединеніи: даже жена его, живущая въ одномъ съ нимъ домѣ, никогда не заходитъ къ нему и не пускаетъ его къ себѣ. Какъ звѣрь въ клѣткѣ, шагаетъ онъ по своей комнатѣ, и монотонный шумъ его шаговъ — единственная музыка, оживляющая невидимыя собы-

тія, происходящія въ засыпанномъ снѣгомъ домѣ. Боркманъ въ верхнемъ этажѣ шагаетъ по своей комнатѣ и думаетъ, какъ думаютъ низверженные короли: всѣ радости міра онъ обѣщаетъ другимъ, себѣ же требуетъ только одного—короны. Онъ ждетъ, что люди придутъ къ нему и скажутъ: иди къ намъ, мы безъ тебя не можемъ жить, научи, просвѣти насъ. Безсмысленно, упрямо-фанатически ждетъ онъ — когда, наконецъ, свершится чудо, и онъ побѣдитъ враговъ. Побѣда и только побѣда ему нужна. Онъ никогда не молится Богу: Богъ вѣдь обѣщаетъ награду и возмездіе въ иномъ мірѣ. А тамъ нѣтъ ни золота, ни биржи. Тамъ философскій камень не нуженъ, тамъ Габріелю Боркману нечего дѣлать.

Въ нижнемъ этажѣ живетъ жена Боркмана. И она никогда не молится. Она прислушивается къ шагамъ мужа и думаетъ свою глубокую, тяжелую думу. У нея есть единственный сынъ—юноша еще. И она рѣшила возложить на сына великую, величайшую миссію—возстановить честь опозореннаго отцомъ имени. Она любитъ своего сына, но она помнитъ только о его миссіи. Высокая, несогнувшаяся отъ времени, съ строгими чертами лица, она точно вся окаменѣла. Снаружи она кажется давно мертвой; но внутри живетъ великая и безплодная мысль. Всѣ великія мысли безплодны—мы уже не разъ это слышали. Онѣ возникаютъ неизвѣстно зачѣмъ, отвергаются людьми и уходятъ неизвѣстно куда. Что будетъ съ госпожей Боркманъ, когда разсыплется мраморъ, сковавшій ея душу? Во что превратится безплодная мысль, годами выдержанная въ тайникахъ человѣческаго сердца?

И третья фигура — Элла Рентгеймъ, сестра жены Боркмана. Въ темный зимній вечеръ внезапно появляется она въ заброшенной усадьбѣ. У нея свои дѣла— хотя едва ли нужно прибавлять, что и ей, собственно говоря, на землѣ уже нечего дѣлать. Высокая и сѣдая, какъ сестра, со слѣдами замѣчательной красоты, она пришла сюда, въ мѣсто вражды, ненависти и неисполнимыхъ надеждъ, чтобы сдѣлать добро единственному изъ живущихъ здѣсь существъ, которому еще возможно чѣмъ-нибудь помочь человѣческими средствами. Сынъ Боркмана еще молодъ, онъ принадлежитъ еще землѣ, ему еще можно оказать услугу. И вотъ ночью разыгрывается дикая сцена: отецъ, мать и тетка затѣваютъ страшное состязаніе мертвыхъ о правахъ на живого человѣка. Мать зоветъ сына къ себѣ для „великаго дѣла", отецъ—къ себѣ, тетка предостерегаетъ сына отъ родителей и зоветъ за собой. Сынъ не понимаетъ этихъ фантастическихъ требованій. Инстинктомъ живого человѣка чувствуетъ онъ, что ему нужно бѣжать отсюда, изъ страны вѣчной тьмы и холода, бѣбѣжать какъ можно дальше. Онъ вырывается изъ родного гнѣзда — бѣжитъ куда глаза глядятъ, къ теплу, къ свѣту, къ радости—предоставляя мертвымъ погребать мертвецовъ. Молодость уходитъ, и Ибсенъ остается наединѣ со своими привидѣніями. Для дѣла, для дѣлъ нѣтъ уже ни силъ, ни способностей у этихъ героевъ. Огромные, страшные, сѣдые, точно переодѣтые викинги и валькиріи, ходятъ они по пустымъ комнатамъ засыпаннаго снѣгомъ дома и думаютъ, думаютъ, думаютъ—какъ могутъ только думать отверженные, никому ненужные люди. Они что-то вспо-

минаютъ, чѣмъ-то возмущаются, что-то высматриваютъ въ пустомъ пространствѣ. За ними длинной, безконечно длинной лентой вьется прошлая, оконченная жизнь. Что въ ней было, что отъ нея осталось? Боркманъ не отрывается отъ философскаго камня, его жена гнется отъ мысли, что сынъ ушелъ, и некому будетъ вступиться за честь дома, а Элла Рентгеймъ? Только теперь узнала она великую тайну: Боркманъ, котораго она въ молодости любила, котораго она любитъ и теперь (старухи продолжаютъ любить, любовь никогда не умираетъ—учитъ насъ Ибсенъ), Боркманъ любилъ ее и отказался отъ любви, чтобъ проложить себѣ путь къ философскому камню. Мы помнимъ „истину“ Йордисъ, — величайшее преступленіе покинуть любимую женщину. Мы помнимъ, какъ на нашихъ глазахъ умерла эта истина: Фалькъ съ сознаніемъ своей правоты отказался отъ Свангильдъ, Гоконъ—отъ Канги. Казалось бы, эта истина надежно погребена, и никогда уже не суждено ей увидѣть свѣтъ Божій. Но на наше человѣческое предвидѣніе не слишкомъ слѣдуетъ полагаться. Умершія истины воскресаютъ — послѣ страшнаго суда: современные гносеологи этого не знаютъ — пусть послушаютъ Ибсена. Вотъ разговоръ Боркмана съ Эллой:

Элла Рентгеймъ (дрожащимъ голосомъ, глядя на Боркмана). Но... правду ли ты говоришь, что я была для тебя въ то время дороже всего на свѣтѣ?

Боркманъ. И въ то время, и послѣ. Долго, долго спустя.

Элла Рентгеймъ. И все-таки ты отказался отъ меня.

Ты торговалъ своимъ правомъ любить. Продалъ мою любовь за постъ директора банка!

Боркманъ (угрюмо, подавленно). Необходимость заставила меня, Элла.

Элла Рентгеймъ (вся дрожа, внѣ себя, подымается съ дивана). Преступникъ!

Боркманъ (вздрагиваетъ, но овладѣваетъ собой). Это слово я слышу не впервые.

Элла Рентгеймъ. О, не думай, что я намекаю на то, въ чемъ ты могъ провиниться передъ закономъ и правомъ! Что мнѣ за дѣло до того, какъ ты распорядился всѣми этими акціями и облигаціями или что тамъ было еще! Если бы только мнѣ было позволено стать рядомъ съ тобой, когда все обрушилось на твою голову!

Боркманъ (напряженно). Что тогда, Элла?

Элла Рентгеймъ. Вѣрь мнѣ, я съ радостью раздѣлила бы съ тобой все. И стыдъ, и раззореніе, все, все! Помогла бы тебѣ перенести все!

Боркманъ. И ты бы захотѣла? Смогла бы?

Элла Рентгеймъ. И захотѣла, и смогла бы! Тогда вѣдь я не знала о твоемъ огромномъ, ужасномъ преступленіи.

Боркманъ. О какомъ? На что ты намекаешь?

Элла Рентгеймъ. На преступленіе, за которое нѣтъ прощенія...

Боркманъ (вперивъ въ нее взглядъ). Ты себя не помнишь, Элла.

Элла Рентгеймъ (подступая къ нему). Ты убійца, ты совершилъ великій смертный грѣхъ.

Боркманъ (отступая). Да ты въ умѣ, Элла?

Элла Рентгеймъ. Ты убилъ во мнѣ душу живую, душу, способную любить. Понимаешь, что это значитъ? Въ Библіи говорится объ одномъ загадочномъ грѣхѣ, за который нѣтъ прощенія. Прежде я никогда не понимала, что это за грѣхъ. Теперь понимаю. Самый великій, неискупимый грѣхъ—это умерщвленіе живой души въ человѣкѣ, души, способной любить.

Сѣдая, задыхающаяся, полумертвая Валькирія Йордисъ снова вернулась къ Ибсену. Зачѣмъ? Не спрашивайте, зачѣмъ. Если хотите знать, не требуйте объясненія. Если хотите силъ, не допытывайтесь причинъ, не ищите пониманія. Объясненный, понятый, освѣщенный Ибсенъ перестаетъ быть Ибсеномъ.

Перейдемъ къ послѣднему произведенію Ибсена—къ эпилогу „Когда мы мертвые просыпаемся“.

Передъ нами снова художникъ, прославившійся на весь міръ, художникъ, которому при жизни поставили памятникъ въ Христіаніи. Онъ уже очень старъ, хотя въ ремаркѣ называется только пожилымъ господиномъ. Очень стараго героя нельзя показывать со сцены. Очень старый человѣкъ не можетъ привлечь нашего вниманія, ибо впередъ извѣстно, какой конецъ ждетъ его. Такъ вотъ передъ нами молодой старикъ-скульпторъ. За нимъ длинная, очень длинная жизнь—творческая, человѣчески творческая. Въ молодости у него была великая идея. Онъ хотѣлъ показать людямъ „возстаніе изъ мертвыхъ“. Онъ хотѣлъ воплотить свою идею въ образѣ молодой дѣвушки, просыпающейся отъ смертнаго сна.

Достоевскій, если вы помните, утверждалъ, что у человѣка есть и была только одна великая идея — идея о безсмертіи души. Такъ вотъ и Ибсенъ, повидимому, раздѣлялъ мнѣніе Достоевскаго. Но, что еще для насъ важнѣе, Ибсенъ, подобно Достоевскому, промѣнялъ въ молодости эту идею на другую, правда, съ виду похожую — на вѣру въ безсмертіе души, на пѣсню, на пророчество о безсмертіи души. Это открывается намъ въ бесѣдѣ Рубека съ полумертвой Музой-Иреной:

Рубекъ. Я былъ молодъ тогда. Совсѣмъ неопытенъ въ жизни. Самымъ прекраснымъ, идеальнымъ воплощеніемъ возстанія изъ мертвыхъ представлялась мнѣ юная, чистая дѣва... еще нетронутая земной жизнью... пробуждающаяся къ свѣту и славѣ... свободная отъ всего дурного, нечистаго.

Ирена (быстро). Да... такою вѣдь я и стою въ нашемъ твореніи?

Рубекъ (запинаясь). Не совсѣмъ такою, Ирена.

Ирена (съ возрастающимъ возбужденіемъ). Не совсѣмъ?.. Не такой, какой я стояла передъ тобой?

Рубекъ (уклоняясь отъ отвѣта). Въ послѣдующіе годы я набрался житейскаго опыта, Ирена. Идея „возстанія изъ мертвыхъ“ все разрасталась и развивалась въ моемъ воображеніи. Маленькая, круглая база, на которой одиноко возвышалась твоя стройная фигура... стала тѣсна для всего того, чѣмъ я задумалъ дополнить свое произведеніе.

Ирена (хватается за ножъ, но оставляетъ его). Чѣмъ же ты его дополнилъ? Говори!

Рубекъ. Я дополнилъ его тѣмъ, что видѣлъ во-

кругъ себя въ жизни. Мнѣ надо было дополнить. Я не могъ иначе, Ирена! Я расширилъ базу, сдѣлалъ ее большой, просторной. и на нее бросилъ глыбу разсѣвшейся земли. Изъ ея разсѣлинъ выползаютъ люди... со звѣриными лицами подъ наружной человѣческой оболочкой... Женщины и мужчины... такіе, какими я ихъ узналъ въ жизни.

Ирена (затаивъ дыханіе). Но посреди этой толпы стоитъ молодая дѣвушка, полная чистой, свѣтлой радости? Такой я стою тамъ, Арнольдъ?

Рубекъ (уклончиво). Не совсѣмъ посреди. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отодвинуть статую нѣсколько назадъ. Ради цѣльности впечатлѣнія, понимаешь? Иначе она слишкомъ бы выдавалаеь, подавляя все остальное.

Ирена. Но лицо мое попрежнему сіяетъ радостью, свѣтомъ просвѣтлѣнія?

Рубекъ. Да, да, Ирена. То-есть, до нѣкоторой степени. Не столь ярко. Этого требовалъ мой измѣнившійся замыселъ.

Ирена (неслышно встаетъ). Эта группа изображаетъ жизнь такою, какой ты ее видишь теперь, Арнольдъ.

Рубекъ. Да, вѣроятно, такъ.

Ирена. И въ этой группѣ ты помѣстилъ меня... нѣсколько обезцвѣченную... отодвинулъ меня назадъ... какъ второстепенную фигуру. (Вынимаетъ ножъ).

Рубекъ. Не какъ второстепенную фигуру. Она является по меньшей мѣрѣ одной изъ центральныхъ фигуръ... или вродѣ того.

Ирена (хриплымъ шопотомъ). Ты произнесъ себѣ приговоръ! (Хочетъ ударить его ножомъ).

Рубекъ (оборачиваясь и глядя на нее). Приговоръ?

Ирена (быстро прячетъ ножъ и говоритъ глухо, страдальчески). Вся моя душа... ты и я... — мы, мы, мы и наше дитя были въ этой одинокой фигурѣ.

Рубекъ еще живъ, но онъ старъ, страшно старъ, ему 8-й десятокъ пошелъ: только очень старые люди такъ вспоминаютъ свою прошлую жизнь. А Ирена — мертва, хотя Рубекъ не вѣритъ этому, да и никто понять не можетъ, по какому праву Ибсенъ приводитъ на землю мертвецовъ. Но живые вѣдь никогда не смѣли говорить языкомъ Ирены. Кто дерзнулъ бы упрекать великаго художника за то, что онъ облагодѣтельствовалъ человѣчество? Кто рѣшился бы звать къ отвѣту пророка за то, что онъ принесъ людямъ великую вѣру? Давно мучится Ибсенъ этими сомнѣніями. Давно совѣсть отравляетъ ему и дневныя радости, и ночной покой. Но ни разу такъ открыто и громко не высказывалъ онъ своихъ сокровенныхъ мыслей. Послѣднее слово онъ приберегъ для эпилога. Вѣра, величайшая человѣческая вѣра, не больше, чѣмъ уютный семейный очагъ. Оттого-то въ группѣ, предназначенной изображать возстаніе изъ мертвыхъ, фигура молодой дѣвушки является хоть и не второстепенной, но только лишь одной изъ центральныхъ фигуръ. Радость среди прочихъ радостей, утѣшеніе среди прочихъ утѣшеній. Живые люди это понимаютъ и большаго не требуютъ. Но мертвая Ирена, какъ и полумертвая Элла Рентгеймъ, видятъ въ этомъ страшнѣйшее преступленіе, тотъ тягчайшій,

смертный грѣхъ, о которомъ говорится въ Библіи, Ирена, услышавъ признаніе Рубека, выхватываетъ ножъ... только ножемъ можно отвѣтить на такое признаніе. Но и ножъ уже не нуженъ:

Ирена. Когда мы сидѣли вчера, вечеромъ на берегу Тауницкаго озера...

Рубекъ. Тауницкаго?

Ирена. У хижины... и играли съ лебедями и водяными лиліями...

Рубекъ. Ну... ну?

Ирена. И когда ты такъ холодно, такимъ ледянымъ тономъ сказалъ... что я была для тебя только... эпизодомъ...

Рубекъ. Да это ты сама сказала, Ирена, а не я!

Ирена (продолжая) ...тогда я выхватила ножъ. Я хотѣла всадить его тебѣ въ спину.

Рубекъ (мрачно). Что же ты не всадила?

Ирена. Потому что меня вдругъ озарила страшная догадка, что ты уже мертвъ... давнымъ давно.

Рубекъ. Мертвъ?

Ирена. Мертвъ, Мертвецъ, какъ и я. Мы сидѣли тамъ около озера, два похолодѣвшихъ трупа и играли вмѣстѣ.

Ирена права: и она, и Рубекъ давно мертвы. Мертвые ходятъ по землѣ и разговариваютъ съ живыми о вещахъ для нихъ чуждыхъ, далекихъ и непонятныхъ. И подъ конецъ уходятъ отъ насъ въ иной міръ. Охваченный новымъ порывомъ страсти, одряхлѣвшій скальдъ съ мертвой Музой-Валькиріей идетъ на вершину горы и тамъ гибнетъ подъ обваломъ.

Все оставилъ Ибсенъ землѣ и людямъ: искусство, пророчество, историческій подвигъ, даже вѣру. Съ собой беретъ онъ только свою Ирену-Валькирію.

Такъ кончается длинная, загадочная жизнь сѣвернаго скальда. Таково послѣднее, дошедшее до насъ слово и послѣднее дѣло великаго поэта.

Поэзія и проза Федора Сологуба.

Кому-то дымный ладанъ
Онъ жжетъ, угрюмъ и строгъ,
Но міромъ не разгаданъ
Его суровый богъ

Ѳедоръ Сологубъ.

Сократъ сравнивалъ поэтовъ съ оракулами. Откуда-то они добываютъ истины, но ни сами они не понимаютъ значенія своихъ истинъ, и не умѣютъ ихъ объяснить другимъ. Сократъ остановился на этомъ въ своемъ сравненіи поэтовъ съ оракулами и, можетъ быть, говоря вообще, онъ былъ правъ: можетъ быть, на этомъ кончается сходство поэтовъ съ оракулами. Но иной разъ беретъ соблазнъ—хочется продолжить сравненіе. Правда, поэтъ—поэту рознь, и что можно сказать о Пушкинѣ, того не примѣнишь къ Лермонтову и, тѣмъ менѣе, къ кому-либо изъ современныхъ поэтовъ. И, наоборотъ, особенности и отличительныя черты современнаго поэта такъ своеобразны, что иной разъ кажется, что нельзя и Пушкина и, скажемъ, Федора Сологуба отнести подъ общимъ названіемъ поэта къ одному и тому же разряду людей. Если Пушкинъ поэтъ, то, стало быть, Сологубъ что-то другое, лучшее или худшее все равно,—но иной породы. Я, конечно, не хочу здѣсь

подымать вопроса о правахъ на почетное званіе поэта, умалять достоинства современниковъ и прославлять заслугу стариковъ. Но фактъ остается фактомъ: мы живемъ и творимъ по иному, до такой степени по иному, что если бы случилось Сологубу родиться такимъ, какъ онъ сейчасъ, на 80 – 100 лѣтъ раньше,—никто бы не сталъ слушать его, развѣ потѣхи и забавы ради.

Мы плѣненные звѣри
Голосимъ, какъ умѣемъ..

Пушкинъ бы хохоталъ надъ этими стихами. Поэтъ не жертвы Апполону приноситъ, а голоситъ, какъ дикій звѣрь: какой отвратительный, безсмысленный образъ. Или еще

Просыпайтесь. нарушайте
Тишину.
Сестры, войте, лайте
На луну.

Ясно: Пушкинъ не согласился бы назвать Федора Сологуба собратомъ. Пушкину тоже не были чужды тягостныя и мучительныя настроенія:

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминанія безмолвно предо мной
Свой длинный развиваютъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Какая разница въ характерѣ образовъ, подбираемыхъ Пушкинымъ и Сологубомъ! Пушкинъ жалуется, льетъ слезы, и кажется, что съ жалобами и слезами уходятъ куда-то прошлые грѣхи и паденія, и блѣднѣютъ огненныя буквы укоровъ на развернутомъ

воспоминаніемъ свиткѣ. Сологубъ не жалуется, не плачетъ. Нѣтъ у него дара слезъ. Воспаленные глаза сухи: ни одной капли влаги. Онъ не можетъ уже жаловаться: некому; онъ—безсмысленно воетъ. Это—въ стихахъ. Въ прозѣ—и того хуже. Его „Мелкій бѣсъ“, который по непонятному капризу судьбы—habent sua fata libelli—встрѣтилъ такой неожиданно радушный пріемъ у большой публики,—хуже, чѣмъ животный крикъ. На пространствѣ всего длиннаго романа „Мелкаго бѣса“ учитель Передоновъ продѣлываетъ непрерывный рядъ такихъ отвратительныхъ и тупыхъ гнусностей, что даже у современнаго читателя, привыкшаго къ самому крайнему проявленію безшабашнаго реализма, голова начинаетъ кругомъ идти. Чувствуется, что изъ романа отдѣляются одуряющіе пары, и что именно въ томъ задача автора, чтобы одурманить и себя, и читателя этими парами... И не только въ „Мелкомъ бѣсѣ“. Что бы вы ни взяли изъ прозаическихъ произведеній Сологуба—„Навьи чары“, „Жало смерти“ или что иное,—вездѣ повторяется одно и то же, вездѣ одуряющіе васъ и автора пары. Правда, нѣкоторыя вещи, особенно изъ послѣднихъ, написанныхъ послѣ того, когда Сологубъ внезапно сталъ знаменитостью, носятъ чуть-чуть иной характеръ. Въ „Навьихъ чарахъ“ Сологубъ словно намекаетъ читателю, что у него есть про запасъ кое-что получше, чѣмъ одуряющіе пары.

Но—не знаю, какъ другіе на это реагировали—у меня осталось впечатлѣніе, что всѣ эти намеки только долгъ славѣ и духу времени, нѣчто наносное, самому Сологубу такъ же мало нужное, какъ и тѣмъ

его читателямъ, которые умѣютъ отдѣлять выдумку отъ дѣйствительности. Сологубъ не магъ и не колдунъ, хотя бы онъ сто разъ намекалъ на то, что завтра онъ совершитъ великія чудеса. Да кому нужны теперь маги и чародѣи? Даже отъ пророковъ люди теперь бѣгутъ, ибо не отъ нихъ ждутъ отвѣтовъ на свои запросы. Сологубъ самъ знаетъ это; вѣроятно, потому у него рѣдко встрѣчаются литературные опыты, въ родѣ „Навьихъ чаръ“, а прежде даже и никогда не встрѣчались. „Сгораетъ жизнь, пламенѣя, истончаясь легкимъ дымомъ,—сжигаемъ жизнь, чтобы создать книгу“. Вотъ источникъ творчества Сологуба.

Можетъ быть, „сжигаемъ жизнь“ не совсѣмъ адекватное выраженіе для тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій, которыя полагаютъ начало и даютъ матеріалъ творчеству нашего поэта. Онъ слишкомъ мало напоминаетъ своимъ обликомъ героическаго Муція Сцеволу, положившаго руку на костеръ и твердымъ голосомъ произнесшаго прямо въ лицо плѣнившаго его царя свои гордыя слова. „Проходятъ долгіе, тягостные дни и годы, и все медлишь и торопишься заканчивать твореніе, возникающее lentement, lentement, comme le soleil“,—пишетъ онъ самъ. Медленное, тягучее, безконечно длинное сжиганіе—рѣдко оно бываетъ самосжиганіемъ. Человѣкъ еще способенъ броситься на мечъ или въ огонь, но годами истязать себя добровольной пыткой, едва ли на такое дѣло, по крайней мѣрѣ, въ наше время, въ цивилизованной Европѣ добровольно пойдетъ кто-нибудь. И, пожалуй, наиболѣе любопытно и замѣча-

тельно въ исторіи жизни и творчества Сологуба—это именно то обстоятельство, что его пытка уготовлена не имъ самимъ, а природой, той природой, которая все создала—и радости, и горе, и разумъ, и безуміе, и самого человѣка, и всю вселенную. Пока думаешь, что Сологубъ самъ затѣялъ свои опыты, на свой страхъ и рискъ играя жизнью, все сомнѣваешься, правъ ли онъ въ своихъ начинаніяхъ. Онъ человѣкъ и только человѣкъ: стало быть, легко можетъ ошибиться. Тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти многое, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ. Можетъ быть, одуряющіе пары, исходящіе отъ безобразныхъ дѣлъ Передонова, именно потому такъ отвратительны, что они—отъ руки немощнаго и ограниченнаго человѣка. Но какъ только является мысль, что не Сологубъ выбралъ себѣ жизненный путь, что этотъ путь былъ предназначенъ ему самой Матерью Природой, единственнымъ источникомъ всего, какъ малаго, такъ и великаго, на землѣ, является неудержимая потребность ближе подойти къ этому странному и отталкивающему зрѣлищу. Не Сологубъ сжигаетъ жизнь свою, не отъ своевольнаго безчинства человѣка этотъ легкій, какъ онъ выражается, на самомъ дѣлѣ, тяжелый и невыносимо удушливый дымъ—Сологубъ, можетъ быть, избралъ бы себѣ болѣе пріятный и менѣе тернистый путь. Но за Сологубомъ стоитъ вѣчная, таинственная сила — рокъ, судьба, называйте какъ хотите. И ея велѣнія исполняетъ человѣкъ, и человѣкъ этотъ становится для насъ какъ бы инымъ, чѣмъ всѣ другіе. Онъ—избранникъ: ему приходится дѣлать то, чего другіе стра-

шатся, отъ чего всѣ бѣгутъ. И онъ на высотѣ своей задачи: онъ покоренъ высшей волѣ:

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча

А вѣдь есть, были и будутъ приговоренные къ смерти, есть, были и будутъ палачи. И если ужасна судьба осужденныхъ, то вѣдь не легка участь и палачей, исполнителей смертныхъ приговоровъ. Недаромъ говоритъ Толстой, что если бы тѣ, которые приговариваютъ къ смерти, обязаны были сами приводить въ исполненіе свои приговоры,—давно бы уже смертная казнь была отмѣнена. Но этого нѣтъ. Жертва гибнетъ, палачъ, послушный чужой волѣ, осужденъ на вѣчныя муки самоистязанія, ничѣмъ не оправдываемыя и необъяснимыя. И съ такимъ палачомъ, не воображаемымъ свирѣпымъ чудовищемъ, какія рисуются на лубочныхъ картинкахъ, и не съ такимъ, какіе бываютъ теперь у насъ, гдѣ палачъ большею частью выбирается случайно и оказывается первымъ попавшимся пьянымъ забулдыгой, а съ профессіональнымъ нюрнбергскимъ палачомъ, женатымъ на дочери палача же, съ наслѣдственнымъ бременемъ божьяго проклятія, человѣческой ненависти и вѣчныхъ укоровъ собственной совѣсти, сравниваетъ себя Сологубъ:

Стенанія и слезы—
Палачъ, вездѣ палачъ,—
О, скучный плескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ.

Рядомъ съ „Нюрнбергскимъ палачомъ“ помѣщено

стихотвореніе „Собака сѣдого короля“. Сологубу снится, что онъ былъ когда-то собакой. „Собачья жизнь“,— говорятъ, когда хотятъ говорить о самой ужасной жизни. Но когда удѣлъ собаки—собачья жизнь, это въ порядкѣ вещей. А вотъ Сологубъ разсказываетъ про свою собачью жизнь:

Удѣлъ безмѣрно грустный
Собакамъ бѣднымъ данъ,—
И запахъ самый вкусный
Исчезнетъ, какъ обманъ.
Ну, вотъ живу я паки,
Но тошенъ бѣлый свѣтъ:
Во мнѣ душа собаки,
Чутья же вовсе нѣтъ.

Такъ сгораетъ жизнь Сологуба: Передоновъ, нюрнбергскій палачъ, собака, воющая на луну, собака, потерявшая чутье, — никто изъ нашихъ писателей не создавалъ себѣ такой тяжелой, мрачной, удушливой атмосферы. И вотъ спрашивается: для чего это? Для чего было судьбѣ бросить живого человѣка въ это страшное, наполненное ядовитыми парами подземелье, такъ странно напоминающее знаменитую, прославленную учебниками географіи, собачью пещеру близь Неаполя? Опять вспоминается Сократъ и его сравненіе поэта съ оракуломъ. Вѣдь Пиѳія тоже для того, чтобы пророчествовать, нуждалась въ своемъ треножникѣ и одуряющихъ парахъ. Не здѣсь ли разгадка? Древніе сами ставили себя въ тѣ условія, въ которыя наши современники попадаютъ по волѣ судьбы. Гдѣ взять истину? Или если не истину, то хотя бы мудрость? Хотя бы поэзію! Не станетъ современный человѣкъ садиться на треножникъ и вдыхать одуряющіе пары. А если бы и попробовалъ, то,

вѣроятно, изъ этого ничего бы не вышло. То есть одурѣть—онъ бы одурѣлъ, нужно полагать,—но не сказалъ бы ни одного слова, или сказалъ бы совсѣмъ не то, что нужно, какую-нибудь глупость или пошлость, только по внѣшнему виду напоминающую пророческое предсказаніе. У насъ, къ слову сказать, многіе занимаются этимъ почтеннымъ дѣломъ — повторяютъ ритуалы древнихъ мистерій, воображая, что тѣ пріемы, которые когда-то давали людямъ состояніе вдохновеннаго экстаза, суть пріемы an und für sich, годные для всѣхъ странъ, временъ и народовъ. Для кого Пиѳія служитъ образцомъ, и онъ садится на треножникъ, кто выбираетъ болѣе удобные и менѣе непривычные для современнаго глаза образцы древности и средневѣковья. Вспоминаютъ забытыя слова и обряды таинства—кто во что горазд. И воображаютъ, что, загримировавшись подъ древнихъ пророковъ и гадателей, они дѣлаютъ все, что нужно, чтобы подойти къ вѣчной міровой загадкѣ. Конечно, это заблужденіе. Подобно тому, какъ вы не станете пѣвцомъ отъ того, что будете носить такой же плащъ, какой носилъ Тамберликъ, или причесываться, какъ Каррузо, такъ точно вы не станете пророкомъ, если закажете себѣ самый лучшій треножникъ или самую настоящую власяницу. Но у Сологуба не внѣшнее, а внутреннее сходство съ древними оракулами. Я увѣренъ, что если бы онъ захотѣлъ „объяснить“ себя—это ему не удалось бы. Онъ говоритъ многое, глубокое, важное, значительное. Но Сократъ призналъ бы, что онъ не понимаетъ того, что говоритъ. Да и говоритъ ли онъ? Въ стихахъ безусловно не говоритъ:

поетъ. Я не знаю никого среди современныхъ русскихъ поэтовъ, чьи стихи были бы ближе къ музыкѣ, чѣмъ стихи Сологуба. Даже тогда, когда онъ разсказываетъ самыя ужасныя вещи—про палача, про воющую собаку—стихи его полны таинственной и захватывающей мелодіи. Какъ можно пѣть про собачій вой, какъ можно воспѣвать палача? Не знаю, это тайна Сологуба, даже, можетъ быть, не самого Сологуба, а его странной музы, которой онъ никогда не видѣлъ и о которой онъ не могъ бы ничего разсказать. Онъ живетъ, онъ медленно сгораетъ, и поетъ что-то, когда мучительно-безотрадное, когда отрадно-безотрадное, но всегда загадочно прекрасное. Чистой, безпримѣсной радости нѣтъ въ поэзіи Сологуба. Даже, когда онъ надѣется,—онъ надѣется какъ бы почти противъ воли, словно желаніе спастись надеждой на будущее ему кажется недостойнымъ человѣка:

Въ мглѣ почіетъ день туманный,
Воздвигся міръ вокругъ стѣной,
И нѣтъ пути передо мной
Къ странѣ, вотще обѣтованной.
И только звукъ, неясный звукъ
Порой доносится оттуда,
Но въ долгомъ ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгихъ мукъ?

Нельзя забыть горечи долгихъ мукъ въ ожиданіи отдаленнаго чуда. Да и вопросъ: можно ли ихъ забыть? Можетъ ли человѣкъ простить с е б ѣ, что судьба или природа, ради какихъ бы то ни было, хотя бы и самыхъ возвышенныхъ цѣлей, обрекла его на униженіе Передонова,—бросила живого человѣка въ собачью пещеру? Впереди чудо—чистѣйшая радость:

Такъ надо, такъ надо,—
Мнѣ вѣщій вашъ воронъ твердитъ.
Въ чертогахъ небесныхъ отрада,—
За трудъ и за муки награда,
За боль и за стыдъ.
Меня бы спросили,
Хочу ли отъ васъ я вѣнца!
Но вашей покоренъ я силѣ,
Вы тайно меня побѣдили,
И къ вамъ я иду до конца

Можетъ ли быть гдѣ-нибудь награда за стыдъ? За боль — куда ни шло, но за стыдъ?! Это не богоборчество, это не желаніе противопоставить волю свою волѣ Всемогущаго. Здѣсь есть нѣчто болѣе глубокое, что терзало и грызло еще Достоевскаго. Можно покориться Творцу, исполнить Его законъ и велѣнія,— но чѣмъ смыть обиду и стыдъ? Есть ли въ распоряженіи Творца нужное для того средство? Кончается ли съ самой смертью стыдъ? Есть, — говоритъ Достоевскій,—такія обиды и такой позоръ, которыхъ нельзя забыть и черезъ милліонъ лѣтъ, если бы человѣка съ земли перенесли на какую угодно отдаленную планету. Такъ это? Нельзя смыть ни жизнью, ни смертью? Гдѣ человѣку добыть отвѣтъ на этотъ вопросъ?! Правда, тѣ, которые, подражая древнимъ прорицателямъ, возстановляютъ обряды изжитыхъ таинствъ, спокойно и твердо отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, какъ отвѣчаютъ и на какіе угодно другіе вопросы. Но Сологубъ далекъ отъ этихъ таинствъ и вѣрованій:

Надъ безумiемъ шумной столицы
Въ темномъ небѣ сiяла луна,
И далекихъ свѣтилъ вереницы,
Какъ видѣнья прекраснаго сна.
Но толпа приходила безпечно,
И на звѣзды никто не глядѣлъ,

И союзъ ихъ, вѣщающій вѣчно,
Безотвѣтно и праздно горѣлъ.
И одинъ лишь скиталѣцъ покорный
Подымалъ къ нимъ глаза отъ земли,
Но спасти отъ погибели черной
Ихъ вѣщанья его не могли

Не спасутъ отъ черной гибели вѣщія звѣзды. Что же можетъ спасти? И нужно ли спасенье? Только чортовы качели. Пока держатся веревки, пока не перетрется конопля, летаешь вверхъ и внизъ. Доска скрипитъ и гнется, чортъ хрипло хохочетъ, человѣкъ мотается, томится, стараясь отвести „тошный взглядъ“ отъ чорта, и ждетъ послѣдняго мгновенія:

Влечу я выше ели,
И лбомъ о землю трахъ,
Качай же, чортъ, качели,
Все выше, выше.. ахъ!

Какъ будто въ этомъ конечная цѣль Сологуба. Онъ не ждетъ и не хочетъ ни воздаянья, ни награды въ иномъ мірѣ за все, пережитое имъ здѣсь:

Я воскресенья не хочу,
И мнѣ совсѣмъ не надо рая—
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу
Я погашу мои свѣтила,
Я затворю уста мои,
И въ несказанномъ бытіи
Навѣкъ забуду все, что было.

Въ искренности и глубокой убѣжденности Сологуба не можетъ быть никакого сомнѣнія. Правду онъ говоритъ—не нужно ему ни воскресенія, ни рая. Онъ хочетъ погасить всѣ свои свѣтила и забыть все, что было въ несказанномъ бытіи. Въ „несказанномъ бытіи“! Значитъ ли что-нибудь это слово? Случайно ли уронилъ оракулъ подъ вліяніемъ одуряющихъ

паровъ загадочное слово, или таится за нимъ какой-либо глубокій и таинственный смыслъ? И если теперь Сологубъ говоритъ, что онъ не хочетъ ни воскресенья, ни рая,—можно ли быть увѣреннымъ, что онъ завтра повторитъ то же самое утвержденіе, или, быть можетъ, онъ завтра всей душой устремится именно къ воскресенью и къ раю и не захочетъ ничего изъ прошлаго предать забвенію? Не знаю, предлагалъ ли Сологубъ себѣ такой вопросъ. Люди вообще рѣдко предлагаютъ себѣ такіе вопросы. Такъ ужъ устроена наша душа, что каждый разъ, когда мы видимъ истину, намъ кажется, что эта истина единственная и послѣдняя, какъ Донъ-Жуану казалось, что та женщина, которую онъ въ данный моментъ любитъ, есть единственная, достойная любви его и дѣйствительно имъ любимая. Онъ и забылъ, что и прежде не разъ онъ любилъ женщинъ и клялся имъ въ вѣчной любви: прежде было не то—не настоящая любовь и не настоящая женщина—только теперь онъ впервые полюбилъ. Сологубъ не разъ мѣнялъ свои надежды, мечты и желанія. И даже теперь онъ способенъ помянуть прошлое добрымъ словомъ:

Ты ко мнѣ приходила не разъ
То въ вечерній, то въ утренній часъ.
И всегда утѣшала меня.
Ты мою отгоняла печаль.
И вела меня въ ясную даль,
Тишиной и мечтой осѣня.
И мы шли по широкимъ полямъ,
И цвѣты улыбалися намъ,
И, смѣясь, лепетала волна,
Что вокругъ насъ—потерянный рай,
Что я свѣтлый и радостный май,
И что ты молодая весна.

Но все же преобладаетъ въ Сологубѣ одна мысль, одно убѣжденіе: онъ знаетъ, что тамъ, гдѣ большинство людей находятъ свое, для него нѣтъ ничего. Жизнь, обыкновенная, прославленная поэтами жизнь, о которой Шиллеръ говорилъ das Leben ist doch schön, Сологубу представляется румяной и дебелой бабищей. Она кажется ему грубой, пошлой, лубочной. Онъ хочетъ передѣлать ее на свой ладъ — вытравить изъ нея все яркое, сильное, красочное. У него вкусъ къ тихому, беззвучному, тусклому. Онъ боится того, что всѣ любятъ, любитъ то, чего всѣ бояться. Онъ моментами напоминаетъ Бодлэра, которые предпочиталъ накрашенное и набѣленное лицо живому румянцу и любилъ искусственные цвѣты.

Конечно, Сологубъ не можетъ вполнѣ отдѣлиться отъ другихъ людей. Обычныя житейскія дѣла связываютъ его многими нитями съ ближними. Онъ ѣстъ и пьетъ, бываетъ въ театрахъ, на собраніяхъ и на людяхъ, онъ по внѣшности такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе: для статистики онъ обыкновенный экземпляръ. Но настоящая его жизнь находится далеко отъ всѣхъ забавъ и тревогъ міра.

По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди,
Въ часы раздумья не ходи,—
Весь воздухъ выпьютъ людскія груди,
Проснется страхъ въ твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И такъ безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

На людяхъ Сологубу страшно. Оживляется онъ только въ глубокомъ уединеніи. Что дѣлаетъ онъ, когда остается одинъ на одинъ съ своимъ раздумьемъ?

Если бы нормальный человѣкъ могъ быть невидимымъ свидѣтелемъ внутреннихъ переживаній Сологуба,—онъ бы пришелъ въ ужасъ отъ „дѣлъ“ его. Ему показалось бы, что Сологубъ безпрерывно топчется на одномъ мѣстѣ и не живетъ, а лишь притворяется живущимъ, что онъ постоянно умираетъ въ медленной. тягучей, безконечной безсмысленной агоніи:

Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый
И о тайномъ ворожить.

Или еще:

Моя усталость выше горъ,
Во рву лежитъ моя любовь,
И потускнѣвшій ищетъ взоръ,
Гдѣ слезы катятся и кровь.
Моя усталость выше горъ.
Не для земли ея труды...
О, темный взоръ, о, скучный взоръ,
О, злые, страшные плоды!

Скучная и нелѣпая жизнь, скучный взоръ, злые, страшные плоды,—какъ можно жить въ этой вѣчной сѣрости, которой окуталъ себя поэтъ, или въ которую окутала поэта жизнь? Отчего не вырваться изъ этой тюрьмы, отчего не пойти къ людямъ, у которыхъ и радости, и вино, и веселье, и, главное, дѣла, дѣла, дѣла, такъ утѣшающія и развлекающія, дающія забвеніе дѣла? Но Сологубъ не выноситъ „жизни“, бабищи румяной и дебелой. Онъ могъ бы сказать про себя, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, что чувствуетъ себя такъ, точно съ него содрана кожа. Всякое прикосновеніе извнѣ отзывается въ немъ мучительной болью. Одинъ, одинъ исходъ—подземелье:

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и мечъ,—
Одинъ онъ идетъ въ подземелье,
Лампады не хочетъ зажечь.
И дверь заскрипѣла протяжно,—
Въ нее не входили давно
За дверью и темно, и влажно,
Высоко и узко окно.
Глаза привыкаютъ во мракѣ,—
И вотъ выступаютъ сквозь мглу
Какіе-то странные знаки
На сводахъ, стѣнахъ и полу.
Онъ долго глядитъ на сплетенье
Непонятыхъ знаковъ и ждетъ,
Что взорамъ его просвѣтленье
Всезрящая смерть принесетъ

Какая дивная музыка въ этихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, стихахъ Сологуба! И какъ, съ обычной точки зрѣнія, должны казаться ужасны настроенія поэта! Вотъ оно истинное недѣланіе—восточное, факирское, непонятное, страшное и чуждое. Кажется, что нужно вырвать поэта хотя бы насильно, противъ его воли изъ его душнаго и темнаго подземелья, показать ему красоту свѣтлаго Божьяго міра, и, главное, научить его движенію. Зачѣмъ застылъ онъ въ оцѣпенѣніи, зачѣмъ такъ упорно стоитъ онъ на одномъ мѣстѣ?! Куда угодно — направо, налѣво, вверхъ, внизъ — но только не на одномъ мѣстѣ! Развѣ возможна жизнь безъ движенія? Развѣ движеніе и жизнь не синонимы? И неужели эти сологубовскія переживанія есть начало воспѣтаго имъ „несказаннаго бытія“? Нормальный человѣкъ все вынесетъ, кромѣ неподвижности, и всѣмъ пожертвуетъ, отъ всего отречется,—отъ какой угодно музыки,— лишь бы не быть обреченнымъ на подземное несказанное бытіе Сологуба. А между тѣмъ, если

вся проза Сологуба передоновщина, то вся его поэзія— неподвижное, хотя и страшно напряженное созерцаніе одной точки.

Я живу въ темной пещерѣ,
Я не вижу бѣлыхъ ночей,
Въ моей надеждѣ, въ моей вѣрѣ,
Нѣтъ сіянья, нѣтъ лучей.
Ходъ къ пещерѣ никѣмъ не виденъ,
И не то-ль защита отъ мечей!
Входъ въ пещеру чуть виденъ,
И предо мною горитъ свѣча.
Въ моей пещерѣ тѣсно и сыро,
И нечѣмъ ее согрѣть.
Далекій отъ земного міра,
Я долженъ здѣсь умереть.

Зачѣмъ все это? Отвѣта нѣтъ. Такова моя жизнь,— упорно и неизмѣнно твердитъ Сологубъ. Вы не признаете и бѣжите меня,— я не признаю и бѣгу васъ. И на судъ съ вами къ какому бы ни было вѣчному Судьѣ, который бы рѣшилъ нашъ споръ, не пойду. Мнѣ все равно. что онъ скажетъ: если онъ и признаетъ вашу правоту, я не уступлю. Если онъ станетъ на мою сторону, — я не обрадуюсь. Да вѣдь и вы не уступите, если онъ признаетъ мое превосходство? Можете ли вы, поклонники бабищи румяной и дебелой, полюбить мою жизнь, сѣрую, тусклую, призрачную? Да я и не иду къ вамъ съ проповѣдью, никого не зову за собой. Въ вѣчномъ движеніи временъ и міровъ нѣтъ законовъ, нѣтъ судей: всякъ самъ себѣ судья и законъ. Сологубъ обводитъ себя магическимъ кругомъ, въ которомъ онъ замыкается отъ всего внѣшняго, навязаннаго...

Обыкновенный человѣкъ, читая Сологуба, доходитъ порой до бѣшенства. Одуряющіе пары и затѣмъ за-

гадочная неподвижность: какъ могъ Апполонъ благословить такое творчество? Еще проза—куда ни шло: ее можно объяснить реалистической тенденціей. Но поэзія? Откуда она, почему Сологубъ мучитъ и волнуетъ сердца, какъ своенравный чародѣй? Опять вспомнимъ Сократа. Сологубъ—оракулъ. Его проза не реализмъ, а одуряющіе пары, его поэзія, какъ отвѣты Пиѳіи—вѣчная и мучительная загадка. Въ ней есть дивная музыка, смысла которой ни ему, ни его читателямъ разгадать не дано.

Логика религіознаго творчества.

(Памяти Вилліяма Джемса).

I.

Умеръ Вилліямъ Джемсъ — одинъ изъ загадочнѣйшихъ современниковъ нашихъ. Кто онъ былъ? Ученый? Несомнѣнно. Онъ оставилъ послѣ себя двухтомную книгу „Основанія психологіи“, почитающуюся всѣми крупнѣйшимъ вкладомъ въ науку. Былъ онъ врагомъ науки? Тоже несомнѣнно — ибо кромѣ Толстого, мало кто такъ обидно отзывался о наукѣ. Былъ вѣрующимъ? Повидимому: среди современныхъ ученыхъ едва ли вы найдете еще кого-либо, кто бы съ такимъ страстнымъ напряженіемъ стремился вырваться за предѣлы дозволенныхъ положительной философіей интересовъ. Но присяжные защитники положительной религіи считали его атеистомъ. Когда въ Германіи извѣстный профессоръ теологіи выпустилъ переводъ его „Многообразія религіознаго опыта“, почтенные коллеги переводчика были возмущены до глубины души. И это несмотря на то, что заключи-

тельная, самая вызывающая глава книги (въ ней Джемсъ дѣлаетъ попытку оправданія политеизма) была опущена въ нѣмецкомъ изданіи. Наконецъ, когда года 1½ тому назадъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ молодымъ, но уже довольно извѣстнымъ нѣмецкимъ профессоромъ (психологомъ), о Джемсѣ, и я изложилъ ему высказанныя этимъ послѣднимъ сужденія о политеизмѣ — (т. е. содержаніе той именно главы „Многообразія“, которая была опущена въ нѣмецкомъ переводѣ), онъ недовѣрчиво воскликнулъ: aber das ist doch sicher nicht sein Ernst.

Не знаю, прочелъ ли уже теперь молодой ученый „Многообразіе“, но если прочелъ, то ему, несомнѣнно, пришлось убѣдиться, что Джемсъ совершенно серьезно высказывалъ убѣжденія, которыя научно воспитанному европейскому уму кажутся настолько парадоксальными, что, при всемъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ американскаго психолога, возбуждаютъ сомнѣніе даже въ томъ, подлежатъ ли они серьезному обсужденію.

Противниками Джемса являются въ одинаковой степени какъ представители положительной науки, такъ и представители положительной религіи. Этимъ уже до извѣстной степени опредѣляется его философская позиція. Джемсъ не выносилъ раціонализма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся. Вѣроятно, если бы его спросили, въ чемъ основной грѣхъ всѣхъ философскихъ и теологическихъ построеній, онъ отвѣтилъ бы: въ постоянномъ стремленіи подчинить вселенскую жизнь одной идеѣ. Ѳалесъ первый совершилъ философское грѣхопаденіе своей попыткой найти единый

источникъ бытія. Заблужденіе его, оказавшееся столь роковымъ для философскихъ исканій послѣдующихъ вѣковъ, было не въ томъ, что онъ видѣлъ начало всего въ водѣ. Эта ошибка скоро разъяснилась и была исправлена. Но привилась послѣдующей философіи и сдѣлалась, такъ сказать, второй ея природой предпосылка этого заблужденія: долженъ быть какой-нибудь единый источникъ, единое начало всего сущаго. Эта предпосылка стала для человѣчества истиной an sich и до такой степени овладѣла нашимъ духомъ, что внѣ ея всякое творчество стало казаться невозможнымъ. Не только наука задалась, какъ послѣдней своей задачей, исключительной цѣлью преодолѣть въ идеѣ многообразіе существующаго міра, но всюду, куда являлся человѣкъ, онъ приносилъ собой эту цѣль, эту мысль. Возьмите, для примѣра, область, по общему мнѣнію, ирраціональную par excellence, религію. Она всегда враждовала съ наукой, всегда, повидимому, умѣла отстоять свою независимость и даже въ теченіе вѣковъ законодательствовала надъ всѣми другими областями человѣческаго творчества. Въ средніе вѣка религія умѣла занять исключительное положеніе: ей одинаково повиновались и ученые, и короли. Философія была прислужницей теологіи. Но это только такъ казалось. На самомъ дѣлѣ, религія прежде, чѣмъ повелѣвать и распоряжаться, сама давала клятвенный обѣтъ безусловной вассальной вѣрности. И никому другому, какъ все тому же философскому Адаму — Ѳалесу. Я возьму нарочно самый рѣзкій примѣръ попытки нарождающейся религіи отвязаться отъ раціонально философскихъ предпосы-

локъ, чтобъ сразу показать, что при всей своей смѣлости она никогда не дерзала выйти за указанные ей Ѳалесомъ предѣлы и нарушить данный обѣтъ вассальной вѣрности.

„Crucifixus est dei filius; non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit;certum est, quia impossibile est".

Такъ сказалъ чуть ли не черезъ тысячу лѣтъ послѣ Ѳалеса Тертулліанъ. На первый взглядъ трудно даже нарочно придумать болѣе рѣзкій вызовъ научнымъ предпосылкамъ. Религія какъ бы окончательно и навсегда порываетъ съ наукой, съ человѣческимъ разумомъ. Certum est, quia impossibile est, — несомнѣнно, и б о невозможно: чего, кажется, еще? Повидимому, нужно выбирать между Тертулліаномъ и раціонализмомъ. Если наша несомнѣнная увѣренность въ чемъ-либо вытекаетъ изъ полной невозможности этого, если, стало-быть, большая посылка сужденія не ограничиваетъ, а, наоборотъ, безконечно расширяетъ предикаты заключенія, то, повидимому, логика вывернута наизнанку. Все, что угодно, можно вывести изъ всего, чего угодно. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, нетрудно убѣдиться, что все-таки религія Тертулліана осталась въ вассальномъ подчиненіи у логики. Независимость тутъ только показная, внѣшняя. Своеволіе тутъ разрѣшается только на одинъ разъ и молчаливо предполагаетъ затѣмъ в ѣ ч н у ю покорность.

Тертулліанъ, написавшій приведенныя выше строки оказывается самымъ горячимъ поклонникомъ aucto-

ritas и ratio, двухъ принциповъ, на которыхъ всегда держалась наука, въ своемъ родѣ теологическимъ Спинозой. Всѣ эти смѣлыя quia допускаются только въ началѣ, нуженъ одинъ случай нарушенія стараго логическаго порядка для того, чтобы потомъ съ еще большей прочностью водворить прежнее строгое и неизмѣнное единство. Попрежнему quia будутъ не развязывать, а связывать, попрежнему неизвѣстно откуда добытыми большими посылками, какъ цѣпями, будутъ сковывать всѣ наши заключенія. Impossibile, набравшееся благодаря одной великолѣпной вылазкѣ новыхъ силъ, съ еще большей безпощадностью и ревнивостью станетъ отнынѣ оберегать свои державныя права. У религіи заведутся свои предпосылки, которыя она будетъ защищать и поддерживать не только діалетикой, но въ такой же мѣрѣ, съ еще большимъ практическимъ успѣхомъ, огнемъ и мечемъ.

II.

Джемсъ о Тертулліанѣ не говоритъ—я позволилъ себѣ взять на свой страхъ примѣръ изъ области религіознаго творчества для того, чтобы возможно нагляднѣе и выпуклѣе предъизобразить направленіе джемсовыхъ мыслей. Джемсъ гораздо болѣе занятъ полемикой съ современными гносеологами и изученіемъ религіизныхъ переживаній новѣйшихъ американскихъ и европейскихъ сектантовъ, чѣмъ анализомъ ученій отцовъ церкви. Его привлекаютъ не Тертулліанъ или блаженный Августинъ, даже не уче-

ный богословъ типа Гарнака—онъ полемизируетъ съ Риккертомъ или Бредли, по пути задѣваетъ Ренана или Нитше. Если же я взялъ примѣръ изъ Тертулліана, то лишь потому, что на немъ можно съ особенной отчетливостью вскрыть основныя черты логики религіознаго творчества. Считаю для этой же цѣли необходимымъ привести еще одинъ не менѣе поучительный примѣръ изъ посланій апостола Павла. Онъ еще ближе подведетъ насъ къ поставленной себѣ Джемсомъ задачѣ. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (XV, 19) онъ говоритъ: si in hac solum vita speramus in Christum, miserrimi omnium hominum sumus. Обратите вниманіе на способъ дѣлать заключенія: мы будемъ несчастнѣйшими изъ людей, если станемъ только въ этой жизни надѣяться на Христа. И тамъ же (XV, 32) продолжаетъ: „по разсужденію человѣческому, когда я боролся со звѣрями въ Эфесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ". Вы видите, какая здѣсь откровенная смѣлость въ разсужденіи. Повидимому, объективное разрѣшеніе вопроса о безсмертіи души ни мало не связано съ тѣмъ, принесетъ ли оно намъ горе или радость. Но апостолъ Павелъ разсуждаетъ и размышляетъ посвоему. И свои заключенія высказываетъ съ той же увѣренностью, съ какой современный эмпирикъ дѣлаетъ свои выводы изъ тысячи или десятковъ тысячъ наблюденій. „Ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе?

Ибо когда міръ с в о е ю мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу безумiемъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и іудеи требуютъ чудесъ, и эллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безумiе".

Вы видите, что религіозный человѣкъ умѣетъ противопоставить свое б е з у м і е мудрости міра, какъ равное равному, какъ даже превосходное—ничему не нужному и жалкому. Между прочимъ, тутъ, въ разсужденіяхъ ап. Павла, какъ и въ словахъ Тертулліана, для насъ, т. е. для выясненія „истины" Джемса объ источникахъ достовѣрности человѣческаго познанія, важно выяснить два взаимно исключающихъ момента. Съ одной стороны, вызовъ, бросаемый мудрости безумiемъ, съ другой стороны — союзъ первой съ вторымъ. Вызовъ ясно усматривается въ словахъ Павла. Союзъ требуетъ болѣе обстоятельнаго обсужденія, ибо обыкновенно проходитъ незамѣченнымъ. Мы должны снова поставить тотъ же вопросъ, который мы уже однажды ставили по поводу разсужденій Тертулліана: на какихъ условіяхъ заключенъ союзъ между безумiемъ и мудростью? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Достаточно вспомнить, что Павелъ былъ творцомъ христіанской теологіи, что европейское христіанство, какъ церковь, какъ система объединенныхъ одной идеей истинъ, обязано своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, непреклонной волѣ великаго апостола, умѣвшаго подчинить своей мысли судьбы народовъ. Иначе говоря, ап. Павелъ, хотя еврей по рожденію и воспитанію, платился самъ

и принудилъ другихъ расплачиваться за грѣхопаденіе Ѳалеса. Правда, можетъ быть, даже вѣрнѣе всего, что неукротимое своеволіе Павла подчинилось не эллинской идеѣ, а чисто еврейской же; еще въ Палестинѣ, или даже въ Египтѣ совершенно самостоятельно его предки сорвали яблоко съ запретнаго дерева и, вкусивъ отъ понятнаго единства, были изгнаны Богомъ изъ рая, иначе говоря, лишились великой прерогативы свободнаго выбора. Этого вопроса я здѣсь не стану касаться.

Сейчасъ для насъ не важно установить историческую преемственность въ творчествѣ евреевъ и грековъ. Для насъ Ѳалесъ является только символомъ, воплощающимъ въ себѣ готовность человѣчества отдать все, что угодно, даже великую послѣднюю истину за auctoritas, за прочность и опредѣленность, вытекающія изъ признанія какого угодно ratio, какой угодно фикціи. Вдумайтесь въ разсужденія ап. Павла!

Какая польза, спрашиваетъ онъ, что онъ боролся со звѣрями въ Эфесѣ, если мертвые не воскресаютъ. Съ нимъ спорить нельзя — невозможно и ненужно. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ не сталъ бы бороться со звѣрями, если бы не надѣялся на воскресеніе. Можетъ быть, онъ — если бы узналъ, что со смертью прекращается наше существованіе,—бросилъ бы свою высокую миссію и предался бы тѣлеснымъ наслажденіямъ. Но, вѣдь, далеко не всѣ такъ разсуждаютъ. Вспомните Сократа передъ судьями. Сократъ допускалъ, что душа безсмертна,—но онъ не отрицалъ и противоположной возможности. И все же, въ обоихъ случаяхъ, по его убѣжденію, добро остается

добромъ—ѣда и питье ни въ какомъ случаѣ не могли бы соблазнить и прельстить его. Если бы ап. Павелъ столкнулся съ Сократомъ—то въ этомъ пунктѣ ихъ нельзя было бы примирить. Какъ же быть съ auctoritas и съ ratio? То-есть, съ объективной истиной? Воскресаютъ мертвые или не воскресаютъ? И — что для насъ важнѣе всего—въ одномъ Сократъ бы навѣрное сговорился съ ап. Павломъ: что изъ двухъ утвержденій истинно одно, что мертвые либо воскресаютъ, либо не воскресаютъ. Tertium non datur—Ѳалесъ, значитъ, получилъ бы свою дань полностью и отъ величайшаго изъ язычниковъ и отъ величайшаго изъ христіанъ.

III.

Теперь послушаемъ Джемса по другому пункту: узнаемъ его мнѣніе о современной наукѣ.

„Нѣкоторые изъ нашихъ позитивистовъ все продолжаютъ напѣвать намъ, что, среди гибели боговъ и идоловъ, одно божество продолжаетъ стоять незыблемо, что имя ему научная истина, и что оно предписываетъ намъ лишь одну верховную заповѣдь: не будь теистомъ; ибо быть теистомъ, значитъ удовлетворять свои субъективныя склонности, а удовлетвореніе этихъ послѣднихъ обрекаетъ на интеллектуальную гибель. Эти добросовѣстные джентльмены воображаютъ, что они превзошли самихъ себя, освободивъ свои умственныя процессы отъ вліянія своихъ субъективныхъ склонностей всецѣло и навсегда. Но они заблуждаются: они просто выбрали изъ всѣхъ имѣющихся

у нихъ склонностей тѣ, которыя дали имъ возможность построить изъ находящагося въ ихъ распоряженіи матеріала самый жалкій, низменный и бѣдный идеалъ — голый молекулярный міръ — и въ жертву этимъ склонностямъ принесли остальныя...

Тщательно выметая всѣ суевѣрія, нужно заодно вымести и тотъ предразсудокъ, будто мы обязаны быть научными —тогда люди легче будутъ понимать другъ друга".

Вы видите, что основную тенденцію научнаго мышленія, тысячелѣтіями добивающуюся и, наконецъ, добившуюся открытаго господства въ жизни, Джемсъ выводитъ изъ человѣческихъ склонностей. Результатъ, къ которому пришла наука, вслѣдъ за Ѳалесомъ искавшая единаго принципа бытія, ему кажется жалкимъ и низменнымъ...

Тѣ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ постановкой вопроса объ истинѣ въ той области современной философіи, которую принято называть теоріей познанія и которая послѣ Канта такъ тщательно культивируется во всѣхъ культурныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, будутъ, несомнѣнно, поражены страннымъ совпаденіемъ сужденій Джемса съ сужденіями выдающихся европейскихъ гносеологовъ. Приведенныя выше слова его вызвали среди ученыхъ философовъ такое же возмущеніе, какое вызвали его религіозныя идеи у теологовъ. Выводить понятіе о научной истинѣ человѣческихъ склонностей, — настоящій ученый долженъ по этому поводу сказать то же, что говорилъ мой знакомый психологъ по поводу политеизма Джемса: aber das ist doch sicher nicht

sein Ernst. Хуже того, въ такомъ утвержденіи готовы видѣть даже недобросовѣстное и злонамѣренное, притомъ ни для чего ненужное покушеніе на неприкосновенность человѣческихъ святынь. Отъ такого рода упрековъ самого Джемса спасала только его признанная всѣмъ міромъ репутація крупнаго ученаго. Когда, вслѣдъ за нимъ, молодой приватъ-доцентъ Шиллеръ выступилъ съ проповѣдью аналогичныхъ идей, съ нимъ уже не церемонились—его обвиняли въ невѣжествѣ, чуть ли не въ безграмотности. И, тѣмъ не менѣе, въ этомъ любопытнѣйшая особенность занятой Джемсомъ философской позиціи,—его утвержденія все же совпадаютъ во многомъ съ выводами полемизирующихъ противъ него гносеологовъ. Какъ извѣстно, еще Д. С. Милль, развивая „скептическія“ идеи Юма, утверждалъ, что у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ единообразія законовъ бытія. Попытка Канта преодолѣть аргументацію Юма ни къ чему не привела, т. е., вѣрнѣе, привела — какъ это ни покажется парадоксальнымъ—къ почти сознательному утвержденію въ области гносеологіи тертулліановыхъ метеологическихъ пріемовъ. Трансцендентальная эстетика Канта, какъ и его трансцендентальная логика, цѣликомъ построена на тертулліановомъ принципѣ certum est, quia impossibile est. Да иначе Юму и отвѣтить нельзя было! На какомъ основаніи мы дѣлаемъ обобщенія? Почему мы говоримъ, что желѣзо всегда тонетъ въ водѣ, что камень всегда падаетъ на землю,—несмотря на то, что мы лично могли убѣдиться только въ томъ, что камень много разъ падалъ, и желѣзо много разъ тонуло? Что можно отвѣ-

тить на такой вопросъ? Основаній у насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ. Наоборотъ, всѣ основанія думать, что хотя до сихъ поръ камни падали, но въ одинъ прекрасный день они начнутъ летать. Кантъ съ необычайной смѣлостью вышелъ изъ труднаго положенія certum est, quia impossibile est, — невозможно, чтобы мертвые, бездушные предметы подчинялись всегда одному и тому же правилу, а потому это несомнѣнно. Вотъ внутренній смыслъ его „коперникова подвига". Кантъ нисколько не скрывалъ, что мы не имѣемъ никакого права на всѣ тѣ сужденія, которыя онъ сгруппировалъ въ категорію синтетическихъ сужденій a priori—и именно въ этомъ ихъ безправіи онъ нашелъ источникъ ихъ суверенныхъ правъ. Совсѣмъ, какъ и Тертулліанъ, Кантъ рѣшился однажды разрѣшить державный произволъ человѣческой душѣ, съ тѣмъ, чтобы добыть и навсегда укрѣпить auctoritas, т. е. науку. Милль, какъ извѣстно, сдѣлалъ то же, но не считалъ нужнымъ такъ рѣзко подчеркивать моментъ человѣческаго произволъ. Современные же гносеологи занимаютъ неопредѣленное положеніе: они не умѣютъ или не смѣютъ разсуждать какъ Кантъ или Тертулліанъ—только Александрамъ дозволяется разрубать гордіевы узлы, обыкновенные же люди, даже крупнаго калибра, осуждены распутывать ихъ— поэтому имъ приходится держаться ближе къ эмпиризму.

У насъ, дѣйствительно, нѣтъ права,говорятъ они, дѣлать общіе выводы, но все-таки, продолжаютъ они, такого рода заключенія отнюдь не имѣютъ своимъ источникомъ произволъ. Они находятъ „оправда-

ніе“ въ нашихъ моральныхъ запросахъ. Такъ разсуждаетъ корифей современной логики Зигвартъ: „нужно признаться, что строгое доказательство абсолютной невозможности непланомѣрнаго и безпорядочнаго слѣдованія событій нигдѣ еще не было проведено, но принципъ причинности есть постулатъ стремленія къ совершенному знанію... родственный принципамъ этической области, которыми мы вообще опредѣляемъ и направляемъ нашу свободную и сознательную дѣятельность (Sigwart Logik. Вып. II, 1904. Стр. 21, см. и 430)“. Приблизительно то же, только съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ, утверждаетъ и Риккертъ, другой видный представитель современной гносеологіи. Онъ не находитъ единообразія въ дѣйствительности. Онъ открыто заявляетъ, что если мы непосредственно соприкасаемся съ дѣйствительностью, то въ ней насъ именно поражаетъ полное отсутствіе единообразія. Порядокъ и послѣдовательность существуютъ только въ нашей головѣ, внѣ же насъ абсолютный хаосъ. Мы не имѣемъ и не можемъ имѣть никакихъ сужденій о дѣйствительности; сужденіе, по своей внутренной сущности, совершенно автономно, и только этимъ объясняется его общеобязательность. То, что Джемсъ называетъ голымъ молекулярнымъ міромъ, и Риккертъ долженъ бы былъ назвать такими же словами. По его ученію, чѣмъ совершеннѣе общее понятіе, создаваемое наукой, иными словами, чѣмъ ближе наука къ свой послѣдней цѣли, тѣмъ дальше она уходитъ отъ дѣйствительности. Голый молекулярный міръ—идеалъ науки, уже по Риккерту не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью.

Разница, однако, между Зигвартомъ и Риккертомъ, съ одной стороны, и Джемсомъ, съ другой, тѣмъ не менѣе огромна. Это уже видно изъ употребляемыхъ ими для выраженія своихъ идей словъ: „голый молекулярный міръ“ и „человѣческая склонность“ говоритъ Джемсъ. Зигвартъ и Риккертъ распространяются объ „автономныхъ сужденіяхъ“ и „совершенномъ познаніи“. Оказывается, и въ философіи бываетъ такъ, что c'est le ton qui fait la musique. Дальнѣйшія исканія людей, вышедшихъ какъ будто бы изъ одной мысли, развѣтвляются до того, что становятся рѣзко враждебными другъ другу. Зигвартъ подчиняетъ наше мышленіе этическому началу, Риккертъ говоритъ о трансцендентномъ долженствованіи—научная „обработка дѣйствительности“ снова становится синонимомъ истины, единственно возможной и желанной истины, словомъ, наука, какъ у Канта, возстановляется въ своихъ правахъ. У нѣмецкихъ философовъ [1]) провѣрка научныхъ предпосылокъ, вѣрнѣе, то, что они называютъ провѣркой научныхъ предпосылокъ, привела къ полному оправданію притязаній научной истины. Что получилось у Джемса—мы сейчасъ увидимъ.

IV.

Разъ выяснилось, что источникомъ нашихъ сужденій является не неизмѣнная дѣйствительность, какъ у Аристотеля и вмѣстѣ съ тѣмъ не этическій прин-

[1]) Нужно обратить вниманіе, что и Зигвартъ, и Риккертъ, и Виндельбандъ являются продолжателями дѣла Фихте и находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Лотце.

ципъ, какъ у современныхъ нѣмцевъ, а простая человѣческая склонность, то является естественный вопросъ: почему же изъ многочисленныхъ человѣческихъ склонностей мы выбираемъ одну и ей отдаемъ предпочтеніе предъ другими. И еще другой, особенно важный для оцѣнки жизненнаго дѣла самого Джемса: какъ теперь поступитъ онъ, куда направится мысль его? Хватитъ у него смѣлости и искусства сдѣлать всѣ выводы изъ своего рискованнаго положенія? Или и съ нимъ повторится старая исторія, т. е.и въ немъ, какъ и въ его предшественникахъ, которыхъ онъ такъ рѣзко и сурово осудилъ, склонность къ auctoritas окажется склонностью по преимуществу? Мы уже видѣли, что и ап. Павелъ, и Тертулліанъ, и Кантъ, и ученики Фихте—всѣ проявили готовность о д н а ж д ы разрѣшить своеволію право неограниченнаго выбора.

Но только однажды. Избѣгнетъ ли Джемсъ этого соблазна? Не окажется ли—считаю необходимымъ, несмотря на то, что только что говорилъ объ этомъ, еще разъ повторить и рѣзко подчеркнуть—и въ немъ склонность къ auctoritas настолько доминирующей, что ей подчинятся всѣ остальныя склонности?

Я уже вскользь упоминалъ раньше о Дж. Ст. Миллѣ и о томъ, что, по его мнѣнію, ничто ни въ природѣ нашего ума, ни въ характерѣ нашего опыта не даетъ намъ основанія утверждать, что наблюдаемый нами порядокъ въ слѣдованіи явленій есть нѣчто отъ вѣка существующе и навсегда неизмѣнное. Можетъ быть,—говоритъ онъ,—гдѣ-нибудь на другой планетѣ событія не подчиняются никакимъ законамъ, а слѣдуютъ одно за другимъ, какъ попало. Тѣмъ не менѣе, Милль,

какъ извѣстно, изъ этого положенія не сдѣлалъ никакихъ выводовъ для нашей планеты. Его теорія индукціи по существу остается такой же, какъ и у другихъ логиковъ. Своеволіе здѣсь, на отмели временъ, не даетъ человѣку ничего и потому, какъ идея, мало соблазняетъ даже философовъ. Мыслитель можетъ, даже долженъ признать своеволіе—но онъ же долженъ отвергнуть его, ибо на „нашей планетѣ“ ничего оно дать не можетъ. Отсутствіе законовъ для смертныхъ равнозначаще хаосу, тьмѣ, безумію.

Но вотъ Джемсъ, называющій себя ученикомъ Милля, рѣшается на дерзновенный опытъ: онъ пытается въ безуміи найти творческую силу. Онъ собираетъ матеріалъ о переживаніяхъ ненормольныхъ людей, исходя изъ той мысли, что мы абсолютно не вправѣ утверждать, что требуется опредѣленное состояніе умственныхъ способностей для того, чтобы размышленія наши дали результаты, заслуживающіе быть названными „истиной“. Онъ идетъ еще дальше: по его мнѣнію, наибольшихъ результатовъ добивались какъ разъ тѣ люди, состояніе умственныхъ способностей которыхъ менѣе всего внушаетъ довѣрія врачамъ - психіатрамъ. Ненормальность, по мнѣнію Джемса, является условіемъ постиженія важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ истинъ.

Мнѣ уже пришлось въ другомъ мѣстѣ говорить о томъ, что эта мысль была уже за полстолѣтіе до Джемса высказана въ русской литературѣ Достоевскимъ. Она же и проводилась имъ въ художественныхъ произведеніяхъ со всей настойчивостью, на которую онъ былъ способенъ. Всѣ, либо почти

всѣ его герои ненормальные люди. По крайней мѣрѣ, въ его прозведеніяхъ интересны только сумасшедшіе или полусумасшедшіе. Въ новѣйшее время то же наблюдается и у Ибсена.

Уже ни для кого не тайна, что дѣйствующія лица его послѣднихъ произведеній — ненормальные люди. Какой-то французкій врачъ даже написалъ объ этомъ диссертацію, въ которой очень удачно, по мнѣнію спеціалистовъ, діагносцировалъ психическія заболѣванія у цѣлаго ряда наиболѣе выдающихся персонажей ибсеновской драмы.

Въ своемъ „Многообразіи религіознаго опыта“ Джемсъ слѣдуетъ примѣру Достоевскаго и Ибсена— въ этомъ, быть можетъ, самая замѣчательная и самая рискованная черта въ ученіи американскаго философа. Мы видѣли уже у религіозныхъ мыслителей попытки поставить безуміе на мѣсто мудрости. „Когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу безуміемъ проповѣди спасти вѣрующихъ“. И мы помнимъ, что эти загадочныя слова не могли быть приняты человѣчествомъ. Трудно теперь судить о томъ, насколько самъ возвѣстившій ихъ апостолъ могъ или умѣлъ въ дѣйствительной жизни отказаться отъ мудрости ради безумія. Вѣроятнѣе всего, что, если для него безуміе и являлось на мгновеніе просвѣтомъ въ вѣчность, то все же обыденныя условія существованія, въ концѣ концовъ, властно предъявляли и къ нему свои требованія, отъ которыхъ онъ не могъ систематически уклоняться. Но еще важнѣе и интереснѣе для насъ въ настоящее время установить другой

кардинальный фактъ изъ исторіи распространенія христіанства. Christi mors potentior erat quam vita — къ первымъ вѣкамъ христіанства слова эти примѣнимы. Апостолы и древнѣйшіе послѣдователи Іисуса жили моментами въ величайшемъ безуміи—въ чаяніи близкаго, ближайшаго наступленія конца міра. Уже сѣкира при деревѣ,—говорили они. Смерть для нихъ была дѣйствующимъ, реальнымъ факторомъ жизни. Но такъ продолжалось недолго. По мѣрѣ того, какъ христіанство пріобрѣтало все болѣе и болѣе адептовъ, по мѣрѣ того, какъ приближался моментъ его мірового господства, медленно, но вѣрно подготовлялось и сближеніе новаго ученія со здравымъ смысломъ, вѣры съ разумомъ, съ „мудростью“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется ап. Павломъ. Современные историки христіанства перестали уже въ этомъ сомнѣваться.

Вотъ въ какихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ говоритъ объ этомъ Адольфъ Юлихеръ («Die christliche Religion», die Kultur der Gegenwart, 121): „Съ наступившимъ при Кипріанѣ *) поворотомъ въ пониманіи идеи католической церкви, заканчивается отпаденіе церкви отъ Евангелія; конечно, bona fide—ибо виновники этого отпаденія были озабочены тѣмъ, чтобы создать ореолъ церкви, которой большинство христіанъ были обязаны своимъ лучшимъ достояніемъ. Но сдѣлать изъ принадлежности къ опредѣленной группѣ людей conditio sine qua non прощенія грѣховъ и вѣчной жизни, т. е. отдать судьбу отдѣльнаго индиви-

*) Начало IV вѣка.

дуума въ руки людей же, которые имѣли право большинствомъ голосовъ отлучить его отъ церкви и, когда считали нужнымъ, этимъ правомъ пользовались — больше того, поставить каждаго, желающаго присоединиться къ христіанству, въ зависимость отъ того, попалъ ли онъ случайно въ руки истиннаго или самозваннаго представителя церкви, — все это было совершеннымъ извращеніемъ Павлова принципа спасенія „единой вѣрой“. Не то, чтобы стали пренебрегать вѣрой, — но вѣрующими стали признаваться только тѣ, которые принадлежали къ церкви, или, точнѣе, вѣрѣ приписывался иной смыслъ: вступленія желающаго спастись въ основанное Богомъ на землѣ спеціальное учрежденіе для спасенія. Этимъ процессъ спасенія, который для Христа былъ необыкновенно простымъ событіемъ обращенія человѣческой души къ Богу—превращается въ сложную систему со всякаго рода перегородками между Богомъ и человѣкомъ: церковь приняла на себя роль искупителя. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде у Павла и Іоанна стоялъ Господь, теперь водрузилась католическая церковь— вмѣсто идеальной величины — кучка грѣшныхъ людей. Стадное чувство вновь подавило въ религіозной области возвышенное движеніе индивидуализма“.

Такъ судитъ объективный историкъ, стоящій внѣ философскихъ и метафизическихъ споровъ о важнѣйшемъ моментѣ въ исторіи великаго религіознаго движенія. И отъ него не можетъ укрыться то загадочное обстоятельство, что въ вопросахъ объ истинѣ послѣднее слово все же остается не за „безуміемъ“,

а за мудростью міра. Верховный, послѣдній судья, дающій побѣду идеѣ,—та странная совокупность многихъ людей, которая называется человѣчествомъ или толпой и которая имѣетъ свой особый, даже совсѣмъ не человѣческій обликъ. „Стадо“ преслѣдуетъ свои задачи, человѣкъ свои. И то, что человѣкъ признаетъ истиной — можетъ быть принято стадомъ только въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Живая человѣческая истина заражается и гибнетъ въ атмосферѣ множественности. Ей нужно выбрать одно изъ двухъ: либо господствовать надъ людьми и для того примѣниться къ „общественнымъ“ требованіямъ, то есть, перестать быть собой, либо остаться вѣрной себѣ и, въ качествѣ „безумія“, быть отвергнутой человѣчествомъ. „Безуміе“ не можетъ никогда добиться признанія. Болѣе того, увѣровавшее въ себя безуміе не хочетъ признанія, не выноситъ его. Въ этомъ соблазнъ, въ этомъ и ужасъ всякаго новаго откровенія. Истина настоящаго пророка съ пророкомъ рождается и съ нимъ же умираетъ. То же, что остается послѣ пророка, что становится достояніемъ исторіи, уже не истина, а общеобязательное, обыкновенно очень полезное, общественно цѣнное сужденіе.

V.

Здѣсь мы подошли къ тому гносеологическому ученію, которое проповѣдывалъ Джемсъ подъ именемъ прагматизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы собрали матеріалъ, который дастъ намъ возможность критически провѣрить и оцѣнить это ученіе. Джемсъ, какъ

мы помнимъ, отвергъ идеалъ раціоналистовъ и съ презрѣніемъ говорилъ о поставляемыхъ себѣ положительной философіей задачахъ. Онъ хотѣлъ стать выше противоположности между безуміемъ и мудростью.

Пусть человѣкъ творитъ свободно, всякое творчество всегда само себя оправдываетъ, логическія и гносеологическія ограниченія ни на чемъ не основаны,—съ этого, говорю, началъ Джемсъ. И начало это много обѣщало. Казалось, Джемсъ не уступитъ, не сдастся, ни за что не вернется на старыя позиціи. Но Джемсъ недаромъ называетъ себя ученикомъ Милля. Англо-саксонская, если хотите, европейская закваска сказалась. Рыцарь свободнаго творчества, Джемсъ, въ концѣ концовъ, потребовалъ для своего безумія санкціи, общественнаго признанія, иными словами, онъ, не давая себѣ въ томъ отчета, съ самаго начала исходилъ изъ мысли, что его разсужденія все же сложатся въ стройную теорію познанія, которая найдетъ способъ подчинить себѣ общественное мнѣніе, станетъ общепризнанной, общеобязательной. Онъ сталъ дѣлить „безумія“ на категоріи и разряды и отбиралъ только такого рода безумія, которыя могутъ оказаться общественно полезными. И эти отобранныя, полезныя безумія онъ возвелъ въ высокій санъ истины... Повторилась старая исторія. Еще въ древнія времена скептики вели ожесточенную борьбу противъ догматиковъ. Скептики не хотѣли признать ни одной теоріи, ни одной истины и оспаривали права всѣхъ, выступавшихъ съ какими бы то ни было утвержденіями. Только себѣ они разрѣшали быть

правыми, только себѣ они позволяли строить теорію. И, при всей остротѣ своей критики, они оказывались въ одномъ пунктѣ настолько же наивными, какъ и самые наивные изъ ихъ противниковъ. Все они уступали—но свою истину они хотѣли сдѣлать общеобязательной: стадо они оставляли за собой. Даже новѣйшіе скептики, у которыхъ за плечами двухтысячелѣтній опытъ философскаго изслѣдованія—въ этомъ отношеніи ничему не научились и—увы!—ничего не забыли. Я напомню читателю замѣчательное предисловіе Ренана къ 13-му изданію его „Жизни Христа“. Какъ извѣстно, всѣ считаютъ Ренана крайнимъ скептикомъ, и онъ самъ тоже былъ глубоко убѣжденъ, что усомнился рѣшительно во всемъ, въ чемъ только можно сомнѣваться. Онъ былъ такъ увѣренъ, что его методъ историческаго изслѣдованія абсолютно непогрѣшимъ! Другіе историки преслѣдуютъ субъективныя цѣли, они пишутъ ad probandum, онъ же исключительно ad narrandum. Но немного вниманія, и въ томъ же предисловіи подмѣтите, что Ренану свойствена такая же „идеалистическая“ предвзятость въ воззрѣніяхъ, какъ и всякому другому смертному. Возражая своимъ противникамъ, которые упрекали его за то, что онъ исказилъ Евангеліе и принизилъ личность Христа до уровня обыкновеннаго, хотя и высоко одареннаго смертнаго, и что для достиженія своей цѣли онъ бралъ Евангеліе не цѣликомъ, а вырывалъ изъ повѣствованія лишь тѣ факты, которые ему казались несомнѣнными,—онъ съ увѣренностью говоритъ, что фактами можно называть лишь такія событія, которыя засвидѣтельствованы

достаточнымъ количествомъ заслуживающихъ довѣрія людей. Т. е. развиваетъ теорію экспериментальнаго метода, которой обучаютъ студентовъ съ первыхъ дней ихъ поступленія въ высшую школу. Фактъ есть,— говоритъ онъ,— лишь засвидѣтельствованный фактъ. Но дозволительно спросить: вправѣ ли скептикъ, т. е. человѣкъ сомнѣвающійся во всемъ, давать такое опредѣленіе? А что, если есть факты, которые прямо не допускаютъ исполненія всѣхъ сложныхъ формальныхъ обрядностей, сопряженныхъ съ необходимостью засвидѣтельствованія?! Которые открываются наблюденію отдѣльныхъ людей и сразу пропадаютъ, какъ только почуютъ приближеніе шумнаго стада, желающаго ихъ использованія для „выводовъ“? Повторяю, обыкновенный ученый можетъ и не задаваться такими вопросами. Но скептикъ par excellence, да вдобавокъ еще такой тонкій, умный и проницательный человѣкъ,— какъ могъ онъ съ увѣренностью утверждать, что каждый фактъ подлежитъ провѣркѣ, когда несомнѣнно, что огромное большинство фактовъ и фактовъ важнѣйшихъ—грандіознѣйшихъ внутреннихъ переживаній—по самой своей природѣ безусловно не допускаетъ провѣрки и регистраціи?!

Ренанъ написалъ исторію первыхъ вѣковъ христіанства, онъ же написалъ исторію евреевъ, т. е. всю жизнь свою провелъ среди событій, наиболѣе наводящихъ на мысль, что серьезнѣйшіе и важнѣйшіе моменты человѣческой жизни не поддаются внѣшнему наблюденію, и онъ же выступаетъ съ аполлогіей экспериментальнаго метода, какъ единственно истиннаго! Забылъ онъ свой обѣтъ писать ad nar-

randum, а не ad probandum? Почему? Отвѣтъ уже данъ нами въ самомъ началѣ статьи: истиннымъ признается лишь то, что можетъ быть нужнымъ и полезнымъ „человѣчеству“.—И прагматизмъ Джемса не освободился отъ этого императива. Джемсъ пренебрежительно отзывается о Ренанѣ за его склонность къ раціонализму. Но развѣ принципъ пользы не есть принципъ, развѣ онъ не взываетъ къ auctoritas, къ суду стада? Прагматизмъ, поставившій верховнымъ критеріемъ пользу, вернулся обратно къ раціонализму.

Въ погонѣ за „признаніемъ“, за одобреніемъ большинства поблекли и увяли свободолюбивыя мечтанія американскаго философа. Чтобы добиться власти надъ толпой, онъ отказался отъ „безумія“ истины. Ибо, повторю еще разъ—безуміе не можетъ, не должно и не хочетъ получить общественнаго признанія и одобренія. Источникъ его увѣренности въ себѣ—совсѣмъ иной. Да, вѣроятнѣе всего, и увѣренности не дано безумію. Ни оно само, ни люди не видятъ въ немъ никакой цѣнности, и никакой „цѣнности“ въ обычномъ смыслѣ этого слова оно не имѣетъ. Ему, какъ и всѣмъ добродѣтелямъ, достались въ удѣлъ лишь одни лохмотья—всѣ пышные наряды уже давно и неотъемлемо присвоены себѣ мудростью.

Можно ли упрекнуть Джемса, что онъ въ послѣднемъ счетѣ отвернулся отъ безумія и пошелъ за мудрой пользой? Едва ли. Но, несомнѣнно, что прагматизмъ не избѣгъ общей участи тяжко расплачивающихся за грѣхопаденіе Ѳалеса.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран	*Строка*	*Напечатано*	*Читать*
29	5 сн.	Они	Одни
30	13 св.	всего	всего надо
40	6 св.	недоступны	не недоступны
58	13 св.	назаписаннымъ	незаписаннымъ
112	14 сн.	яляются	являются
174	5 сн.	нпза	низа
179	1 св.	тольто	только
246	6 сн.	или понимастъ	понимаетъ
246	4 сн.	сказку	или сказку

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	11
Философія и Теорія познанія	26
Разрушающій и созидающій міры	83
Побѣды и пораженія	154
Поэзія и проза Федора Сологуба	274
Логика религіознаго творчества	291

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“. СПБ., НИКОЛАЕВСКАЯ, 31.

Левъ Шестовъ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I-ый. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ.

Томъ II-ой. Добро въ ученіи Толстого и Нитше (философія и проповѣдь).

Томъ III-ій. Достоевскій и Нитше (философія трагедіи).

Томъ IV-ый. Апофеозъ безпочвенности (опытъ адогматическаго мышленія).

Томъ V-ый. Начала и концы.

Томъ VI-ой. Великіе кануны.